

Историко-археологический благотворительный фонд
«Наследие тысячелетий»

Крымское республиканское учреждение
«Бахчисарайский историко-культурный заповедник»

Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского
Институт археологии университета Марии Кюри-Склодовской

**КРЫМ
В САРМАТСКУЮ ЭПОХУ
(II в. до н. э. – IV в. н. э.)**

I

Сборник научных статей

Симферополь – Бахчисарай
Издательство «ДОЛЯ»
2013

ББК 63.4(49Кр.-6)273.1
К 852

Научный редактор — доктор исторических наук, профессор **И. Н. Храпунов**

Перевод на английский язык **Никиты Храпунова**

К 852 Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). I. — Сб. научн. статей / Под ред. И. Н. Храпунова. — Симферополь – Бахчисарай: Издательство «Доля», 2013. — 212 с., ил.

ISBN 978-966-366-619-8
ББК 63.4(49Кр.-6)273.1

В сборнике представлены статьи, посвященные различным вопросам истории и археологии Крыма сарматского времени, а также публикации результатов археологических исследований крымских памятников римского времени.

Издание предназначено для археологов, историков, студентов и всех интересующихся прошлым Крымского полуострова.

На первой странице обложки — фибула из Ногайчинского кургана.

ISBN 978-966-366-619-8

© Авторы, 2013
© Храпунов И. Н., сост., 2013
© Фонд «Наследие тысячелетий», 2013
© КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник», 2013

“Heritage of Millennia”
Non-Profitable Foundation for History and Archaeology

Crimean Republic Institution
of the Bakhchisaray Historical and Cultural Preserve

V. I. Vernadsky National Taurida University

Institute of Archaeology of Maria Curie-Skłodowska University

THE CRIMEA
IN THE AGE OF THE SARMATIANS
(200 BC - AD 400)

I

Collected papers

Simferopol – Bakhchisaray
“Dolya” Publishing House
2013

ББК 63.4(49Кр.-6)273.1
К 852

Scholarly editor — doctor of history, professor **Igor' Khrapunov**

English translation — **Nikita Khrapunov**

К 852 The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400. I. — Collected papers / Edited by Igor' Khrapunov. — Simferopol – Bakhchisaray: “Dolya” Publishing House, 2013. — 212 p., ill.

ISBN 978-966-366-619-8
ББК 63.4(49Кр.-6)273.1

This volume presents papers discussing different aspects of archaeology and history of the Crimea in the period of Sarmatian culture in the peninsula, as well as publications of the results of archaeological researches in the Crimean sites from the Roman period.

The book is intended for archaeologists, historians, university students, and all those who are interested in the past of the Crimean peninsula.

Cover photo: brooch from Nogaychi barrow.

ISBN 978-966-366-619-8

© The authors, 2013
© Igor' Khrapunov, the editor, 2013
© “Heritage of Millennia” Foundation, 2013
© Bakhchisaray Historical and Cultural
Preserve, 2013

От научного редактора

Начало сарматской эпохи в Северном Причерноморье, в том числе и в Крыму, можно отнести ко II в. до н. э., когда, судя и по письменным, и по археологическим источникам, Скифия окончательно превращается в Сарматю. В середине III в. н. э. германцы вытеснили сарматов из Причерноморья, но в крымских предгорьях продолжали использоваться их давно уже существовавшие могильники. Они перестали функционировать в самом конце IV или в начале V в. н. э., вероятно, в связи с появлением на полуострове гуннов. На этом сарматская эпоха заканчивается.

В то время, когда сарматы были господствующей политической силой в Северном Причерноморье, часть крымской территории занимали античные государства — Боспорское царство и Херсонес с его обширной хорой. В предгорном Крыму временем до середины III в. н. э., а в северо-западном — до начала II в. н. э. — датируются многочисленные позднескифские поселения и могильники.

Памятники всех этих культур изучаются археологическими экспедициями, ведутся кабинетные исследования. Результаты исследований требуют публикации. Для этого и предназначен настоящий сборник статей.

Е. А. Молев еще раз вернулся к дискуссии о социальном и этническом происхождении Савмака, целях и задачах его восстания. В. И. Мордвинцева предлагает свой взгляд на памятники Северного Причерноморья, которые традиционно считаются сарматскими. В статье Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой, К. Хеллстрем к дискуссии о датировке элит-

ного женского погребения в Ногайчинском кургане добавляется новый аспект: фаланга пальца погребенной и ножка гроба из этого захоронения датированы радиоуглеродным методом. А. Е. Пуздровский публикует интересное детское погребение из знаменитого Усть-Альминского могильника. И. И. Неневоля и А. А. Волошинов знакомят читателей с первыми раскопками могильника римского времени, расположенного у с. Долинное Бахчисарайского района. А. А. Стоянова обратила внимание на очень редкие для могильника Нейзац погребения в плитовых могилах. Благодаря работе О. С. Ивановой, собравшей в своей статье находки амфор позднеримского времени из раскопок Мангупского городища, становится понятно, что поселение на месте крупнейшего в Крыму «пещерного города» возникло уже в III – IV вв. н. э. Оказалось, что стеклянные сосуды из хорошо известных Чернореченского и Инкерманского могильников были опубликованы далеко не полностью. Этот недостаток восполняет статья С. Б. Шабанова. М. Е. Левада, используя новейшие результаты археологических исследований, составил карты распространения мечей с вырезами у пяты клинка. Он пришел к выводу о том, что аланы, а также готы и вандалы плохо владели навыками стрельбы из лука. И. Н. Храпунов выделил особенности, которые отличают могильник Нейзац от других некрополей, принадлежавших той же культуре.

Надеемся, что публикация результатов новых исследований в нашем сборнике не разочарует его читателей.

Е. А. Молев

Савмак — кто же все-таки он?

Мало кому из политических деятелей древнего Северного Причерноморья повезло оставить такой необычный след в истории, как Савмаку. Писатели-современники и последующего времени античной истории не оценили его и его дела, не посчитали его великим или даже просто значимым деятелем своего времени. Не сохранилось ни одного упоминания в их трудах ни его имени, ни описания содеянного им.

В XX же веке он стал одним из героев своего времени, вошел в научные труды, школьные и вузовские учебники, о нем писали и защищали диссертации. И даже одна из наиболее серьезных научных энциклопедий XX века — энциклопедия Паули-Виссова — посвятила ему отдельную статью (Diehl. Saumakos. RE.). В сравнительно недавно переизданной «Иллюстрированной энциклопедии античности» Фридриха Любкера (Любкер 2005, с. 947) он опять отмечен как один из героев своего времени. Словарь этот «исправлен и дополнен» уже нашими современниками и заметка о Савмаке также принадлежит им. Поскольку текст словаря о Савмаке не соответствует прямо ни одной из точек зрения, высказанных до

настоящего времени в науке, приведем его оценку нашего героя полностью:

«**САВМАК** (греч. Σαυμάκος), придворный раб царя Перисада VI Боспорского, в 109/108 гг. до н. э. поднявший мятеж против наместника понтийского царя Митридата Евпатора. В восстании принимали участие малоимущие слои населения и часть знати, недовольные новыми порядками. Теснимый понтийскими войсками, С. попытался привлечь на свою сторону скифов и тавров. Но все его попытки успехом не увенчались: мятеж был жестоко подавлен».

Даже не зная подлинного текста источника об этом событии можно усомниться в целом ряде положений автора данной заметки. Что, например, означает термин «придворный раб»? А если он действительно раб, то в какой мере применим к его действиям термин «мятеж»? И как могло случиться такое, что во главе восставшего свободного населения и даже части знати оказался «раб», пусть даже трижды придворный? Ведь очевидно же, что «древним показалась бы безумной мысль о том, что греки и варвары, свободные и рабы... могут претендовать на равное политическое зна-

чение» (Энгельс 1961, с. 105). И это помимо фактических ошибок: ударение в греческом написании имени должно стоять на первом, а не на втором слоге; общепринятая дата выступления Савмака не 109/108, а 108/107 гг.

Савмак. Изображение на монете

Saumakos. Image taken from his coin

до н. э.; Перисад был не шестой, а пятый, тавры вообще здесь не при чем, да и выступление Савмака было не против наместника, а против самого Митридата Евпатора.

Сравним, для ясности, текст словаря и текст нашего единственного источника о

Савмаке — херсонесского декрета в честь Диофанта, полководца понтийского царя Митридата Евпатора. Вот они эти строки: «Отправившись в боспорские местности, он (Диофант) устроил тамошние дела прекрасно и полезно для царя Митридата Евпатора. (Когда же) Скифы во главе с Савмаком, произвели государственный переворот и убили воспитавшего его боспорского царя Перисада, против него же (самого) составили заговор, он, избежав опасности, сел на отправленный за ним гражданами корабль и, прибыв (в Херсонес — *Е. М.*) и упрощив граждан, а (также) имея ревностное содействие (со стороны) посланного его царя Митридата Евпатора, в начале весны явился с сухопутным и морским войском, а, кроме того, взял и отборных из граждан на трех судах и, отправившись из нашего города, взял Феодосию и Пантикапей, виновников восстания наказал, а Савмака, убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, выслал в царство (Митридата) и (таким образом) восстановил власть царя Митридата Евпатора». Для сомневающихся в подлинности русского текста приведем и греческий, подлинный текст документа:

εἰς τε τοὺς κατὰ Βόσπορον τόπους χωρισ[θεῖ]ς καὶ [καταστα]σάμενος καὶ τὰ ἐν(θ)ινα καλῶς καὶ συμφερόντως βασιλεῖ Μιθραδάται Εὐπ[άτορι], τῶν περὶ Σαύμακον Σκυθῶν νεωτεριζάντων καὶ τὸν μὲν ἐκθρέψαντα αὐτὸν [βα]σιλέα Βοσπόρου Παιρισάδαν ἀνελόντων, αὐτῶι δ' ἐπιβουλευσάντων, διαφ[υγῶν τὸν] κίνδυνον ἐπέβα μὲν ἐπὶ τὸ ἀποσταλὲν ἐπ' αὐτὸν ὑπὸ τῶν πολιτῶν πλοῖον, παρα[γενό]μενος [δὲ] καὶ παρακαλέσας τοὺς πολίτας, συνεργὸν πρόθυμον ἔχων τὸν ἐξ[απο]στέλλοντα [β]ασιλέα Μ[ι]θραδάταν Εὐπάτορα, παρῆν ἔχων ἄκρου τοῦ ἕαρος [στρα]τόπεδον πε[ρὶ] [κ]όλ[ον] τε καὶ ναυτικόν, παραλαβὼν δὲ καὶ τῶν πολιτῶν ἐπιλέκτους ἐμ πληρώμασι τρισί, ὄρμαθεις ἐκ τῆς πόλεως ἀμῶν παρέλαβ[ε] μὲν Θεοδοσίαν καὶ Παντικάπαιον, τοὺς δὲ αἰτίους τῆς ἐπαναστάσεο[ς] τιμωρησάμενος καὶ Σαύμακον τὸν αὐτόχειρα γεγονότα βασιλέος Παιρισάδα λαβὼν ὑποχείριον εἰς τὴν βασιλείαν ἐξαπέστειλε.

Из текста декрета со всей очевидностью следует только то, что государственный переворот произошел после того, как

Диофант, разгромивший скифов Крыма, прибыл на Боспор и убедил боспорского царя Перисада V передать (или заве-

щать) свою власть Митридату Евпатору. Следовательно, мы вправе думать, что именно передача власти Митридату Евпатору стала причиной (или, во всяком случае, последней каплей) того, что скифы произвели государственный переворот на Боспоре. Тот факт, что виновниками переворота в декрете называются «скифы во главе с Савмаком»¹, а не «Савмак, призвавший скифов», позволяет предполагать, что выступление носило характер не столько социального, сколько этнического протеста против передачи власти чужеземному царю. При этом Савмак собственноручно (ἑαυτόχειρα) убил последнего из боспорских царей династии Спартокидов. Спустя некоторое время выступление скифов было подавлено войсками Диофанта, а сам Савмак был взят в плен и отправлен в Понт к Митридату Евпатору. Вот, собственно, и все. Естественно, что у исследователей истории Боспора и Понта встал ряд вопросов о личности героя и характере его действий.

Декрет неоднократно публиковался с момента своей находки² и было выдвинуто несколько версий о происхождении Савмака и его социальной принадлежности. Причем первые издатели связывали Савмака со скифами Боспора или Таврики и определяли его социальный статус как представителя скифской знати. Так, В. Н. Юргевич (1880, с. 39) предполагал, что «совершившие переворот скифы во главе с их предводителем были населением Боспора и совершенный ими государственный переворот был следствием недовольства ими условиями их жизни».

Поль-Франсуа Фукар отмечает только, что Савмак был предводитель скифов, но не царь, и предполагает, что, возможно, это он упоминается у Аппиана под именем

«Собадак» в рассказе о попытке последнего перебежать к Лукуллу (App., Mithr., 79) (Foucart 1881, p. 85–86). Б. Низе предположил, что выступление Савмака — это один из эпизодов войны скифского царя Скилура против греков (Niese 1887, s. 567; Гаврилов 1992, с. 53–73). По мнению Брандиса, переворот Савмака — это выступление сельского, преимущественно, скифского населения Боспора против городских греков (Brandis 1899, s. 774).

Наиболее ранняя и сравнительно полная версия о происхождении Савмака и причинах его претензий на власть над Боспором принадлежит французскому исследователю Теодору Рейнаку. Он предположил, что Савмак был одним из многочисленных сыновей скифского царя Скилура, которого Перисад V, царь Боспора, вынужден был принять на воспитание с целью передачи ему власти в перспективе (Reinach 1890, p. 64). Эта версия, подкрепленная исключительно логическими заключениями автора, была принята и не оспаривалась исследователями истории Боспора вплоть до 30-х гг. XX века.

Новую гипотезу о происхождении Савмака и характере связанных с ним событий на Боспоре предположил С. И. Жебелев. По его мнению, выражение «убили воспитавшего (у С. А. Жебелева «вскормившего») его боспорского царя Перисада» относится к Савмаку, а значит он мог быть и выращенным в доме рабом царя Перисада. Отсюда следует вывод, что выступление можно охарактеризовать как революцию рабов (Жебелев 1953, с. 98).

Эта версия вызвала бурную дискуссию в науке. Часть исследователей поддержала ее и дополнила новыми аргументами. Так, В. В. Струве предположил даже (на основании собственного дополнения текста декре-

¹ Выражение «οἱ περὶ τῆρα» в греческом языке означает «люди при том-то, под начальством того-то», т. е. люди, составляющие окружение или свиту главного действующего лица. См.: Passow 1852, s. v. περὶ; Liddell H. G., Scott R., Jones H. S. 1953, s. v. περὶ. См. также: Грацианская 1979, с. 436–437; 1988, с. 112.

² Найден в 1878 г. Наиболее полный обзор истории исследования см.: Rubinzohn Z. W. 1980. Bd. 29. Наиболее полный комментарий к тексту декрета см.: Boffo L. 1989. P. 211–259; 369–405.

та), что все скифы Европейского Боспора должны рассматриваться как рабы (Струве 1968, с. 206). Наиболее обоснованно дополнил версию С. А. Жебелева В. Ф. Гайдукевич, который в конечном итоге пришел к заключению, что нельзя сводить выступление Савмака только к восстанию рабов. Это было выступление широких слоев населения Боспора, независимо от того был рабом сам Савмак или нет (Гайдукевич 1962, с. 3; 1967, с. 22; 1968, с. 95).

Против версии С. А. Жебелева выступил целый ряд ученых, хотя в советское время это было и небезопасно. Вероятно, именно поэтому эти статьи были единичны и опубликованы только за рубежом (Коцевалов 1937, с. 109; Lurie 1959, с. 67; Pippidi 1959). Основной вывод их, впервые высказанный С. Я. Лурье, что выражение «воспитавшего его» по законам греческого языка не может относиться к Савмаку. Оно относится к Диофанту. Эту версию активно поддержали Э. Л. Казакевич и К. М. Колобова и позднее автор этих строк (Казакевич 1963, с. 57; Колобова 1967, с. 11; Голенко 1963, с. 69; Молев 1974, с. 60–72; 1994, с. 114–131).

Еще один вариант решения проблемы предложил А. И. Немировский. По его мнению, воспитанником боспорского царя Перисада якобы был Митридат Евпатор, который, согласно Юстину, в течение 7 лет скрывался от своих преследователей на Боспоре (Немировский 1978, с. 69–70). Однако, это прямо противоречит и тексту нашего основного источника, и Юстину, и потому версия А. И. Немировского в целом не получила признания, хотя и была поддержана некоторыми авторами (Ломоури 1979,

с. 79–80; Нестеренко 1989, с. 85; Сапрыкин 1996, с. 28).

Таким образом, если строго следовать тексту нашего единственного источника — херсонесского декрета в честь Диофанта, то скифами из окружения Савмака все-таки следует признать скифов, живших на Боспоре. То, что они произвели переворот в государстве, причем, только после того, как был решен вопрос о передаче власти над Боспором понтийскому царю Митридату Евпатору, и убили царя Перисада, позволяет думать, что скифы эти были реальной политической силой на Боспоре. Более того, их предводитель явно имел какие-то права на престол, что следует из того, что он собственноручно убил Перисада V (Молев, 1995, с. 42). Очевидно, подчинение Понту устраивало в то время (да и позднее, если вспомнить выступление Боспора против Митридата в 80-е годы I в. до н. э. и в 63 г. до н. э.) отнюдь не всех боспорян и потому Савмак смог захватить власть в государстве и даже на короткое время стать царем Боспора, о чем свидетельствует выпуск им монет с легендой «ΒΑΣΙ...ΣΑΥΜ...».

Эта моя версия событий на Боспоре получила определенную поддержку среди исследователей истории Боспора (Rubinzohn 1980, p. 68; Сапрыкин 1996, с. 147). А поскольку специальных исследований по этой проблеме, которые бы на научной основе опровергали эту точку зрения, больше не предпринималось, я и сейчас не вижу причин отказываться от нее. И, таким образом, оказывается, что первая оценка Савмака, данная еще В. Н. Юргевичем в 1880 г., оказывается наиболее близкой к истине.

Литература

- Гаврилов А. К. Скифы Савмака — восстание или вторжение // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. — СПб., 1992.
- Гайдукевич В. Ф. Еще о восстании Савмака // ВДИ. 1962. № 1.
- Гайдукевич В. Ф. О скифском восстании на Боспоре в конце II в. до н. э. // Античное общество. — М., 1967.

- Гайдукевич В. Ф. К дискуссии о восстании Савмака // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. — Л., 1968.
- Голенко К. В. Еще о монетах, приписываемых Савмаку // ВДИ. 1963. № 3.
- Грацианская Л. И. «Ὁ περὶ» у Страбона // Проблемы античной истории и культуры. — Ереван, 1979.
- Грацианская Л. И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. — М., 1988.
- Жебелев С. А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре // Северное Причерноморье. — М.-Л., 1953.
- Казакевич Э. Л. К полемике о восстании Савмака // ВДИ. 1963. № 1.
- Колобова К. М. Восстания рабов в античном обществе V – I вв. до н. э. (историографический очерк) // Проблемы всеобщей истории. — Л., 1967.
- Коцевалов А. С. Рецензия на работу С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» // НЗ ИМК УАН. 1937. I.
- Ломоури Н. Ю. К истории Понтийского царства. — Тбилиси, 1979.
- Любкер Ф. Иллюстрированный словарь античности. Исправленное и дополненное издание. — М., 2005.
- Молев Е. А. Установление власти Митридата Евпатора на Боспоре // Античный мир и археология. Вып. 2. — Саратов, 1974.
- Молев Е. А. Боспор в период эллинизма. — Н. Новгород, 1994.
- Молев Е. А. Властитель Понта. — Н. Новгород, 1995.
- Немировский А. И. Митридат Евпатор, Боспор и восстание скифов // Византиноведческие этюды. — Тбилиси, 1978.
- Нестеренко Н. Д. Союзный чекан Боспора и Понта во второй половине II в. до н. э. // Проблемы исследований античных поселений. — М., 1989.
- Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. — М., 1996.
- Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. — Л., 1968.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 1961. Т. 20.
- Юргевич В. Н. Псефисм древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата Евпатора, за покорение Крыма и освобождение от владычества скифов // ЗООИД. Вып. XII. — Одесса, 1880.
- Boffo L. Grecita di frontier: Chersonases Taurica e i signori del Ponto Euxino (SIG3 № 709) // Athenaeum. 1989. Vol 67.
- Brandis G. Bosporus. // RE. III. 1899.
- Diehl. Saumakos // RE. IIA. 1921.
- Foucart Paul-François. Décret de la ville de Chersonésos, en l'honneur de Diophantos, général de Mithridate // Bulletin de correspondance hellénique. 1881. V.
- Handwörterbuch der Griechischen Sprache, begründet von Franz Passow. — Leipzig, 1852. s. v. περὶ.
- Liddell H. G., Scott R., Jones H. S. A Greek-English Lexicon. — Oxford, 1953. s. v. περὶ.
- Lurie S. Jeszcze o dekrecie ku czci Diofantosa // Meander. 1959. № 2.
- Niese B. Die Erwerbung der Küsten des Pontos durch Mithridates // Rheinische Museum. 1887. XLII.

Pippidi D. M. Sur un passage obscure du decret en l'honneur de Diofante, fils l'Asclépiodore // Archeologia. IX. — Warszawa-Wroclaw, 1959.

Reinach T. Mithridate Eupator, roi de Pont. — Paris, 1890.

Rubinzohn Z. W. Saumakos. Ancient History, Modern Politics // Historia. 1980. Bd. 29.

Yevgeniy MOLEV

Saumakos: Who Was He Actually?

Abstract

Saumakos was the leader of the Scythians who committed *coup d'état* in the Bosporan kingdom about 108/107 BC. This is the only thing we know about him from the only source in possession. The Soviet period developed an idea that he was a home slave of the Bosporan king, so his revolt was an uprising of slaves. This interpretation appears but rarely in modern time. However, the analysis of a decree from Chersonesos honouring Diophantos, a military leader from the Pontic king Mithridates Eupator, allows one to understand Saumakos as a representative of Scythian nobility in Bosporos and his revolt as a struggle for power in this state, because he probably had some right for it. This revolt in itself showed the power of the Scythian population in Bosporos and the unwillingness of many residents of the Bosporan cities to become subjects of the Pontic kingdom.

В. И. Мордвинцева

Исторические сарматы и сарматская археологическая культура в Северном Причерноморье

Дефиниция «Северное Причерноморье» для античной эпохи наиболее применима к прибрежной полосе Черного и Азовского морей с основанными здесь греческими колониями, от устья Дуная до Геленджикской бухты (Скржинская 1977, с. 37; Кошеленко, Кругликова 1984, с. 5). Когда же речь идет о «варварской периферии» греческих городов Северного Причерноморья, то географические рамки объекта исследования, как правило, определяются косвенно, либо местоположением выбранных для изучения археологических памятников, либо границами анализируемых политических или этнокультурных образований, как, например, Скифия или Европейская Сарматия (Скржинская 1977, с. 5).

В *историко-культурном* смысле территория Северного Причерноморья является частью Южной Европы (Первобытная периферия... 1978, с. 13). В качестве близких по смыслу географических понятий в русскоязычной академической литературе

наиболее часто фигурируют юг Восточной Европы и Европейская часть СССР. В этой части Европы выделены различные формы рельефа, разнообразные природные зоны и подзоны. Многообразие географических условий определяет возможность формирования на этой территории нескольких различных «устойчивых» хозяйственно-культурных типов населения (Левин, Чебоксаров 1955; Маретина 1987), проявлявшихся также в его ментальности (Frachetti 2008, p. 15; Graber, 2011, p. 581).

В силу своего географического положения Северное Причерноморье всегда было зоной контактов степных народов с преимущественно скотоводческим (кочевым) хозяйственным укладом и населения приморской зоны и речных долин, основой жизни которого были земледелие, рыбные промыслы, ремесло и торговля. Со времени основания в VII – VI вв. до н. э. на северном побережье Черного моря греческих городов-государств население этого региона вошло в

прямое соприкосновение с цивилизациями Средиземноморья, одним из следствий чего было включение Северного Причерноморья в сферу греческой, а затем римской нарративной традиции.

О варварском населении Северного Причерноморья, в частности о сарматах, существуют различные источники информации. Прежде всего, это сведения древних авторов и данные античной эпиграфики. И те, и другие являются источниками, внешними по отношению к культуре населения описываемой территории. Изнутри культуру племен местных варваров отражают археологические источники: погребальные памятники и материалы городищ. Однако археологические источники не содержат информацию о прошлом в том же виде, что и нарративные документы (Клейн 1978, с. 36–38; Захарук 1983, с. 79). Для использования в исторических реконструкциях эту информацию необходимо перевести в синтаксически-субъективную форму, т. е. она должна быть выражена в той или иной знаковой системе (Ковальченко 2003, с. 134). Поэтому, при всей кажущейся объективности археологических источников, получаемая в результате их анализа информация не менее субъективна, чем отраженная в нарративах, поскольку интерпретатор археологического материала (фактически, творец источника) всегда преследует определенную цель, выявляя сведения об объективной действительности. На формирование этой цели оказывают влияние многие факторы, от личности исследователя до исторических условий, в которых осуществляется его деятельность. Ярким тому примером является развитие представлений об археологической культуре сарматов.

Сведения древних авторов о сарматах

Термин «сарматы» предстает довольно расплывчатым в письменных источниках. Античные авторы описывают их как воинственные племена живущих в кибитках кочевников, по образу жизни и по языку близких к скифам. Различные племена сарматов участвовали в политических событиях Северного Причерноморья, развивавшихся вокруг Ольвии, Херсонеса, Боспорского царства, то выступая как союзники греческих государств, то представляя для них ощутимую угрозу. В определенный момент все Северное Причерноморье получило название Европейской Сарматии, окончательно сменив наименование Скифия для этого региона, что, с точки зрения внешнего наблюдателя, должно было означать произошедшие здесь важные перемены, скорее всего, этнического характера. Точно установить момент, когда это произошло, довольно сложно из-за фрагментарности многих текстов и возможности изменения их в результате творчества переписчиков.

В текстах, принадлежащих авторам классической и ранней эллинистической эпохи, сарматские племена обычно упоминаются в районе Танаиса и Меотиды¹ под разными именами: ‘Σαρμάται’, ‘Σαυρομάται’, ‘Συρμάται’, которые одни исследователи рассматривают как синонимы, другие считают принадлежащими разным народам. Если отождествлять сарматов с племенем савроматов, то первое подробное описание их местонахождения и обычаев принадлежит Геродоту (V в. до н. э.), помещавшим их по р. Танаису, к северу от угла Меотиды (Herod. Hist. IV, 110–117). Другие ранние упоминания Сарматии и сарматов носят отрывочный характер и дают мало конкретных сведений (Столба 1993,

¹ К востоку от Танаиса и к северу от Меотиды помещает савроматов Геродот (Herod. IV, 21; IV, 116). По сообщению Псевдо-Гиппократ, современника Геродота, савроматы обитают «вокруг озера Меотиды» (Ps.-Hipp. De aër. 25). Псевдо-Скилак (вторая пол. IV в. до н. э.) упоминает племена «сирматов» и «савроматов», живущих за скифами. При этом сирматы названы последними племенами, чьи земли находятся в Европе, а савроматы — первыми племенами, обитающими в Азии, за Танаисом (Ps.-Scyl. 68, 70). В сообщении Евдокса (около середины IV в. до н. э.), известном через Стефана Византийского, около Танаиса также упоминаются сирматы (Латышев 1947, с. 187). В тех же краях размещена и Сарматия у Гераклида Понтийского (IV в. до н. э.) (Antig. Hist. Mirab. CLII, 97). Это сообщение о «зловонном озере в Сарматии» в передаче Антигона из Кариста (III в. до н. э.) через Каллимаха (конец IV – III в. до н. э.) считается самым ранним упоминанием сарматов. Зловонное озеро сопоставляется обычно с Сивашом, бывшим когда-то заливом Меотиды, — место, традиционно населенное савроматами.

с. 56), что предоставляет широкие возможности для их вольной интерпретации.

Самое раннее достоверное упоминание сарматов в Европе передано Полибием, автором I в. до н. э. Он сообщает о договоре 179 г. до н. э. царя Понта Фарнака с различными государствами Европы и Азии, где в числе европейских правителей назван сармат Гатал (Polyb. Hist., XXV, 2, 12–13). По мнению С. Р. Тохтасьева, это упоминание могло означать лишь политический контроль над европейскими территориями, в то время как само место локализации сарматов могло оставаться прежним — в районе Танаиса и Меотиды (Тохтасьев 2005, с. 295).

Важную информацию о Северном Причерноморье оставил Диодор Сицилийский (I в. до н. э.). Сообщение Диодора о народе савроматов, который «полностью опустошил большую часть Скифии, уничтожая все на своем пути и превратив большую часть страны в пустыню» (Diod. Sic., Hist., II, 43, 6–7), обычно интерпретируется как доказательство завоевания сарматами Скифии, имевшее место где-то на рубеже IV – III или в первые десятилетия III в. до н. э. (Тохтасьев 2005, с. 292).

Более подробные сведения о сарматских племенах Северного Причерноморья содержатся при описании событий конца II – I вв. до н. э., когда этот регион становится ареной активных внешнеполитических действий Рима и его противников, прежде всего Митридата VI Евпатора (Бози 1997; Olbrycht 2001, S. 426).

Земли Северного Причерноморья и народы, там обитающие, описал Страбон (вторая половина I в. до н. э. – первая четверть I в. н. э.). Помимо скифов и сарматов он размещал здесь и другие племена, например, гетов, тирагетов, бастарнов и др. (Strabo, Geogr. II 5, 30; VII 3, 2; VII 3, 13). Земли на восток от Северного Причерноморья, за Меотийским озером, по Страбону населяли савроматы, а также скифы, страна которых простирается вплоть до восточных скифов (Strabo, Geogr. II 5, 7). При этом к северу от кавказских гор географ помещает сираков,

аорсов и верхних аорсов (Strabo, Geogr. XI 2, 1; XI 5, 7–8), а также перечисляет различные другие племена, занимающиеся земледелием и практикующие кочевой образ жизни (Strabo, Geogr. XI 5, 7). Впрочем, Страбон часто дает сведения из произведений авторов разного времени и противоречащие друг другу его сообщения, как правило, не отражают современную ему ситуацию, а представляют собой смесь данных разных эпох (Иванчик 2010, с. 360–371).

В работах античных писателей первых веков н. э. размещение различных сарматских племен в Европе отличается от митридатовой эпохи. Сарматы-языги и роксоланы, судя по многим источникам, продвинулись далеко на запад, в земли за Дунаем, и беспокоили границы Римской империи (Dio Cass., LIV.20.3; LV.30.3; Flor. II.28–29; App. Illyr. 30; Ovid. Ep. IV.7,9–10; Tac. Ann. XII.29–30; Tac. Germ. 43; Tac. Hist. I.79; Plin. Nat. Hist. IV.80). Племя аорсов, помещаемое Страбоном между Меотидой и Каспием, у Плиния оказывается в местностях к северу от Истра, а сираки упоминаются им в районе Ольвии (Plin. Nat. Hist., IV.25.80,83). Новые сведения предстают в поздних текстах часто смешанными со старыми, еще времени Геродотовой Скифии сообщениями, в которых не всегда легко выделить информацию о современных событиях (Бози 2002, с. 10).

Среди новых племен Северного Причерноморья источники I в. н. э. впервые называют аланов (Lucan Phars. VIII.222–223, X.454–455; Sen. Thyes. 629–630). Плиний помещает их вместе с роксоланами за аорсами, к востоку от Дуная (Plin. Nat. Hist. IV.25.80), а Иосиф Флавий — между Меотидой и Танаисом (Flav. Jos. Bell. Jud. VII.4). По мнению Ф. Бози, не исключено, что различные группы этого племени были разбросаны по всему северопричерноморскому региону (Бози 2002, с. 12). Позднее об аланах оставил подробные сведения Аммиан Марцеллин (IV в. н. э.), который поселял их вокруг Меотийского озера (Amm. Hist. XXII.8.31), а «европейских аланов» — по Днестру (Amm. Hist. XXII.8.42). Кроме того, он сообщает, что аланы состоят из множества

отдельных племен, которые приняли их имя (Amm. Hist. XXXI.2.13, 17). Обычаем, происхождению и расселению алан посвящена большая часть его XXXI книги.

Картину, полученную из письменных источников, дополняют и корректируют данные эпиграфики — современники описываемых событий.

Эпиграфические источники о сарматах

В эпиграфических документах эллинистического времени этникон «сарматы» практически не встречается², в то время как другие названия, известные по письменным источникам, упоминаются неоднократно — скифы, меоты, фракийцы и др.

Декрет в честь Протогена (IOSPE I² № 32), датирующийся 20–10 гг. III в. до н. э. (Виноградов 1989, с. 182) и подробно описывающий угрожающее положение Ольвии, не называет сарматов. Некоторые упомянутые в декрете этнонимы (саи, савдараты) отнесены к сарматским племенам (Harmatta 1970, р. 11–12; К. Ф. Смирнов 1984, с. 67; Симоненко, Лобай 1991, с. 76–79; Щукин 1994, с. 97; Полин, Симоненко 1997, с. 92–93; Виноградов 1997, с. 106; Пуздровский 2001, с. 87; Тохтасьев 2005, с. 295). В соответствии с текстом декрета, основная угроза нашествия происходит с запада: Ольвии грозят скиры и галаты.

Во второй половине II в. до н. э. Ольвия находилась под протекторатом скифского царя Скилура, имя которого и имя города стоят на монетах ольвийской чеканки (Фролова 1964, с. 44). Найденная недавно надпись, установленная на герооне Аргота, предполагаемого предшественника Скилура, упоминает победы «повелителя Скифии» над фракийцами и меотами (Виноградов, Зайцев 2003, с. 46, рис. 2; Zaytsev 2004, р. 111–112, fig. 56–57). Если Аргот этой эпитафии и упомянутый в боспорской надписи КБН 75 второй муж

вдовы Перисада III царицы Камасарии — одно и то же лицо, то это, видимо, должно свидетельствовать о существовании союза Скифии и Боспора в третьей четверти II в. до н. э. (Сидоренко 2005, с. 68). Дата сооружения неапольской надписи определяется исследователями по-разному — не позднее 154 г. до н. э. (Сидоренко 2005, с. 69) или не ранее 130 г. до н. э. (Виноградов, Зайцев 2003, с. 51).

Декрет в честь Диофанта (IOSPE I² № 352), описывающий события в Северном Причерноморье конца II в. до н. э., среди варварских племен упоминает скифов, ревсинов и тавров. В посвящении Посидея второй половины II в. до н. э., найденном на Неаполе скифском, упоминаются некие «сатархеи» (Zaytsev 2004, р. 114, fig. 60, 4). Еще в одном херсонесском декрете, одновременном декрету в честь Диофанта, отражено нападение скифов и, возможно, сарматов на греческий город Калос-Лимен (IOSPE I² № 353).

В эпиграфических документах, относящихся к римскому времени, угроза, исходящая от сарматских племен, обрисована более четко.

В римское время савроматы совершали набеги на хору Херсонеса (IOSPE I² № 369). Знатные горожане Ольвии встречали неких царей Сарматии (IOSPE I² № 54). К I в. н. э. относится декрет, найденный в 1984 г. в Крыму, у подножия Мангупа, предположительно ольвийского происхождения (Сидоренко 1996, с. 37), в котором упоминаются посольства к правителям Мезии и «величайшим царям Аорсии» (Виноградов 1994, с. 167; Сидоренко 1996, с. 36).

Энкомий первой четверти II в. н. э., найденный на территории некрополя Пантикапея (Виноградов, Шестаков 2005; Сапрыкин 2005, с. 46–47), дважды упоминает аланов, в том числе их царей, над которыми одер-

² Ю. Г. Виноградов в херсонесском декрете «о несении Диониса» (IOSPE I² № 343) восстанавливает чтение «сарматы» по окончанию «*μαται*» и возможно предвещающей их букве «*ρ*», отпечаток верхней части которой сохранился, по его мнению, на эстампаже (Виноградов 1997, с. 115). Упоминанием сарматов может считаться херсонесский декрет, в котором говорится о нападении скифов и «са...» на город Калос-Лимен (IOSPE I² № 353).

жал победу боспорский царь Рескупорид I (86–92 гг.), и которым римский император, видимо Домициан, «определил наказание», возможно за нарушение договора о ненападении на союзников Рима, каким в то время было Боспорское царство (Сапрыкин 2005, с. 55). Кроме того, в документе в качестве противников боспорского царя Савромата I (93–123 гг.) фигурируют скифы и тавры. Восхваляемый энкомием государственный деятель прославил себя также тем, что поставил себя «законом для всех тех окружающих племен, которые живут у Меотиды и знают истоки...», что, возможно, является отражением его побед над аланами.

Таким образом, в эпиграфических документах Северное Причерноморье предстает регионом, где соседствовали варвары различных этнических групп, в том числе отличающиеся по языку (скифы, фракийцы, германцы, галаты) и способу ведения хозяйства (кочевники и земледельцы). Эпиграфические документы III в. до н. э. свидетельствуют о явственной угрозе нападения с запада на Ольвию и ее округу. Более поздние источники, в основном херсонесские декреты, говорят о постоянном давлении с севера — со стороны скифов и их различных союзников. Собственно Скифия (неапольская надпись) предстает еще в середине II в. до н. э. как сильное политическое объединение, с которым считаются греческие правители, прежде всего боспорские династы. Начиная с I в. н. э. в качестве врагов северопонтийских греков, наряду с их главными противниками — скифами и таврами, начинают упоминаться известные по письменным источникам сарматские племена аорсов и аланов.

Археологические источники о сарматах

К моменту начала использования археологического материала в качестве источника по истории сарматов, т. е. к началу XX в., в России и за ее пределами уже сложилась определенная традиция написания истории скифских и сарматских племен на основе нарративных данных.

Формирование концепции «скифо-сарматского периода российской истории», предваряющего ее славянский этап, началось после политической интеграции Российского государства в Европу при Петре I и оформления его в империю в течение XVIII века. Уже во второй половине столетия вышла в печати «История Российская» В. Н. Татищева — труд, связавший воедино сведения древних писателей, средневековые летописи и более поздние источники. Пересказывая древних и средневековых авторов, В. Н. Татищев рассматривал вопросы о различиях народов, в давние времена «обитавших в странах нынешней Руси», о смене одних народов другими и причинах этих изменений (Татищев 1768, с. 88). Племена скифов, сарматов и славян он ставил в один ряд как «главнейших трех для общественного выразумения» (Татищев 1768, с. 72). В другом обобщающем труде по истории России, «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (1818), степи юга России представляли сценой, на которой одни народы постоянно сменялись другими, пришедшими из глубин Азии. Ректор Московского университета в 70-е годы XIX в., С. М. Соловьев, в самой специфике ландшафта юга России видел причины своеобразия ее исторического развития: «толпы кочевых народов с незапамятных пор проходят в широкие ворота между Уральским хребтом и Каспийским морем и занимают привольные для них страны в низовьях Волги, Дона и Днепра; древняя история видит их здесь постоянно господствующими» (Соловьев 1851, с. 3). Историческим же предназначением оседлого населения Северного Причерноморья было задерживать эти бесчисленные орды, не давая им проникнуть далее на запад, в Европу.

Представление о постоянной смене народов в Северном Причерноморье и исторической роли этого региона как буферной зоны между Востоком и Западом стало ядром исторической модели скифской и, особенно, сарматской культуры, которая сформировалась, а затем развивалась в

России. Возможно, в этой парадигме кристаллизовался исторический опыт долгое время находившегося под татаро-монгольским игом населения Восточной Европы, зафиксированный в письменной, прежде всего летописной, традиции.

Одновременно появились попытки сопоставления разнообразных памятников материальной культуры, открытых на необъятных просторах Российской империи, с известными по письменным источникам народами. Например, в 1838 г. П. И. Кёппен предлагал начать археологическое изучение курганов Новороссийского края для определения этноисторической принадлежности этих памятников. В этом выразилось овладевшее образованными кругами российского общества желание соединить вместе данные классических источников, древностей, устной традиции и языка для реконструкции прошлого (Тункина 2002, с. 233).

В то время основным методом использования археологического материала в исторических реконструкциях было иллюстрирование сведений о древних народах объектами материальной культуры, обнаруженными на территории, где их размещали античные авторы. Сравнительно несложной была ситуация с идентификацией скифских памятников. Поскольку Геродот не только подробно описал обычаи скифских племен, но и оставил довольно точные данные о местах их обитания, это позволило сопоставить обнаруженные на территории южной России археологические памятники определенного времени со скифами.

В то же время, в начале XX в. погребальному обряду скифских царей, описанному Геродотом, были обнаружены аналогии в раскопанных Д. Г. Шульцем и Н. И. Веселовским Келермесских курганах в Прикубанье (Галанина 1997, с. 16, 84) — то есть в регионе, где скифы не упоминались греческим историком. Таким образом, оказалось принципиально возможным уточнять сведения древних авторов, в том числе ареал распространения конкретных племен, на основе исследования археологического материала.

Это сопоставление произвело большое впечатление на современников (Rostovtzeff 1929, p. 23) и оказало влияние на формирование их источниковедческих принципов.

Одновременно росла исследовательская база археологических памятников, благодаря публикациям становившаяся доступной для широкого круга ученых. Крупным сводом, обобщающим и иллюстрирующим открытия российской археологии, стало шеститомное издание И. И. Толстого и Н. П. Кондакова «Русские древности в памятниках искусства», в два тома которого были включены древности скифской и сарматской эпох (Толстой, Кондаков 1889; 1890). До этого археологический материал регулярно издавался в Отчетах Императорской археологической комиссии, Материалах по археологии России, Трудах археологических съездов и других изданиях. В отличие от этих публикаций, работа И. И. Толстого и Н. П. Кондакова являлась первой попыткой синтеза письменных и археологических источников большого хронологического и территориального диапазона. И хотя археологические материалы, если смотреть на это с современных позиций, по-прежнему были использованы авторами скорее как иллюстрации к сведениям письменных источников, впервые была показана их самостоятельная источниковедческая ценность.

На Западе подобная попытка была осуществлена Э. Миннзом, опубликовавшим свод письменных и археологических источников по истории Северного Причерноморья (Minns 1913). Ее целью было донесение до европейской публики открытий российской археологии, а также выражение современных взглядов на историю древних племен Восточной Европы. Но и здесь археологические источники были использованы прежде всего для иллюстрации событий, описанных древними авторами.

Появление многочисленных работ, в которых различные исторические эпохи и периоды иллюстрировались конкретными археологическими находками, уже само по себе давало основания для ассоциации опреде-

ленных артефактов с известными по письменным источникам сарматами. Оставалось сделать лишь шаг, чтобы археологические материалы стали ресурсом дополнительной исторической информации.

Первые работы, в которых были сделаны попытки извлечь исторические сведения непосредственно из археологических источников, были опубликованы в конце XIX – начале XX в. Так, классификацию скифо-сарматских древностей Северного Причерноморья осуществил Д. Я. Самоквасов (1892). Основанием для выделения скифских памятников, которые он датировал V – I в. до н. э., ему послужили импорты греческого происхождения, а сарматских (I – V вв. н. э.) — римского. Он также полагал, что «собственно сарматские памятники» следует искать к востоку от Дона — между Доном, Волгой, Каспийским морем и Северным Кавказом (Самоквасов 1892, с. XXI – XXIV; 1908, с. 149 сл.).

В 1918 г., в последнем выпуске Известий Императорской археологической комиссии, вышла работа А. А. Спицына «Курганы скифов-пахарей» (Спицын 1918). В ней автор проанализировал курганы Киевской, Полтавской губерний и Кубани, и впервые использовал сравнительно-типологический метод применительно к памятникам скифо-сарматской эпохи. Он выделил хронологические группы скифских погребений (ранне-скифская, средне-скифская, поздне-скифская) и сопоставил различные локальные варианты этих групп по признакам погребального инвентаря и погребального обряда, где основную роль играла форма могильной ямы. В конце «поздне-скифского периода», в III – II вв. до Р. Хр., по словам Спицына, появились курганы с тем же обрядом погребения в больших ямах, но «с сарматскими вещами» (Спицын 1918, с. 115). Эта фраза подтверждает тезис о том, что ко времени написания работы в научной среде уже сложилось представление о том, чем «сарматские вещи» отличаются от «скифских». Они отличались,

очевидно, по хронологическому принципу, за определенными предметами материальной культуры и погребальными сооружениями еще не было закреплено определенного «этнического содержания».

При всей важности этих работ, их результаты не были соединены с общей картиной исторических событий античной эпохи в Северном Причерноморье. Это осуществил М. И. Ростовцев, который сформулировал **первую модель** появления и развития сарматской культуры в Северном Причерноморье, используя для доказательства ее положений археологические материалы. Целью своей работы М. И. Ростовцев считал не историю как сведение воедино фрагментов сочинений древних авторов, иллюстрируемое археологическим материалом, но «написание истории, используя археологический материал» (Rostovtzeff 1922, p. VII – VIII).

1. Концепция «дальней миграции» сарматской культуры с Востока

В своих трудах М. И. Ростовцев отошел от характерного для его предшественников и современников приоритета античных древностей, и последовательно проводил идею дуализма иранского и греческого в Северном Причерноморье³. Он был по-настоящему увлечен иранским миром, высоко оценивал иранскую культуру и ставил ее на одну ступень с античной, подчеркивая, что «влияние иранского мира на классическую цивилизацию было огромным» (Rostovtzeff 1922, с. 9). В степях Южной России представителями иранства и культурными антагонистами эллинского мира были племена скифов и затем сарматов.

К началу деятельности М. И. Ростовцева конкретные археологические памятники еще не были сопоставлены с историческими сарматами. Особенно сложно обстояло дело с ранними сарматскими памятниками, относящимися ко времени предполагаемого сарматского завоевания Великой Скифии, со-

³ «I do not regard South Russia as one of the provinces of the Greek world. South Russia has always been, and remained even in the Greek period, an Oriental land» (Rostovtzeff 1922, p. VIII – IX; см. также: Зуев 1991, с. 167).

гласно сообщению Диодора Сицилийского. Данное событие, не имеющее точных хронологических привязок в письменных источниках, обычно датировали рубежом IV – III или III в. до н. э. (Rostovtzeff 1922, p. 121), хотя первым надежным упоминанием сарматов в Европе считался рассказ Полибия об участии европейского правителя Гатала Сарматского в заключении союза малоазийских и причерноморских городов (Minns 1913, p. 118).

Чтобы полнее осветить этот малоизвестный период, появилась необходимость выделить археологические памятники сарматов, которые послужили бы моделью для сравнения с памятниками территорий, на которые сарматские племена продвинулись со своей исторической родины. В соответствии с сообщением Диодора, искать следовало комплексы, расположенные к востоку от Дона и датирующиеся в рамках III в. до н. э., т. е. временем предполагаемого появления сарматских племен в Европе. Чтобы определиться с образцом памятника сарматской культуры, нужны были конкретные признаки отбора: не просто хронологические признаки, но признаки, которые бы отвечали представлениям о характере материальной культуры сарматов. Важно поэтому заметить, что М. И. Ростовцев приступил к поиску сарматского археологического материала с уже сложившейся исторической концепцией.

Завоевание сарматами Скифии М. И. Ростовцев расценивал не просто как движение на запад соседнего скифам, родственного им племени савроматов, но появление в степи Северного Причерноморья совершенно нового иранского племени, продвинувшегося сюда из глубин Азии, от границ Греко-Бактрийского царства. На такой вывод навели М. И. Ростовцева наблюдения над художественными изделиями из южнороссийских погребений (прежде всего, Александропольский курган), которые он да-

тировал III в. до н. э., и в которых видел новое иранское влияние, пришедшее на смену греческому стилю большинства золотых и серебряных изделий скифских курганов.

С первыми сарматами М. И. Ростовцев связывал упомянутых псевдо-Скилаком и Евдоксом Книдским неких сирматов, появившихся на Дону около 338 г. до н. э. Сходство имени «сирматы» с известным античным авторам этнонимом «савроматы» привело, по мнению исследователя, к трансформации названия сирматы в сарматы, и к «постоянному смешению двух различных народов в нашей исторической традиции» (Rostovtzeff 1922, p. 114). Ассоциируя термин «сарматы» с дальними иранскими племенами М. И. Ростовцев отрицал родство этнонимов «сарматы» и «савроматы», которые большинство его предшественников и современников считали различием одного и того же имени. Отмечая описанные Геродотом пережитки матриархата в культуре савроматов, М. И. Ростовцев характеризовал их как «местное меотское племя»⁴. У сарматов же он подчеркивал их патриархальность. Проводя разделение савроматов и сарматов, он выдвинул тезис о том, что поздними авторами эти этнонимы уже смешивались, в то время как ранние авторы использовали их осознанно.

Под собирательным именем сарматов, по его мнению, выступали различные племена иранского происхождения, которые постоянно проникали с востока на территорию степей Южной России. М. И. Ростовцев выделил две основные миграционные волны — раннюю (саки) и позднюю (юечжи). Тесная связь сарматов с парфянским Ираном отразилась, по его мнению, в особенностях прикладного искусства, принесенного сарматами в Южную Россию (полихромия, звериный стиль), религии (огнепоклонничество), в патриархальном укладе жизни и военной организации общества (Rostovtzeff 1922, p. 121–124).

⁴ «Надо помнить, что савроматов, которые были меотами, не надо путать с сарматами, которые не появлялись на Дону примерно до IV в., и которые были иранским народом, патриархальным, а не матриархальным» (Rostovtzeff 1922, p. 33).

Ярким признаком материальной культуры сарматов, по мнению М. И. Ростовцева, отличающим их от скифов, был особый тип вооружения. Оно состояло из длинного тяжелого копья, длинного меча и кинжала, защитного доспеха (панцирь, кольчуга, шлем — чаще конический). Этот образ сармата-катафрактария, описанный в трудах писателя IV в. н. э. Аммиана Марцеллина, Ростовцев экстраполировал на более ранние периоды.

В соответствии со сложившимся у него образом сарматов, М. И. Ростовцев искал к востоку от Дона материальные памятники, датированные концом IV — III вв. до н. э., которые могли бы этому образу соответствовать. Такими памятниками стали Прохоровские курганы (Оренбургская группа, по Ростовцеву), случайное открытие которых совпало с посещением Ростовцевым его родителей в Оренбурге в 1915 г. (Зуев 1997, с. 71). Раскопанные здесь курганы (Ростовцев 1918) дали впоследствии название ранней материальной культуре сарматов — прохоровская культура. Находка в кургане 1 воинского доспеха, оружия, полихромных изделий, предметов звериного стиля и ахеменидских фиал, т. е. прямых иранских импортов, дала М. И. Ростовцеву основание определить эти памятники как оставленные сарматами — новыми иранцами, пришедшими с востока — на их пути на запад. По его мнению, уже в конце IV в. до н. э. все степи к востоку от Дона были в их руках (Rostovtzeff 1929, p. 21).

Родственными Оренбургской группе Ростовцев считал курганы у Елизаветовской станицы на Дону (Rostovtzeff 1922, p. 125). Еще одну родственную группу он поместил в Прикубанье (Ставропольский клад, Буерова могила, могилы Бесленевской и Курджипской станицы) (Rostovtzeff 1922, p. 125, 128–129).

Таким образом, на основе примерно десятка комплексов сформировалось представление о направлении связей, демонстрирующее движение сарматских племен с востока на запад: Оренбургская группа (восток, собственно сарматы) — Донская группа (вероятные сирматы/сарматы) — Прикубанье.

Описанные изменения в культуре варваров Северного Причерноморья произошли в промежуток времени (конец IV — III вв. до н. э.), о котором не было почти никаких письменных свидетельств, да и археологических источников было известно немного. Но уже во II в. до н. э., по мнению Ростовцева, сарматы появились в южной России компактными массами, одно племя за другим, и освоили степи южной России сначала от Урала до Днепра, и затем до Дуная. Их продвижение «маркировано почти полным исчезновением скифских могил, и постепенным распространением новых форм погребений, похожих на них, но ни в коем случае не идентичных скифским» (Rostovtzeff 1929, p. 43). Великая Скифия пала, скифы были оттеснены в Крым и в Добруджу (Rostovtzeff 1922, p. 98).

Одновременно с этим движением племен с востока М. И. Ростовцев упоминает и о движении фракийских, кельтских и, возможно, германских племен с запада на восток⁵. Однако это движение не было им вписано в общую историческую модель смены культур в Северном Причерноморье. Гибель Скифии произошла исключительно в результате нашествия восточных племен.

С этими восточными народами Ростовцев связывал распространение в материальной культуре Северного Причерноморья круглых блях конской упряжи — фаларов⁶, которые, по его мнению, совершенно не были характерны для скифской узды. В них М. И. Ростовцев видел проявление новой иранской культуры⁷. В числе новых черт в прикладном

⁵ «Скифская империя пала под ударами сарматов и фракийцев. Не позднее начала III в. до н. э. галлы, сопровождаемые, возможно, германскими племенами, продвинулись в направлении Дуная и угрожали округе Ольвии» (Rostovtzeff 1922, p. 70; см. также: Еременко, Зуев 1989, с. 110–112).

⁶ Первая сводка фаларов эллинистического времени была опубликована А. А. Спицыным (1909).

⁷ «Стиль этих блях — не скифский. ... Ближайшие параллели этому новому стилю... могут быть найдены в ахеменидских находках Окса и Суз и в современном ирано-индийском искусстве Чандрагупты и Ашоки» (Rostovtzeff 1929), p. 41–42).

искусстве он называет также полихромия — сочетание серебра с частичной позолотой на уже упомянутых фаларах конской упряжи и украшение ювелирных изделий (прежде всего брошей) вставками драгоценных камней и разноцветного стекла. Носителями этой новой культуры М. И. Ростовцев назвал саков (Rostovtzeff 1929, p. 45).

Следующая волна переселенцев с востока принесла с собой новые изменения в материальной культуре кочевников Южной России. Это относится, прежде всего, к феномену сарматского звериного стиля, которому также придается этническая окраска — предметы сарматского звериного стиля связаны с определенной этнической группой и маркируют ее продвижение в различных направлениях.

Наиболее ранними предметами сарматского звериного стиля М. И. Ростовцев считал Майкопский и Болгарский пояса, которые датировал «III или, скорее, II в. до н. э.» (Rostovtzeff 1929, p. 95)⁸. По отношению к этим находкам, оказавшимся впоследствии подделкой, предметы Сибирской коллекции и вещи из сарматских погребений он считал вторичными. Новочеркасский клад, золотую пластину из Кубанской области, гривны и браслеты в зверином стиле сарматского времени М. И. Ростовцев отнес к периоду с I в. до н. э. по I в. н. э. (Rostovtzeff 1929, p. 46–57). При этом, по его мнению, звериный стиль «мигрировал» и в Южную Россию, и в Сибирь, и в Китай почти в одно и то же время из одного общего центра, откуда-то из Центральной Азии (Rostovtzeff 1929, p. 67–68, 93–94).

Новую волну пришельцев с Востока М. И. Ростовцев считал юечжами — племенем, прибывшим из глубин Азии. При этом в историческом разделе своей работы он упомянул, что в тот период, когда отмечается распространение в сарматских комплексах

предметов звериного стиля, на исторической сцене появляется племя аланов (Rostovtzeff 1922, p. 116). Этот народ был неоднократно описан римскими историками, детальнее всего Аррианом и Аммианом Марцеллином. До III в. н. э. они были доминирующей силой в Южной России и Западной Азии, и вместе с готами приняли участие в Великом переселении народов.

В построении своей концепции М. И. Ростовцев применил метод определения этнического содержания археологических комплексов по «этноопределяющим» признакам материальной культуры — некоторым категориям вещей (фалары, поясные крюки, броши) или декоративным особенностям отдельных объектов (полихромия, звериный стиль). Выбор именно этих категорий и свойств был обусловлен его представлениями о характере отражения исторического процесса в предметах материальной культуры. Для доказательства восточного происхождения «этноопределяющих» категорий и качественных характеристик предметов М. И. Ростовцев широко применял метод аналогий — поиск подобия между разнородными объектами по одному или нескольким признакам. При этом исследователь оперировал лишь отдельными находками, не делая анализа всей совокупности материала. Признаки, часто несистемные и характерные всего для нескольких предметов, как в случае с украшениями Новочеркасского клада, исследователь переносил на целые группы материала.

Выстроив систему археологических доказательств своей исторической концепции, М. И. Ростовцев заложил основы определенной интерпретационной модели археологических памятников, связываемых с сарматами. В соответствии с этой моделью, 1) самыми ранними памятниками материальной культуры сарматов были обнаруженные в Приуралье

⁸ Отнесение Майкопского и Болгарского поясов к началу эволюции сарматского звериного стиля находится в противоречии с выводом о зарождении этого стиля в Центральной Азии и с концепцией о том, что искусству сарматов первой волны (саков) звериный стиль был чужд. Нигде в последующих работах М. И. Ростовцева это противоречие разрешено не было. Но оно было фактически снято А. А. Иессеном, доказавшим, что оба пояса являются высокого класса подделкой (Иессен 1961).

Прохоровские курганы; 2) различные племена сарматов появлялись в Северном Причерноморье волнами, каждая из которых приносила с собой какие-то новые объекты материальной культуры; 3) все инновации, принесенные этими племенами в материальную культуру Северного Причерноморья имели восточное происхождение.

В 1918 г. М. И. Ростовцев эмигрировал на Запад, оставив все свои материалы, в том числе рукопись книги «Скифия и Боспор», в революционном Петрограде. Все последующие работы ученого, кроме вышедшей стараниями друзей книги «Скифия и Боспор» (1925), публиковались за рубежом, при этом историческая модель ученого, меняясь в деталях, в основном оставалась неизменной.

Таким образом, к 20-м годам XX века, преимущественно на основе изучения нарративных источников, весьма скудных для эллинистического периода, была сформулирована концепция, в качестве основы которой была принята историческая парадигма, сформированная в условиях сложения Российской империи. Поскольку политическая история сарматов слабо освещена в письменных источниках, основное внимание было уделено этногенетическим и этноисторическим построениям. Археологические источники, которые сначала использовались для иллюстрации быта древних народов, постепенно стали привлекать как доказательства положений исторической модели. При этом внимание археологов было, в основном, сосредоточено на элитных комплексах. Массовый материал практически не использовался в исторических реконструкциях. Для выводов о времени и характере массовых миграций населения, выделения различных этнических групп на основе исключительно археологического материала выборка археологических источников оставалась недостаточно репрезентативной. Поэтому, несмотря на желание сделать памятники материальной культуры самостоятельным источником информации, они продолжали исполнять роль иллюстраций исторических положений.

2. «Автохтонная» модель или концепция «близкой миграции» сарматов с Востока

2.1. Стадиальная модель интерпретации

Новая модель интерпретации археологического материала, синхронного сарматскому периоду в истории Северного Причерноморья, была в своих основных чертах выработана в 20-е – 40-е годы XX в. В это время в новом советском государстве, помимо перемен в политической и экономической сфере, коренным реформам подверглись учреждения культуры и образования. Важную роль в разработке методики гуманитарных исследований, в целом опирающихся на марксизм, сыграло официально поддержанное новое учение о языке и связанная с ним теория стадильности Н. Я. Марра, также сильно повлиявшая на интерпретационные модели в изучении материальной культуры (Minns 1942; Bulkin, Klejn, Lebedev 1982; Frachetti 2011, p. 197–198).

Теория стадильности отрицала роль миграций в этнических изменениях, и основной упор делала на постепенные изменения внутри конкретного общества, проходящего в своем развитии различные стадии. Автохтонизм стал единственной официально поддерживаемой интерпретационной моделью, в то время как любые миграционные концепции рассматривались как «антинаучная расовая теория» (Задачи... 1936, с. 3; Наши задачи... 1937, с. 5). В частности, подверглись осуждению миграционистские взгляды «буржуазного ученого» М. И. Ростовцева. Его тезис о движении сарматов с Востока в Среднее Приднепровье отрицался как «искусственно созданная миграционная схема» (Рабинович 1936, с. 81).

Важную роль в формировании новой концепции сарматской культуры сыграл также историко-географический фактор. Систематические археологические исследования были невозможны там, где сначала шла Гражданская война, а потом ликвидировались ее последствия. На территории современной Украины, на Нижнем Дону, в

Прикубанье и на Северном Кавказе, т. е. там, где античные авторы размещали сарматские племена, до середины 40-х годов XX в. полевые исследования проводились лишь в небольших масштабах (Славин 1946, с. 82). Эти работы часто были спасательными, и не ставили перед собой широкомасштабных научных целей.

В Поволжье и Приуралье, наоборот, краеведческое движение приняло широкий размах уже в первые годы советской власти. Планомерные археологические исследования в регионе в 20-е годы XX в. проводили сотрудники Государственного исторического музея (г. Москва), Саратовского университета, Центрального музея немцев Поволжья (г. Покровск). Одной из основных задач саратовских экспедиций было установление «присутствия и характера древних культур нижнего течения Волги» (Рыков 1929). С этой целью проводились раскопки целых курганных групп и отдельных памятников в Заволжье, Калмыкии, междуречье Волги и Дона, результаты которых регулярно издавались (Рыков 1925; 1928; 1929; 1935; 1936).

В отличие от остальных регионов СССР, накопление и обработка археологических комплексов Поволжья–Приуралья происходили быстрыми темпами, и эти материалы были положены в основу новой концепции скифо-сарматской культуры, которая окончательно оформилась к концу 40-х годов XX в. Памятники региона, в соответствии с теорией стадиальности, рассматривались в их совокупности и эволюционном развитии, от бронзового века до эпохи переселения народов. Благодаря этому удалось сделать важные наблюдения о некоторых чертах материальной культуры, которые «переходили» из одной эпохи в другую, что интерпретировалось как доказательство автохтонного развития местной культуры.

Погребения скифского периода Поволжья и Приуралья в 20-е – 30-е годы исследовал сотрудник ГИМ Б. Н. Граков. В работе, посвященной публикации кургана А12 у с. Блюменфельд, он проанализировал все известные к тому времени погребения скиф-

ского времени в районе от Волго-Донского междуречья до Урала (Граков 1928, р. 47–60). Исследователь датировал их временем от VI до IV вв. до н. э. и сделал вывод о том, что в степях Урала, Оренбурга, Самары, Камышина, Саратова и Астрахани «мы сталкиваемся с комплексами той же эпохи, и той же культуры, что и погребения скифов Северного Причерноморья и Кубани» (Граков 1928, р. 50, 53). При этом Б. Н. Граков отметил «чистоту» местной кочевой культуры в сравнении с курганами Поднепровья, и высказал предположение, что ее носители являлись остатками скифов, не продвинувшихся далее на запад (блюменфельдская культура) (Граков 1928, р. 61; 1929, р. 169). В IV в. до н. э. облик этой археологической культуры изменился, на смену ему пришли курганы прохоровской культуры с новыми погребальными обычаями и типами инвентаря (Граков 1929, р. 170). Б. Н. Граков сначала, вслед за М. И. Ростовцевым, связал эти изменения с миграцией сарматов на запад (Граков 1928, р. 61).

Поволжско-уральские памятники сарматского времени были обобщены в трудах П. С. Рыкова и П. Рау. П. С. Рыков сопоставил погребения Суловского могильника с аорсами и аланами античных авторов (Рыков 1925, с. 25). Наиболее близкими этим комплексам, по мнению П. С. Рыкова, были погребения, открытые Н. И. Веселовским на Кубани («Золотое кладбище»). В отличие от Веселовского, который считал кубанские погребения римскими, П. С. Рыков назвал и те, и другие комплексы сарматскими. Он аргументировал это тем, что «для времени, близкого к началу нашей эры или более позднего, т. е. в III или быть может в IV в. в этом районе древние писатели знают только сарматов» (Рыков 1925, с. 24). В другой своей работе П. С. Рыков также высказал предположение о том, что в Нижнем и Среднем Поволжье вплоть до III в. до н. э. проживали скифские племена, на смену которым пришли сарматы (Рыков 1936, с. 106).

Более подробную характеристику сарматской культуре Нижнего Поволжья дал

П. Д. Рау. Основной своей задачей он считал построение хронологической шкалы погребений местной культуры Поволжья и Приуралья (Rau 1926, S. 64). На имеющемся у него материале П. Д. Рау выделил две основные хронологические и культурные группы — безымянные, этнически нейтральные «Ostwestgräber» и сарматские «Meridionalgräber», и развернуто охарактеризовал эти группы, указывая на их отличия в погребальном обряде и инвентаре (ориентировка и формы могильных ям) (Rau 1929, S. 54–55). В то же время он отмечал, что «между обеими группами памятников существует некое внутреннее родство, которое в первую очередь обнаруживается в пережитках погребального обряда». Отличие группы «Ostwestgräber» от скифских памятников Южной России П. Д. Рау показал на примере наборов наконечников стрел, мечей, керамики, но особенно акцентировал внимание на каменных блюдах, которые только в рассматриваемом им регионе имеют ножки, в большинстве случаев зооморфные (Rau 1929, S. 55–56). Исследователь выделил Самаро-Уральскую зону Нижневолжско-Уральского региона как отдельную провинцию, которая составляет особую часть евразийского скифо-сибирского культурного круга (Rau 1929, S. 59).

В вопросе об исторических носителях культуры «Ostwestgräber» П. Д. Рау занял позицию, отличную от М. И. Ростовцева и Б. Н. Гракова. Традицию огненного ритуала, которую М. И. Ростовцев приписывал исключительно сарматам, подчеркивая их особую связь с иранским миром, П. Д. Рау считал присущей всему степному миру не менее чем погребениям в Оренбургской области. В ответе на вопрос — кем могли бы быть носители культуры «Ostwestgräber» Поволжья–Приуралья, он исходил, прежде всего, из ее географического положения. Западный ареал он связал с восточными соседями скифов — савроматами, в то время как вопрос об этнической принадлежности населения Самаро-Уральского района он оставил открытым (Rau 1929, S. 60).

К 40-м годам XX в. представление М. И. Ростовцева о сарматах как всаднической аристократии, управлявшей местным, несарматским населением северокаспийских территорий, уступило точке зрения о сарматах как исконных обитателях этих земель. В соответствии с этим сформировалась точка зрения о регионе Поволжья–Приуралья как о территории, с которой сарматская культура распространилась в разных направлениях — западном и восточном.

В итоге, в предвоенные годы в Поволжье и Приуралье был накоплен и с помощью специально-научных методов обработан массовый археологический материал. Это позволило выделить специфические черты погребальных сооружений и инвентаря памятников сарматского времени данной территории, и представить их в диахронном развитии. В то же время, идея об их принадлежности историческим сарматам была воспринята от предшествующей академической традиции, поскольку античные источники никогда не помещали сарматов на территории Поволжья–Приуралья (понятие Азиатская Сарматия у Птолемея, скорее, географическое, чем этническое). Отсутствие аналогичных исследований на территории Северного Причерноморья обусловило ситуацию, когда схема, выработанная на материале периферии этого региона, стала влиять на формирование хронологических и этноисторических схем в других районах. В эти годы было сформировано также представление о том, что археологические памятники, объединенные в некую культуру, в полной мере отражают конкретный, связанный с ней этнос, а отдельные ее признаки, обнаруженные на других территориях, должны отражать физическое перемещение населения — носителя этой культуры.

В 1937 г. Саратовская археологическая школа была полностью уничтожена. П. Д. Рау закончил жизнь самоубийством еще в 1930 г., когда на него началась травля в прессе, которая стала называть его труды «прямым вредительством» (Ерина, Максимов, Семенова

1996, с. 124). П. С. Рыков был арестован в 1937 г. по обвинению в причастности к свержению советской власти и реставрации капитализма, приговорен к 10 годам заключения в лагере, где и умер в 1942 г.

2.2. «Этническая» модель интерпретации

Уже в конце 30-х годов в программных статьях по археологии был поставлен вопрос о необходимости изучения этнического содержания археологических культур. Чтобы «разгромить» взгляды буржуазных ученых, советским археологам предписывалось заниматься вплотную вопросами «этногонии» (Наши задачи... 1937, с. 5). В послевоенные годы, с середины 40-х годов этот курс был продолжен. Проблематика археологических исследований сконцентрировалась на этнической интерпретации археологического материала, в частности, на проблеме происхождения славян и их генетической связи с более древним населением Восточной Европы. Разработка вопросов скифо-сарматской культуры — «источника изучения предславянского периода истории» (Граков 1950, с. 4), стала одной из ведущих в советской археологии.

В это время окончательно оформилась концепция «близкой миграции» сарматов в Северное Причерноморье из Поволжья–Приуралья, впервые в концентрированном виде отраженная в статье Б. Н. Гракова 1947 г. В новой формулировке этой концепции, в отличие от исследований 20-х и 30-х годов, подчеркивался этнический характер хронологической модели развития сарматской культуры. До выхода этой статьи периодизация сарматской культуры в Поволжье–Приуралье все еще имела вид хронологической схемы⁹.

Само название статьи — «Пережитки матриархата у сарматов» — должно было снять выдвинутый М. И. Ростовцевым тезис о «патриархальности» этого племени, как одно из

кардинальных отличий савроматов и сарматов. Обобщив труды П. С. Рыкова, П. Д. Рау и свои собственные, Б. Н. Граков сделал вывод о том, что в Поволжье и Приуралье с VI в. до н. э. по IV в. н. э. была распространена единая археологическая культура, развитие которой прошло четыре ступени. Западный ареал этой культуры в скифское время соответствовал историческим савроматам Геродота (савроматская или Блюменфельдская культура). Следующая ступень — савромато-сарматская или прохоровская культура IV – II вв. до н. э. — сформировалась на основе савроматской, и распространилась затем на запад — «за два века до н. э. она стала развиваться по степям Украины и повлияла на развитие культур Северного Кавказа» (Граков 1947, с. 103). За прохоровской следовали сарматская или сусловская культура конца II в. до н. э. – II в. н. э. и аланская или шиповская культура II – IV вв. н. э. Тем самым, по его мнению, оставалось в силе «положение М. И. Ростовцева о непрерывном, то постепенном, то большими ордами, передвижении сарматов из прикаспийских степей на запад» (Граков 1947, с. 103). Однако исходной точкой этого «передвижения» стал теперь регион Поволжья–Приуралья.

Некоторые положения своей концепции Б. Н. Граков развил в статье 1950 г. В изучении сарматских племен и их культуры на первый план им была выдвинута проблема происхождения и развития сарматской культуры в северокаспийских степях и на Северном Кавказе, а также «проблема роксоланов, занимающих важное место в этногенезе восточных славян» (Граков 1950, с. 5).

Реакция на новую формулировку скифо-сарматской концепции последовала моментально. Определенное влияние на ее дальнейшее развитие оказало также осуждение школы и методики Н. Я. Марра (Dolukhanov 1993, p. 150). Осуждение «марризма» за

⁹ Так, И. В. Сеницын разделял публикуемые им комплексы на: 1) погребения эллинистического времени (III – I вв. до н. э.), 2) погребения римского времени (I – II вв. н. э.) и 3) погребения позднеимперского времени (III и начало IV вв. н. э.) (Сеницын 1946, с. 74).

его «автохтонизм» шло рука об руку с критикой миграционизма «буржуазных ученых» (Погребова 1954, с. 15). Выход виделся в признании незначительных по своему размаху, постепенных передвижений племен. При этом предполагалось, что археологические источники в достаточной степени репрезентативны, чтобы проиллюстрировать это поступательное продвижение.

Основополагающими в разработке сарматской проблематики в эти годы стали труды К. Ф. Смирнова, взгляды которого на сарматскую культуру сформировались под влиянием Б. Н. Гракова. К. Ф. Смирнов проводил много самостоятельных археологических раскопок в Поволжье, Приуралье и на Северном Кавказе (К. Ф. Смирнов 1950а; 1951; 1958; 1959; 1960; 1975; 1977), благодаря чему он составил себе представление о материальной культуре этих регионов.

Основные положения концепции К. Ф. Смирнова состояли в следующем. Савроматская культура, представленная двумя региональными вариантами — поволжским и приуральским, сформировалась на основе смешения этнических компонентов различных культур эпохи бронзы — срубной, андроновской и катакомбной (К. Ф. Смирнов 1954, с. 197; 1957, с. 4–14; 1964, с. 174–197).

В IV в. до н. э. на основе самаро-уральского варианта савроматской культуры (протоаорсы), в результате перегруппировки племенных массивов, сформировались новые союзы племен. Это привело к появлению в Приуралье раннесарматской (прохоровской) культуры (верхние аорсы Страбона), которая распространилась и в Поволжье (аорсы), а в IV – III в. до н. э. стала общесарматской (К. Ф. Смирнов 1957, с. 18; 1964, с. 287–288).

Из Поволжья во II в. до н. э. племена раннесарматской культуры устремились в различных направлениях — на запад, в степи между Доном и Днепром (роксоланы), на Кубань (сираки), и на восток, где они приняли участие в разгроме Греко-Бактрийского царства (К. Ф. Смирнов 1950б, с. 100; 1954, с. 201; 1964, с. 288, 290). Проникнув на Таманский полуостров и в Крым, сармат-

ские племена заселили античные города Северного Причерноморья (К. Ф. Смирнов 1954, с. 195; 1964, с. 3).

К I в. н. э. внутри «аорсской конфедерации» племен «вызревает» племя аланов. Интенсивное расселение в это время сарматских племен привело к установлению «во всем Северном Причерноморье и в северокаспийских степях весьма однообразной сарматской культуры с различными ее локальными вариантами в результате воздействия на нее древних местных культур, подвергшихся определенной сарматизации» (К. Ф. Смирнов 1950б, с. 106, 110; 1954, с. 203). На следующей, позднесарматской стадии (II – IV вв. н. э.) население североприкаспийских степей образует единый этнический массив аланорских племен (К. Ф. Смирнов 1950б, с. 111).

Для исторического подкрепления данной концепции использовались письменные источники в достаточно вольной их интерпретации. Еще Б. Н. Граков сформулировал идею о появлении в определенных социально-экономических условиях крупных объединений племен, называемых также военно-демократическими конфедерациями (Граков 1950, с. 3; К. Ф. Смирнов 1950б, с. 103). В пользу обоснованности применения термина «союз племен» по отношению к савроматам К. Ф. Смирнов приводил такие основания, как «указание Геродота об обширности их территории, простиравшейся на 15 дней пути», и «свидетельства более поздних авторов об отдельных племенных названиях в среде савроматской группы (язаматы, сирматы)» (К. Ф. Смирнов 1957, с. 16), само причисление которых к савроматам не бесспорно. Но это позволяло объяснять, почему названия племен, размещаемых античными авторами на определенном месте, используются применительно к археологической культуре, локализованной на другой, часто очень обширной территории и имеющей свои локальные варианты. Наличие разнообразных форм погребальных сооружений внутри одной культуры объяснялось разнообразием этни-

ческого состава союза племен, объединенного под началом какого-то одного племени — роксоланов, аорсов, сираков, аланов и пр. (К. Ф. Смирнов 1950б, с. 100, 108; 1953, с. 143; 1954, с. 200). Помимо неизвестных античной письменной традиции союзов племен, в работах по сарматской археологии появляются новые этнонимы, как например протоаорсы (К. Ф. Смирнов 1964, с. 287), для обозначения культур, в которых виделись зачатки появившихся в дальнейшем этносов. Широкое распространение получила также практика соотнесения конкретных археологических памятников с определенным этносом по одному или нескольким, часто произвольно выбранным, признакам материальной культуры.

Археологическое обоснование исторической концепции для различных периодов было проделано К. Ф. Смирновым с разной степенью подробности. Наиболее разработанным является вопрос происхождения савроматской культуры. Для доказательства «генетической связи» савроматской культуры с местными племенами эпохи бронзы К. Ф. Смирнов использовал сравнительный анализ погребальных сооружений и вещевого комплекса памятников срубной, катакомбной и андроновской культур с одной стороны, и савроматской культуры с другой, выделив погребения переходного типа и признаки, которые, «зародившись» в эпоху бронзы, встречаются также и в савроматской культуре (К. Ф. Смирнов 1957, с. 9–10). К этому анализу были привлечены также данные антропологии (К. Ф. Смирнов 1964, с. 182 сл.).

Черты погребального обряда и инвентаря К. Ф. Смирнов назвал «этнографическим комплексом» (К. Ф. Смирнов 1964, с. 191, 196). Для савроматской культуры «этноопределяющими» были, в частности, простые могильные ямы с плоским деревянным перекрытием, обряд труположения на древнем горизонте, наличие оружия в женских

погребениях, расчлененные туши баранов в качестве жертвенной пищи, некоторые типы керамики, длинные мечи, наконечники стрел с острыми, опущенными вниз шипами, бронзовые литые колесики-амулеты и др. (К. Ф. Смирнов 1964, с. 260–262, 268). Основания для выделения именно этих признаков в качестве «этноопределяющих» нигде не указаны.

Раннее появление в Южном Приуралье некоторых черт погребального инвентаря и материальной культуры, прежде всего погребений с южной ориентировкой и круглодонной керамики (К. Ф. Смирнов 1964, с. 91, 127), дало К. Ф. Смирнову основание утверждать о формировании именно здесь савромато-сарматской или прохоровской культуры, которая во второй половине IV в. до н. э. распространилась и в Поволжье.

«Этноопределяющими» признаками сарматской культуры он считал особые типы могильных ям (подбойно-катакомбные могилы, диагональный обряд погребения и др.) (К. Ф. Смирнов 1950б, с. 106, 108; 1954, с. 201; 1964, с. 197, 286; 1984, с. 17), некоторые типы керамики, мечей, зеркал и украшений и др. (К. Ф. Смирнов 1950б, с. 103). Эти черты характеризовали массовую культуру изучаемых памятников. Таким образом, они принципиально отличались от признаков сарматской культуры М. И. Ростовцева, который основное внимание уделял предметам социального престижа и признакам определенной художественной традиции. Объединяет оба подхода то, что обнаружение отдельных признаков исходной культуры на других территориях — на Дону, Прикубанье и Северо-Восточном Кавказе — должно было свидетельствовать о продвижении сюда племен сарматов из Волго-Уральского региона¹⁰.

Таким образом, наличие «этнических компонентов» археологической культуры Поволжья–Приуралья на других территориях означало физическое присутствие там ее «носителей». Между определенным ти-

¹⁰ С К. Ф. Смирновым был не согласен В. П. Шилов, считавший прохоровскую культуру Поволжья самостоятельно развившейся на базе местной савроматской культуры (Шилов 1975). Аргументация В. П. Шилова основана, в целом, на тех же принципах, что и аргументация К. Ф. Смирнова.

пом погребального сооружения (чаще всего, формой могильной ямы) и этносом ставился знак равенства. При этом причины выделения конкретных признаков как этноопределяющих не обосновывались, а территория их распространения и наибольшая концентрация не учитывались при анализе. Превратность такого подхода обсуждалась в академической прессе уже в период написания рассматриваемых работ¹¹.

Сложнее обстояло дело с доказательствами продвижения прохоровских племен в III – II вв. до н. э. в Северное Причерноморье. В этом случае оказалось затруднительным в полной мере применить принцип отождествления археологического комплекса с этносом.

Согласно концепции К. Ф. Смирнова, в Северном Причерноморье — регионе, который собственно и являлся основным местом обитания сарматов в соответствии с античной письменной традицией, — должны были появиться погребения, соответствующие комплексам, исследованным в Поволжье и в Приуралье. Это передвижение сарматских племен связывалось с роксоланами (К. Ф. Смирнов 1948; Вязьмитина 1954, с. 242). Однако, во-первых, к западу от Дона по-прежнему было известно мало погребений времени предполагаемого прихода сюда поволжско-приуральского населения. Во-вторых, даже это небольшое число демонстрировало существенные отличия с культурой Поволжья–Приуралья. К. Ф. Смирнов расценивал эту ситуацию как «самое слабое место в советском сарматоведении» (К. Ф. Смирнов 1954, с. 209), полагая, что причина, вероятно, кроется в недостаточной степени изучения Северного Причерноморья, не позволяющей «проследить это первое продвижение савроматов» (К. Ф. Смирнов 1957, с. 18; 1984, с. 56, 69, 114). Впрочем, отсутствие археологических доказательств этого продвижения никак не повлияло на общую интерпретационную модель.

Так, в специальной работе, посвященной ранним сарматским памятникам Украины, основное число собранных для анализа погребений, имеющих общие черты с поволжскими комплексами, относилось уже к среднесарматскому периоду, т. е. ко времени после I в. до н. э. (Абрамова 1961, с. 99 сл.). К периоду же завоевания сарматами Скифии, т. е. к III в. до н. э., М. П. Абрамова отнесла группу кладов, которые она, вслед за К. Ф. Смирновым, интерпретировала как богатые погребения (К. Ф. Смирнов 1954, с. 213; Абрамова 1961, с. 93). Эти богатые погребения/клады, наряду с единичными находками бедных захоронений, она расценила как подтверждение «свидетельства древних авторов о начавшемся в это время массовом передвижении сарматских племен» (Абрамова 1961, с. 94–95), несмотря на весьма слабое их сходство с поволжскими комплексами.

Идея о том, что клады являются неопровержимым свидетельством перемещения сарматов из Нижнего Поволжья в Поднепровье, была затем более подробно изложена в вышедшей посмертно книге К. Ф. Смирнова «Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии» (1984). Этим комплексам он отводил роль одного из индикаторов сарматского поступательного продвижения с востока на запад. Чтобы нагляднее проиллюстрировать это движение он датировал наиболее восточные комплексы более ранним временем (III в. до н. э.), а западные — более поздним (II – I вв. до н. э.) (К. Ф. Смирнов 1984, с. 80, 110, 113), хотя для этого не было достаточных оснований.

Изучая материалы кладов, исследователь столкнулся с некоторыми категориями вещей, совершенно нехарактерными для прохоровской культуры — кельтскими шлемами, фибулами среднелатенской схемы, а также с выделенными М. И. Ростовцевым в качестве важного признака «первой сарматской волны» фаларами, которые до сих

¹¹ «Как показывают некоторые работы последних лет, в ряде случаев определение культуры основывается на общем впечатлении. Это особенно опасно в отношении культур эпохи раннего железа и средневековья, когда процесс этнической и культурной ассимиляции идет весьма активно» (А. П. Смирнов 1964, с. 7).

пор не играли значительной роли в работах К. Ф. Смирнова. Они оказались настолько чужды «исторической родине» сарматов, что вполне резонно не были включены в свод памятников раннесарматской культуры (Мошкова 1963). Отмечая, что данные предметы не находят себе аналогов на «прародине сарматов», К. Ф. Смирнов не стал объяснять присутствие этих совершенно «непрохоровских» вещей почти в каждом из разбираемых им кладов, ограничившись перечислением мнений об их вероятном месте производства — «в причерноморских производственных центрах, или даже далеких среднеазиатских» (К. Ф. Смирнов 1984, с. 73–74, 112).

Окончательный вывод книги совпадает с позицией исследователя, высказанной в других его работах. Мощные союзы племен, сформировавшиеся в Южном Приуралье и Поволжье, в IV – III вв. до н. э. «настолько усилились и окрепли, что оказались способными на крупные завоевания и переселения на Северный Кавказ и в политически ослабленную Скифию» (К. Ф. Смирнов 1984, с. 115). Радикальное отличие облика археологической культуры Северного Причерноморья от «эталонного» региона К. Ф. Смирнов объяснял тем, что «возможно, сарматы-«прохоровцы» несколько изменили культуру, перекочевав в другие районы, как это мы обычно наблюдаем в среде кочевников, все более терявших связи с прежней родиной» (К. Ф. Смирнов 1984, с. 77).

Противоречивость концепции «близкой миграции» выразилась и в попытке проследить непрерывную эволюцию другого «этноопределяющего», по М. И. Ростовцеву, признака культуры сарматов — звериного стиля — от изделий савроматской культуры Поволжья–Приуралья к предметам, обнаруженным в комплексах Нижнего Дона и Прикубанья первых веков н. э. (Маловицкая 1967; 1971; К. Ф. Смирнов 1976). Эту преемственность К. Ф. Смирнов видел в компози-

циях из ряда животных, изредка встречающихся в южноуральской группе памятников, а затем часто изображавшихся на вещах сарматского времени¹². Но и он признавал, что в «прохоровской культуре зооморфизм на вещах представлен значительно слабее, наступает как бы его временный упадок» (К. Ф. Смирнов 1976, с. 80).

Основные положения «автохтонной» концепции Б. Н. Гракова — К. Ф. Смирнова с незначительными изменениями были изложены впоследствии в соответствующем томе Археологии СССР (Степи европейской части... 1989), в учебном пособии по археологии, вышедшем в 1989 г. (Авдусин 1989, с. 165–167), а также в работах, посвященных публикации результатов совместного советско-итальянского проекта по статистической обработке погребальных памятников савромато-сарматского времени (Савроматская эпоха... 1994; Раннесарматская культура... 1997; Среднесарматская культура... 2002).

Тем временем, новые обстоятельства, в том числе археологические открытия на Востоке, привели к возрождению на новом уровне интерпретационной модели М. И. Ростовцева.

3. Снова «дальняя миграция»

Политическая «оттепель» 60-х годов XX в. позволила вновь обратиться к трудам тех ученых, работы которых были осуждены за «буржуазность». В академических кругах, особенно ленинградской школы, росло внимание к наследию М. И. Ростовцева, с его скрупулезным анализом письменных источников. Так, в своей статье 1971 г. Д. А. Мачинский отметил, что «до сих пор в археологической литературе широко распространены представления о хронологических и территориальных границах, а также взаимоотношениях наиболее крупных и устойчивых объединений кочевников, которые не находят достаточной опоры в сообщениях античных писателей» (Мачинский 1971, с. 30). В этой

¹² «Поздние сарматские мастера обычно успешно справлялись с подобными композициями, где переплетенные в борьбе животные представляли единое целое» (К. Ф. Смирнов 1976, с. 78).

работе он фактически присоединился к мнению М. И. Ростовцева об отличии племен савроматов и сарматов (Мачинский 1971, с. 48–50), а также к его идее о волнах дальних миграций с востока. Д. А. Мачинский реконструировал раннюю миграцию сарматов в Северное Причерноморье в конце IV в. до н. э. в соответствии с аксиоматичным предположением о периодичности подобных миграций раз в 200–300 лет, вызванных самим типом хозяйства у кочевников евразийской степи (Мачинский 1971, с. 50).

В этой ситуации открытие В. И. Сарияниди в 1979 г. царских погребений Тилля-тепе в Северном Афганистане (Сарияниди 1979) сыграло роль катализатора в процессе возрождения основных положений концепции М. И. Ростовцева. Тысячи ювелирных изделий из погребений «Золотого холма», усыпанные вставками бирюзы и других камней, были привезены в Эрмитаж на реставрацию и произвели настоящую сенсацию в научных кругах. Особенно произвело впечатление их сходство с предметами из кургана Хохлач и Сибирской коллекции Петра I. Снова встал вопрос о происхождении сарматского звериного стиля.

Одним из наиболее слабых звеньев в «автохтонной» концепции К. Ф. Смирнова было утверждение об эволюции звериного стиля от савроматского к сарматскому. Так, в написанной под влиянием его идей диссертации М. Я. Маловицкой, развитие сарматского искусства представлялось как единый процесс, распадающийся на отдельные периоды: формирование сарматского звериного стиля, его распространение, расцвет и упадок, совпадающие соответственно с савроматской, раннесарматской, среднесарматской и позднесарматской культурами (Маловицкая 1967). О преемственности савроматского и сарматского звериного стилей писал и сам К. Ф. Смирнов (1976, с. 74–89).

Искусственность этой схемы ясно показала И. П. Засецкая (1980; 1989). По ее мнению, между звериным стилем савроматской культуры и сарматским существовал временной разрыв (раннесарматская культура

практически не дает примеров звериного стиля), причем оба этих художественных направления сильно отличаются как по набору сюжетов и мотивов, так и по их воплощению. При этом в центре внимания по-прежнему оставался регион Нижнего Дона и Поволжья. Другие комплексы, например прикубанские, не привлекались к анализу. Появление нового искусства И. П. Засецкая и Б. А. Раев связали с прибытием в степи Восточной Европы нового иранского племени — аланов (Раев 1984, с. 133–135; Засецкая 1989, с. 44, 46).

В новом оформлении концепции «дальней миграции» большую роль сыграла также работа Б. А. Раева, посвященная римским импортам в Восточной Европе (Раев 1986). В ней была сформулирована идея, согласно которой практически все богатые погребения Северного Причерноморья, Нижнего Дона и Поволжья были совершены примерно в один промежуток времени — в третьей четверти I в. н. э. Именно в это время в письменных источниках появляется этноним аланы, и все комплексы знати, от Днестра до Волги, начинают ассоциироваться у сарматологов именно с этим племенем. Это привело, в конечном счете, к тенденции приписывать любое богатое погребение аланам и датировать его второй половиной I в. н. э., невзирая на состав находок.

Требовали своего объяснения и распространившиеся во II – I вв. до н. э. в культуре кочевников Поволжья и Подонья предметы, своим происхождением связанные с Востоком — бронзовые поясные пластины с изображением верблюдов и сцен терзания, подвески в виде котлов и колокольчиков и пр. (Скрипкин 1997, с. 54). Они ясно указывали на «более восточные» связи волго-донского населения, нежели с Приуральем.

Накопленный к концу 90-х годов материал и новые тенденции в его интерпретации свел воедино А. С. Скрипкин, который сформулировал новый вариант концепции «дальней миграции» следующим образом. Каждую сарматскую культуру периодизации Гракова–Смирнова он сопоставил с появлением в степях Восточной Европы новой

волны кочевников с Востока, подчеркивая цикличность этих перемещений (Скрипкин 1997, с. 87). В результате, раннесарматская культура оказывается связанной с аорсами (Скрипкин 1990; 1997, с. 15), среднесарматская — с аланами (Скрипкин 1997, с. 24–32), а позднесарматская — с «некими племенами иранского происхождения, имени которых мы не знаем» (Скрипкин 1990, с. 206–209; 1997, с. 37–44). Все богатые погребения от Днестра до Волги были интерпретированы как принадлежащие аланам (Скрипкин 1990, с. 209; 1997, с. 12).

Были изменены и принятые до этого датировки сарматских культур. Так, в раннесарматской (прохоровской) культуре, в соответствии с разработками М. Г. Мошковой, были выделены два этапа — собственно прохоровский и этап «развитой раннесарматской культуры» (Скрипкин 1997, с. 12). Этот последний этап стал датироваться III – I вв. до н. э., среднесарматская культура — I – первой половиной II вв. н. э., позднесарматская — второй половиной II – IV вв. н. э. (Скрипкин 1997, с. 9–44). Эти хронологические перестановки вызвали целый ряд переносов датировки некоторых категорий материала, в том числе импортных веретенообразных унгентариев, которые сами по себе являются прекрасным хронологическим индикатором (Сергацков 2004).

С каждой новой восточной волной А. С. Скрипкин соотнес определенные предметы искусства, полагая, что за их появлением стоят этнические изменения (Скрипкин 1997, с. 32, 51, 55–56). Так, вслед за Ростовцевым, он считает, что первую волну сарматской («дальней восточной») экспансии характеризуют фалары «греко-бактрийского» стиля, а вторую волну — сарматский полихромный звериный стиль, обе связанные своим происхождением со Средней Азией (Скрипкин 1997, с. 56).

Однако уже к моменту формулировки этой концепции некоторые ее положения были противоречивы. Методически неверным было соотнесение всех богатых погребений с определенным этносом без

соответствующего сравнительного анализа погребального обряда и инвентаря. Как известно, погребения знати любых культур и хронологических периодов обнаруживают черты сходства в отношении состава предметов социального престижа (Kossack 1974). Не так все просто обстояло и с художественными вещами — фаларами «греко-бактрийского стиля», которые были изготовлены в различных производственных центрах, в том числе в Северном Причерноморье, в соответствии с модой на сюжеты, изображаемые обычно на эллинистической рельефной керамике (т. н. мегарских чашах) (Мордвинцева 1996; Morðvinseva 2001), и предметами сарматского звериного стиля, некоторые из которых были изготовлены также в Северном Причерноморье (Шилов 1983), а не «принесены с собой» новой волной кочевников.

Самым важным же недостатком вновь возрожденной концепции «дальней миграции» было то, что памятники Северного Причерноморья, датированные временем этой миграции — III – II вв. до н. э., и по сведениям античных авторов принадлежащие тем или иным сарматским племенам, коренным образом отличались от комплексов Подонья и Поволжья, и более восточных территорий, которые должны были бы служить им прототипами. В это время происходит резкое изменение материальной культуры в северопричерноморском регионе. На карте распространения археологических памятников IV в. до н. э. видны скопления курганов в излучине Днепра, и относительно небольшое число погребений в регионе Нижнего Дона и Поволжье (рис. 1). В течение III – I вв. до н. э. количество памятников в Поднепровье сильно сокращается, изменяются их типы (рис. 2). Крупные курганные некрополи и грунтовые некрополи в это время неизвестны. Погребальные сооружения представлены, в основном, единичными впускными погребениями в курганах (около 70 могил) и так называемыми вотивными могилами (около 30 комплексов) (Смирнов 1984; Симоненко 1993). Во II – I вв. до н. э. вдоль нижнего те-

чения Днепра возникают городища с относящимися к ним грунтовыми некрополями. В то же время в Подонье и Поволжье количество памятников (здесь, вообще, известны только курганные погребения) значительно увеличивается.

Сторонники концепции миграции кочевников с востока объясняют отсутствие памятников восточного облика между Доном и Днестром либо тотальной миграцией населения, проведя аналогию со временем нашествия гуннов, действительно оставивших мало памятников, либо слабой исследованностью территории, либо экологической катастрофой. Это последнее объяснение заслуживает выделения в отдельную концептуальную модель.

4. Концепция «экологической катастрофы» и проблема III в. до н. э.

Не связанной с миграционной теорией является концепция, согласно которой изменения в культуре Северного Причерноморья в III в. до н. э., зафиксированные данными археологии, произошли в результате экологической катастрофы и различных экономических факторов. С. В. Полин проанализировал комплексы степи Северного Причерноморья, относимые к IV – III и III в. до н. э., и пришел к выводу, что датировку одних необходимо понизить до конца IV в. до н. э., а других — повысить до II в. до н. э. (Полин 1992, с. 66, 145–146), исключив, таким образом, III в. до н. э. из хронологической шкалы. Сходная ситуация, по его мнению, наблюдается и на соседних территориях — в Прикубанье, Подонье и Волго-Донском междуречье (Полин 1992, с. 66–72), а также в более отдаленных регионах — Центральном Казахстане, Южном Прибалхашье и Туве (Полин 1992, с. 104).

Резкое исчезновение скифских курганов с начала III в. до н. э., за которым последовало почти полное исчезновение археологических памятников — погребальных и поселенческих — обусловило появление совершенно нового взгляда на проблему завоевания Скифии сарматами. С. В. Полин, со-

лидаризируясь с мнением М. П. Абрамовой (1961, с. 100), отрицает появление сарматов в Северном Причерноморье ранее второй половины II в. до н. э. (Полин 1992, с. 80), а прекращение скифской культуры объясняет тем, что в III в. до н. э. степь опустела из-за резкого иссушения климата (Полин 1992, с. 104, 117).

Эта концепция вызвала бурное обсуждение в научных кругах и повлияла, в том числе, на передатировку прохоровской культуры Поволжья–Приуралья, «развитый этап» которой стал датироваться теперь II – I вв. до н. э. Концепция подверглась критике как со стороны археологов, так и историков (Бруяко 1999; Виноградов 1997, с. 106–107). С одной стороны, хронологический анализ, проделанный С. В. Полиным, выглядит недостаточно последовательным, некоторые комплексы должны определенно датироваться к III в. до н. э. (см., например, Клепиков 2002). С другой стороны, археологические памятники Нижнего Днепра, датированные II – I вв. до н. э., также образуют очень небольшую группу, и отличаются от поволжских, донских и кубанских. Таким образом, когда сарматы, в соответствии с исторической парадигмой, основанной на письменных источниках, должны были достичь Дуная, в степях между Дунаем и Доном отсутствуют памятники, сравнимые с распространенными на территории сарматской «родины» — Поволжья и Приуралья. В то же время, имеется другая, менее популярная историческая модель интерпретации севернопричерноморских археологических памятников сарматского времени.

5. Концепция вторжения с запада

Хотя концепция миграции сарматских племен с востока, уничтожившей Великую Скифию в III в. до н. э., до сих пор доминирует в исследованиях по истории Северного Причерноморья, существует и другая точка зрения, которая связывает многие изменения в культуре Северного Причерноморья в эллинистический период с нашествием племен с запада, прежде всего кельтов. В поль-

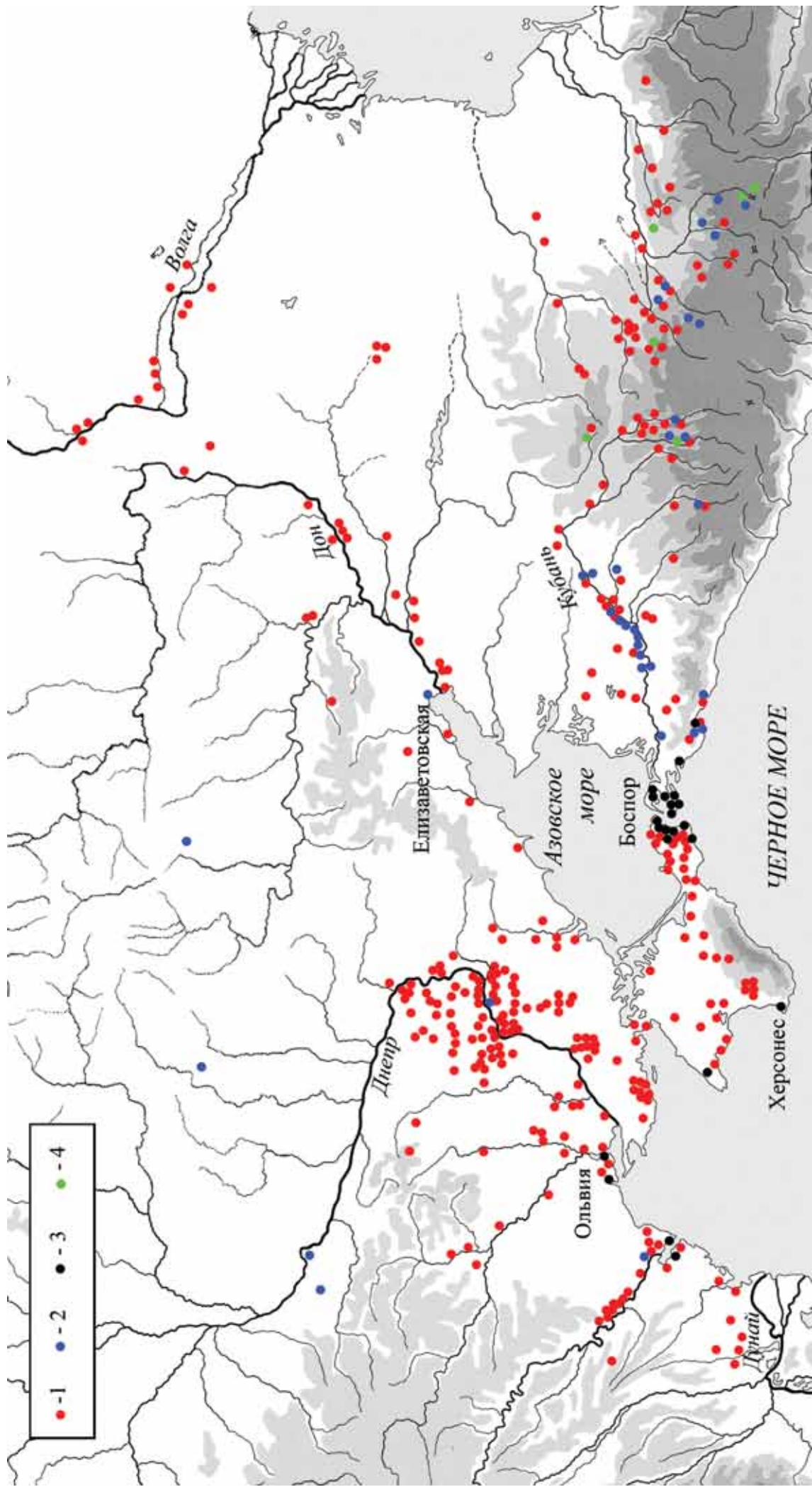

Рис. 1. Карта распространения археологических памятников Северного Причерноморья. IV в. до н. э.

1 — курганы, 2 — поселения и грунтовые некрополи, 3 — греческие города, 4 — votивные клады

Fig. 1. Distribution map of archaeological sites in the northern Black Sea area: fourth century BC.

1 — barrows, 2 — settlements and flat cemeteries, 3 — Greek cities and towns, 4 — votive treasures

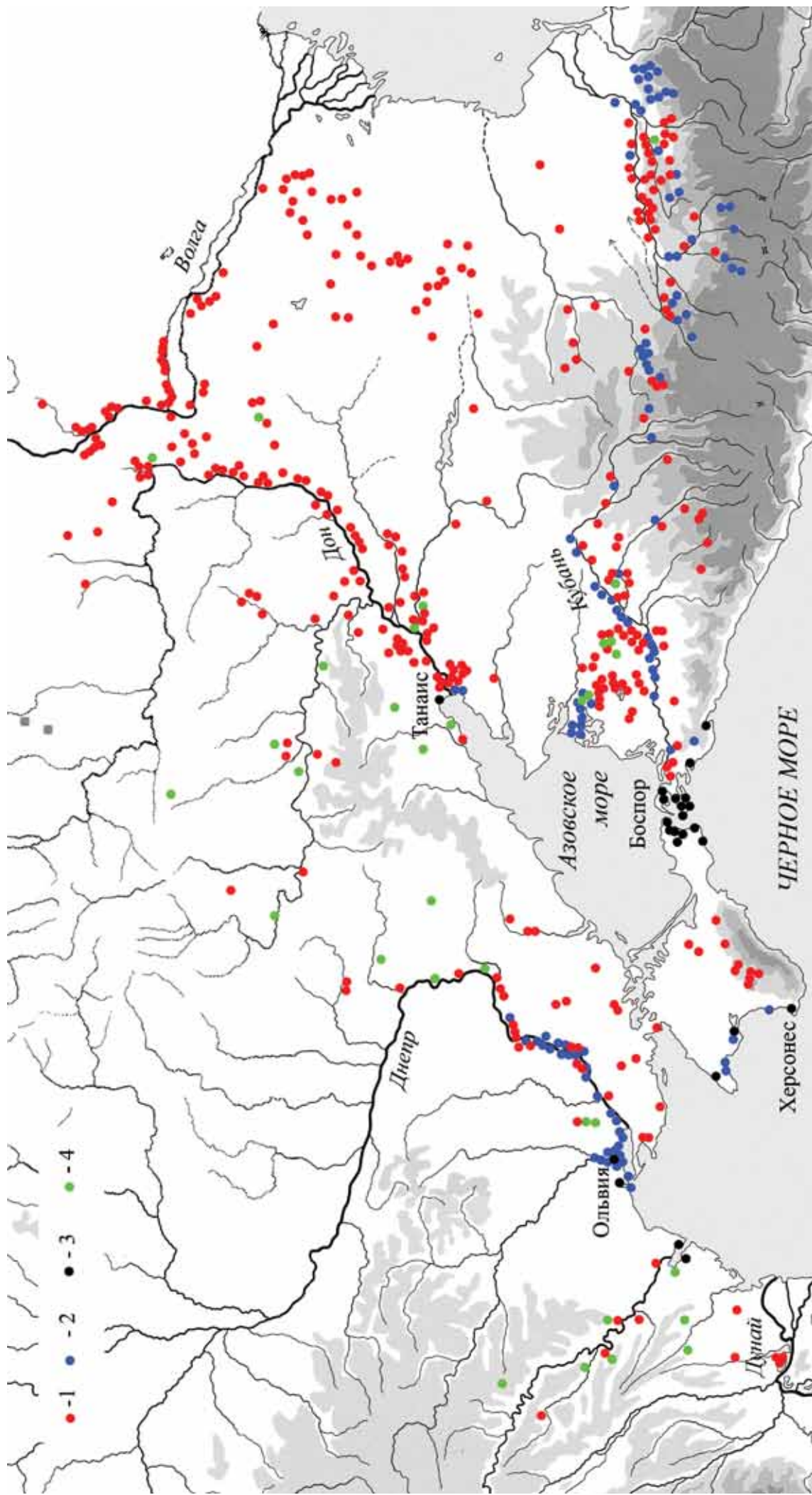

Рис. 2. Карта распространения археологических памятников Северного Причерноморья. III – I вв. до н. э.
 1 — курганы, 2 — поселения и грунтовые некрополи, 3 — греческие города, 4 — votivные клады

Fig. 2. Distribution map of archaeological sites in the northern Black Sea area: third to first centuries BC.
 1 — barrows, 2 — settlements and flat cemeteries, 3 — Greek cities and towns, 4 — votive treasures

зу этой точки зрения имеются данные эпиграфики и археологии.

Главным источником информации о нашествии кельтов с запада является декрет в честь Протогена, в котором упоминаются угрожающие Ольвии галаты и скиры. Существуют разные точки зрения о датировке декрета — от начала III в. до н. э. до рубежа III – II и даже начала II в. до н. э., но наиболее аргументирована его дата 20–10 гг. III в. до н. э. (Виноградов 1997, с. 106). В 279 г. до н. э. кельты вторглись в Македонию, затем во Фракию, Грецию и Малую Азию. На территории Фракии в 279–213 гг. до н. э. существовало кельто-фракийское царство. Дальнейшая кельтская экспансия на восток, видимо, привела к разгрому сельской округи Ольвии и положила начало хозяйственному кризису этого города, поскольку полис потерял основную часть своей земледельческой территории, составлявшей его экономический базис (Рубан 1985, с. 43–44). Косвенным свидетельством нашествия с запада, сопровождающегося переменами в этническом составе населения, может также считаться упоминание Страбоном в регионе между Дунаем и Доном племен гетов, тирагетов и бастарнов, а также бастарнов, смешанных с фракийцами.

В то время, как вокруг Ольвии разворачивались эти события, в сердце Геродотовой Скифии, Поднепровье, совершенно поменялась археологическая ситуация. Многочисленные скифские курганы, в которых представлены погребения развитой социальной иерархии — от очень бедных, безынвентарных, до захоронений царского ранга, — уступают место другому обряду. Он выражен, с одной стороны, через бедные, часто безынвентарные погребения и, с другой стороны, через богатые клады без человеческих останков, инвентарь которых характеризует высокий воинский социальный статус. Находимые в этих кладах предметы социального престижа — фалары конской упряжи (Причерноморский графический стиль), предметы вооружения (италийские шлемы типа Монтефортино), бронзовые и се-

ребряные сосуды (ситулы, кованые котлы, полусферические чаши) находят многочисленные аналогии в культурах, локализованных западнее ареала Северного Причерноморья (Mordvinceva 2001; Мордвинцева 2008; Зайцев 2008). И сами типы вещей, и контекст их находки сближают памятники, распространенные в Поднепровье в III – I вв. до н. э., с культурами Западного Причерноморья, распространенными на территории современных Румынии, Болгарии и Венгрии.

Однако всех этих аргументов недостаточно, чтобы предпочесть гипотезу вторжения в Северное Причерноморье племен с Запада другим теориям, особенно учитывая глубокие корни исторической парадигмы о волнах кочевнических вторжений с Востока. Более того, в ситуации, когда археологические источники до сих пор используются, скорее, как иллюстрации идеям, возникшим на основе изучения нарративов, будут продолжать возникать интерпретационные проблемы, поскольку имеющиеся письменные и эпиграфические источники весьма неоднозначны и позволяют любое из возможных объяснений.

Выводы.

Многообразие культурных взаимодействий в Северном Причерноморье

Археологические памятники Волго-Донских и Уральских степей, называемые сарматскими, видимо, не имеют отношения к историческим сарматам письменных источников. По своему типу они, безусловно, принадлежат культуре кочевников. А поскольку под сарматами античные авторы имели в виду, скорее всего, кочевников, то именно так, видимо, следует понимать термин «сарматская культура», не вкладывая в него специфического «этнического» содержания. Эта «кочевническая» культура представлена исключительно погребальными комплексами в курганах, в которых одним из наиболее распространенных погребальных приношений является животная пища (нога овцы). Признаки схожей

культуры появляются в некоторых районах Северного Причерноморья (например, курганы по р. Молочной, курганный могильник Усть-Каменка в излучине Днепра) только в I в. до н. э., не вытесняя при этом других вариантов погребального обряда. На протяжении всего «сарматского» периода истории в Северном Причерноморье представлены различные виды археологических памятников, в том числе такие как поселения и грунтовые некрополи, которые, судя по этнографическим параллелям, не совместимы с кочевым образом жизни. Все это свидетельствует о сложности и разнообразии культуры Северного Причерноморья в эпоху, когда античные авторы размещали здесь различные сарматские племена. На многообразии археологической культуры этого региона могли повлиять многочислен-

ные факторы: давнее и постоянное присутствие греческих поселенцев на северном побережье Черного моря, начавшаяся в конце эллинистического периода экспансия Рима в восточном направлении, давление кочевых племен с востока, продвижение кельто-фракийских народов с запада, изменения экологии и др. Чтобы более детально, на новом уровне, выявить природу культурных изменений и взаимодействия между различными варварскими племенами, населявшими периферию античного мира в Северном Причерноморье, необходимо отстраниться от нарративной традиции и уже созданных интерпретационных моделей, и обратиться к анализу исключительно археологических данных, число и репрезентативность которых перешло в настоящее время на качественно новый уровень.

Литература

- Абрамова М. П. Сарматские погребения Дона и Украины. II в. до н. э. – I в. н. э. // СА. 1961. № 1.
- Авдусин Д. А. Основы археологии. — М., 1989.
- Бози Ф. Письменные источники о сарматах (IV – I вв. до н. э.) // Раннесарматская культура. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии II. — М., 1997.
- Бози Ф. Сарматы в I в. до н. э. – II в. н. э. по данным античных авторов // Среднесарматская культура. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии III. — М., 2002.
- Бруяко И. В. О событиях III в. до н. э. в Северо-Западном Причерноморье (четыре концепции кризиса) // ВДИ. 1999. № 3.
- Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса. — М., 1989.
- Виноградов Ю. Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. 1994. № 2.
- Виноградов Ю. Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I² 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3.
- Виноградов Ю. Г., Зайцев Ю. П. Новый эпиграфический памятник из Неаполя скифского (предварительная публикация) // Археология. 2003. № 1.
- Виноградов Ю. Г., Шестаков С. А. Laudatio funebris из Пантикапея // ВДИ. 2005. № 2.
- Вязьмитина М. И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.). — М., 1954.
- Галанина Л. К. Келермесские курганы. — М., 1997.
- Граков Б. Н. Γυναίκοκρατοῦμενοι: пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3.
- Граков Б. Н. Очередные задачи археологии в изучении скифо-сарматского периода // КСИИМК. 1950. XXXIV.

- Еременко В. Е., Зуев В. Ю. М. И. Ростовцев и проблема кельто-скифских культурных контактов // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева. — Новочеркасск, 1989.
- Ерина Е., Максимов Е., Семенова И. Пауль Рау — ученый, писатель, художник // История и культура российских немцев. Вып. III. Часть II. — Саратов, 1996.
- Задачи «Советской Археологии» // СА. 1936. № I.
- Зайцев Ю. П. Вотивные клады Северо-Западного Причерноморья III – I вв. до н. э. Хронология и культурная принадлежность // Древнее Причерноморье. Вып. VIII. — Одесса, 2008.
- Засецкая И. П. Изображение «пантеры» в сарматском искусстве // СА. 1980. № 1.
- Засецкая И. П. Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор) // СА. 1989. № 3.
- Захарук Ю. Н. Об одной концепции археологического источниковедения // СА. 1983. № 3.
- Зуев В. Ю. Творческий путь М. И. Ростовцева // ВДИ. 1991. № 1.
- Зуев В. Ю. М. И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман. — М., 1997.
- Иванчик А. И. Эпиграфические памятники // Античное наследие Кубани. Том. 1. — М., 2010.
- Иессен А. А. Так называемый Майкопский пояс // АСГЭ. Вып. 2. — Л., 1961.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. — СПб., 1818.
- Клейн Л. С. Археологические источники. Учебное пособие. — Л., 1978.
- Клепиков В. М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV – III вв. до н. э. — Волгоград, 2002.
- Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. — М., 2003.
- Кошеленко Г. А., Кругликова И. Т. Введение // Античные государства Северного Причерноморья. — М., 1984.
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. 1955. № 4.
- Маловицкая Л. Я. Сарматский звериный стиль. Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. — Л., 1967.
- Маловицкая Л. Я. Сарматское искусство // История искусства народов СССР. — М., 1971.
- Маретина С. А. Роль природного и социального окружения в экосистемах горных народов Южной Азии // Страны и народы Востока. — М., 1987.
- Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. Вып. 13. — Л., 1971.
- Мордвинцева В. И. Фалары конской упряжи на территории степной Евразии в III в. до н. э. – 1 пол. II в. н. э. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. — СПб., 1996.
- Мордвинцева В. И. Фалары из вотивных кладов Северного Причерноморья 3 – 1 вв. до н. э. и сарматская парадигма // ВДИ. 2008. № 3.
- Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1-10. — М., 1963.
- Наши задачи в области археологических исследований в связи с решениями ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР об учебниках по истории // СА. 1937. № 2.
- Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий (проблемы исторических контактов). — М., 1978.
- Погребова Н. Н. Состояние проблем скифо-сарматской археологии к конференции ИИМК АН СССР 1952 г. // Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.). — М., 1954.

- Полин С. В. От Скифии к Сарматии. — Киев, 1992.
- Полин С. В., Симоненко А. В. Скифия и сарматы // Донские древности. Вып. 5. — Азов, 1997.
- Пуздоровский А. Е. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н. э. – III в. н. э. // ВДИ. 2001. № 3.
- Рабинович Б. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Поднепровья // СА. 1936. № 1.
- Раев Б. А. Пазырык и «Хохлач» — некоторые параллели // Скифо-сибирский мир. Тезисы докладов конференции. — Кемерово, 1984.
- Раннесарматская культура. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии II. — М., 1997.
- Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // Материалы по археологии России. 37. — Пг., 1918.
- Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. — Л., 1925.
- Рубан В. В., Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV – II вв. до н. э. // ВДИ. 1985. № 1.
- Рыков П. С. Суловский курганный могильник. — Саратов, 1925.
- Рыков П. С. Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Нижне-Волжскому краю. — Саратов, 1928.
- Рыков П. С., Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском Крае, произведенные в 1928 г. // Журнал Нижне-Волжского Института Краеведения им. М. Горького. — Саратов, 1929.
- Рыков П. С. Работы в совхозе «Гигант». Отчет о работах // Известия Гос. Академии Истории Материальной Культуры. Вып. 2. — М., Л., 1935.
- Рыков П. С. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. — Саратов, 1936.
- Савроматская эпоха. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии I. — М., 1994.
- Самоквасов Д. Я. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекций древностей. — Варшава, 1892.
- Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли. — М., 1908.
- Сапрыкин С. Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н. э. // ВДИ. 2005. № 2.
- Сарианиди В. И. Царский некрополь в Северном Афганистане // Вестник АН СССР. 1979. № 7.
- Сергацков И. В. К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». — Краснодар, 2004.
- Сидоренко В. А. Фрагмент декрета римского времени из средневековой базилики под Мангупом // МАИЭТ. Вып. V. — Симферополь, 1996.
- Сидоренко В. А. Эпитафия скифского царя Аргота // МАИЭТ. Вып. XI. — Симферополь, 2005.
- Симоненко А. В. Сарматы Таврии. — Киев, 1993.
- Симоненко А. В., Лобай Б. И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. — Киев, 1991.

- Синицын И. В. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья // СА. 1946. VIII.
- Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. — Киев, 1977.
- Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. — Саратов, 1990.
- Скрипкин А. С. Этюды по истории и культуре сарматов. — Волгоград, 1997.
- Славин Л. М. Археологические исследования Украинской академии наук за 25 лет // КСИИМК. 1946. XIII.
- Смирнов А. П. К вопросу об археологической культуре // СА. 1964. № 4.
- Смирнов К. Ф. О погребениях роксолан // ВДИ. 1948. № 1.
- Смирнов К. Ф. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа // КСИИМК. 1950а. XXXII.
- Смирнов К. Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. 1950б. XXXIV.
- Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе Дагестанского селения Тарки в 1948–1949 гг. // МИА. 1951. № 23.
- Смирнов К. Ф. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры // СА. 1953. XVII.
- Смирнов К. Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.). — М., 1954.
- Смирнов К. Ф. Проблема происхождения ранних сарматов // СА. 1957. № 3.
- Смирнов К. Ф. Меотский могильник у станицы Пашковской // МИА. 1958. № 64.
- Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. 1959. № 60.
- Смирнов К. Ф. Быковские курганы // МИА. 1960. № 78.
- Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. — М., 1964.
- Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. — М., 1975.
- Смирнов К. Ф. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. — М., 1976.
- Смирнов К. Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. — Уфа, 1977.
- Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. — М., 1984.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 1. — М., 1851.
- Спицын А. А. Фалары Южной России // ИАК. Вып. 29. — СПб., 1909.
- Спицын А. А. Курганы скифов-пахарей // ИАК. Вып. 65. — СПб., 1918.
- Среднесарматская культура. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии III. — М., 2002.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1989.
- Столба В. Ф. Демографическая ситуация в Крыму в V – II вв. до н. э. (по данным письменных источников) // ПАВ. Вып. 6. — СПб., 1993.
- Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времён, неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. Книга 1. Часть 1. — М., 1768.

- Толстой И. И., Кондаков Н. П. Классические древности южной России. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1. — СПб., 1889.
- Толстой И. И., Кондаков Н. П. Древности времен переселения народов. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3. — СПб., 1890.
- Тохтасьев С. Р. Sauromatae – Sarmatae – Syrmatae // Херсонесский сборник. Вып. XIV. — Севастополь, 2005.
- Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). — СПб., 2002.
- Фролова Н. А. Монеты скифского царя Скилура // СА. 1964. № 1.
- Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. — Л., 1975.
- Шилов В. П. Запорожский курган (К вопросу о погребениях аорсской знати) // СА. 1983. № 1.
- Щукин М. Б. На рубеже эр. — СПб., 1994.
- Bulkin V. A., Klejn L. S., Lebedev G. S. Attainments and problems of soviet archaeology // World Archaeology. 1982. 13.
- Dolukhanov P. M. Archaeology in the ex-USSR: post-Perestrojka problems // Antiquity. 1993. 67.
- Frachetti M. D. Pastoralist landscapes and social interaction in Bronze Age Eurasia. — Berkeley, Los Angeles, London, 2008.
- Frachetti M. D. Migration Concepts in Central Eurasian Archaeology // Annual Review of Anthropology. 2011. № 40.
- Graber R. B. Social Evolution // 21st century anthropology: a reference handbook. — Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC, 2011.
- Grakov B. N. Monuments de la culture scythique entre le Volga et les monts Oural // ESA. III. — Helsinki, 1928.
- Grakov B. N. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg // ESA. IV. — Helsinki, 1929.
- Harmatta J. Studies in the History and language of the Sarmatians // Acta Universitatis de Attila József Nominatae. Acta antiqua et archaeologica. Tomus XIII. — Szeged, 1970.
- Kossack G. Prunkgräber. Bemerkungen zu Eigenschaften und Aussagewert // Studien zur vor- und frühgeschichtlichen Archäologie. Festschrift für Joachim Werner zum 65. Geburtstag. — München, 1974.
- Minns E. H. Scythians and Greeks. — Cambridge, 1913.
- Minns E. H. Archaeology in Soviet Russia // Man. 1942. № 42.
- Mordvinceva V. I. Sarmatische Phaleren. — Rahden, 2001.
- Olbrycht M. J. Die Aorser, die Oberen Aorser und die Siraker bei Strabon. Zur Geschichte und Eigenart der Völker im nordostpontischen und nordkaukasischen Raum im 2.-1. Jh. v. Chr. // Klio. 2001. № 83.
- Raev B. A. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR International Series 278. — Oxford, 1986.
- Rau P. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga (Ergebnisse der Gräberforschung in der Wolgadeutschen Republik). Mitteilungen des Zentralmuseums der ASRR der Wolgadeutschen. Jahrgang 1. Heft 1-2. — Pokrowsk, 1926.
- Rau P. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitze. Mitteilungen des Zentralmuseums der ASRR der Wolgadeutschen. Jahrgang 4. Heft 1. — Pokrowsk, 1929.
- Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. — Oxford, 1922.

Rostovtzeff M. *The Animal Style in South Russia and China*. — Princeton, 1929.

Zaytsev Yu. P. *The Scythian Neapolis (2nd century BC to 3rd century AD). Investigation into the Graeco-Barbarian city on the northern Black Sea coast*. BAR International Series 1219. — Oxford, 2004.

Valentina MORDVINTSEVA

**Historical Sarmatians and the Sarmatian Archaeological Culture
in the Northern Black Sea Area**

Abstract

According to the generally accepted view, the steppes of the northern Black Sea area, from the Danube to the southern Ural area, were inhabited by the Sarmatian tribes who used burial mound rite from the third century BC to the mid-third century AD. There were few consecutive waves of the Sarmatian peoples who came to this territory from the east and conquered the local population. This view is based on the paradigmatic explanatory model rooted in the history of the Russian empire. However, the archaeological culture in the steppes between the Don and the Volga and south of the Urals, known as the “Sarmatian homeland,” is apparently not related to the Sarmatians of the written sources. Besides, the culture of the northern Black Sea area represents various kinds of archaeological monuments (settlements, votive depositions, barrows, and flat cemeteries), which are characteristic for different economic-cultural types. This demonstrates the complexity and diversity of the culture in the region, which could be affected by many factors, including Greek settlers in the northern Black Sea area, the Roman expansion, the pressure of nomadic tribes from the east and the advancement of the Celto-Thracians from the west, the change of environmental conditions.

Translated by Valentina Mordvintseva

Ю. П. Зайцев,
В. И. Мордвинцева,
К. Хеллстрём

Радиоуглеродное датирование женского элитного погребения Ногайчинского кургана (Крым) в культурно-историческом контексте

*История исследования и
краткая характеристика
погребального комплекса*
(Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева)

История исследования. В мае 1974 г. Северо-Крымская экспедиция Института археологии АН УССР под руководством А. А. Щепинского в 2 км к северу от с. Червонное Нижнегорского района Крымской области в кургане № 5 обнаружила богатейшее погребение сарматского времени. После такого открытия, по названию соседнего урочища Ногайчик, этот курган был назван «Ногайчинский» (Щепинский 1976; Щепинский 1977).

Вскоре после раскопок в научной литературе появилась первая краткая информация о Ногайчинском кургане (Щепинский 1976; Щепинский 1977), а в дальнейшем золотые изделия из него многократно публиковались в различных каталогах выставок (Gold der steppe 1991, Kat. 145–146; Gold aus Kiew 1993, Kat. 60–62; Толочко 1994, цв. вклейки). В контексте древностей сарматской эпохи этот комплекс впервые был рассмотрен в книге А. В. Симоненко «Сарматы Таврии» (Симоненко 1993, с. 70–75), и был датирован второй половиной I – началом II вв. н. э. А. В. Симоненко связал появление этого комплекса с возрастанием активности сарматов в северопричерноморских степях (Симоненко 1993, с. 117).

Несколько позже была опубликована статья А. А. Щепинского, в которой впервые рассматривались некоторые детали обряда и были представлены план погребения, рисунки и фотографии многих находок, отсутствующие в работе А. В. Симоненко (Ščerinskij 1994). В этой работе хронологические рамки сооружения ногайчинского погребения определены в пределах конца II в. до н. э. – I в. н. э. (Ščerinskij 1994, с. 101).

Ювелирным украшениям из Ногайчинского кургана посвящена специальная работа М. Ю. Трейстера (Treister 1997; Трейстер 2000), который датировал их временем позднего эллинизма. Этот вывод оспорил А. В. Симоненко, который настаивал на датировке комплекса римским временем (Симоненко 2001).

В 2001 году, в рамках проекта DFG «Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье II в. до н. э. – III в. н. э.»¹ (Мордвинцева, Трейстер 2007, с. 13–14) появилась возможность подробного изучения ювелирных украшений из Ногайчинского кургана, которое повлекло за собой сбор и обработку всех доступных архивных материалов и музейных коллекций по этому комплексу. Результатом этих исследований стала новая публикация погребения, где впервые были рассмотрены все находки и предложена новая его датировка — первая половина I в. до н. э. (Зайцев, Мордвинцева 2003). Спустя несколько лет эта работа была дополнена новой статьей, которая была написана в рамках продолжающейся дискуссии и содержала новые аргументы относительно хронологических позиций некоторых важных находок из комплекса (Зайцев, Мордвинцева 2007).

Учитывая, что вся доступная информация по ногайчинскому погребению полностью опубликована, в данной работе уместно лишь привести его краткое описание.

Краткое описание погребения. Могила впущена в полу кургана эпохи бронзы высотой около 7 м, диаметром — 46 м. Погребение совершено в прямоугольном деревянном расписном саркофаге с двускатной крышкой (рис. 1). С наружной стороны ящика, по углам зафиксированы четыре круглых в сечении деревянных столбика, обернутые тонкой серебряной пластиной². Внешняя поверхность крышки некогда была покрыта полотнищем, расшитым золотыми фигурными бляшками, расположенными в различных композициях.

Погребенная лежала на спине в вытянутом положении, головой на север с незначительным отклонением к западу. На черепе и вокруг него зафиксировано скопление из мелких нашивных и подвесных золотых украшений. По сторонам от черепа найдены две золотые серьги с подвесками, на шейных позвонках — золотая гривна с зооморфными окончаниями, поверх которой лежало кольцо из трех золотых цепочек с подвесками. У левого плеча обнаружена брошь-заколка, в районе шеи лежали мелкие бусы из гагата и стекла. У правого локтя был найден золотой флакон с эмалевыми вставками, а пространство в области грудной клетки было заполнено крупными бусами из халцедона, янтаря, граната, гагата, египетского фаянса и стекла.

Кисти обеих рук покоились в серебряных сосудах — в килике и чаше³. На правом и левом запястьях зафиксированы крупные золотые браслеты с овальным и прямоугольным щитками, обильно украшенные жемчугом и драгоценными камнями. На щиколотках были надеты золотые спиральные браслеты и мелкие бусы из гагата и черного стекла.

У черепа найдены краснолаковый унгентарий (рис. 2, 1,3) и лощеный орнаментированный кувшин с фигурным сливом (рис. 2, 2,4). У правого плеча обнаружено

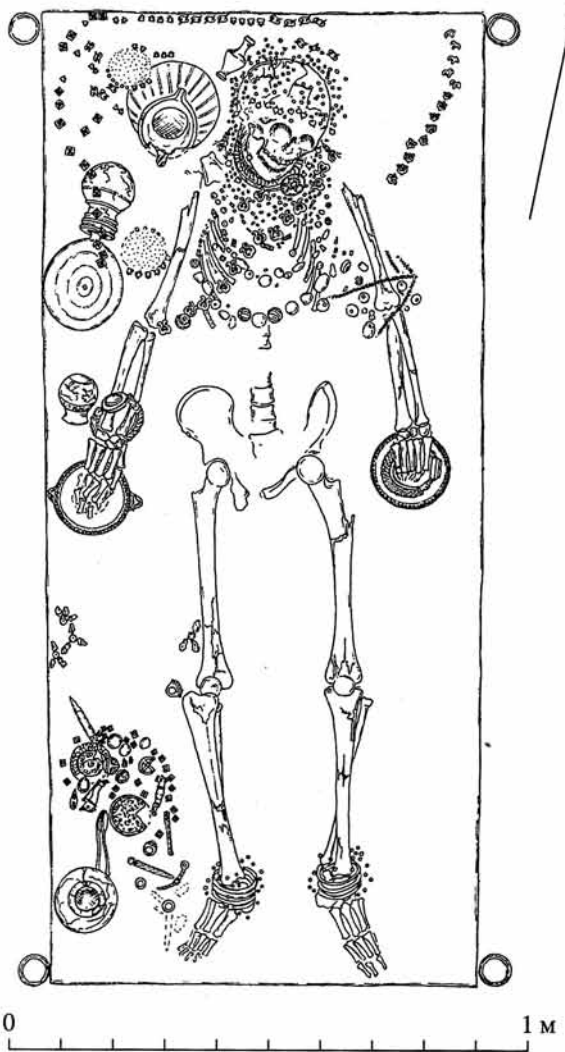
¹ Руководитель проекта проф. Фредерике Флесс.

² Столбики сохранились на базе Крымского филиала Института археологии НАН Украины (г. Алушта) и были взяты для определения дендрохронологии.

³ Кости пальцев погребенной, покрытые окислами серебра, сохранились на базе Крымского филиала Института археологии НАН Украины (г. Алушта) и были взяты для определения датировки по ¹⁴C.

1

2

Рис. 1. Погребение 18 в Ногайчинском кургане.
1 — фото, 2 — план погребения

Fig. 1. Burial 18 in Nogaychi barrow:
1 — photograph, 2 — plan of the burial

бронзовое «зеркало» в костяном шаровидном «сосуде». У правого запястья лежал круглодонный серебряный позолоченный кубок.

У правого колена находились золотой перстень со стеклянной геммой и золотая подвеска с тремя головками животных. Еще три таких же подвески были найдены рядом, у стенки саркофага.

В юго-западной части саркофага, на уровне голени было обнаружено скопление предметов, часть из которых предположительно находилась в сумке из органического материала, украшенной бронзовыми бляшками. Здесь найдены: фаянсовая тарелка, стеклянная полихромная чаша, две серебряные ложки, пиксиды из гагата и золота, шар-навершие из гагата, крупная бусина из граната, золотая антропоморфная подвеска, золотой кувшинчик-подвеска, золотая фибула в виде дельфина, серебряная фибула с золотым каплевидным щитком, золотой медальон, серебряное кольцо с крестовиной, серебряное и золотое гладкие кольца, золотой перстень, пирамидальная бусина из гагата, меловая бусина-амулет с золотыми окончаниями, золотой и костяной игольнички, подвеска из гагата в виде заостренного и изогнутого спирального стержня, фрагменты неопределенных серебряных предметов. Ближе к юго-западному углу, у западной стенки ящика находился крупный алебастровый сосуд.

Предметы с узкой датой: унгентарий и кувшин. Для датировки погребения принципиальное значение имеют две находки, для которых хронологическое «запаздывание» наименее вероятно: глиняные кувшин и унгентарий.

Унгентарий (рис. 2, 1,3) является единственным изделием античного керамического производства в комплексе, и в силу этого

имеет первостепенное значение для датировки погребения.

Веретенообразные унгентарии на ножке в большом количестве известны в III – I вв. до н. э. На Афинской агоре такие сосуды датированы в интервале от 315 до 86–50 гг. до н. э. (Rotroff 2006, р. 153). Случаи их более позднего контекста (Глебов 2004, 129; Демиденко, Журавлев, Трейстер 1997, с. 201, 202–204) спорны и не всегда достоверны⁴. Постепенная смена унгентариев на ножке (fusiform) на круглодонные (bulbos type) происходила в течение I в. до н. э. (Anderson-Stojanović 1987, р. 110, Anm. 30).

Типногайчинского флакона, по-видимому, местный, боспорского происхождения. Прототипом ему, вероятно, послужила форма Domed-Mouth Unguentarium, предположительно кидская, датирующаяся в рамках эллинистического времени (Rotroff 2006, р. 157, 296).

В Северном Причерноморье известно несколько близких аналогий ногойчинскому унгентарию, обнаруженных преимущественно на территории европейского и азиатского Боспора, где они датируются второй – третьей четвертью I в. до н. э. (Зайцев, Мордвинцева 2007, с. 323).

Чернолощенный кувшин из ногойчинского погребения (рис. 2, 2,4) аналогичен сосудам III – I вв. до н. э. из Центрального Предкавказья и Прикубанья (Абрамова 1990, с. 40–41; Марченко 1996, рис. 32–33). Характерными особенностями кувшинов этой группы являются ложновитая ручка, орнамент в виде вертикальных полос, наличие слива, сочетание плотной серой глины с лощением (Абрамова 1979, с. 34, рис. 1, 25)⁵. Ближайшей аналогией ногойчинскому кувшину является сосуд из погребения № 2 Косики, которое А. С. Скрипкин и В. М. Клепиков отнесли к третьему периоду

⁴ Например, комплекс Круглого кургана (Демиденко, Журавлев, Трейстер 1997) — это набор вещей из одной насыпи, который не может рассматриваться как закрытый комплекс.

⁵ По заключению В. А. Малашева, которого мы благодарим за консультацию, ногойчинский сосуд отличают признаки, типичные как раз для последних веков до н. э.

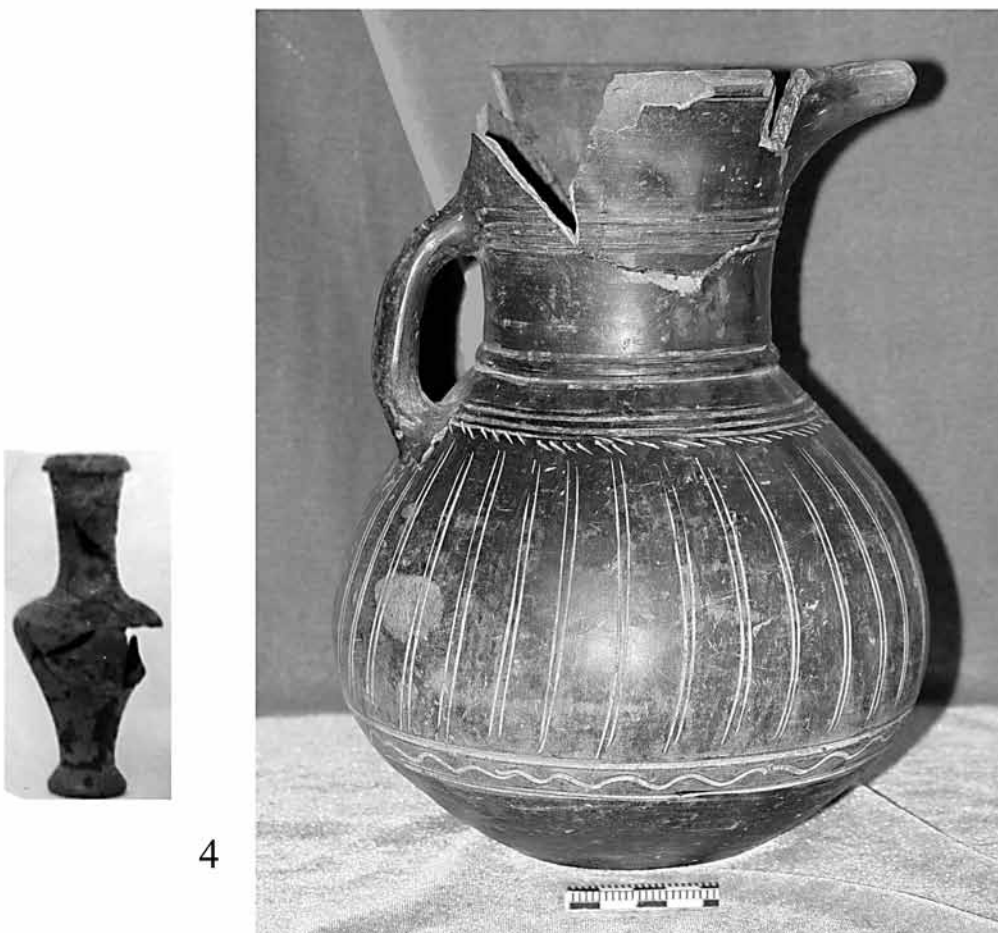
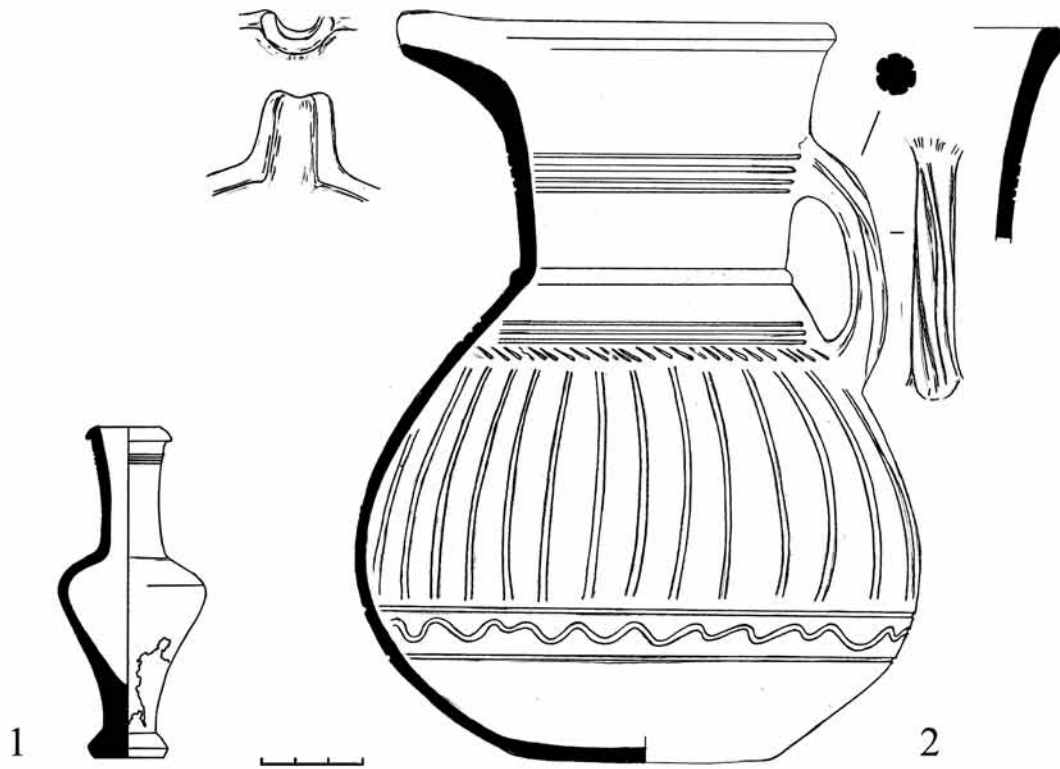

Рис. 2. 1, 3 — унгвентарий из Ногайчинского кургана, 2, 4 — кувшин из Ногайчинского кургана

Fig. 2. 1, 3 — unguentarium from Nogaychi barrow, 2, 4 — jug from Nogaychi barrow

раннесарматской культуры (середина II – I вв. до н. э.) (Скрипкин, Клепиков 2004, с. 98–100). В целом, ногайчинский кувшин может быть датирован концом II – I вв. до н. э. (Зайцев, Мордвинцева 2007, с. 320).

Таким образом, ногайчинское погребение вряд ли возможно датировать позже, чем I в. до н. э. Наиболее вероятная его дата по вещевому комплексу — около середины этого столетия. Но поскольку дискуссия о его хронологических позициях зашла в тупик, была предпринята попытка определить его дату несколькими естественно-научными методами.

К дискуссии о радиоуглеродных датах
(К. Хеллстрём)

Независимое датирование памятников сарматского времени на территории Северного Причерноморья естественно-научными методами вызывает у ряда исследователей определенное сомнение. Так, считается, что при датировании археологических комплексов раннего железного века по ¹⁴C эти даты представляют собой относительно широкие временные отрезки, не способные наиболее верно отобразить действительную дату существования памятника.

Тем не менее, предлагаемый здесь пример отображает возможность уточнения представлений о хронологии при комбинировании естественно-научного и археологического датирования в ряде конкретных случаев⁶. В рамках исследования был проведен анализ радиоуглеродных дат из комплекса сарматского времени с территории Крыма⁷.

Для получения дат были отобраны образцы кости (фаланга пальца человека) и дерева (фрагмент ножки гроба) из могилы 18 Нойгачинского кургана.

Для анализа обоих образцов был использован AMS метод.

Анализ фаланги пальца проводился в Лаборатории радиоуглеродного датирования Лундского университета, Швеция (Radiocarbon Dating Laboratory, Lund University).

Датирование деревянной ножки гроба проводилось с применением ускорительно масс-спектрального анализа в Курт-Энгельхолм-Центре Археометрии (г. Мангейм, Германия) (Curt-Engelholm-Zentrum für Archäometrie gGmbH, Mannheim). В последнем случае датировались 10 последних годовых колец дерева.

Результаты анализа представлены в таблице:

Ногайчинский курган, могила 18. ¹⁴C даты.

В скобках в процентном соотношении приводится вероятность нахождения действительной даты в пределах указанного хронологического интервала

Тип образца	Лабораторный номер	¹⁴ C даты (BP)	Интервалы калиброванного возраста	
			±1 δ (68,2%)	±2 δ (95,4%)
фаланга пальца	LuS-7952	2095±50	178 BC – 49 BC	210 BC – 20 AD (88,9%) 351 BC – 300 BC (6,2%) 227 BC – 224 BC (0,2%)
дерево (10 годовых колец)	MAMS-11150	2041±22	58 BC – 4 AD	110 BC – 22 AD (92,6%) 155 BC – 139 BC (2,8%)

⁶ Выражаю сердечную признательность моим коллегам Х. Пиецонке, Й. Шнеевайсу и Л. ван Хоофу за оживленное обсуждение использования методов датирования, а также Е. Марченко и А. Гассу за предоставленный перевод предлагаемой работы.

⁷ Автор выражает глубокую благодарность Евразийскому отделу Германского Археологического Института за оказание финансовой поддержки.

Анализ расположения даты, полученной по кости, на калибровочной кривой указывает в качестве вероятного возраста два хронологических интервала, соответствующих IV – концу III вв. до н. э. (351–300 calBC и

227–224 calBC) ($\pm 2\delta$). Поскольку по археологическим данным памятник надежно относится к сарматскому времени, то эти хронологические диапазоны исключаются из рассмотрения (рис. 3).

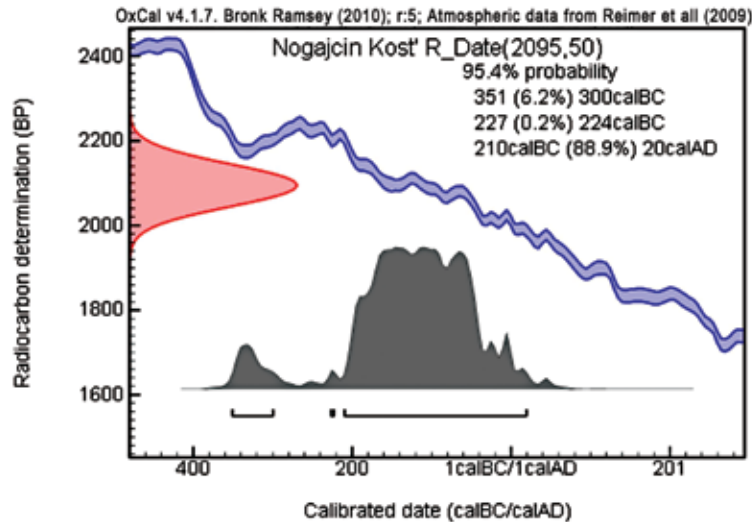

Рис. 3. Ногайчинский курган, могила 18. Калиброванные значения радиоуглеродной даты 2095 \pm 50 BP (LuS-7952)

Fig. 3. Burial 18 in Nogaychi barrow. Calibrated values of radiocarbon date 2095 \pm BP (LuS-7952)

Наиболее вероятным является третий хронологический интервал, соответствующий 210 г. до н. э. – 20 г. н. э. (210 calBC – 20 calAD) ($\pm 2\delta$). Эта хронология подтверждается результатами датирования деревянного фрагмента ножки гроба. Таким образом, ранние даты по образцу кости маловероятны.

Удревнение возраста образца кости человека могло произойти по причине активного питания исследуемого индивидуума рыбой и морепродуктами. Здесь мог бы проявиться так называемый «резервуарный эффект»⁸. Однако этому нет никаких доказательств. Напротив, соответствие дат по образцу кости и по дереву противоречит

наличию резервуарного эффекта, который, следовательно, отсутствовал.

Анализ расположения второй даты (по дереву) на калибровочной кривой указывает на два неравнозначных хронологических интервала (по $\pm 2\delta$) (рис. 4).

Меньший хронологический интервал, соответствующий середине II в. до н. э. (155 – 139 calBC), в принципе, не противоречит абсолютной датировке, полученной по фаланге пальца человека.

Однако, учитывая исследование погребального инвентаря, столь ранняя датировка все же вызывает сомнения. В результате, после исключения наиболее ранних калиброванных значений возраста комплекса,

⁸ В целом, процесс удревления радиоуглеродных дат, полученных по человеческим костям в результате интенсивного питания исследуемых индивидуумов рыбой и морепродуктами, явление известное; хотя однозначной оценки влияния так называемого резервуарного эффекта современная наука дать не может. По этой причине во избежание недоразумений следует, в первую очередь, в качестве пробного материала для проведения ¹⁴C датирования применять древесный материал и кости животных.

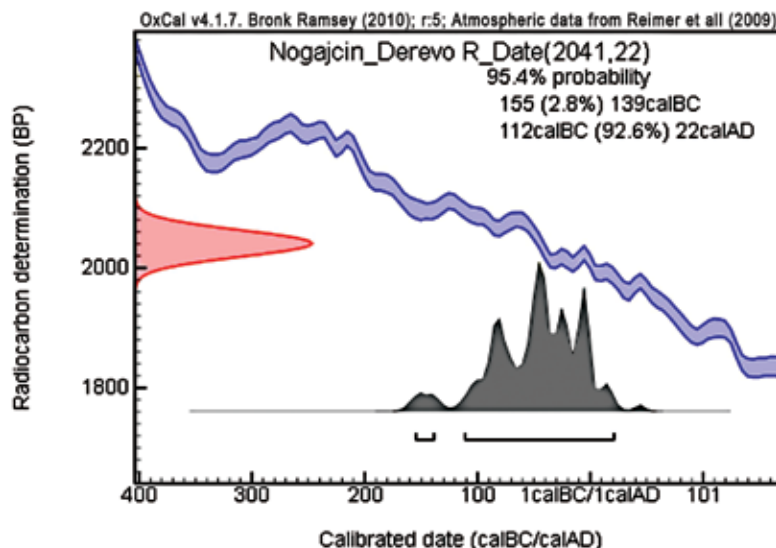

Рис. 4. Ногайчинский курган, могила 18.
Калиброванные значения радиоуглеродной даты 2041±22 BP (MAMS-11150)

Fig. 4. Burial 18 in Nogaychi barrow. Calibrated values of radiocarbon date 2041 ± 22 BP (MAMS-11150)

определение хронологического интервала между 112 г. до н. э. и 20 г. н. э. (112 calBC – 20 calAD) представляется наиболее вероятным.

Эффект «старого дерева»⁹ (при длительном пользовании или вторичном использовании древесины) вряд ли имел место, по причине довольно хорошего совпадения с датой, полученной по фаланге пальца. Тем не менее, необходимо учитывать и возможность более древней даты, поскольку ножка гроба была сделана из сердцевины дерева и бесспорных внешних годовых колец не имела.

Ни следов коры, ни молодой наружной древесины подкорья (заболони) на исследуемом древесном фрагменте выявлено не было¹⁰. В связи с этим датирование погребения концом II в. до н. э. может быть почти полностью исключено.

В итоге можно предположить, что с наибольшей вероятностью время совершения

погребения женщины в Ногайчинском кургане относится к I в. до н. э.

Это подтверждает и статистическое сравнение калиброванных дат, полученных в результате определения возраста древесного и костного материала, проведенного при помощи программы OxCal. Полученные данные с наибольшим процентом вероятности соотносят комплекс с указанным временным отрезком (рис. 5).

**Ногайчинский курган и
элитные погребения
Северного Причерноморья
(В. И. Мордвинцева)**

К моменту первых публикаций Ногайчинского кургана, в принципе, имелось уже достаточно данных для того, чтобы отнести комплекс к периоду позднего эллинизма (эллинистическая керамика, в том числе унгентарий; эллинистические типы украшений и

⁹ Вторичное использование древесины при сооружении гроба может привести к более ранней датировке комплекса по причине более древнего возраста рубки леса (момента смерти дерева).

¹⁰ Так же, как и при проведении дендрохронологического анализа древесины без крайних годовых колец подкорья, при проведении радиоуглеродного анализа аналогичной древесины необходимо добавлять среднестатистическую условную поправку в 20 лет.

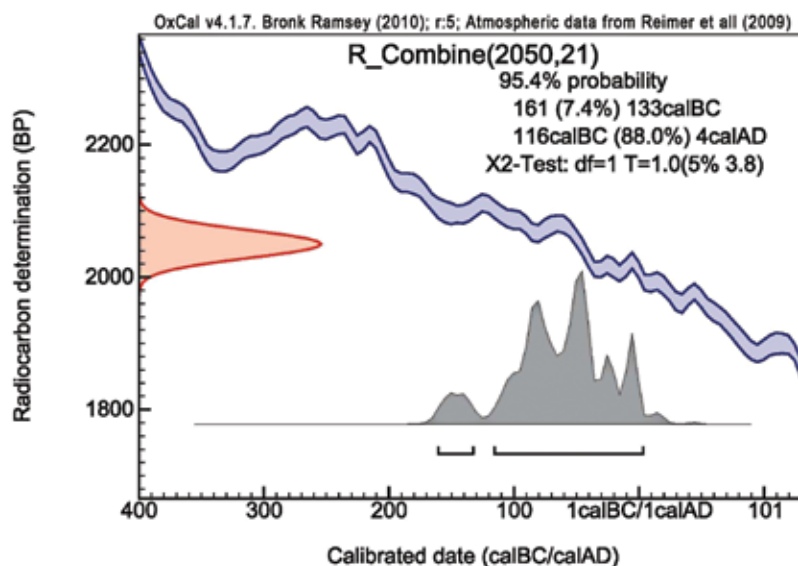

Рис. 5. Ногайчинский курган, могила 18.
Статистическая вероятность датирования, вычисленная на основе сравнения дат обеих проб при программной поддержке OxCal

Fig. 5. Nogaychi barrow, burial 18.
Statistical probability of the dating calculated by comparison of dates of both samples with use of program OxCal

пр.). Однако он был все же датирован второй половиной I – началом II вв. н. э. (Симоненко 1993, с. 117), его старая датировка до сих пор продолжает фигурировать в академической литературе (Simonenko 2008, s. 14). Такая стойкая позиция в отношении хронологической атрибуции Ногайчинского погребения связана, очевидно, с местом, которое этот комплекс занимает в общей концепции сарматской культуры, сложившейся в 1980-е – 1990-е годы в советской академической литературе под влиянием идей М. И. Ростовцева.

Суть его исторической модели, которую можно определить как концепция «дальней миграции» (Мордвинцева 2008), состоит в том, что в степи Северного Причерноморья с Востока периодически продвигались новые группы кочевников иранского происхождения. Это продвижение маркируют определенные категории предметов материальной культуры, обнаруженные в погребениях элиты (Rostovtzeff 1929, p. 45, 67–68, 93–94). В том числе М. И. Ростовцев

отмечал, что распространение в сарматских комплексах предметов звериного стиля совпадает с появлением на исторической сцене племени аланов (Rostovtzeff 1922, p. 116).

Эту интерпретационную модель в 1940-е – 1950-е годы сменила концепция «близкой миграции», согласно которой родиной сарматов были степи Поволжья–Приуралья, откуда сарматская культура распространилась в разных направлениях — западном и восточном (Rau 1929; Граков 1947; Смирнов 1957, с. 18; 1964, с. 287–288). Обработка накопленного к тому времени массового археологического материала и его использование в исторических реконструкциях породили представление об «этнографическом комплексе» сарматской культуры (Смирнов 1964, с. 191, 196). Обнаружение какой-либо из его составляющих (например, южная ориентировка, диагональный обряд погребения, подбойно-катакомбные могилы, круглодонная керамика и пр.) на другой территории расценивалось

как признак «сарматизации» этого региона, т. е. физическое присутствие здесь «носителей» археологической культуры Поволжья–Приуралья. Аналогичный метод применял и М. И. Ростовцев. Но, в отличие от его работ, в данном случае в качестве «этноопределяющих» использовались признаки массовой культуры, а не элитных комплексов.

Открытие в 1979 г. царских погребений в Северном Афганистане (Тилля-тепе), где было найдено множество золотых украшений с полихромными вставками и изображениями животных, привело к возрождению основных положений исторической модели М. И. Ростовцева. Появились работы, посвященные предметам «сарматского звериного стиля» и интерпретации комплексов, в которых они были найдены (Засецкая 1980; 1989; Раев 1984; Raev 1986). Наиболее последовательно новая концепция изложена в книге Б. А. Раева, посвященной римским импортам в погребениях Нижнего Дона (Raev 1986).

Согласно его точке зрения, погребальные комплексы сарматской элиты появляются на Нижнем Дону внезапно, не ранее середины I в. н. э. (Raev 1986, p. 56, 58). Аналогичные погребения в Поволжье он отнес, без подробного анализа, к несколько более раннему времени, а комплексы с территории Украины и Молдавии — к несколько более позднему (Raev 1986, p. 58).

По мнению Б. А. Раева, содержимое всех этих могил гомогенно. Они связаны со знатью одного кочевого племени, которое жило в начале н. э. в степях к востоку от Волги, а затем продвинулось сначала в степи к северу от Кавказа, а затем на Нижний Дон. В I в. н. э. таким племенем могли быть только аланы, прибывшие в Северное Причерноморье из глубин Азии. Появление богатых могил на Нижнем Дону в середине I в. н. э. совпадает со сведениями античных авторов, поскольку ранние источники об аланах в причерноморских степях относятся к третьей четверти I в. н. э. (Raev 1986, p. 59). В предыдущий период ни на

Нижнем Дону, ни в каком-либо другом районе, связанном с сарматами, безусловно, не было аналогичных памятников (Raev 1986, p. 63). Именно с появлением аланов в степях Восточной Европы распространяются римские и провинциально-римские импорты. Поскольку на Боспоре и в греческих полисах Северного Причерноморья, которые играли роль посредников в торговле с варварами, не найдено дорогой серебряной и бронзовой посуды, значит, имели место прямые контакты сарматов с римлянами, а это могло произойти только после середины I в. н. э., когда Римская империя начинает проводить активную политику в северопричерноморском регионе. С другими кочевыми племенами (аорсами) у Рима были дружественные отношения, поэтому не имело смысла дарить им дорогие подарки, аланы же всегда рассматривались как враги империи, что требовало подкупа их вождей (Raev 1986, p. 65–66).

Эта историческая схема была поддержана и развита многими исследователями, выдвигались дополнительные аргументы в подтверждение связи всех элитных погребений Северного Причерноморья с аланами (Скрипкин 1990, с. 206–209; 1997, с. 23–24; Ждановский 1987; Максименко 1998; Симоненко 2002; Simonenko 2008, s. 11, 50; Засецкая, Марченко 1995; Marčenko, Limberis 2008, s. 324–326). В частности, А. С. Скрипкин высказал утверждение, что в I в. н. э. в степях Восточной Европы впервые появляются женские захоронения высокого социального статуса, аналогичные обнаруженным в некрополе Тилля-тепе (Скрипкин 1990, с. 209, 215; 1997, с. 24, 71, 93), а это может означать «возрождение гинекократических черт, которыми античные авторы наделяли савроматское и массагетское общество» (Скрипкин 1997, с. 24) (по сообщению Аммиана Марцеллина, аланы — это бывшие массагеты).

Следуя изложенной исторической модели, Ногайчинский курган должен быть отнесен к концу I – началу II в. н. э. Комплекс обнаружен юго-западнее Нижнего Дона, зна-

чит, он датируется несколько позже донских памятников. Это богатое женское погребение, здесь найдены предметы звериного стиля, следовательно, он аланский.

Очевидно, однако, что когда погребение датируется по предполагаемому историческому контексту его совершения, то нарушается процедура исследования археологического источника. Это справедливо и в отношении соотнесения всех богатых погребений Нижнего Дона, а затем и всего Северного Причерноморья, с аланами. Эти выводы были сформулированы без выделения признаков элитных погребений, без оценки их интерпретационных возможностей и репрезентативности выборки, скорее исходя из представлений, сформированных на основе внеисточникового опыта, чем в результате обработки археологических данных. Таким образом, археологический материал был использован только как иллюстрация сведениям, полученным из нарративной традиции.

Если же археологический материал использовать как независимый исторический источник, то необходимо представлять, ответы на какие вопросы может дать его анализ, в данном случае анализ элитных погребений¹¹.

Вопросы, связанные с этносоциальными изменениями в обществе, миграциями и завоеваниями, невозможно решить исключительно на материале богатых комплексов. В погребениях элиты стадильно близких социумов одного хронологического горизонта, как правило, проявляется много общих черт, особенно среди сопутствующего погребального инвентаря (Kossack 1974, s. 4). Это связано, прежде всего, с показательным характером похорон представителей элиты,

в ходе которых происходила демонстрация социального положения не столько покойного, сколько его клана и ближайших родственников, а также позиции всего социума по отношению к соседним и даже весьма отдаленным общественным образованиям. Вопрос выяснения этнического содержания памятников материальной культуры вообще чрезвычайно сложен, и должен решаться на базе всей совокупности источников, включая полноценный сравнительный анализ отдельных могильников. Поэтому отнесение к аланам всех богатых погребений определенного хронологического периода, даже если они появляются «внезапно и одновременно», вряд ли оправдано. Такое «внезапное появление» множества богатых погребений может быть обусловлено другими причинами.

Вопрос о том, почему в культуре появляются богатые погребения, решается обычно в одной из двух плоскостей: экономической (Гуляев 1976, с. 226–227) и социальной (Массон 1976, с. 158–159). Е. В. Антонова и Д. С. Раевский подчеркивают также роль идеологического фактора в появлении в обществе социальной элиты (Антонова, Раевский 1984, с. 158). Однако все эти варианты интерпретации ориентированы на эволюционное развитие общества, и не учитывают динамичную модель внезапного появления и такого же внезапного исчезновения погребений с использованием ритуала и погребальных даров необычной пышности.

Такой динамике существует несколько вариантов объяснений. Некоторые исследователи считают, что появление в сложно структурированных обществах с верховной центральной властью погребений, от-

¹¹ Под элитой понимаются индивиды и группы, занимающие ведущее положение в различных сферах человеческой деятельности (политической, идеологической, хозяйственной, культурной и т. п.) (Свод этнографических понятий 1986, с. 224). Элита разного происхождения играла наиболее активную роль в политической жизни общества, вне зависимости от конкретного общественного устройства. Представители знати, военачальники, «бигмены», вожди и цари племен заключали и расторгали военные союзы, в их функции входило получение и перераспределение прибавочного продукта, контроль над внешним обменом и торговлей, ремесленным производством и значимыми для хозяйства технологиями. Они являлись олицетворением своего народа во внутренней и внешней политике (Крадин 2001, с. 68–69, 90–108).

личающихся особым богатством, отражает неустойчивый баланс политических сил, кризисную ситуацию в обществе (Kossack 1974, s. 31–32; Schier 1998, s. 493–494; Huth 2003, s. 260–261). С другой стороны, пышные погребения могли появиться в результате концентрации политической власти в руках одной группировки или отдельных лиц (Egg 2009). Централизация власти происходила особенно интенсивно в тех обществах, где существовали контакты с культурами, более выдающимися в техническом и организационном отношении (Kossack 1974, s. 31–32). Из таких «высоких» культур исходили не только экономические и социальные импульсы, но вместе с тем перенимались и новые военные стратегии, что могло приводить к очевидным расширениям центров сосредоточения власти (Egg 2009, s. 48). Также изменяли культуру высшего социального слоя торговля, престижный обмен и связанные с ними внешнеполитические контакты.

Концентрация власти, привилегий и богатств в одних руках была рискованным предприятием и приводила к борьбе за власть, что сказывалось на нестабильности ситуации. Если не успевали создаваться особые институты, стабилизирующие положение, то кризис был неминуем. Таким образом, упадок элит был неразрывно связан с их взлетом (Egg 2009, s. 49).

Учитывая эту особенность «элитных» погребений, сравнение между собой комплексов, обнаруженных на достаточно обширной территории, может дать бесценную информацию о связях и отношениях различных обществ между собой, а также с соседними и отдаленными регионами.

Особое значение в этом плане приобретают вещи, положенные с покойным в могилу, которые можно разделить на «ординарные» (характерные для «стандартного» погребального комплекса данного некрополя или региона) и «экстраординарные» (инсигнии, экстраутилитарные предметы, импорты).

Совпадение категорий предметов и элементов погребального обряда, отмеченное у нескольких элитных комплексов, указывает на определенную общность оставившего их населения. Напротив, несовпадения в каждом конкретном случае нужно интерпретировать отдельно, в зависимости от того, насколько часто они повторяются, и в каких элементах погребального комплекса они проявляются. Погребения со специфическими инсигниями, не встречающимися на других территориях, могут маркировать территорию определенной родо-племенной группы или этнического образования. Если же несовпадения касаются погребального «стандарта», то не исключено, что они вызваны различиями более общего порядка, например, хозяйственно-культурными.

Что касается импортных изделий, то в данном случае, очевидно, важно не то, какими путями попали те или иные изделия в культуру населения (варианты хорошо известны — дипломатический дар, престижный обмен, военная добыча, торговля), а факт их помещения (отчуждения) в погребальный комплекс. Этот выбор характеризует ментальность совершавшего обряд населения и, следовательно, является элементом его самоидентификации.

К тому же хронологическому горизонту, что и Ногайчинское погребение, относятся еще целый ряд неграбленных элитных женских погребальных комплексов, обнаруженных в степях Подонья, Прикубанья и Нижнего Поволжья: Майеровский-III 4-3Б (Заволжье), Алитуб к. 20 «Крестовый», Алитуб к. 26 (Нижний Дон), Песчаный к. 1 п. 10, Воронцовская к. 3 п. 1, Калининская к. 1 п. 16, Малаи «Овальный курган» п. 15, Новокубанская к. 5 п. 5 (Прикубанье). Они датируются от второй половины II в. до н. э. до рубежа эр. Эта группа неоднородна. Есть черты, которые их объединяют (обилие ювелирных украшений высокого класса, зеркала, драгоценные сосуды для питья), и по которым они отличаются (форма и конструк-

ция погребальных сооружений; наличие/отсутствие животной пищи в могиле).

Локальное обособление Ногайчинского кургана от других памятников (поблизости не найдено ни одного погребального памятника сарматского времени) не позволяет надежно соотнести его с какой-то конкретной культурой. В то же время, отдельные специфические признаки погребального обряда (сосредоточение погребального инвентаря справа вдоль тела погребенной, руки в чашах) и предметы инвентаря (чернолощечный кувшин, зооморфные подвески, гривна, брошь, браслеты на ногах), указывают на близость его археологической культуре Прикубанья эллинистического периода. Отсутствие в комплексе римской импортной

посуды, столь характерной для элитных погребений Нижнего Дона первых веков н. э., рассмотренных Б. А. Раевым (1986), является дополнительным аргументом в пользу его датировки предшествующим временем, около середины I в. до н. э.

Появление в археологических культурах Нижнего Поволжья, Нижнего Дона и Прикубанья I в. до н. э. особо богатых погребений могло быть связано с активизацией и централизацией общественной элиты под воздействием внешней политики Понтийского царя Митридата VI Евпатора, который привлечение на свою сторону северопричерноморских варваров рассматривал как одно из самых действенных средств в борьбе с Римом.

Литература

- Абрамова М. П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // СА. 1979. № 2.
- Абрамова М. П. О скифских традициях в культуре населения Центрального Предкавказья в IV – II вв. до н. э. // Проблемы скифо-сарматской археологии. — М., 1990.
- Антонова Е. В., Раевский Д. С. «Богатство» древних захоронений (к вопросу о роли идеологического фактора в формировании облика погребального комплекса) // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. — Киев, 1984.
- Глебов В. П. Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». — Краснодар, 2004.
- Граков Б. Н. Γυνακκοκρατορμενοι: пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3.
- Гуляев В. И. Проблема становления царской власти у древних майя // Становление классов и государства. — М., 1976
- Демиденко С. В., Журавлев Д. В., Трейстер М. Ю. «Круглый курган» из раскопок В. Г. Тизенгаузена // Древности Евразии. — Москва, 1997.
- Ждановский А. М. К вопросу о передвижениях и контактах в сарматское время (Прикубанье–Поволжье–Средняя Азия) // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье–Приазовье. — Новочеркасск, 1987.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. «Ногайчинский» курган в степном Крыму // ВДИ. 2003. № 3.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом // Древняя Таврика. — Симферополь, 2007.
- Засецкая И. П. Изображение «пантеры» в сарматском искусстве // СА. 1980. № 1.

- Засецкая И. П. Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор) // СА. 1989. № 3.
- Крадин Н. Н. Политическая антропология. — М., 2001.
- Максименко В. Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Вып. 6. — Азов, 1998.
- Марченко И. И. Сираки Кубани. — Краснодар, 1996.
- Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). — Л., 1976.
- Мордвинцева В. И. Фалары из votивных кладов Северного Причерноморья 3 – 1 вв. до н. э. и сарматская парадигма // ВДИ. 2008. № 3.
- Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю. Произведения торевтики и ювелирное искусство в Северном Причерноморье (2 в. до н. э. – 2 в. н. э.). — Симферополь–Бонн, 2007.
- Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 1. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. — М., 1986.
- Раев Б. А. Пазырык и «Хохлач» — некоторые параллели // Скифо-сибирский мир. Тезисы докладов конференции. — Кемерово, 1984.
- Симоненко А. В. Сарматы Таврии. — Киев, 1993.
- Симоненко А. В. О датировке и происхождении античных драгоценностей из погребений сарматской знати I – начала II вв. н. э. // Боспорский феномен. Вып. 2. — СПб., 2001.
- Симоненко А. В. Латенский и римский импорт в сарматских погребениях Северного Причерноморья // Античная цивилизация и варварский мир. — Краснодар, 2002.
- Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. — Саратов, 1990.
- Скрипкин А. С. Этюды по истории и культуре сарматов. — Волгоград, 1997.
- Скрипкин А. С., Клепиков В. М. Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». — Краснодар, 2004.
- Смирнов К. Ф. Проблема происхождения ранних сарматов // СА. 1957. № 3.
- Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. — М., 1964.
- 60 років Інституту археології НАН України. — Киев, 1994.
- Трейстер М. Ю. О ювелирных изделиях из Ногайчинского кургана // ВДИ. 2000. № 1.
- Щепинский А. А. История сарматов в Северном Причерноморье // Тез. докл. XIV-й Международной конференции античников социалистических стран. — Ереван, 1976.
- Щепинський А. О. Скарби сарматської знаті // Вісник Академії наук УРСР. № 10. — Київ, 1977.
- Anderson-Stojanović V. R. The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria // American Journal of Archaeology. 91. 1987.
- Egg M. Sozialarchäologische Betrachtungen zu den Hallstattzeitlichen Fürstengräbern von Kleinklein (Bez. Leibnitz, Weststeiermark). Eine Zwischenbilanz // Aufstieg und Untergang. Zwischenbilanz des Forschungsschwerpunktes „Studien zu Genese und Struktur von

- Eliten in von- und frühgeschichtlichen Gesellschaften“. — Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 82. — Mainz, 2009.
- Gold aus Kiew. 170 Meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine. Eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums Wien. — Wien, 1993.
- Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. — Schleswig, 1991.
- Huth Ch. Menschenbilder und Menschenbild. Anthropomorphe Bildwerke der frühen Eisenzeit. — Reimer, 2003.
- Kossack G. Prunkgräber. Bemerkungen zu Eigenschaften und Aussagewert // Studien zur vor- und frühgeschichtlichen Archäologie. Festschrift für J. Werner zum 65. Geburtstag. XXIV. — München, 1974.
- Marčenko I., Limberis N. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban. Archäologie in Eurasien. Bd. 25. — Mainz, 2008.
- Raev B. A. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR International series 278. — Oxford, 1986.
- Rau P. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitze. Mitteilungen des Zentralmuseums der ASRR der Wolgadeutschen. Jahrgang 4. Heft 1. — Pokrowsk, 1929.
- Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. — Oxford, 1922.
- Rostovtzeff M. The Animal Style in South Russia and China. — Princeton, 1929.
- Rotroff S. I. The Athenian Agora. Volume XXXIII. Hellenistic pottery. The plain wares. Princeton, New Jersey, 2006.
- Simonenko A. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban. Archäologie in Eurasien. Bd. 25. — Mainz, 2008.
- Ščepinskij A. A. Über die Aristokratie der Sarmaten im nördlichen Schwarzmeergebiet // Zeitschrift für Archäologie. 1994. Bd. 28.
- Schier W. Fürsten, Herren, Händler? Bemerkungen zu Wirtschaft und Gesellschaft der westlichen Hallstattkultur // Archäologische Forschungen in urgeschichtlichen Siedlungslandschaften. Festschrift für Georg Kossack zum 75. Geburtstag. — Regensburg, 1998.
- Treister M. Y. Concerning the Jewellery Items from the Burial-Mound at Nogajchik // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1997. Vol. 4.

Yuriy ZAYTSEV, Valentina MORDVINTSEVA, Kirsten HELLSTRÖM

**Radiocarbon Dating of the Elite Female Burial in Nogaychi Barrow (Crimea)
and Its Cultural-Historical Context**

Abstract

The chronology of the so-called Nogaychi barrow for many years is the subject of debates and discussion. Some scholars date it to the late first or early second century AD (Симоненко 1993; Simonenko 2008). However, the burial contained objects characteristic of the Late Hellenistic period, mainly the first century BC (a fusiform *unguentarium*, a ceramic jug, a glass cup, some jewellery, etc.) This is confirmed by statistical comparison of the calibrated dates obtained by determining the age of wooden and bone material from the grave, carried out using the program OxCal. The obtained data correlate this burial with the highest percentage of probability with the specified temporal interval.

To the same chronological period belong some other female ostentatious burials in the Lower Volga, Lower Don, and Kuban areas. This group is not homogenous. There are features that unite them (a number of gold jewellery, precious drinking vessels, mirrors) and on which they differ (form and construction of the burial constructions; presence or absence of the animal bones in the grave, and others).

The local isolation of this barrow mound from any burial ground does not allow one to correlate it reliably with any particular culture. At the same time, some specific features of the burial rite (concentration of grave goods on the right side along the body, hands put in bowls) and specific types of burial goods (ceramic jug, zoomorphic pendants, neck-ring, brooch, anklets) indicate its proximity with the archaeological culture of the Kuban region of the Hellenistic period.

The appearance of particularly rich burials in the archaeological cultures of the Lower Volga, Lower Don, and Kuban areas in the first century BC could be associated with the increased centralization of social elites, partly as a result of the foreign policy of king of Pontos Mithridates VI Eupator.

Translated by Valentina Mordvintseva

А. Е. Пуздровский

Детское погребение с граффити-посвящением на краснолаковой тарелке из Усть-Альминского некрополя

В ходе исследований 1993–2012 гг. Усть-Альминского позднескифского некрополя, которые ведет Альминская экспедиция Крымского филиала Института археологии НАНУ совместно с Бахчисарайским историко-культурным заповедником, получен многочисленный и разнообразный материал, свидетельствующий о неординарности памятника и его важной роли в этнополитической истории Крымской Скифии. Особый интерес представляет участок с погребениями сарматской знати второй половины I – первой половины II в. н. э. в грунтовых склепах. Общая информация и часть этих материалов уже изданы (Loboda, Puzdrovskij, Zajcev 2002, S. 295–346; Puzdrovskij, Zajcev 2004, S. 229–267; Пуздровский 2007).

Изучение исторической топографии некрополя показывает, что рядом с элитными захоронениями часто располагались

детские погребения с богатым и разнообразным инвентарем. Среди них особый интерес для понимания духовной культуры позднескифского и сарматского населения представляют объекты, где найдены граффити-посвящения на краснолаковой посуде, выполненные греческими буквами. Публикации одного из таких комплексов посвящена данная статья.

Могила 928 (рис. 1). Сооружена в своде над северо-восточным углом камеры склепа 770. Сам склеп разграблен в древности, однако, судя по размерам камеры, костным останкам и инвентарю, можно предположить, что в нем было похоронено не более двух человек на рубеже I – II вв. н. э.

По конструкции могила 928 относится к подбойным. Входная яма 1,70 x 0,50–0,60 м ориентирована по линии СЗ – ЮВ. В камеру, сооруженную в северо-восточной стенке,

вела ступенька высотой 0,15–0,20 м. Подбой отделен от входной ямы закладом из вертикально поставленных известняковых плит. На дне могилы зафиксированы остатки гроба, костяк погребенного не сохранился, лишь в юго-восточной части зачищено несколько зубов. В северо-западной части подбоя найдены краснолаковые сосуды: кувшин, тарелка с граффити ΘΕΑ на дне и чашка (рис. 2, 1–3) с румянами внутри. В центральной части камеры лежали орнаментированное зеркало-подвеска (рис. 2, 4) и колокольчик (рис. 2, 5). В области предполагаемого расположения кистей рук зачищены наборы гагатовых (рис. 3, 17а, 18а), сердоликовых (рис. 3, 17б, 18б) и стеклянных (рис. 3, 17в, 18в) бус. Здесь же лежали шесть бронзовых перстней со стеклянными вставками (рис. 3, 15, 16).

В юго-восточной части подбоя найдены украшения и амулеты: бронзовая шарнирная зооморфная фибула со вставками из эмали темно-красного, красного и голубого цветов (рис. 2, 14), фрагментированная пружинная фибула смычковой конструкции (рис. 2, 12), фаянсовые подвески в виде кукиша и виноградной грозди (рис. 2, 7а), каменная пронизь (рис. 3, 21), бусы из гагата (рис. 3, 7б), сердолика (рис. 3, 7в), янтаря (рис. 3, 7г), агата (рис. 3, 7д), фаянса (рис. 3, 7е) и стекла (рис. 3, 7ж), две бронзовые антропоморфные подвески (рис. 2, 10), бронзовая дисковидная пластина с тремя отверстиями (рис. 2, 8), два бронзовых кольца с тремя рядами выступов (рис. 2, 11), бронзовая подвеска-кирочка (рис. 2, 6), пронизь из ушка зеркала (рис. 2, 9). Здесь же обнаружена сильно потертая римская медная монета-подвеска (рис. 2, 13).

На месте предполагаемого местонахождения черепа зачищены две серебряные серьги (рис. 3, 19б, 20б), фрагментированный щиток со вставкой каплевидной формы из синего стекла (рис. 3, 19а), вероятно, от одной из них, а также фрагмент серебряной пластины с гравированным орнаментом (рис. 3, 20а).

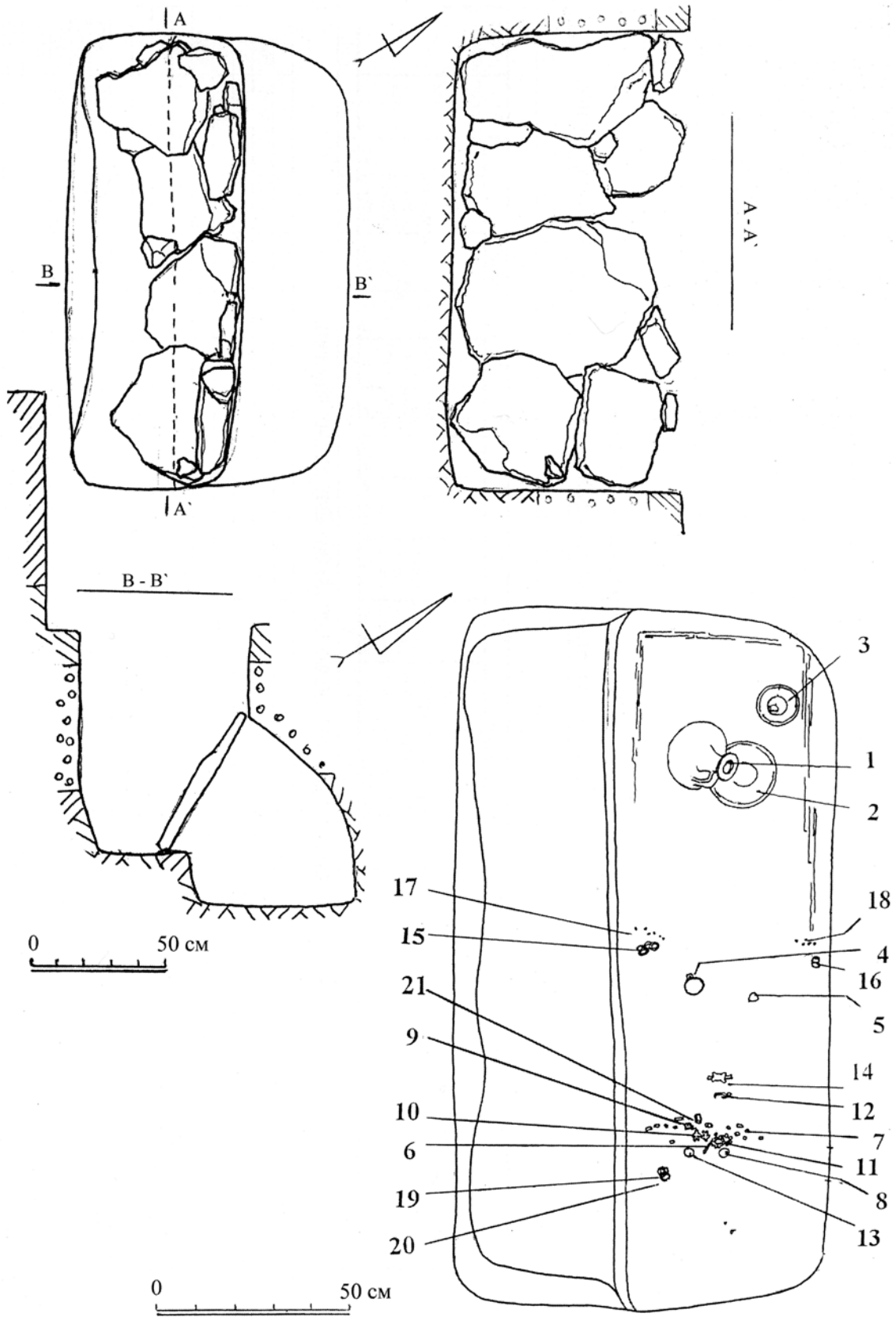
Судя по размерам подбоя, составу и расположению погребального инвентаря, в могиле была захоронена девочка-подросток, головой на юго-восток.

Рассмотрим инвентарь.

1. Краснолаковый кувшин с усеченно-биконической формой тулова, невысоким цилиндрическим горлом и уплощенным отогнутым венчиком, на кольцевом поддоне (рис. 2, 1). Диаметр венчика — 5,0 см, диаметр дна — 4,0 см, высота — 13,0 см. Снаружи, на горле — два кольцевых желобка. Ручка в сечении прямоугольная, расчлененная двумя вертикальными желобками. Глина красно-коричневого оттенка, тесто плотное, с мелкими включениями белых частиц. Лак красно-коричневого цвета, блестящий, покрывает сосуд на $\frac{3}{4}$ высоты.

А. А. Труфанов отнес этот сосуд к типу 16 (вариант 2а), определив весь комплекс могилы 928, как относящийся к 4-ой хронологической группе (по его классификации): рубеж I – II вв. н. э. – 125/150 гг. н. э. (Труфанов 2005–2009, с. 192, 205, рис. 45, 1). Очень близкий сосуд из погребения 275 могильника Бельбека IV Д. В. Журавлев по комплексу датировал первой половиной – серединой II в. н. э. (Журавлев 2010, с. 156, 157, рис. 42, кат. № 329).

2. Краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком, усеченно-коническим туловом, на низком кольцевом поддоне (рис. 2, 2). Диаметр венчика — 14,0 см, диаметр дна — 9,0 см, высота — 3,5 см. На внешней стороне бортика — две кольцевых линии штампованных насечек. На внутренней стороне дна — оттиск штампа в виде пальметки, обрамленный двумя концентрическими желобками, на оборотной — довольно небрежно прочерчено граффити: ΘΕΑ. Лак красно-коричневого оттенка, покрывает весь сосуд. Глина светло-коричневого оттенка, с блестками. Тарелка по своим внешним характеристикам относится к группе ESB2 (форма 3.1 по Д. В. Журавлеву). Бытование наиболее поздних экземпляров этого варианта не выходят за рамки второй четверти – середины

II в. н. э. (Журавлев 1997, с. 240, рис. 3, 1, 2; 2010, с. 24, 25, табл. 5, 5, 6; Труфанов 2005–2009, с. 148, рис. 9, 4).

3. Краснолаковая миниатюрная чашка (миска — по классификации Д. В. Журавлева) с усеченно-коническим туловом, на кольцевой подставке (рис. 2, 3). Диаметр венчика — 9,0 см, диаметр дна — 6,0 см, высота — 3,0 см. На внутренней стороне дна — плохо пропечатавшийся оттиск фигурного штампа, обрамленный кольцевым желобком. Глина розовато-коричневого цвета, с блестками. Лак оранжево-красного оттенка.

Чашка относится к группе краснолаковой керамики ESB2. Аналогичные сосуды известны в Усть-Альме и Битаке в комплексах последней четверти I и начала II в. н. э. (Высотская 1994, табл. 33, 5; Пуздровский 2007, рис. 169, 8, 9; Труфанов 2005–

2009, рис. 7, 9). Д. В. Журавлев отнес такие чашки из могильника Бельбек IV к форме 7.1. Верхняя дата этой посуды не выходит за рамки первой четверти II в. н. э. (Журавлев 1997, с. 240, рис. 4, 2; 2010, с. 30, 31, табл. 8, 44).

4. Бронзовое орнаментированное зеркало-подвеска с боковой петлей (рис. 1, 4). Диаметр — 2,8 см. В центре оборотной стороны рельефно изображен солярный (сарматский) знак в виде пятилучевого «вихревого» орнамента, а по краю — пять полукружий. Похожие зеркала в могильниках Крымской Скифии найдены в комплексах конца I – первой половины II в. н. э., хотя изредка встречаются и позже (Труфанов 2007, рис. 3, 8, 9).

5. Бронзовые перстни представлены шестью экземплярами со щитками овальной формы. Диаметр 1,7–2,0 см. С левой руки

- Рис. 1. Могила 928. Планы, разрезы: 1 — кувшин краснолаковый; 2 — тарелка краснолаковая с граффити; 3 — чашка краснолаковая; 4 — зеркало бронзовое; 5 — колокольчик бронзовый; 6 — подвеска («кирочка») бронзовая; 7 — бусы и пронизи (а — подвески фаянсовые фигурные; б — гагат; в — сердолик; г — янтарь; д — агат; е — фаянс; ж — стекло); 8 — бронзовая пластина; 9 — бронзовая ручка-петля от зеркала; 10 — бронзовые антропоморфные подвески; 11 — бронзовые кольца с выступами; 12 — бронзовая пружинная фибула-брошь; 13 — бронзовая монета-подвеска; 14 — бронзовая шарнирная фибула-брошь; 15, 16 — бронзовые перстни со стеклянными вставками; 17, 18 — бусы и пронизи (а — гагат; б — сердолик; в — стекло); 19 — серьги из белого металла; 20 — орнаментированная пластина из белого металла; 21 — пронизь каменная

- Fig. 1. Grave 928. Plans and sections: 1 — red slip jug; 2 — red slip plate with graffiti; 3 — red slip bowl; 4 — bronze mirror; 5 — bronze bell; 6 — bronze “pick-shaped” pendant; 7 — beads (a — faience figural pendants; б — jet; в — carnelian; г — amber; д — agate; е — faience; ж — glass); 8 — bronze plate; 9 — bronze looped handle from a mirror; 10 — bronze anthropomorphic pendants; 11 — bronze knobbed rings; 12 — springed bronze brooch; 13 — bronze coin pendant; 14 — hinged bronze brooch; 15–16 — bronze finger-rings with glass insets; 17–18 — beads (a — jet; б — carnelian; в — glass); 19 — earrings of white metal; 20 — ornamental plate of white metal; 21 — stone bead

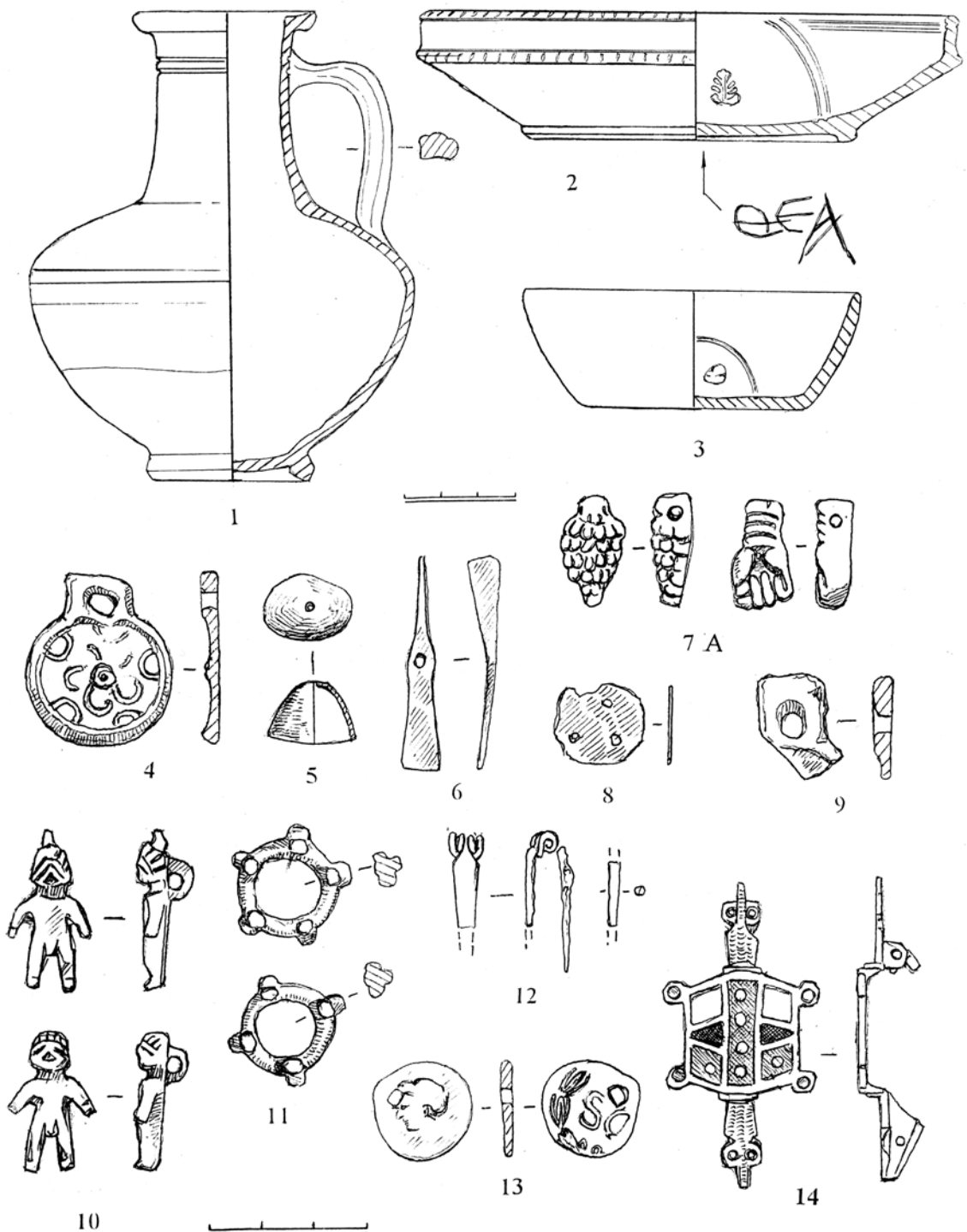

Рис. 2. Могила 928. Находки: 1-3 — керамика; 4-13 — бронза; 7а — фаянс; 14 — бронза, эмаль

Fig. 2. Grave 928. The finds: 1-3 — ceramics; 4-13 — bronze; 7a — faience; 14 — bronze and enamelling

происходят четыре перстня, из них три с плоскими и один с овальной выпуклой стеклянной вставкой из прозрачного стекла, на трех вырезаны геммы (рис. 2, 15). На правой руке был перстень с выпуклой полусферической вставкой из синего стекла (рис. 2, 16), вставка еще одного перстня утрачена (рассыпалась). Диапазон бытования таких украшений достаточно велик. Наиболее часто перстни со стеклянными вставками и вырезанными на них геммами встречаются в конце I – начале II в. н. э. (Высотская 1994, с. 114, 115).

6. Бронзовый деформированный колечко конической формы, с отверстием в верхней части (рис. 2, 5). Диаметр — 1,7 см, высота — 1,2 см. Такие предметы были широко распространены в первые века н. э.

7. Бронзовая шарнирная фибула-брошь с украшенным эмалью щитком шестигранной формы и дисковидными выступами на углах, с зооморфными окончаниями стержневой части (рис. 2, 14). Игла утрачена в древности. Размеры: 6,0 x 3,0 x 1,5 см. Центральная вертикальная вставка заполнена эмалью красного цвета, поперечная — красно-коричневого, угловые ячейки (в двух вставки не сохранились) — голубого оттенка, все диски белого цвета.

По классификации В. В. Кропотова данная фибула относится к группе 16 (броши с шарниром из двух стоек), форме 41, и по аналогиям из римских провинций датируется не позже второй четверти II в. н. э. (Riha 1979, taf. 64, 1666; Кропотов 2010, с. 310, рис. 89а). Это совпадает с моими наблюдениями о начальном этапе поступления таких украшений в Центральный и Юго-Западный Крым (Пуздровский 2007, с. 185, 189–190).

8. Бронзовая пружинная фибула смычковой конструкции, щиток не сохранился (рис. 2, 12). Размеры: 1,8 x 0,6 x 0,8 см. По классификации В. В. Кропотова (Кропотов 2010, с. 293–295) застежка относится к группе 15 (пружинные фибулы-броши). Исходя из конструкции, можно отнести наш экземпляр к концу I – началу II в. н. э. — времени наибольшего распространения фибул этого

типа в крымских могильниках (Пуздровский 2007, с. 179–180; Труфанов 2005–2009, с. 209, рис. 51, 8–14).

9. Серебряные серьги из витой проволоки, с петлей и крючком на концах. Диаметр — 2,5 см. Одна из них была, вероятно, украшена вставкой каплевидной формы синего стекла в серебряной оправе размером 1,2 x 0,9 см (рис. 3, 19а). Аналогичные серьги со стеклянной вставкой происходят из комплекса первой половины II в. н. э. могилы 26 Усть-Альмы (Высотская 1994, с. 107, табл. 6, 22, 23). Рядом со второй серьгой найден фрагмент серебряной пластины с гравированным орнаментом (рис. 3, 20а). Она могла служить щитком от пружинной фибулы-броши (№ 8).

10. Бронзовая римская монета-подвеска (рис. 2, 13) с пробитым у края отверстием. Диаметр 1,9 см. ↓ ↓ Л. с. Голова императора влево. О. с. В центре — крупные буквы SC («Senatus Consulto») в обрамлении венка. По предварительному определению (см. Труфанов 2010, с. 236, прим. 37) данный выпуск может быть датирован раннеримским временем: от Августа (23 г. до н. э. – 14 г. н. э.) до Клавдия (41–54 гг. н. э.). Монета имела длительное хождение, а затем использовалась в качестве подвески.

11. Среди бус и пронизей встречены амулеты из бронзы, фаянса и камня:

— фаянсовые подвески (рис. 2, 7а) в виде виноградной грозди (2,1 x 1,2 x 0,8 см) и кукиша (2,1 x 1,2 x 0,6 см);

— бронзовая подвеска (рис. 2, 6) в виде кирочки (4,2 x 0,8 x 0,6 см);

— две бронзовые антропоморфные (рис. 2, 10) подвески (3,1 x 1,5 x 1,0 см);

— два бронзовых кольца (рис. 2, 11) с тремя рядами выступов (диаметр 2,2 см.);

— бронзовая пластина круглой формы (рис. 2, 8) с тремя отверстиями (диаметр 1,8 см);

— бронзовая петля от зеркала-подвески (рис. 2, 9);

— окатанный камень (1,8 x 1,2 x 1,5 см) с отверстием в центре, окрашенный синей краской.

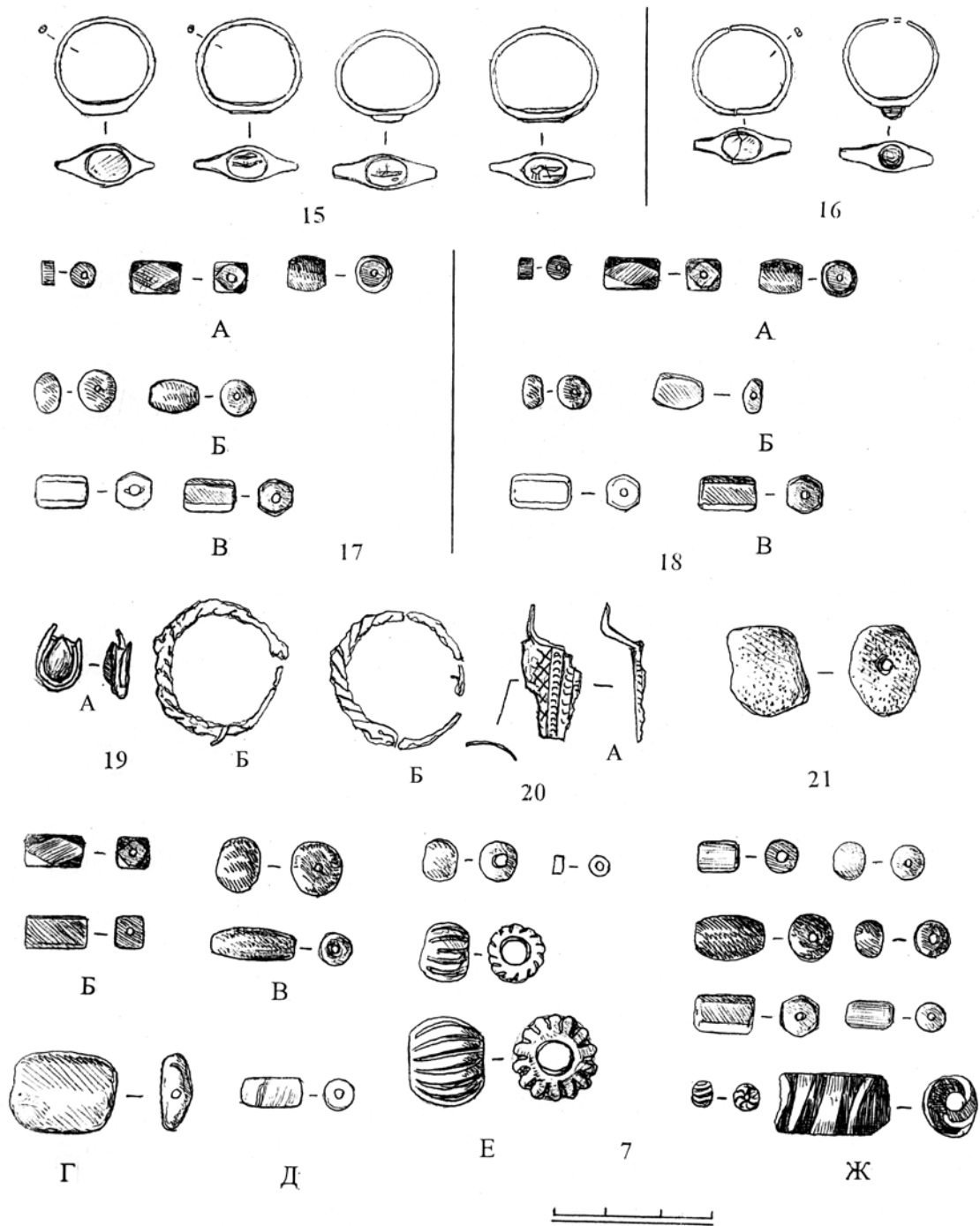

Рис. 3. Могила 928. Находки: 15, 16 — бронза, стекло; 17, 18 — гагат, сердолик, янтарь, стекло; 19б, 20а, 20б — серебро; 19а — серебро, стекло; 21 — камень; 7б — гагат, 7в — сердолик, 7г — янтарь, 7д — агат, 7е — фаянс, 7ж — стекло

Fig. 3. Grave 928. The finds: 15, 16 — bronze and glass; 17, 18 — jet, carnelian, amber, and glass; 19б, 20а, 20б — silver; 19а — silver and glass; 21 — stone; 7б — jet, 7в — carnelian, 7г — amber, 7д — agate, 7е — faience, 7ж — glass

Подвески из египетского фаянса в виде кукиша и виноградной грозди встречаются на Усть-Альме преимущественно в комплексах I – первой половины II в. н. э. (Высотская 1994, с. 127, табл. 4). Та же дата применима к подвескам-кирочкам (Стоянова 2004, с. 350), антропоморфным подвескам и кольцам с выступами (Труфанов 2005–2009, с. 231–232, 235; 2011, с. 231–232).

12. Состав бус, найденных в районе запастий, одинаков в обеих группах:

— короткоцилиндрические (по 52 экз.), бочковидной формы (5 и 2 экз.), в форме четырнадцатигранника (6 и 7 экз.) из гагата (рис. 2, 17а, 18а);

— округлые (3 и 2 экз.) и бочковидной формы (1 экз.) из сердолика (рис. 2, 17б, 18б), на левой руке — янтарная пронизь (1 экз.);

— призматической (в основании — шестиугольник) формы из глухого белого (6 и 3 экз.) и прозрачного зеленого стекла (1 и 3 экз.).

Такие украшения наиболее характерны для комплексов I – II вв. н. э.

13. Бусы и пронизы, найденные в районе грудной клетки, могли входить как в состав ожерелья (мелкие и средние экземпляры), так и быть на одной связке (крупные) с амулетами из фаянса, бронзы и камня (см. № 11):

— пронизы и бусы цилиндрической формы из красного стекла (1 экз.); округлой — из оранжевого (2 экз.); бочковидной и округлой — из синего (3 и 2 экз.); призматической и округлой (5 и 1 экз.) — из зеленого; округлой формы из чередующихся разноцветных нитей (красная, синяя, белая), расположенных наклонно по отношению к продольной оси (1 экз.); крупная цилиндрическая пронизь из навитых нитей белого стекла на основу из черного стекла (рис. 3, 7ж);

— фаянсовые ребристые пронизы (1 — крупная, 5 — среднего размера), округлой формы (5 экз.) и короткоцилиндрические (5 экз.) (рис. 3, 7е);

— сердоликовые пронизы и бусы бочковидной продольно вытянутой (2 экз.) и округлой (27 экз.) формы (рис. 3, 7в);

— агатовая пронизь цилиндрической формы (1 экз.) (рис. 3, 7д);

— гагатовые пронизы в форме четырнадцатигранника и шестиугольной призмы (по 1 экз.) и продольно вытянутые (5 экз.) (рис. 3, 7б);

— янтарная пронизь неправильной формы, сделанная из слегка подправленной заготовки (рис. 3, 7г).

В целом, хронологический диапазон украшений достаточно широк (I – III вв. н. э.), однако некоторые типы публикуемых бус и пронизей характерны для комплексов I – II вв. н. э. (Алексеева 1975, с. 33–34, табл. 5, 29–31; 1978, с. 47, табл. 29, 64; с. 25, 26, табл. 24, 37–41).

Анализ инвентаря и корреляция основных хроноиндикаторов позволяет датировать публикуемый комплекс в пределах второй четверти II в. н. э., возможно, ближе к ее началу. Об особом статусе погребенной девочки-подростка свидетельствует определенный инвентарь, несущий магическую и культовую смысловую нагрузку. Это краснолаковая тарелка с граффити-посвящением, перстни с геммами, зеркало с солярным орнаментом, обилие амулетов, фибула с зооморфными окончаниями.

Особый интерес представляет краснолаковая тарелка с граффити ΘΕΑ (рис. 2, 2) — посвящением неизвестному божееству. Аналогичная надпись на чашке из могилы 396 Усть-Альмы нанесена рядом с посвящениями Аполлону и Кибеле (Пуздровский 1997, с. 169–170, рис. 2, 1). Дата комплекса могилы 396 — первая половина II в. н. э.

Известные на сегодняшний день граффити греческими буквами на краснолаковой посуде в позднескифских могильниках Крыма исчисляются десятками, и число их продолжает возрастать. Они встречаются на сосудах определенного типа (чашки, тарелки, блюдца), преимущественно в детских (девочки) и женских захоронениях, в доста-

точно узком диапазоне (вторая половина I – начало II в. н. э.) — времени наибольшего распространения посуды группы ESB2 (Пуздровский 2011, с. 373–381).

Практическое использование посуды с греческими граффити-посвящениями предполагает магическо-ритуальные (приношение в храм) или заупокойные (погребальные) цели. Рассматриваемая категория находок, а также предметы торевтики, глиптики, коропластики свидетельствуют, что определенная часть жителей позднескифских городищ, несомненно, была знакома с культами греческих богов. Эллинизация сарматского населения, продвинувшегося с востока через Боспор, также предполагает формирование синкретичных верований. Достаточно велика в этом процессе роль Херсонеса и Ольвии.

Примечательно, что в 2,5 м к юго-западу от склепа 770 исследована могила 926, где в детском погребении второй четверти II в. н. э. обнаружен уникальный краснолаковый фигурный сосуд с подписью (Пуздровский 2012, с. 201–207). Несомненна его связь с дионисийскими культами, представлениями о подземном мире и возрождении природы, земледельческими ритуалами. В этом плане показательно сравнение альминских могил 926 и 928 с близкими по обряду и набору инвентаря погребениями (рубежа I – II вв. н. э.) 20/1973 (с граффити-посвящением) и 5/2001 (со стеклянным кубком в виде головы богини) из ольвийского некрополя, где покоились останки девочек, вероятно, связанных с культом Деметры (Козуб 2002, с. 67–75).

Литература

- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. — М., 1975.
- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. — М., 1978.
- Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. — Киев, 1994.
- Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика группы Eastern sigillata В из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Древности Евразии. — М., 1997.
- Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). — Симферополь, 2010.
- Козуб Ю. I. Скляний фігурний келих з некрополя Ольвії // Северное Причерноморье в античное время. Сборник научных трудов к 70-летию С. Д. Крыжицкого. — Киев, 2002.
- Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. — Киев, 2010.
- Пуздровский А. Е. Граффити на краснолаковой посуде из раскопок Усть-Альминского некрополя в 1993–1995 гг. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I. — Симферополь, 1997.
- Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. — Симферополь, 2007.
- Пуздровский А. Е. Граффити на краснолаковой посуде из могильников Крымской Скифии // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. — СПб., 2011.
- Пуздровский А. Е. Погребение с фигурным краснолаковым сосудом из Усть-Альминского некрополя // Евразия в скифо-сарматское время. — М., 2012.
- Стоянова А. А. Металлические подвески в форме топориков из Крыма // Боспорские чтения. Вып. V. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. — Керчь, 2004.

- Труфанов А. А. Зеркала-подвески первых веков н. э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика. — Симферополь, 2007.
- Труфанов А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. — III в. н. э. // Stratum plus. 2005–2009. № 4.
- Труфанов А. А. Монеты из погребений варварского населения Крыма первых веков н. э. // Древняя и средневековая Таврика. — Донецк, 2010.
- Труфанов А. А. Металлические амулеты-подвески Северного Причерноморья первых веков н. э. // Stratum plus. 2011. № 4.
- Loboda I I., Puzdrowskij A. E., Zajcev J. P.. Prunkbestattungen des I Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'- Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996 // Eurasia Antiqua. 2002. Bd. 8.
- Puzdrowskij A. E., Zajcev J. P. Prunkbestattungen des I Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'- Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1999 // Eurasia Antiqua. 2004. Bd. 10.
- Riha E. Die Romischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst // Forschungen in Augst. Bd. 3. — August, 1979.

Aleksandr PUZDROVSKIY

**A Child's Grave with Dedicative Graffiti on a Red Slip Plate
in the Cemetery of Ust'-Al'ma**

Abstract

This paper publishes the complex of finds from grave 928 in the cemetery of Ust'-Al'ma. This burial of a juvenile girl is dated to ca. 125–150 AD because of the accompanying goods. The most interesting is the find of red slip plate with graffiti ΘΕΑ, a dedication to some deity. This artefact contributes to our knowledge of spiritual culture of the population of Crimean Scythia in the first centuries AD.

И. И. Неневоля, А. А. Волошинов

Раскопки могильника Долинное

Некрополь находится при въезде в село Долинное Бахчисарайского района АР Крым, в 130 м к северу от шоссе Бахчисарай – п. Кача. Расположен в 170–200 м к востоку от поселения Топчикой I, открытого Н. Л. Эрнстом в 1919 г. (Дашевская 1991, с. 111). В том же году, при добыче глины неподалеку от поселения, были разрушены два погребения с железным мечом, бусами и сероглиняными сосудами (Пуздровский 2007, с. 100).

Осенью 1997 г. в Бахчисарайский историко-культурный заповедник поступило сообщение о грабительских раскопках на могильнике, где неизвестными лицами было разграблено не менее 15 погребальных сооружений. В октябре этого же года авторами данной публикации на разных участках могильника были исследованы 4 подбойные могилы (Неневоля, Волошинов 1997, с. 1–4).

Могилка № 1 (рис. 1, 1). Южная стенка могилы разрушена траншеей газопровода. Входная яма подпрямоугольной с округленными углами формы, размерами 1,9 x 0,4 м и прослеженной глубиной 0,6 м ориентирована по оси С – Ю.

Прямоугольная в плане погребальная камера, размерами 1,9 x 0,7 м, устроена в западной стенке входной ямы и была закрыта разномерными обломками известняка. Свод камеры обрушен в древности, пол ниже дна входной ямы на 0,15 м. В камере совершено захоронение взрослого человека в вытянутом положении головой на север. Руки вдоль туловища, ноги сближены в стопах. Слева от черепа погребенного (рис. 1, 1, № 1) находилась краснолаковая тарелка.

Инвентарь

Краснолаковая тарелка на кольцевом поддоне с сильно отогнутым и нависающим над стенками краем. На внутренней стороне дна — врезной орнамент в виде округлого пояска из одного ряда насечек (рис. 2, 1). Высота — 3,8 см, диаметр края — 19,8 см, диаметр поддона — 7,5 см.

Аналогичная тарелка найдена в подбое № 2 могилы № 324 Заветнинского могильника (Зайцев, Волошинов, Кюнелът и др. 2007, рис. 29, 6.). Согласно классификации Д. В. Журавлева, подобный тип тарелок относится к форме 6.3 и датируется серединой II – началом III в. н. э. (Журавлев 2010, с. 138, 216, табл. 20).

Датировка погребения: конец II – начало III в. н. э.

Могила № 2 (рис. 1, 2). Входная яма прямоугольной в плане формы, размером 2,3 x 0,8 м и прослеженной глубиной 0,8 м, ориентирована по оси С – Ю. Подпрямоугольная в плане погребальная камера размером 2,3 x 0,55 м устроена в западной стенке входной ямы. Она была закрыта кладкой из бутового известняка, заполнявшей ее объем на высоту 0,7 м. Свод камеры обрушен в древности, пол ниже дна входной ямы на 0,1 м. В камере находилось парное захоронение.

Погребение I (верхнее). Захоронение подростка совершено в деревянном гробу, в вытянутом положении, головой на север. Руки вдоль туловища, ноги сближены в стопах. У левого локтевого сустава погребенного находилась бронзовая пластина с отверстием (рис. 1, 2, № 3); у кисти левой руки — комок желтой охры (рис. 1, 2, № 6) и оселок (рис. 1, 2, № 4); на тазу — фрагмент железной пряжки (рис. 1, 2, № 5).

Погребение II (нижнее). Захоронение взрослого человека совершено в деревянной колоде, в вытянутом положении, головой на север. Руки располагались вдоль туловища, ноги сближены в стопах.

На груди покойного находилась разрушившаяся при зачистке меловая бусина (рис. 1, 2, № 1); в области живота — бронзовая игла от смычковой фибулы (рис. 1, 2, № 2).

Инвентарь

Погребение I

1. Бронзовая пластина прямоугольной формы с отверстием в верхней части (рис. 2, 2). Размеры 2,6 x 1,2 x 0,1 см.

2. Охра (рис. 1, 2, № 6).

3. Фрагмент рамки округлой железной пряжки (рис. 2, 4). Диаметр 3,5 см.

4. Прямоугольный в сечении каменный оселок с круглым отверстием для подвешивания. Размеры 8,3 x 1,6 x 1,1 см (рис. 2, 3).

Погребение II

1. Меловая бусина — разрушилась (рис. 1, 2, № 1).

2. Бронзовая игла смычковой фибулы (рис. 2, 5). Размеры 1,9 x 0,6 x 0,1 см.

Датировка погребений проблематична из-за отсутствия диагностирующих находок.

Могила № 3 (рис. 1, 3). Входная яма прямоугольной в плане формы, размерами 2,2 x 0,6 м и прослеженной глубиной 1,3 м, ориентирована по оси С – Ю. Прямоугольная в плане погребальная камера размерами 2,2 x 0,45 м устроена в западной стенке входной ямы и была закрыта кладкой из бутового известняка, заполнявшей ее объем на высоту 1,2 м. Свод камеры обрушен в древности, пол ниже дна входной ямы на 0,2 м.

В камере совершено захоронение взрослого человека в деревянной колоде. Погребенный лежал в вытянутом положении, головой на север – северо-восток. Руки согнуты в локтях, их кисти на костях таза, ноги перекрещены в коленях. За головой покойного, на крышке колоды, стоял краснолаковый кувшин (рис. 1, 3, № 1).

Инвентарь

1. Краснолаковый кувшин с желобчатым горлом (ручка утрачена в древности) на низком кольцевом поддоне. Лак темно-бурого оттенка с потеками (рис. 2, 6). Высота сосуда — 15,8 см, диаметр венчика — 5,5 см, диаметр поддона — 5,8 см. Сосуд подобного типа происходит из могилы № 187 Заветнинского некрополя (Богданова 1989, табл. III, № 36). Э. Кюннелт датирует его концом II – началом III в. н. э. (Kühnelt 2008, p. 201, 424, кат. 120).

Датировка погребения: конец II – начало III в. н. э.

Могила № 4 (рис. 1, 4). Входная яма прямоугольной в плане формы, размерами 2,3 x 0,8 м и прослеженной глубиной 0,9 м, ориентирована по оси ССВ – ЮЮЗ. Прямоугольная в плане погребальная камера, размером 2,3 x 0,55 м, устроена в западной стенке входной ямы и была закрыта вертикально стоящими известняковыми плитами, укрепленными с внешней стороны каменной забутовкой, заполнявшей ее объем на высоту 0,75 м. Свод камеры обрушен в древности, пол на одном уровне с дном входной ямы.

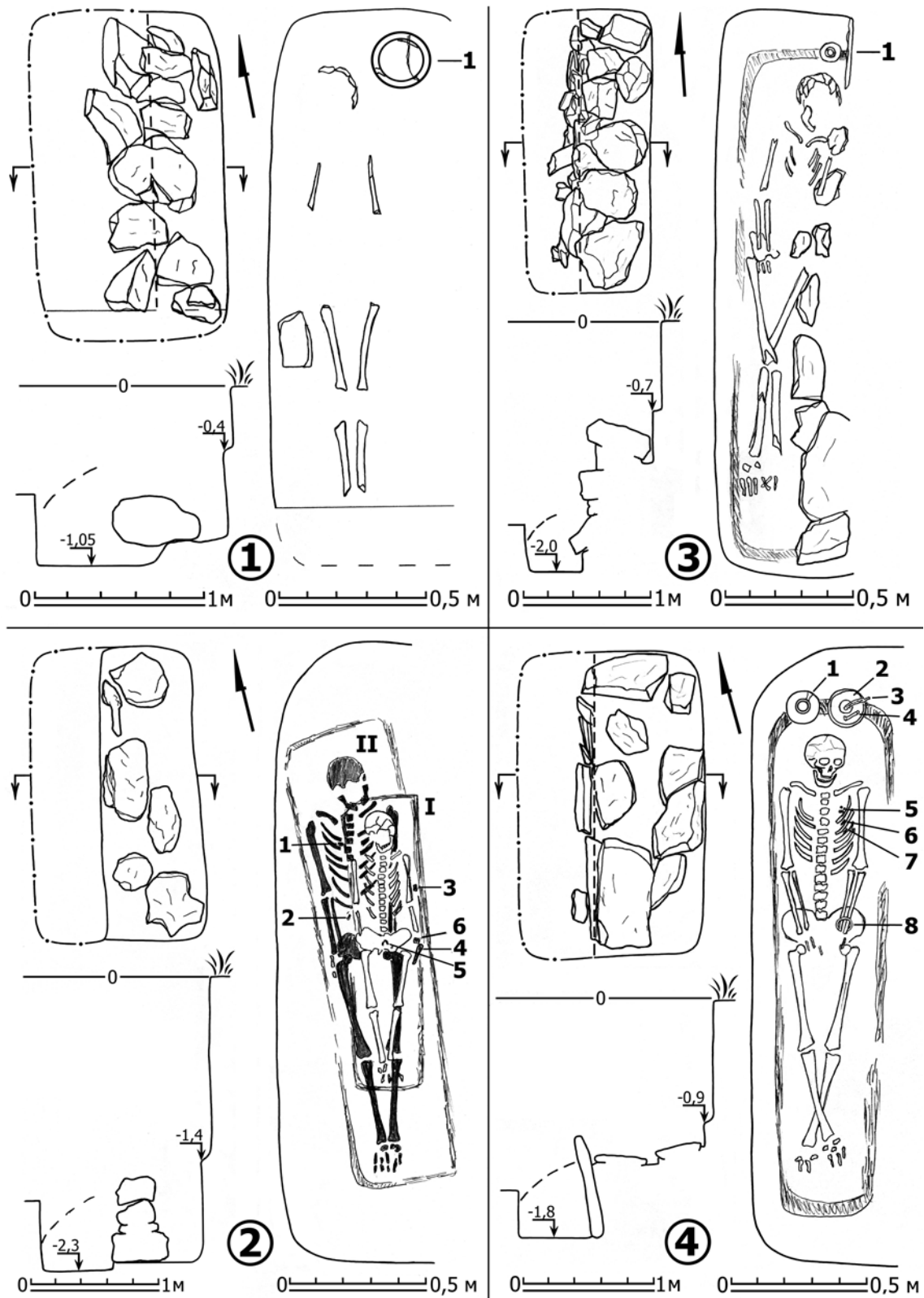

Рис. 1. Планы и разрезы могил №№ 1–4

Fig. 1. Plans and sections of graves nos. 1–4

В камере совершено захоронение взрослого человека в деревянной колоде. Погребенный лежал в вытянутом положении, головой на север – северо-восток. Руки согнуты в локтях, их кисти на костях таза, ноги перекрещены в голенях.

За головой покойного, на крышке колоды, стояли краснолаковый одноручный кувшин (рис. 1, 4, № 1) и краснолаковая чашка (рис. 1, 4, № 2) с костью животного (рис. 1, 4, № 4) и железным ножом (рис. 1, 4, № 3). На грудной клетке, слева, находились гагатые бусы и меловая пронизь (рис. 1, 4, № 5), разрушившийся серебряный предмет (рис. 1, 4, № 6) и бронзовая смычковая фибула (рис. 1, 4, № 7). На запястье левой руки был одет бронзовый браслет (рис. 1, 4, № 8).

Инвентарь

1. Краснолаковый одноручный кувшин с биконическим туловом на низком кольцевом поддоне (рис. 2, 7). Высота — 15,0 см, диаметр венчика — 6,7 см, диаметр поддона — 5,8 см. Большинство подобных сосудов найдено в комплексах второй половины II в. н. э. (Журавлев 2010, с. 76, 158, 239, табл. 43).

2. Краснолаковая чашка с усечено-коническим туловом и наклоненным вовнутрь бортиком, по сторонам которого два налепа в виде двойной спирали. Лак светло-бурого оттенка с потеками (рис. 2, 8). Высота — 8,1 см, диаметр бортика — 14,0 см. Такие чаши известны в погребениях I в. н. э. (Сымонович 1983, Табл. X, 16, 19; Зайцев 1997, рис. 65, 2; Журавлев 2010, с. 59). Однако наш экземпляр относится к более поздним формам и датируется серединой II в. н. э. (Книпович 1952, с. 302, рис. 3, 2; Силантьева 1958, с. 291, рис. 6, 4. Kühnelt 2008, р. 235, 448, кат. 245).

3. Железный нож с выпуклой спинкой. (рис. 2, 9). Длина — 13 см.

4. Бусы (рис. 2, 10): бочковидная продольно вытянутая из мела, тип 5, размеры 2,1 x 1,7 см. (Алексеева 1982, с. 29); короткоцилиндрические неорнаментированные из гагата (3 экз. — рис. 2, 11), тип 27, размеры 1,5 x 0,6 см (Алексеева 1978, с. 14).

5. Предмет серебряный — разрушился (рис. 1, 4, № 6).

6. Бронзовая смычковая фибула (рис. 2, 12). Длина — 2,9 см. Относится к типу 14а по классификации А. К. Амброза и датируется I – III вв. н. э. (Амброз 1966, с. 47, табл. 6, 11–14).

7. Бронзовый браслет из круглой в сечении проволоки, с окончаниями в виде стилизованных змеиных головок (рис. 2, 13). Диаметр — 7,0 см. Точных аналогий нам не удалось отыскать, но судя по орнаменту, который нанесен на боковые стороны и верхнюю часть змеевидных окончаний, датировка браслета не выходит за рамки первой половины II в. н. э. (Труфанов 2001, с. 73).

Датировка погребения: вторая половина II в. н. э.

Несомненно, что могильник у с. Долинное, площадь которого по предварительным подсчетам составляет не менее 0,7 га, относится к поселению Топчикой I.

Незначительное количество исследованных погребальных комплексов не позволяет уточнить хронологию и достаточно уверенно определить этнокультурную принадлежность некрополя. Некоторые особенности — северная ориентировка покойных, захоронения в деревянных колодах, кисти рук на костях таза и перекрещенные ноги погребенных — являются элементами сарматского погребального обряда (Пуздровский 2007, с. 116–121). В то же время, в конструкции могил прослеживается и позднескифские элементы, в частности, входные ямы могил №№ 2–4 были заполнены камнем.

Сочетание сарматских и позднескифских признаков в одном погребальном сооружении свидетельствуют о процессах слияния двух культур в позднесарматское время в Юго-Западном Крыму. В этот период в Качинской долине увеличивается плотность населения, возникают новые поселения и могильники с большим количе-

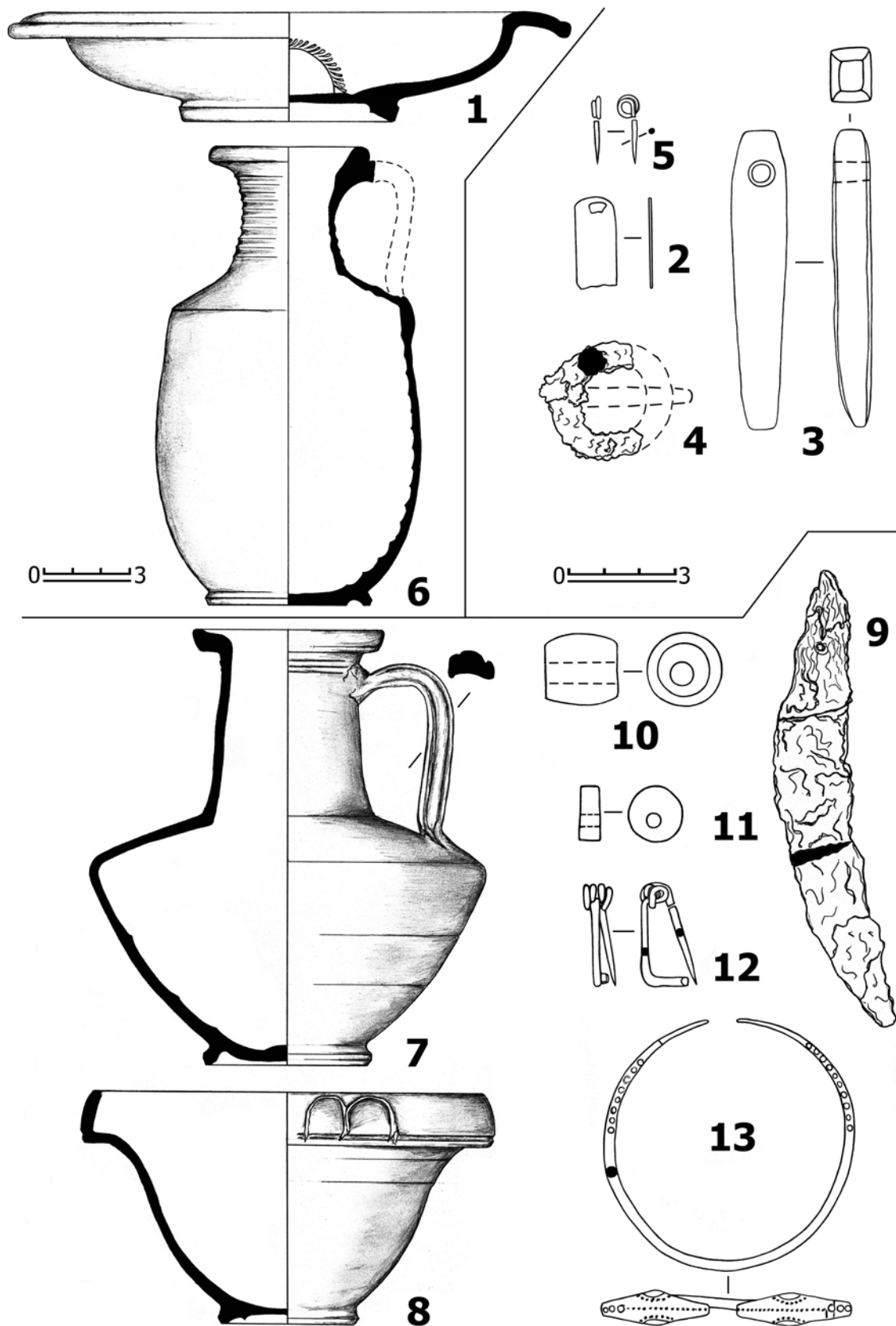

Рис. 2. Погребальный инвентарь могил №№ 1–4

Fig. 2. Goods from graves nos. 1–4

ством подбойных могил, содержащих элементы сарматского погребального обряда. Это обусловлено целым рядом факторов, в том числе и вторжением на полуостров сарматского контингента (Пуздровский 2007, с. 89, 90).

Литература

- Алексеева Е. М. Античные бусы Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. — Москва, 1978.
- Алексеева Е. М. Античные бусы Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. — Москва, 1982.
- Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э. – IV в. н. э.) // САИ. Вып. Д1–30. — Москва, 1966.
- Богданова Н. А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. — Москва, 1989.
- Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д1–07. — Москва, 1991.
- Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). — Симферополь, 2010.
- Зайцев Ю. П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. — Симферополь, 1997.
- Зайцев Ю. П., Волошинов А. А., Кюнелът Э., Масыкин В. В., Мордвинцева В. И., Фирсов К. Б., Флесс Ф. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) 1–3 вв. н. э. в Юго-Западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика. — Симферополь, 2007.
- Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25.
- Неневоля И. И., Волошинов А. А. Отчет об охранных археологических исследованиях могильника первых вв. н. э. у с. Долинное Бахчисарайского района // Научный архив КРУ БИКЗ. — Бахчисарай, 1997.
- Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. — Симферополь, 2007.
- Силантьева Л. Ф. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. 1958. № 85.
- Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского государства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). — Киев, 1983.
- Труфанов А. А. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени) // Поздние скифы Крыма. — М., 2001.
- Kühnelt Ellen. Terra Sigillata aus Alma Kermen, Südwest-Krim Typologie, Datierung, Rohstoffgruppen der Pontischen Sigillata. — Berlin, 2008.

Ivan NENEVOLYA, Aleksey VOLOSHINOV

The Excavation of the Cemetery of Dolinnoye

Abstract

The cemetery is located at the drive to the village of Dolinnoye in the Bakhchisaray administrative area in the Autonomous Republic of the Crimea, 130 m north of the highway from Bakhchisaray to the settlement of Kacha. Its situation is 170 to 200 m east of the ancient settlement of Topchikoy I, which was discovered by Nikolay Ernst in 1919. In October 1997, the authors of this paper investigated four undercut graves from the second and early third century AD located in different areas of this cemetery.

The combination of the Sarmatian and Late Scythian features in the funeral rite of the uncovered graves supplies evidences that there was a process of merging of these two cultures in the Late Sarmatian period in the south-western Crimea. It was the time when population of the Kacha river valley became denser, and new settlements and cemeteries with a great number of undercut graves and elements of the Sarmatian funeral rite appeared. It was a result of a set of aspects including the invasion of the Sarmatians into the Crimean peninsula.

А. А. Стоянова

Плитовые могилы из некрополя Нейзац

В Нейзацком могильнике, расположенном в центральной части крымских предгорий, в долине р. Зуя, к настоящему времени изучено более 500 погребальных комплексов II – IV вв. н. э. Основными типами погребальных сооружений на могильнике являются склепы, подбойные и грунтовые могилы (Храпунов 2011, с. 18–19). На их фоне выделяются две могилы в виде грунтовых ям со стенками, обложенными каменными плитами, о которых пойдет речь в этой статье¹. В обеих могилах были совершены детские захоронения.

Могила № 371 была сооружена выше уровня материка, в натечном слое (рис. 1). Она ориентирована с юго-запада на северо-восток, длина могилы составила 1,15 м, ширина — 0,65 м. Вдоль длинных стен могилы было установлено по несколько плит высотой до 0,3 м. Одна плита стояла возле торцевой юго-западной стены. Перекрытие могилы состояло из крупной плиты размером 0,8 x 0,4 м и нескольких небольших

плит. Кости погребенного в могиле ребенка не сохранились. На полу был зафиксирован погребальный инвентарь: предметы, сплетенные из железных колец (рис. 1, 2), две стеклянные бусины (рис. 1, 3), краснолаковая миска (рис. 1, 4) со стоявшим в ней стеклянным стаканом (рис. 1, 5), бронзовый колокольчик (рис. 1, 6), обломок бронзовой серьги (рис. 1, 7) и железная ведерковидная подвеска (рис. 1, 1).

Стеклянный стакан (рис. 2, 8), найденный в публикуемой могиле, имеет тулово округлой формы, отогнутый наружу венчик и кольцевой поддон. Диаметр венчика составляет 6,1 см, диаметр дна — 3,0 см, высота — 9,1 см. В Нейзацком могильнике, кроме публикуемого экземпляра, найдено еще 18 таких же стаканов, все они соотносятся с формой 108 по К. Айсингс (Шабанов 2011, с. 142–143). Большая их часть сосредоточена в погребениях IV в. н. э., четыре экземпляра происходят из склепов с захоронениями III – IV вв. н. э. (Храпунов 2008,

¹ Благодарю И. Н. Храпунову за возможность публикации материала.

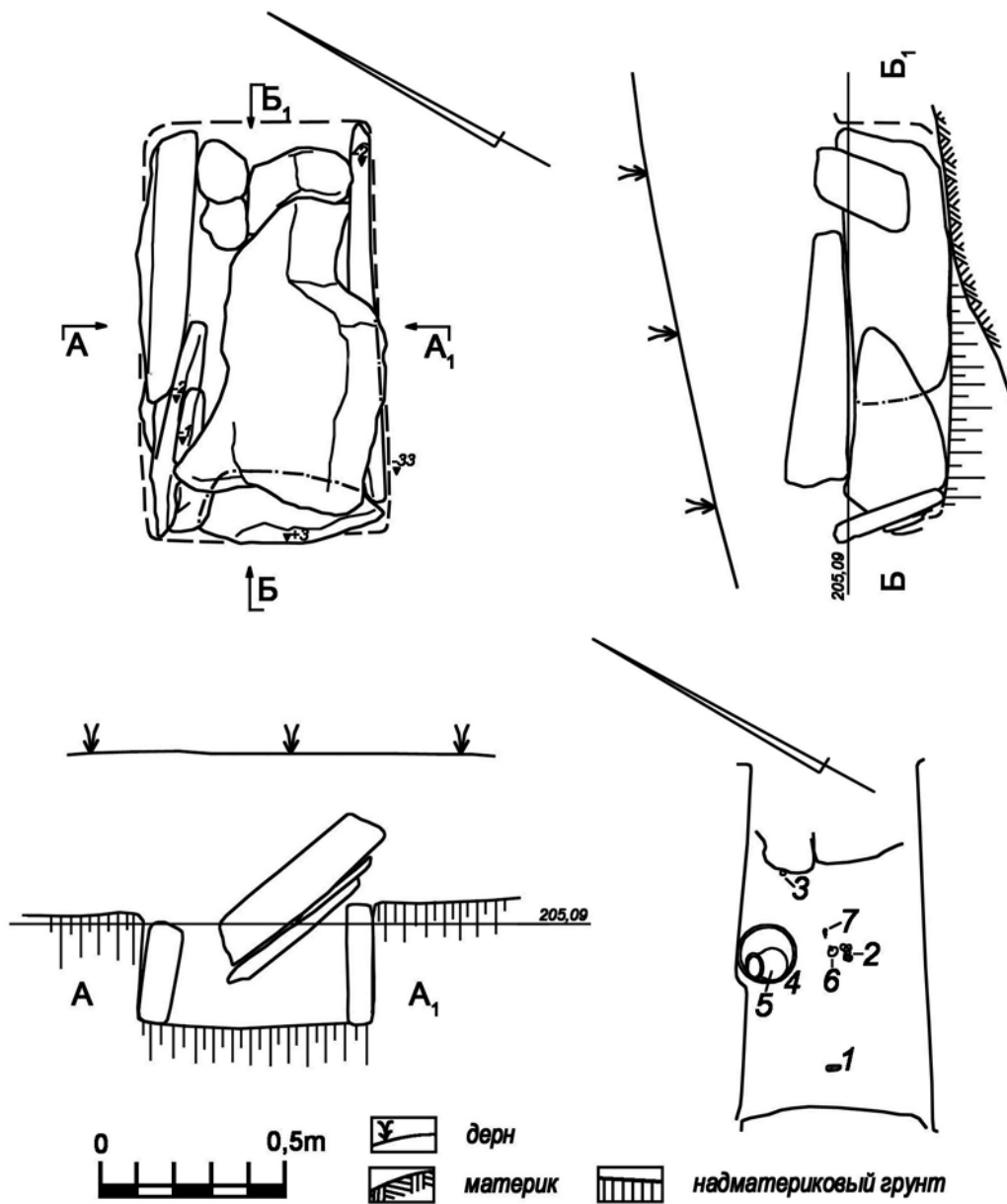

Рис. 1. Могила № 371. Планы и разрезы.

1 — подвеска ведровидная, 2 — изделия, сплетенные из железных колец, 3 — бусина,
 4 — миска краснолаковая, 5 — стакан, 6 — колокольчик, 7 — фрагмент серьги
 (1, 2 — железо, 3, 5 — стекло, 4 — глина, 6, 7 — бронза)

Fig. 1. Grave no. 371. Plans and sections.

1 — bucket-shaped pendant, 2 — artefacts of intertwined iron rings, 3 — bead,
 4 — red slip bowl, 5 — glass beaker, 6 — bell, 7 — fragment of an earring
 (1, 2 — iron, 3, 5 — glass, 4 — clay, 6, 7 — bronze)

с. 382, рис. 16, 2; 2011, с. 19; Шабанов 2011, с. 142–143). Соответствуют указанным хронологическим рамкам и достаточно многочисленные находки таких сосудов из других крымских памятников (Храпунов 2002, с. 56; Труфанов 2005–2009, с. 136; Шабанов 2011, с. 144).

Краснолаковая миска (рис. 2, 9) имеет слегка загнутый внутрь вертикальный край, округлое ребро, плавно переходящее к округлым стенкам, и невысокий кольцевой поддон. Лак темно-бурого цвета равномерно покрывает всю внутреннюю поверхность сосуда. Подобные сосуды встречены в погребениях второй половины III – IV в. Нейзацкого могильника (Храпунов 2005, с. 177, рис. 8, 3,9; 2008, с. 379, рис. 17, 1; 2011, с. 20, рис. 33, 2), а также в перекрывающем могильник культурном слое с находками IV – начала V в. (Власов, Смокотина, Храпунов 2011, с. 193–194, рис. 26, 21–25). В других памятниках предгорного Крыма аналогичные сосуды связаны с комплексами второй половины III – середины V в. (Айбабин 1994, с. 96, рис. 17,5, 18,3; Труфанов, Колтухов 2001–2002, с. 288, рис. 14, 3; Храпунов 2002, с. 58, тип VI; Лобода 2005, с. 209, рис. 10, 4; Иванова 2009, с. 40–41, рис. 10, 42–46; Масякин 2010, с. 279, рис. 2, 2,3).

Ведерковидные подвески (рис. 2, 3), распространенные на обширной территории от черноморского побережья до Скандинавии, неоднократно привлекали внимание исследователей, особенно в контексте взаимовлияний носителей различных культур европейского Барбарикума. Гипотеза об их северопричерноморском происхождении, дальнейшем заимствовании представителями культур германского круга при посредничестве сарматов и вторичном появлении на юге Восточной Европы в результате германского влияния достаточно прочно утвердилась в научной литературе (Бажан, Каргапольцев 1989; Магомедов 2001, с. 70; Стоянова 2004, с. 296–298; Щукин 2005, с. 190; Droberjar 2011, р. 25–27). В то же вре-

мя форма и материал ведерковидных подвесок достаточно разнообразны, а морфологические трансформации этих украшений в течение всего периода их бытования могли быть обусловлены причинами хронологического или этнокультурного характера (Бажан, Каргапольцев 1989, с. 164; Бобровская 1997; Veilke-Voigt 1998, P. 62–72; Гопкало 2008, с. 63–65, 109; Belâvec, Bitner-Wróblewska 2010). Подвеска из публикуемого комплекса сделана из железа и относится к типу II/2 по классификации О. Гопкало (Гопкало 2008, с. 63) и типу AI по И. Байлке-Фойгт (Veilke-Voigt 1998, P. 52). Такие «ведерки» составляют 80 % подвесок этой формы в черняховской культуре и почти 44 % подвесок, найденных в центральноевропейских памятниках, причем основная масса железных изделий из Барбарикума сконцентрирована в пшеворской культуре (Veilke-Voigt 1998, P. 57, Abb. 62, 63; Гопкало 2008, с. 63).

В Крыму железные ведерковидные подвески единичны, в отличие от достаточно многочисленных бронзовых экземпляров. В могильнике Дружное в склепе № 21 были найдены две подвески, одна из которых сделана из железа. Оба экземпляра обнаружены в заполнении камеры, погребения в которой совершались на протяжении второй половины III – IV в. (Храпунов 2002, с. 21, 68, рис. 104, 4). К этому же времени относятся две подвески из погребения с кремацией в Ай-Тодорском некрополе (Пиоро 1990, с. 103; Айбабин 1999, с. 26, рис. 9, 3,4). В могильнике Совхоз 10 известна только одна подвеска рассматриваемого типа, но сведения о материале, из которого она сделана, противоречивые — по данным И. С. Пиоро, она изготовлена из железа (Пиоро 1990, с. 103), но авторы публикации материалов могильника характеризуют ее как бронзовую (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др. 2003–2004, с. 177). Одна железная подвеска найдена в некрополе Херсонеса (Казанский 2006, с. 29, рис. 3, 9). Пять железных подвесок, кроме публикуемой, обнаружены в могильнике Нейзац. Три из них происходят из

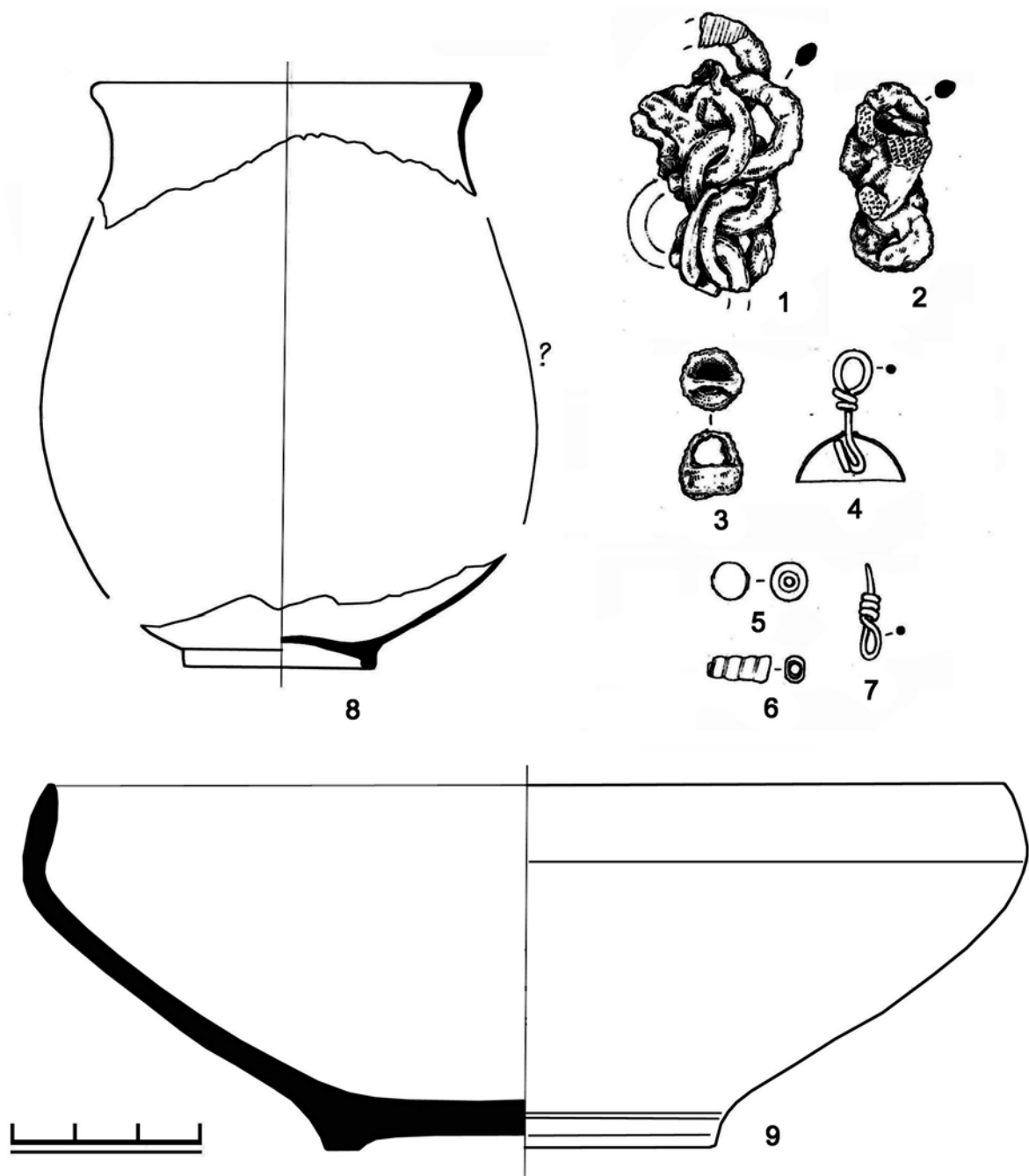

Рис. 2. Могила № 371. Погребальный инвентарь.
 1, 2 — изделия, сплетенные из железных колец, 3 — железная ведровидная подвеска,
 4 — бронзовый колокольчик, 5, 6 — стеклянные бусы, 7 — фрагмент бронзовой серьги,
 8 — стеклянный стакан, 9 — краснолаковая миска

Fig. 2. Grave no. 371. Grave goods.
 1, 2 — artefacts of intertwined iron rings, 3 — iron bucket-shaped pendant, 4 — bronze bell,
 5, 6 — glass beads, 7 — fragment of a bronze earring, 8 — glass beaker, 9 — red slip bowl

погребений конца II – первой половины III в. (Храпунов, Мульд 2000, с. 507–513, рис. 14, 23; Стоянова 2011, с. 123). Два экземпляра сопровождали детское захоронение в могиле № 492, в которой также был найден трехчастный гребень с подтреугольной спинкой. Такие гребни, соответствующие типам I по З. Томас и I/2a по Г. Ф. Никитиной, были распространены на протяжении III – первой половины IV в. (Никитина 1969, с. 149; Щукин 2005, с. 174–175). Таким образом, железные ведековидные подвески в Крыму появляются в позднеримское время, судя по всему как результат влияния с северо-запада, с территории черняховской и, возможно, пшеворской культур.

Предметы в виде сплетенных железных колец (рис. 2, 1,2) неоднократно зафиксированы в погребениях Нейзацкого некрополя, а также в некоторых комплексах из памятников юго-западного Крыма. Подобные вещи обычно интерпретируют как фрагменты кольчуг (Ахмедов, Гущина, Журавлев 2001, с. 183; Зайцев, Мордвинцева 2007, с. 87, 91, рис. 10, 6; Пуздровский 2007, с. 138). Крымским находкам посвящена специальная публикация (Храпунов 2010). И. Н. Храпунов, проанализировав эти предметы, пришел к выводу, что во всех известных случаях изделия из сплетенных железных колец сопровождали женские захоронения II – первой половины III в. н. э., совершенные, преимущественно, в подбойных могилах. В качестве аналогий рассматриваемым изделиям автор приводит находки таких же вещей в ареале пшеворской культуры, где они также зафиксированы в женских погребениях периода B2/C1 (Сзарнекса 1994; Храпунов 2010, с. 460). Кроме пшеворской культуры сплетенные из колец изделия иногда встречаются в других культурах Центральной и Северной Европы, а также в некоторых захоронениях черняховской культуры, в сарматских погребениях Кубани и Северного Причерноморья. Наиболее ранние комплексы с такими предметами относятся к предримскому времени, но традиция класть их

в погребения, преимущественно женские и детские, сохраняется на протяжении всего 1 тысячелетия н. э. (Гопкало, Тылищак 2010, с. 86–87; Тилищак 2010; 2011). По мнению В. С. Тылищака, фрагменты кольчуг, вероятнее всего, являлись предметами вторичного использования в качестве украшений или амулетов, а традиция такого использования возникла у сарматов, они же выступили ее трансляторами на территорию Центральной Европы во время Маркоманских войн (Тилищак 2011, с. 40).

Колокольчик полусферической формы, двусторонняя петелька для язычка и подвешивания колокольчика сделана из одного куска бронзовой проволоки, продетого в отверстие в центре колокольчика (рис. 2, 4). Колокольчик отличается миниатюрностью — его диаметр составляет 1,7 см, высота без петельки всего 0,75 см. Полусферические колокольчики, хорошо известные в комплексах I – первой половины III в. из скифо-сарматских памятников Крыма, имеют иные пропорции — их высота обычно превышает диаметр, кроме того у подавляющего числа экземпляров отсутствует петелька для подвешивания (Сымонович 1983, с. 98; Труфанов 2005–2009, с. 235; Храпунов 2006, рис. 35, 7; 2007, с. 49; Стоянова 2012, с. 73). К середине III в. н. э. такие колокольчики выходят из употребления. В комплексах второй половины III – IV вв. н. э. колокольчики встречаются крайне редко, и они по своей форме близки образцу из рассматриваемой могилы. Находки таких колокольчиков известны в некоторых могилах Нейзацкого некрополя (Храпунов 2011, с. 19, рис. 9, 1), в могильнике Дружное в погребении второй половины III в. (Храпунов 2002, с. 41, рис. 97, 20, 21), в могильнике Совхоз 10 в погребениях III – IV вв. н. э. (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др. 2003–2004, с. 180, табл. 7, 26), в склепе IV в. из Суворовского могильника (Юрочкин, Труфанов 2003, с. 204, рис. 4, 49). В могильниках Красная Заря, Балта-Чокрак и Чатыр-Даг такие предметы связаны с комплексами середины – второй половины

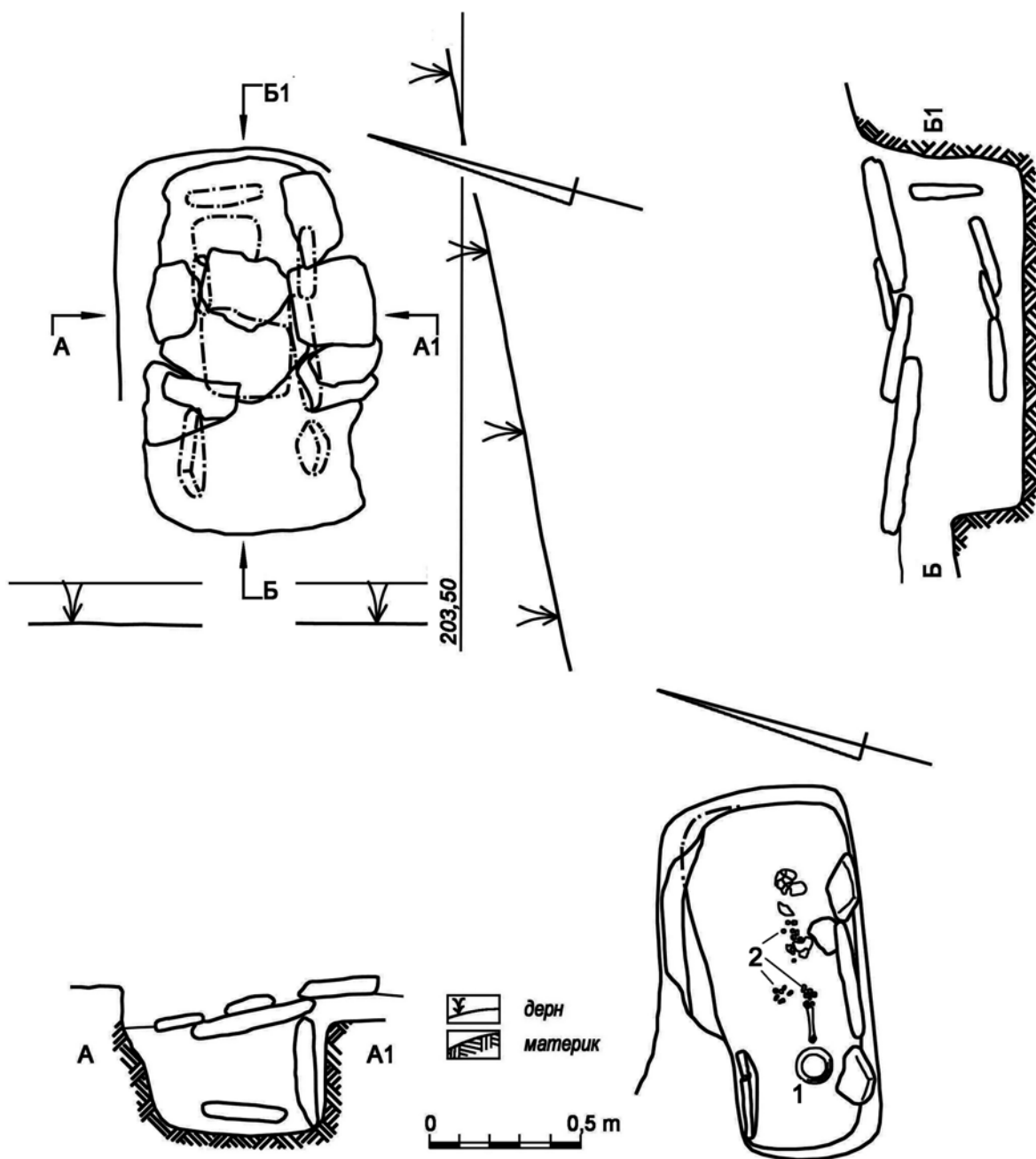

Рис. 3. Могила № 421. Планы и разрезы.
 1 — миска краснолаковая, 2 — бусы (1 — глина, 2 — стекло, янтарь, египетский фаянс)

Fig. 3. Grave no. 421. Plans and sections.
 1 — red slip bowl, 2 — beads (1 — clay, 2 — glass, amber, Egyptian faience)

III в. и начала IV в. (Пуздровский, Зайцев, Неневоля 2001, с. 32, рис. 2, 11; Зайцев, Мордвинцева, Неневоля и др. 2005, с. 175, рис. 16, II, 2; Мыц, Лысенко, Щукин и др. 2006, с. 140, табл. 17,2, 25,5, 53,5).

Бусы из могилы представлены двумя экземплярами. Одна из них — шаровидная из прозрачного бесцветного стекла (рис. 2, 5) — относится к типу бус, максимальное распространение которых приходится на I — III вв. н. э., но встречающихся и в комплексах IV столетия (Алексеева 1978, с. 65, тип 17; Хайрединова 1995, с. 62, тип 12; Стоянова 2004, с. 266, тип ОС I/11). Вторая бусина (рис. 2, 6) имеет удлинённые пропорции, она свита из стеклянного жгута светло-зеленого цвета. Такие пронизи характеризуются более узким хронологическим диапазоном — они сосредоточены преимущественно в комплексах III — IV вв. н. э. (Алексеева 1978, с. 75, тип 203; Хайрединова 1995, с. 68, тип 61). Особая концентрация таких украшений, сделанных из стекла различных цветов, отмечена в ареале черняховской культуры, где они являются одним из самых массовых типов в комплексах IV в. (Гопкало 2008, с. 32, табл. II).

Таким образом, на основании рассмотренного погребального инвентаря плитовая могила № 371 может быть датирована IV в. н. э. Этой дате не соответствует только находка изделий из сплетенных железных колец, все известные экземпляры которых в Крыму сосредоточены в комплексах II — первой половины III в. н. э. Но учитывая достаточно длительное время существования традиции класть такие вещи в могилы за пределами Крыма, нельзя исключать, что и у населения полуострова она не исчезла после середины III в., о чем может свидетельствовать и находка из публикуемого погребения.

Могила № 421 (рис. 3) выкопана в материке. Прямоугольная в плане могильная яма

ориентирована с запада на восток, ее длина составляет 1,25 м, ширина — 0,6 м, глубина — 0,5 м. Вдоль длинных стен могилы и возле торцевой восточной стены стояли небольшие известняковые плиты. Некоторые из них упали и были обнаружены лежащими плашмя. Из нескольких плит состояло и перекрытие могилы. На дне могилы обнаружены плохо сохранившиеся кости ребенка 1,5–2 лет². Судя по их положению, погребенный был положен на спину, головой на восток. В ногах стояла перевернутая вверх дном краснолаковая миска, на месте тазовых костей и грудной клетки обнаружены бусы, некоторые из них распались.

Миска краснолаковая с усеченно-коническим туловом, слегка заостренным вертикальным венчиком и плоским дном (рис. 4, 7). Глина светло-коричневая с большим количеством слюды, слоистая. Лак глянцевый, плотный, красно-коричневого цвета, сохранился местами. На внутренней стороне дна в центре кольца расположено клеймо в виде листа плюща. На внешней стороне дна имеется граффити — «ΕΡΩΦΙΛ» — и знак в виде двух треугольников, соприкасающихся вершинами. Под ними располагается Т-образный знак. Миска относится к форме 71 группы Восточной сигиллаты В (ESB2) по классификации Дж. Хейса, время бытования сосудов этой формы приходится на период с середины I до середины II в. н. э. (Hayes 1985, p. 67, Tav. XV, 2; 2008, p. 39, 159–160, fig. 13, 399–414)³. Аналогичные миски из могильника Бельбек IV Д. В. Журавлев отнес к форме 7 и датировал их последней четвертью I — первой четвертью II в. н. э., хотя верхняя дата отдельных комплексов с такими сосудами доходит до середины II в. н. э. (Журавлев 1997, с. 30–31, 234, 239–240; 2010, с. 31, табл. 8, 43–46). К этому же времени относятся находки таких мисок в Усть-Альминском, Заветнинском некрополях, в могильнике Совхоз 10 и на

² Возраст погребенного определен В. Ю. Радочиным на основании антропологического анализа.

³ Благодарю А. В. Смокотину за консультацию.

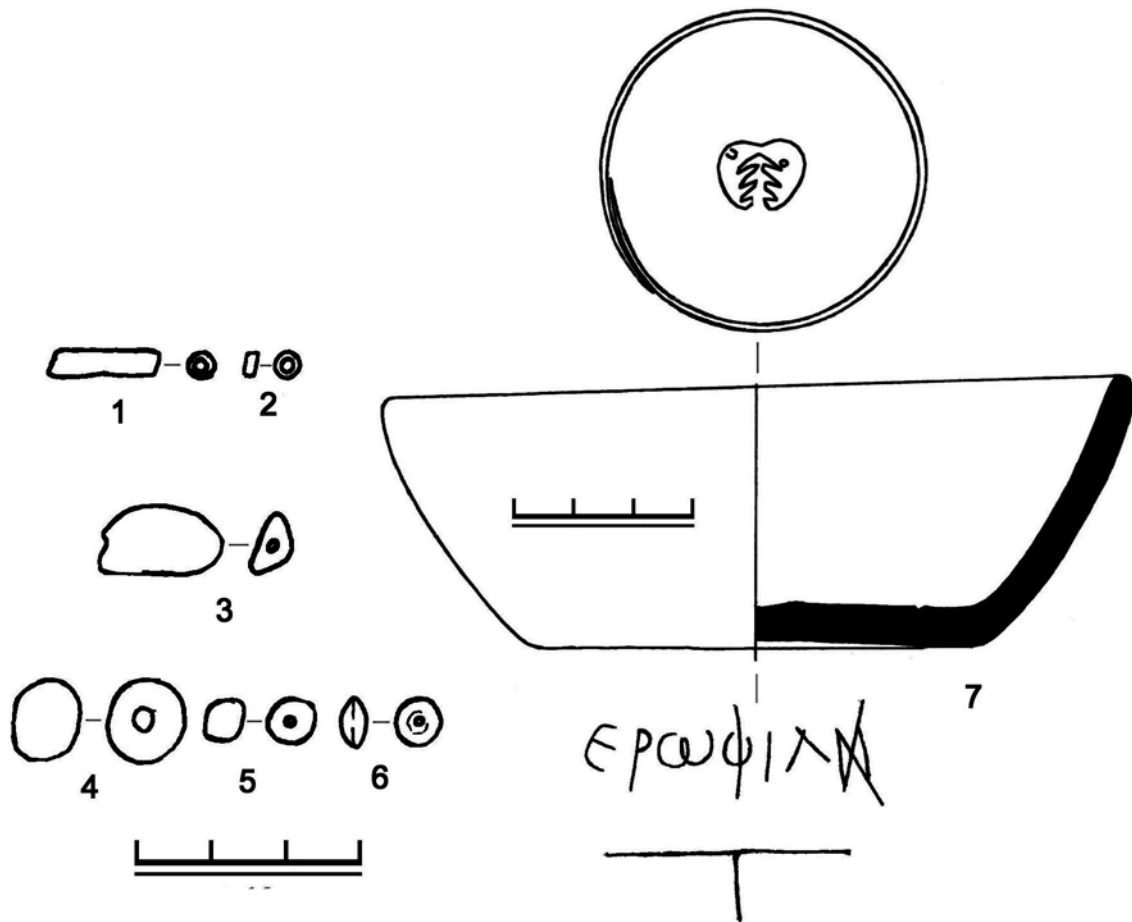

Рис. 4. Могила № 421. Погребальный инвентарь.
1, 4–6 — бусы из одноцветного стекла, 2 — бисер из египетского фаянса, 3 — бусина из янтаря,
7 — миска краснолаковая

Fig. 4. Grave no. 421. Grave goods.
1, 4–6 — beads of monochrome glass, 2 — fine beads of Egyptian faience, 3 — amber beads,
7 — red slip bowl

Боспоре (Пуздровский 1997, с. 396, рис. 2, 1; 2007, рис. 169, 7–9; 2011, с. 276, рис. 4, 4; Хршановский 1998, с. 78, рис. 1, 1.2; Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др. 2003–2004, с. 88, табл. XXIV, 13; Кюнелът 2007, с. 141, рис. 3, 3).

Наличие клейм и граффити весьма характерно для керамики группы ESB2, в частности, на некоторых крымских сосудах этой группы встречены клейма с изображением ветви или граффити в виде соприкасающихся углами двух треугольников, близкие рисункам, нанесенным на нейзацкую миску

(Журавлев 2010, с. 103, табл. 69, 5,6; 80, 20). Аналогии надписи «ΕΡΩΦΙΛΗ» нам найти не удалось.

Бусы из могилы № 421 представлены следующими типами:

— шаровидные поперечно сжатые из глухого белого стекла — 3 экз. (рис. 4, 4) (тип ОС I/2 (Стойнова 2004, с. 264));

— шаровидные из сильно иризированного стекла — 2 экз. (рис. 4, 5);

— биконическая поперечно сжатая из сильно иризированного стекла — 1 экз. (рис. 4, 6);

— в форме удлинённых 14-гранников с искривлёнными очертаниями из прозрачного зелёного стекла — 6 экз. (рис. 4, 1) (тип ОС VII/5 (Стоянова 2004, с. 272));

— короткоцилиндрический бисер из египетского фаянса (рис. 4, 2) — 3 экз. (тип ЕФ I/2 (Стоянова 2004, с. 287));

— бочковидная продольно вытянутая уплощённая из янтаря (рис. 4, 3) (тип Я I/5 (Стоянова 2004, с. 292)) — 1 экз.

Бусы располагались двумя небольшими скоплениями в районе груди и тазовых костей погребённого, являясь, по всей видимости, остатками короткого ожерелья и браслетов. В хронологическом отношении набор бус не информативен.

На основании краснолаковой миски и исходя из общей хронологии Нейзацкого некрополя погребение в могиле № 421 можно датировать в пределах первой половины II в. н. э., хотя нельзя исключать возможность совершения захоронения и в последней четверти I в. н. э. Могила расположена на северном участке некрополя. Сосредоточенные здесь комплексы относятся ко второй – третьей четвертям II в. н. э. (Храпунов 2011, с. 15–16), одно из погребений датируется в пределах первой половины II в. н. э. (Шабанов 2010).

Особый интерес публикуемые комплексы представляют с точки зрения конструкции погребальных сооружений. Плитовые могилы не характерны для Нейзацкого некрополя, а в других могильниках центральной части крымских предгорий они встречаются крайне редко. Кроме нейзацких захоронений, одна плитовая могила, предназначенная для детского погребения, открыта в могильнике Опушки. Инвентарь из этого комплекса не позволяет датировать погребение уже, чем I – III вв. н. э. (Стоянова 2012, с. 10, рис. 10, 11). Одна (Пуздровский 2007, с. 95) или две (Пуздровский 1994,

с. 116) плитовые могилы зафиксированы в могильнике Перевальное.

В Крыму концентрация плитовых могил, подобных открытым в Нейзацком некрополе, наблюдается в двух регионах — в юго-западной части полуострова и на востоке, на территории Боспорского государства. Составить четкое представление о плитовых могилах из памятников обоих регионов довольно проблематично — в обобщающих работах приводятся лишь сводные данные о таких могилах в том или ином некрополе, а публикации отдельных комплексов только частично позволяют судить об их хронологии, деталях погребального обряда и половозрастной принадлежности погребённых. Тем не менее, попробуем кратко обобщить известный на сегодняшний день материал.

Судя по опубликованным данным, большое количество плитовых могил открыто в некрополе Заветное⁴. По данным Н. А. Богдановой, плиты располагались вдоль длинных стен могил, и только в одном случае они были расчищены также возле торцевой стенки ямы (Богданова 1963, с. 98). Большинство плитовых могил разграблены. Один из комплексов датирован автором публикации концом II – началом III в. н. э., дата остальных погребений укладывается в широкие рамки II – III вв. н. э. (Богданова 1963, с. 98; 1989, с. 21–22). В Усть-Альминском могильнике известно около 20 могил рассматриваемой конструкции (Пуздровский 2007, с. 109). О четырех таких погребениях упоминает Т. Н. Высотская, но никаких сведений о датировке и погребальном инвентаре не приводит. Из публикации можно заключить лишь то, что как минимум одна из этих могил была со всех четырех сторон обложена грубо стесанными плитами известняка и содержала, в частности, светлоглиняный бальзамарий, аналогии которому, по мне-

⁴ Сведения о количестве таких комплексов в могильнике противоречивы. Н. А. Богданова в публикации 1963 г. говорит о 18 плитовых могилах (из раскопанных 209 комплексов) (Богданова 1963, с. 96), в работе 1989 г. сообщается о том, что плитовые могилы составляют 24 % от всех типов погребальных сооружений (т. е. 71 могила из 297). По данным К. Фирсова, плитовые сооружения в Заветном составляли лишь 11,5 % от общего числа раскопанных погребений (294 комплекса), т. е. 33 могилы (Firsov 1999, p. 1–3).

нию исследовательницы, обычно сосредоточены в комплексах I в. н. э. (Высотская 1994, с. 57, 81, рис. 23, 5, табл. 8). Еще несколько комплексов опубликованы в отдельных статьях — все они датируются в пределах второй половины II – первой половины III в. н. э., некоторые из них содержали коллективные погребения (Пуздровский, Лобода 1994, с. 224; Труфанов 1999; 2010, с. 158, 180–184, рис. 10, 27, 30; Медведев 2010, с. 221).

Четыре плитовых могилы были открыты в могильнике у с. Брянское. Они имели одинаковую конструкцию — плиты стояли только вдоль длинных стен могильной ямы. Все погребения ограблены. Судя по размерам, три могилы предназначались для погребения взрослых, одна, длиной 1,5 м, возможно, содержала детское захоронение. На основании незначительного сохранившегося материала комплексы датируются в пределах второй половины II – середины III в. н. э. (Труфанов 2005, с. 319, рис. 2, 3,5). Аналогичные раскопанным в некрополе Брянское плитовые могилы открыты и в могильнике Скалистое III, датировать которые уже чем II – первой половиной III в. н. э. затруднительно из-за качества публикаций (Богданова, Гущина 1967, с. 133; Богданова, Гущина, Лобода 1976, с. 123). Одна плитовая могила известна в некрополе Бельбек II, который функционировал в течение II – середины III в. н. э. (Гущина 1974, с. 51; Пиоро 2002, с. 66; Пуздровский 2007, с. 99).

Несколько плитовых могил известно в некрополе у с. Суворово. В двух из них плитами были обложены три стенки ямы, они содержали мужские захоронения в деревянных колодах с инвентарем IV в. н. э. и конца IV – начала V в. (Зайцев 1997, с. 108, рис. 60; Зайцев, Мордвинцева 2003, с. 62). Еще две подобные могилы датированы автором публикации в пределах III в. н. э. (Зайцев 1997, с. 102, рис. 58).

Единственным некрополем, состоявшим почти исключительно из плитовых могил, является раскопанный Н. Печенкиным в начале XX в. могильник Бельбек I. Во всех 16-ти

могилах плиты были поставлены вдоль длинных стен ям. На основании найденных монет автор раскопок датировал погребения второй половиной III в. н. э. (Печенкин 1905, с. 32–34), однако сохранившийся инвентарь позволяет датировать памятник в пределах II – IV вв. н. э. (Гущина 1974, с. 44; Храпунов 2004, с. 132). Аналогичные по конструкции могилы с инвентарем второй половины III – IV вв. н. э. изучены в могильнике Терновка II (Пиоро 2002, с. 66–68, рис. 2, 7–8).

В могильнике Совхоз 10 в плитовых могилах было совершено 14 захоронений. Они относятся к концу III – IV или IV – V вв. От плитовых сооружений из рассмотренных выше некрополей могилы из Совхоза 10 отличаются тем, что плиты в них располагаются с четырех сторон могильной ямы, образуя замкнутое пространство, что дало основание авторам публикации материалов некрополя назвать эти сооружения «каменными ящиками» (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др. 2003–2004, с. 35, рис. 4,7, 4,8). Кроме того, в могильнике Совхоз 10 зафиксирован уникальный обряд сооружения гробниц из плит во входных ямах подбойных могил. Открыто шесть таких комплексов, все они датируются IV в. н. э. (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др. 2003–2004, с. 37, рис. 6, 6). Еще одной особенностью рассматриваемого могильника является наличие среди грунтовых могил кургана с плитовой могилой, сделанной в глубокой яме и по конструкции аналогичной обычным плитовым могилам некрополя (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др. 2003–2004, с. 38, рис. 8, 1,2).

Некоторые могилы, относимые авторами публикаций к категории плитовых, отличаются от вышеописанных деталями конструкции. Так, например, на позднескифском некрополе Балта-Чокрак была открыта могила середины III в. н. э., в которой пять плит стояли только вдоль одной длинной стены ямы, а в противоположной стенке был сооружен паз, в который упирались плиты перекрытия (Зайцев, Мордвинцева, Неневоля и др. 2005, с. 175–176, рис. 18).

Подобная конструкция, но без паза, зафиксирована в погребении конца первой – второй четверти II в. н. э. из могильника Бельбек IV (Ахмедов, Гущина, Журавлев 2001).

Таким образом, в юго-западном Крыму плитовые могилы сооружались непрерывно со II до IV или даже начала V в. н. э. Наблюдается вариативность конструкций — при подавляющем преобладании могил с плитами, стоявшими вдоль длинных стен ямы, встречаются и такие, где плиты закрывали еще и одну из торцовых стен. Только в Усть-Альминском могильнике и в Совхозе 10 зафиксированы погребения, окруженные плитами со всех четырех сторон. Могилы предназначались, как правило, для индивидуальных погребений, хотя в Усть-Альминском некрополе в некоторых из них совершались многократные захоронения. Плитовые могилы не образуют территориально выделяемых групп на могильниках — они рассредоточены среди других погребальных комплексов, но относятся к одному хронологическому горизонту того или иного памятника. По всей вероятности, люди, хоронившие умерших в могилах рассматриваемой конструкции, этнически не отличались от остального населения, оставившего могильники в долинах рек Альмы, Бельбека и Качи.

Второй район концентрации плитовых могил в Крыму — Керченский полуостров. Погребальные сооружения в виде ям с каменным перекрытием, стенки которых обкладывались стоящими вертикально плитами, использовались населением античных городов Боспора с VI – V вв. до н. э. Однако в первых веках н. э. плитовые могилы не составляют существенного процента среди погребальных сооружений боспорских центров — они единичны в некрополях Нимфея и Тиритаки, полностью отсутствуют в могильнике Китея, а в могильниках Пантикапея и Мирмекия составляют не более 4 % всех типов погребальных сооружений первых веков н. э. (Масленников 1990, с. 25). Иногда плитовые могилы эллинистического периода в начале

новой эры использовались вторично (Зинько 1997). В отличие от городов, в могильниках хоры европейского Боспора, функционировавших в I в. до н. э. – III в. н. э., плитовые могилы встречаются значительно чаще. По наблюдениям А. А. Масленникова, наиболее ранние могилы этого типа относятся к I в. н. э. (Масленников 1990, с. 88, табл. 1), хотя Т. М. Арсеньева в отношении плитовых могил из некрополя у д. Ново-Отрадное упоминает дату I в. до н. э. (Арсеньева 1970, с. 131). Так или иначе, большая часть рассматриваемых конструкций в могильниках боспорской хоры относится к I – II вв. н. э., лишь несколько погребений датируются в пределах II – III вв. н. э. (Масленников 1990, с. 86–88, табл. 1). Конструкции плитовых могил из разных памятников не идентичны. Так, в некрополе Новоотрадное все гробницы выложены из хорошо отесанных и вплотную подогнанных друг к другу известняковых плит, которые располагались вдоль четырех стен могильной ямы (Арсеньева 1963, с. 195, рис. 4; 1970). По конструкции эти могилы близки гробницам эллинистического времени из некрополей городских центров Боспорского государства (Кобылина 1941, с. 83; Грач 1999, с. 90, табл. 131). Напротив, в некрополях Золотое и Семеновка плиты были грубо обработаны или вообще не подвергались обработке, ими были обложены две или все четыре стороны ямы (Корпусова 1983, с. 19, 100–110, табл. XVI, 5, XII, 1, XXXI, 1–5; XLII, 13; Кругликова 1969, с. 99). Почти все плитовые могилы предназначались для коллективных погребений. Сооружение таких могил жителями европейской части Боспорского государства исследователи связывают с более ранними традициями греческого и местного скифского населения (Масленников 1990, с. 25).

Таким образом, плитовые гробницы боспорской хоры имеют некоторые общие конструктивные черты с могилами юго-западного Крыма и по времени предшествуют им. На этом основании некоторые исследователи полагают, что у скифо-сарматского населения

такие сооружения появляются под влиянием боспорских греков (Высотская 1972, с. 90; 1987, с. 53; 1994, с. 58). Согласно другой точки зрения, плитовые могилы представляют собой усложненный вариант характерных для сарматского погребального обряда могил с заплечиками и каменным или деревянным перекрытием (Богданова 1989, с. 22), т. е. традиция сооружать такие могилы сложилась у варварского населения Крыма без какого-либо внешнего влияния. Существует также мнение о том, что плитовые могилы в юго-западном Крыму были привнесены горцами Северного Кавказа, ассимилированными сарматами и вместе с ними проникшими в Северное Причерноморье (Пиоро 2002).

Возвращаясь к плитовым могилам из Нейзацкого некрополя отметим, что по своей конструкции и погребальному инвентарю они близки комплексам юго-западного Крыма, но имеют и некоторую специфику. Во-первых, рассмотренные комплексы уникальны для центральной части крымских предгорий — в синхронных памятниках этого региона подобные сооружения встречаются крайне редко. Во-вторых, необычны такие могилы и для самого Нейзацкого могильни-

ка, и это вряд ли можно объяснить случайностью, учитывая, что большая часть некрополя уже изучена. В-третьих, в отличие от подобных погребений из памятников юго-западного Крыма и Керченского полуострова, в которых плитовые могилы, как правило, синхронны, нейзацкие комплексы относятся к разным хронологическим горизонтам, а временной разрыв между ними составляет минимум 150 лет. При этом могила № 421, сооруженная не позднее середины II в. н. э., представляет собой одну из самых ранних, если не самую раннюю, плитовую могилу во всем предгорном Крыму. Погребения расположены на значительном удалении друг от друга — могила № 421 открыта на северном участке некрополя, могила № 371 расположена на южном участке среди комплексов второй половины III – IV вв. н. э. При этом они конструктивно близки (у обеих могил плиты располагались вдоль трех стенок ямы), а погребальный инвентарь находит параллели в других захоронениях могильника. Исходя из этого вряд ли стоит связывать наличие плитовых могил в Нейзацком некрополе какими-либо этническими влияниями или заимствованием.

Литература

- Айбабин А. И. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // МАИЭТ. Вып. IV. — Симферополь, 1994.
- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь, 1999.
- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г 1–12. — М., 1978.
- Арсеньева Т. Н. Некрополь римского времени у дер. Ново-Отрадное // СА. 1963. № 1.
- Арсеньева Т. Н. Могильник у дер. Ново-Отрадное // МИА. 1970. № 155.
- Ахмедов И. Р., Гущина И. И., Журавлев Д. В. Богатое погребение II в. н. э. из могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. — М., 2001.
- Бажан И. А., Каргапольцев С. Ю. Об одной категории украшений-амuletов римского времени в Восточной Европе // СА. 1989. № 3.
- Бобровська О. В. До питання про черняхівські «відерцеподібні» прикраси // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. — Київ-Львів, 1997.
- Богданова Н. О. Могильник I ст. до н. э. – III ст. н. э. біля с. Завітне Бахчисарайського району // Археологія. 1963. Т. XV.
- Богданова Н. А. Могильник первых веков н. э. у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. — М., 1989.

- Богданова Н. А., Гущина И. И. Новые могильники II – III вв. н. э. у с. Скалистое в Крыму // КСИА. 1967. Вып. 112.
- Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И. Могильник Скалистое III в юго-западном Крыму (I – III вв.) // СА. 1976. № 4.
- Власов В. П., Смокотина А. В., Храпунов И. Н. Культурный слой на могильнике Нейзац // Исследования могильника Нейзац. — Симферополь, 2011.
- Высотская Т. Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму. — Симферополь, 1972.
- Высотская Т. Н. Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. – VII в. н. э. — Киев, 1987.
- Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. — Киев, 1994.
- Гопкало О. В. Бусы и подвески черняховской культуры. — Киев, 2008.
- Гопкало О. В., Тылищак В. С. Римские импорты из металла на могильнике Чернелив-Русский // *Germania — Sarmatia II.* — Калининград; Курск, 2010.
- Грач Н. Л. Некрополь Нимфея. — СПб., 1999.
- Гущина И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. — М., 1974.
- Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика группы ESB из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Древности Евразии. — М., 1997.
- Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). — Симферополь, 2010.
- Зайцев Ю. П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. — Симферополь, 1997.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Исследования могильника у с. Суворово в 2001 г. // МАИЭТ. Вып. X. — Симферополь, 2003.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Элитный некрополь 2 в. н. э. у центральных ворот Неаполя скифского // Древняя Таврика. — Симферополь, 2007.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., Неневоля И. И., Фирсов К. Б., Радочин В. Ю. Позднескифский могильник Балта-Чокрак у с. Скалистое Бахчисарайского района АРК // Херсонесский сборник. Вып. XIV. — Севастополь, 2005.
- Зинько В. Н. Охранные исследования некрополя Нимфея // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. — Симферополь, 1997.
- Иванова О. С. Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-Дере (Мангуп) // МАИЭТ. Вып. XV. — Симферополь, 2009.
- Казанский М. Германцы в юго-западном Крыму в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов // Готы и Рим. — Киев, 2006.
- Кобылина М. М. Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г. // МИА. 1941. № 4.
- Корпусова В. Н. Некрополь Золотое (к этнокультурной истории европейского Боспора). — Киев, 1983.
- Кругликова И. Т. Некрополь поселения у дер. Семеновка // СА. 1969. № 1.
- Кюнелът Э. Краснолаковая керамика Эгейского происхождения из некрополя у с. Заветное // Древняя Таврика. — Симферополь, 2007.
- Лобода И. И. Раскопки Красномакского могильника в 1983–1984 гг. // МАИЭТ. Вып. XI. — Симферополь, 2005.
- Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса. — Lublin, 2001.
- Масленников А. А. Население Боспорского государства в первых веках н. э. — М., 1990.

- Масякин В. В. Склеп поздне римского времени у с. Заречное в Центральном Крыму // Древняя и средневековая Таврика. — Донецк, 2010.
- Медведев Г. В. Могилы с коллективными погребениями из Усть-Альминского некрополя // Древняя и средневековая Таврика. — Донецк, 2010.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Шукин М. Б., Шаров О. В. Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму. — СПб., 2006.
- Никитина Г. Ф. Гребни черняховской культуры // СА. 1969. № 1.
- Печенкин Н. М. Раскопки в окрестностях г. Севастополя // ИТУАК. 1905. № 38.
- Пиоро И. С. Крымская Готия (Очерки этнической истории населения Крыма в поздне римский период и раннее средневековье). — Киев, 1990.
- Піоро І. С. Етнічна приналежність похованих у плитових могилах римського часу в Південно-Західному Криму у зв'язку з проникненням сарматів на територію сучасної України // Археологія. 2002. № 2.
- Пуздровский А. Е. Граффити на краснолаковой посуде из раскопок Усть-Альминского некрополя в 1993–1995 гг. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I. — Симферополь, 1997.
- Пуздровский А. Е. Погребения сарматских «жриц» из юго-западного Крыма // Stratum Plus. 2011. № 4.
- Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. Новые памятники III – IV вв. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. Вып. VIII. — Симферополь, 2001.
- Пуздровский А. Е., Лобода И. И. Раскопки Усть-Альминского могильника // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. — Симферополь, 1994.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10») // Stratum Plus. 2003–2004. № 4.
- Стоянова А. А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // Боспорские исследования. Вып. V. — Симферополь; Керчь, 2004.
- Стоянова А. А. Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н. э. из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. — Симферополь, 2011.
- Стоянова А. А. Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003–2009 гг.). — Симферополь, 2012.
- Сымонович Э. А. Население столицы поздне скифского царства (по материалам Восточного некрополя Неаполя скифского). — Киев, 1983.
- Тиліщак В. С. Знахідки кольчужного плетива на Чернелево-Руському могильнику // Археологія Правобережної України. — Київ, 2010.
- Тиліщак В. С. Про повторне використання фрагментів кольчужного плетива у Центральній та Східній Європі в I тис. // Археологія. 2011. № 3.
- Труфанов А. А. Могила № 656 Усть-Альминского поздне скифского некрополя // Херсонесский сборник. Вып. X. — Севастополь, 1999.
- Труфанов А. А. Исследования могильника у с. Брянское в 1995–1996 гг. // Херсонесский сборник. Вып. XIV. — Севастополь, 2005.
- Труфанов А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum Plus. 2005–2009. № 4.
- Труфанов А. А. Погребения III в. н. э. на юго-западной окраине Усть-Альминского некрополя // Stratum Plus. 2010. № 4.
- Труфанов А. А., Колтухов С. Г. Исследование поздне античного некрополя у с. Курское в Юго-Восточном Крыму // Stratum Plus. 2001–2002. № 4.

- Хайрединова Э. А. Бусы из могильника Дружное // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. — Симферополь, 1995.
- Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III – IV вв. н. э.). — Lublin, 2002.
- Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. Вып. VI. — Симферополь-Керчь, 2004.
- Храпунов И. Н. Последние погребения в могильнике Нейзац // МАИЭТ. Вып. XI. — Симферополь, 2005.
- Храпунов И. Н. Погребения детей в могильнике Нейзац // МАИЭТ. Вып. XII. Ч. 1. — Симферополь, 2006.
- Храпунов И. Н. Две могилы с погребениями женщин из некрополя Нейзац // МАИЭТ. Вып. XIII. — Симферополь, 2007.
- Храпунов И. Н. Склеп IV в. н. э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI. — М. – Магнитогорск – Новосибирск, 2008.
- Храпунов И. Н. Изделия сплетенные из железных колец // Боспорские исследования. Вып. XXIII. — Симферополь-Керчь, 2010.
- Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. — Симферополь, 2011.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А. Новые исследования могильников позднеримского времени в Крыму // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel – und Osteuropa. — Łódź, 2000.
- Хршановский В. А. Погребения I – II вв. н. э. с краснолаковой керамикой из некрополя Илурата // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I. — М., 1998.
- Шабанов С. Б. Детское погребение с бальзамариями из могильника Нейзац // Боспорские исследования. Вып. XXIV. — Симферополь-Керчь, 2010.
- Шабанов С. Б. Стекланные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2011 гг.) // МАИЭТ. Вып. XVII. — Симферополь-Керчь, 2011.
- Щукин М. Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. — СПб., 2005.
- Юрочкин В. Ю., Труфанов А. А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // Херсонский сборник. Вып. XII. — Севастополь, 2003.
- Beilke-Voigt I. Frühgeschichtliche Miniaturobjekte mit Amulettcharakter zwischen Britischen Inseln und Schwarzem Meer. — Bonn, 1998.
- Belâvec V., Bitner-Wróblewska A. Bałtyjskie czy gockie? Wisiorki wiaderkowate wariantu Pátrovičy-Žviliai // Terra Barbarica. — Łódź – Warszawa, 2010.
- Czarnecka K. The re-use of Roman military equipment in barbarian context. A chain-mail souvenir? // Journal of Roman Military Equipment Studies. 1994. 5.
- Droberjar E. On Certain Amulet Pendants in the Shape of Miniature Pots, Occurring between the Black Sea Region (Pontus Euxinus) and Scandinavia // Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. — Kristiansand – Simferopol, 2011.
- Firsov K. The Roman Period necropolis of Zavetnoe in southwest Crimea. Burial structures and mortuary ritual // Grave Matters. Eight studies of First Millennium AD burials in Crimea, England and southern Scandinavia. BAR International Series 781. — Oxford, 1999.
- Hayes J. W. Roman pottery: fine-ware imports // The Athenian Agora. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens. 2008. Vol. XXXII.
- Hayes J. W. Sigillate orientali // Atlante delle forme ceramiche II: Ceramica fine romana nel Bacino mediterraneo (tardo ellenismo e primo impero). — Roma, 1985.

Anastasiya STOYANOVA

Slabbed Graves in the Cemetery of Neyzats

Abstract

So far the excavations of the cemetery of Neyzats, located in the centre of Crimean foothill area, uncovered 500 plus graves from the second to the fourth century AD. The main types of grave constructions in the cemetery are burial vaults, undercut graves, and pit graves. Two graves with burials of children, nos. 371 and 421, stand out because of their construction in the form of a pit in ground with the walls lined with stone slabs. These complexes are published within the given paper.

Grave no. 371 (fig. 1) contained the following goods: artefacts of intertwined iron rings (fig. 2. 1, 2), two glass beads (fig. 2. 5, 6), red slip bowl (fig. 2. 9) with glass beaker standing inside (fig. 2. 8), bronze bell (fig. 2. 4), fragment of a bronze earring (fig. 2. 7), and iron bucket-shaped pendant (fig. 2. 3). This complex dates back to the fourth century AD. Grave no. 421 (fig. 3) contained red slip bowl (fig. 4. 7) and several beads (fig. 4. 1–6). The bowl belongs to the *Eastern Sigillata B* and allows one to date the complex to ca. 100–150 AD, or possibly to 75–100 AD.

The assemblages under publication are especially interesting because of the construction of graves. Slabbed graves are not typical for the cemetery of Neyzats and generally for the cemeteries in the central foothill area of the Crimea. In the peninsula, slabbed graves are concentrated mainly in two areas, in the south-west and in the east, in the Bosporan kingdom. Researchers have produced several interpretation of their distribution among the barbarian Crimean population: they could be borrowed from the residents of Bosporos or introduced by migrants from the North Caucasian mountainous area assimilated by the Sarmatians. It is still possible that those graves appeared amidst the Crimean Scythians and Sarmatians independently of foreign influence, as a complicated variant of graves with ledges in walls where stone covering slabs were placed.

The construction and grave goods in slabbed graves in the cemetery of Neyzats are close to the assemblages in the south-western Crimea but still have some specific features. They are unique for the central Crimean foothills and the cemetery of Neyzats in particular, belonging to different chronological horizons and containing grave goods with parallels in other graves in this cemetery. Taking all these into account, there is no reason to relate slabbed graves of Neyzats with some ethnic inflow or borrowing.

О. С. Иванова

Амфоры позднеримского времени из раскопок Мангупа

В результате многолетних археологических исследований на территории Мангуп-Кале¹ можно выделить основные этапы в истории его освоения: позднеримско – ранневизантийский (III – конец VIII вв.), хазарский (конец VIII – середина IX вв.), фемный (середина IX – середина XI вв.), феодоритский (XIV – третья четверть XV вв.) и турецкий (1475 г. – конец XVIII в.) (Герцен 1995, с. 85–88; 1998, с. 746; 2002, с. 29–30; 2003, с. 69–70; 2003а, с. 94–112; Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина 2006, с. 371; Герцен, Иванова, Науменко, Смокотина 2007, с. 233; Герцен, Иванова, Науменко 2010, с. 240–241).

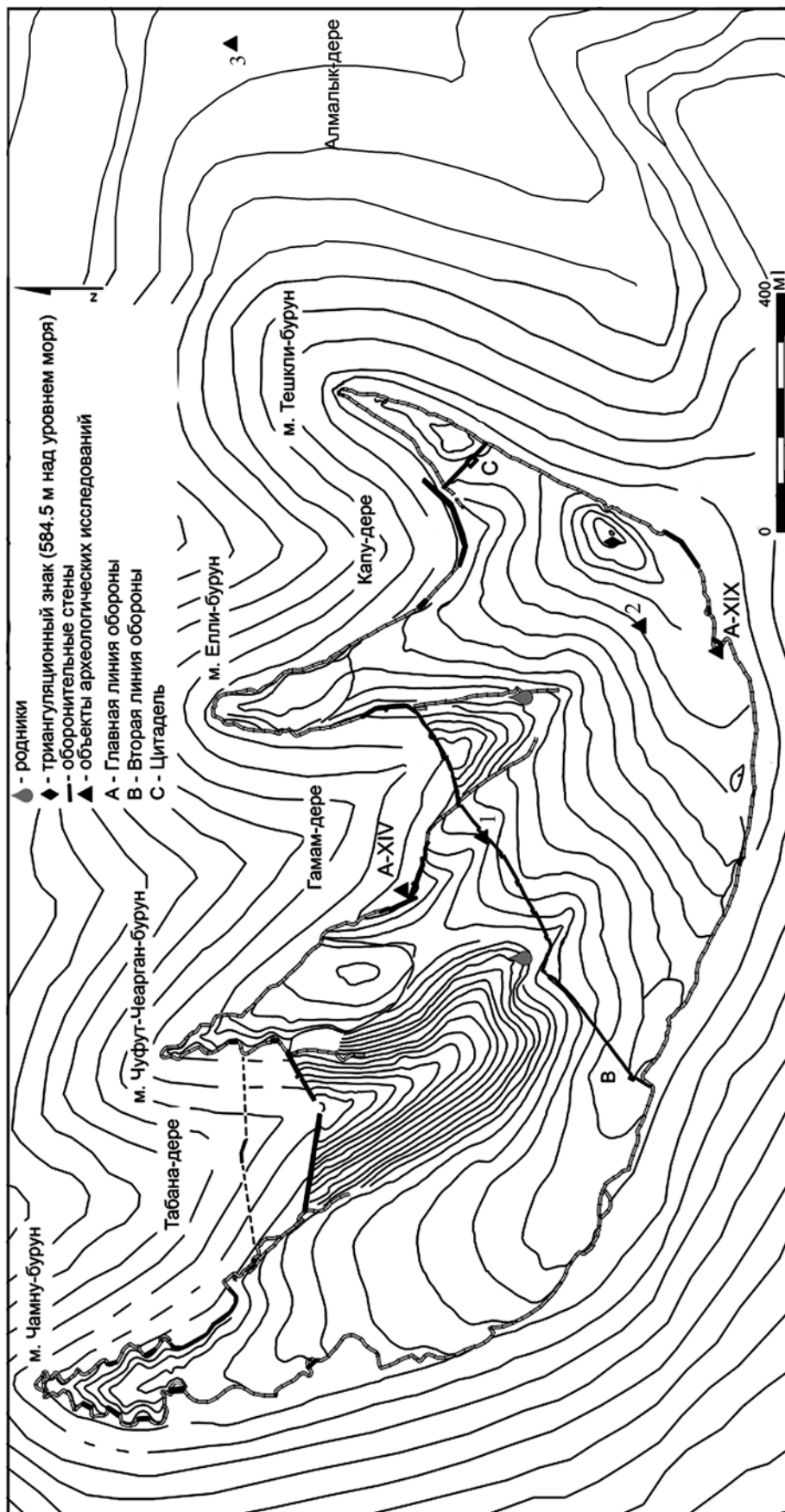
Позднеримско – ранневизантийский период истории городища представлен на нескольких раскопанных участках Мангупского

плато (рис. 1), материал из которых частично опубликован (Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина 2006, с. 371–494; Герцен, Манаев 2005, с. 314–345; Иванова 2009, с. 26–88). Раннюю историю Мангупа отражают комплексы, богатые керамикой, среди которой преобладают тарные сосуды. Часть тарной керамики составляют амфоры позднеримского времени, публикации которых посвящена данная статья². Эти сосуды, наряду с другим материалом, обнаруженным при раскопках, являются информативными для датировки археологических контекстов. Они также отражают хозяйственную жизнь населения Мангупского плато и его округи.

Для данной работы были отобраны 38 археологических контекстов, где наиболее показательны представлены амфоры позд-

¹ Выражаю благодарность руководителю раскопок на Мангупском плато и в его округе А. Г. Герцену за возможность публикации материала.

² В публикацию мы включили сосуды, производство которых закончилось к началу – середине V в. Исключение составляют лишь красноглиняные пантикапейские и фанагорийские амфоры типов 96–97 по И. Б. Зеест, которые выпускались с конца III до третьей четверти VI вв. На Мангупском городище и его округе, в том числе в отобранных нами археологических контекстах, обнаружены амфоры, которые производились с IV в. по VI – VII вв. Они не вошли в данную работу.

- 1 - Лагерная Балка
- 2 - Церковь Св. Константина
- 3 - Могильник в балке Алмалык-дере

Рис. 1. План Мангулского городища с обозначением основных объектов исследований

Fig. 1. Ground plan of the ancient town of Mangup with indication of the main investigation areas

неримского времени. Они расположены на 5 участках Мангупского городища и его окру- ги: участках жилой застройки у храма Св. Константина, с внешней и тыльной сторо- ны Второй линии обороны (далее — ВЛО) в верховьях Лагерной балки, участке обо- ронительных сооружений на мысе Чуфут- Чеварган-Бурун (укрепление А.XIV Главной линии обороны (далее — ГЛО)), раскопе в расселине Демир-Капу (укрепление А.XIX ГЛО), могильнике в балке Алмалык-дере³.

Не вдаваясь в подробное описание архе- ологических контекстов, ограничимся лишь их перечислением и датировкой, которая ос- нована на корреляции находок тарной, сто- ловой, в том числе краснолаковой керамики, а также стеклянной посуды, монет.

Участок жилой застройки

в районе храма Св. Константина

№ 1. Квадрат Г. 4-й слой (2001) — конец IV – VII вв.⁴ (Герцен 2002а, с. 18–19).

№ 2. Квадрат Г. Суглинок (2001) — вторая половина IV – VI вв. (Герцен 2002а, с. 18–19).

№ 3. Квадрат Е-Ж. Хозяйственная яма № 12. Заполнение (2003) — заполнение со- держит материал IV – VI вв., засыпь была сделана в VI в. (Герцен 2004, с. 23).

№ 4. Квадрат Н. Хозяйственная яма № 27. Заполнение (2004/2005) — запол- нение содержит материал III – VI вв., за- сыпь была сделана в первой половине VI в. (Герцен 2005, с. 39; Герцен 2006, с. 25).

№ 5. Квадрат М. Хозяйственная яма № 29. Заполнение (2004) — заполнение со- держит материал IV – VI вв., засыпь была сделана в VI в. (Герцен 2005, с. 43).

№ 6. Квадрат Ж. Хозяйственная яма № 45. Заполнение (2005) — заполнение со- держит материал IV – VI вв., засыпь была сделана в VI в. (Герцен 2006, с. 28–29).

№ 7. Квадрат М. Хозяйственная яма № 48. Заполнение (2005) — заполнение со-

держит материал IV – VI вв., засыпь была сделана в первой половине VI в. (Герцен 2006, с. 29).

№ 8. Квадрат И-3. Хозяйственная яма № 59. Заполнение (2005) — заполнение со- держит материал IV – VI вв., засыпь была сделана в VI в. (Герцен 2006, с. 33).

№ 9. Квадрат И-3. Хозяйственная яма № 64. Заполнение (2005) — заполнение со- держит материал IV – VII вв., засыпь была сделана в VI – VII вв. (Герцен 2006, с. 34).

№ 10. Квадрат Н. Хозяйственная яма № 68. Заполнение (2005) — заполнение со- держит материал IV – VII вв., засыпь была сделана в VI – VII вв. (Герцен 2006, с. 35).

№ 11. Квадрат М. Лакуна в центральной части. Заполнение (2004) — засыпь была сделана в IX в. (Герцен 2005, с. 42).

Участок жилой застройки с тыльной стороны ВЛО в верховьях Лагерной Балки

№ 12. Раскоп А-VIII Участок Д. 3-й корич- невый слой (1994) — формировался в те- чение VI – второй половины IX вв. (Герцен, Науменко, Негуляев, Черныш 1995, с. 19–20).

№ 13. Раскоп А-VIII. Прирезка. Суглинок (1994) — III – начало VI в. (Герцен, Науменко, Негуляев, Черныш 1995, с. 20).

№ 14. Раскоп А-VIII. Вход в печь. Суглинок (1994) — III – начало VI в. (Герцен, Науменко, Негуляев, Черныш 1995, с. 22).

№ 15. Раскоп А-IX. 4-й слой (1994) — IV – начало VI в. (Герцен, Науменко, Негуляев, Черныш 1995, с. 24–25).

№ 16. Раскоп А-IX – А-X. Постройка № 2. Пол (1995) — V в. (Герцен, Науменко, Карлов, Черныш 1996, с. 44–45).

№ 17. Раскоп А-IX. 4-й слой под разва- лом стен постройки № 2 (1995) — IV – V вв. (Герцен, Науменко, Карлов, Черныш 1996, с. 44–45).

³ Отметим, что все могилы некрополя в балке Алмалык-дере ограблены.

⁴ Здесь и далее указаны порядковый номер археологического контекста, его название и год (-ы) исследования, дата.

№ 18. Раскоп А-ХIII. 3-й слой (1996) — формирование слоя происходило в течение VI – начала IX вв. (Герцен 1997, с. 30–34).

№ 19. Раскоп А-ХIII. 4-й слой (1996) — формировался в течение IV – второй половины VI вв. (Герцен 1997, с. 34–35).

№ 20. Раскоп А-ХIII. Хозяйственная яма в северном углу. Заполнение (1996) — засыпь содержит материал IV – VI вв. и была сделана в VI в. (Герцен 1997, с. 35).

№ 21. Раскоп А-ХIV. Квадрат 2. Хозяйственная яма у северо-западной бровки. Заполнение (1997) — начало/первая половина V в. (Герцен 1998а, с. 18).

**Участок жилой застройки
с внешней стороны ВЛО
в верховьях Лагерной балки**

№ 22. Раскоп XV. 4-й слой (селевой нанос) (2007) — сформировался к концу VI – VII вв. (Герцен 2008, с. 36).

**Раскоп в расселине Демир-Капу
(укрепление А.ХIХ)**

№ 23. 3 слой (2002) — является засыпью грота, которая содержит материал IV – VI вв. и была сделана в VI в. (Герцен 2003б, с. 27; Герцен, Манаев 2005, с. 318–320).

№ 24. 4 слой (2002) — является засыпью грота, которая содержит материал IV – VI вв. и была сделана в VI в. (Герцен 2003б, с. 27–28; Герцен, Манаев 2005, с. 320–322).

№ 25. 6 слой (2002) — является засыпью грота, которая содержит материал IV – VI вв. и была сделана в VI в. (Герцен 2003б, с. 28; Герцен, Манаев 2005, с. 323).

№ 26. 7 слой (2002–2003) — является засыпью грота, которая содержит материал III – VI вв. и была сделана в VI в. (Герцен 2003б, с. 28–29; 2004, с. 42–43; Герцен, Манаев 2005, с. 323–324).

№ 27. 8 слой (2002–2003) — является засыпью грота, которая содержит материал III – VI вв. и была сделана в VI в. (Герцен 2003б, с. 29–30; 2004, с. 43–44; Герцен, Манаев 2005, с. 325–326).

№ 28. 9 слой (заполнение ямы) (2002) — содержит материал III – VI вв. и было сделано в VI в. (Герцен 2003б, с. 30; Герцен, Манаев 2005, с. 324–325).

№ 29. 10 слой (заполнение ямы в суглинке) — содержит материал второй половины III – V вв. Засыпь была сделана в V в., возможно в первой половине V в. (2002–2003) (Герцен 2003б, с. 30; 2004, с. 44; Герцен, Манаев 2005, с. 326–327).

№ 30. 11 слой (каменный завал в гроте) (2003) — вторая половина III – V вв. (Герцен 2004, с. 44–45; Герцен, Манаев 2005, с. 327–328).

Могильник в балке Алмалык-дере

№ 31. Склеп № 2 (1996/1998) — IV в. (Герцен 1997, с. 70–72; 1999, с. 39).

№ 32. Склеп № 65 (1998) — 360/70–400/10 г. (Герцен 1999, с. 39–41).

№ 33. Подбойная могила № 7 (1999) — IV в. (Герцен 2000, с. 32–33).

№ 34. Склеп № 119 (2000) — без узкой даты (Герцен 2001, с. 40).

№ 35. Склеп № 185 (2006) — конец IV – середина V вв. (Герцен 2007, с. 40).

№ 36. Склеп № 197 (2008) — конец IV – первая половина V в. (Герцен 2009, с. 55–56).

**Участок Главной линии обороны
на мысе Чуфут-Чеварган-Бурун.
Укрепление А.ХIV**

№ 37. Стратиграфический раскоп с тыльной стороны оборонительной стены. Квадрат 2. 4-й слой (2010) — III – X вв. (Герцен 2011, с. 32–34).

№ 38. Раскоп IV-A. 1-й слой (1981) — XV в. (Герцен 1991, с. 114).

В ходе анализа материала из данных археологических контекстов были обнаружены следующие типы амфор:

- 1) амфоры мирмекийского типа;
- 2) амфоры с клювообразными венчиками и ручками типа мирмекийских;
- 3) красноглиняные амфоры со сложно-профилированными ручками;

- 4) амфоры с черепком «пестрой окраски»;
- 5) красноглиняные узкогорлые амфоры с высоко поднятыми ручками;
- 6) красноглиняные амфоры с желобчатыми венцами;
- 7) амфоры с воронковидным горлом;
- 8) коричневоглиняные кувшины с большим содержанием слюды;
- 9) красноглиняные пантикапейские и фанаторийские амфоры;
- 10) узкогорлые светлоглиняные амфоры типа D;
- 11) узкогорлые светлоглиняные амфоры типа F;
- 12) узкогорлые светлоглиняные амфоры типа E.

1) Амфоры мирмекийского типа

Амфоры типа мирмекийской, или мирмекийского типа, названы по первой находке в одной из рыбозасолочных цистерн Мирмекия (Ланговая 1941, с. 289). Классические сосуды обладают массивным валикообразным венчиком, вытянутым по вертикали с наибольшим расширением, как правило, в нижней части, цилиндрическим горлом, на котором иногда в месте прилепа ручек прочерчен желобок, цилиндрическим желобчатым туловом и сужающейся книзу ножкой с уплощенной подошвой, либо с выступом. Ручки, овальные в сечении, прикреплены непосредственно под венцом. С наружной стороны они профилированы несколькими (до 5-ти) желобками, часто неглубоким широким желобком профилирована тыльная сторона (Зеест 1960, с. 111–112, табл. XXX, 72; Абрамов 1993, с. 47, рис. 54; Крапивина 1993, с. 97, рис. 30, 1–3; Кленина 2004, с. 19, рис. 3, 4, 8). Черепок амфор, как правило, красно-коричневого (Munsell: 5 YR 6/8), красно-оранжевого (Munsell: 10R 7/8, 10R 6/8, 10R 5/8) цвета, плотной структуры с визуально различимыми примесями извести, песка, шамота, окислов железа. Внешняя поверх-

ность покрыта светлым ангобом (Munsell: 5 Y 8/1). Размеры амфор: высота — до 110 см, диаметр венчика — 12–16 см, диаметр тулова 38–40 см, вместимость 39–41 л. (Зеест 1960, с. 111–112; Крапивина 1993, с. 97; Dyczek 2001, р. 229–230; Созник 2005, с. 238–239). На горле иногда есть дипинти, выполненные красной краской (Крапивина 1993, с. 97; Кленина 2004, с. 21; Созник 2005, с. 238–239).

Относятся к типу 72 по И. Б. Зеест (Зеест 1960, с. 111–112, табл. XXX, 72)⁵, типу I по Г. Кузманову (Кузманов 1973, с. 15), типу I.5 по Б. Беттгеру (Böttger 1982, s. 44, 95–96, taf. 21, 5–9), признаку 31 по А. И. Айбабину (Айбабин 1984, с. 114, рис. 5, 21), типу 6.11–6.13 по А. П. Абрамову (Абрамов 1993, с. 47, рис. 54), типу 19 по В. В. Крапивиной (Крапивина 1993, с. 97, рис. 30, 1–3), типу 31 по П. Дычеку (Dyczek 2001, р. 228–233, fig. 128), типу 1 по Е. Ю. Клениной (Кленина 2004, с. 19–21, рис. 3, 4, 8), типу B-Ia по А. Олайцу (Oraïț 1996, р. 215, pl. 19. 1.3; 2004, р. 27–28, pl. 17, 1,3).

Вопрос о месте производства амфор вызывает споры. Большинство исследователей согласны с предположением И. Б. Зеест, что сосуды производились в Пантикапее, Мирмекии или близлежащих областях (Зеест 1960, с. 111; Кругликова 1966, с. 148; Крапивина 1993, с. 97). Р. И. Ветштейн полагала, что амфоры изготовлялись не только на Боспоре, но и в Ольвии (Ветштейн 1975, с. 171–172). Однако химический анализ показал, что производственные центры могли находиться в бассейне Эгейского моря, либо Ионии (Hayes 1983, р. 153; Dyczek 2001, р. 231). Пока нет доказательств в виде раскопанных гончарных мастерских, возможно, следует оставить открытым этот вопрос, однако преобладание амфор на территории Боспора может косвенно свидетельствовать в пользу их производства в этом регионе.

Исследователи датируют сосуды по-разному: концом II – серединой III в. н. э.

⁵ В дальнейшем для обозначения амфор мы использовали типологию И. Б. Зеест (Зеест 1960).

(Зеест 1960, с. 112; Абрамов 1993, с. 47, рис. 54, 6.11–6.13; Крапивина 1993, с. 97, рис. 30, 1–3; Гарбуз 2008, с. 394), второй половиной III – первой половиной IV вв. (Гайдукевич 1952а, с. 206–207), первой половиной IV в. (Böttger 1982, s. 44, 95–96, taf. 21, 5–9), IV в. (Кузманов 1973, с. 15), серединой III – последней четвертью V вв. (Сазанов 1999, с. 239; 2002, с. 32–33), концом II – серединой V вв. (Oraït 2004, p. 27–28).

Для определения хронологии рассмотрим распространение сосудов.

На территории Херсонеса амфоры типа мирмекийской обнаружены в комплексах усадьбы «Близнецы» — не позднее середины III в. (Башня I, каменный завал — с монетой Юлии Домны 212–217 гг.) (Кленина 2004, с. 19–21, рис. 3, 4, 8; Созник 2005, с. 238–239, рис. 2, 2,3), «цистерне в алтаре» — последней четверти V в. (Сазанов 1999, с. 238–239, рис. 7, 2–13, 16, 17; 2002, с. 32–33, рис. 2, 7–17; Голофаст 2001, с. 106), цистерне ХСVII — V – VI вв. (Ушаков, Дорошко, Кропотов и др. 2006, с. 192, рис. 3, 1, 2, 10, 11–31, 50, 68, 4, 2, 4–6, 8–10, 12–14)⁶. На территории Юго-Западного Крыма сосуды обнаружены в комплексах позднескифского могильника Балта-Чокрак (могила № 34) — середины III в. (Зайцев, Мордвинцева, Неневоля и др. 2005, с. 175, рис. 16, II, 1), при разведках 1978 г. на склонах холма Тас-Тепе (Кутайсов 1983, с. 147, рис. 3, 3, 14–18). Амфоры использовались в качестве погребальных урн в могилах конца II – III вв., III в., первой половины III в., второй половины III в., IV в. некрополя «Совхоз № 10»⁷ (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др. 2003–2004, с. 67–68, табл. V, 5, 6.). Встречаются в контекстах III в. Неаполя скифского (Карасев 1951, с. 161) и II – III вв. Алма-Кермена (Высотская 1972, с. 127, рис. 36, 1, 2).

В центральной части крымских предгорий сосуды преобладают среди тарных находок поселения в Барабановской балке, датирующегося III – IV вв. (Храпунов, Власов, Смокотина и др. 2009, с. 13, рис. 29, 9–11, 30, 1, 2, 31, 1–5, 32, 1–8, 33, 1–10, 34, 1–13, 35, 1–11, 36, 1–12, 37, 1).

Обломок венчика, похожего на тип 72 по И. Б. Зеест, происходит из могилы № 20 Чатырдагского некрополя с широкой датой в пределах 30-х гг. III – начала IV вв. (Мыц, Лысенко, Щукин и др. 2006, с. 54, 109, 161, табл. 23, 6), а целый экземпляр обнаружен в могиле № 1 с монетой Лициния I и датируется первой третью – первой половиной IV в. (Мыц 1987, с. 148–151, рис. 5, 1).

Амфоры типа мирмекийской встречаются при раскопках поселения Таракташ в комплексах III в. (Гарбуз 2008, с. 394, рис. 2, 11–15, 18–20, 26–29)

На территории Европейского Боспора обнаружены в разрушенных в III в. рыбозасолочных цистернах Мирмекия (Гайдукевич 1940, с. 305; 1952а, с. 206–207, рис. 123, 124), жилых домах Илурата II – III вв. (Гайдукевич 1950, с. 173), постройках Киммерика, погибших в пожаре середины III в. (Зеест 1951, с. 191), верхнем зольнике у подножия горы Митридат, который сформировался к середине III в. (Голофаст 2010, с. 99, 106, рис. 25, 15–26). Амфоры типа 72/73 по И. Б. Зеест в качестве примеси снизу присутствуют в заполнениях хозяйственной ямы № 3 Босфорского переулка Керчи VI в., (Смокотина 2008, с. 112, рис. 7, 16, 17) и хозяйственной ямы № 6 постройки № 2 участка XXV Тиритаки середины V – второй четверти VI вв. (Сазанов 1999, с. 252, рис. 16, 13).

Сосуды типа 72 также обнаружены в большом здании конца II – середины III вв. на Нагорном раскопе (раскопки 1973–1975 гг.), погибшем в пожаре около 252 г.

⁶ Отметим, что засыпи двух цистерн содержали материал позднеантичного времени, так как для них был собран грунт из слоев с прилегающих территорий. Поэтому упомянутые комплексы не могут быть показательными для датировки описываемых амфор.

⁷ Отметим, что дата захоронения — конец II – III вв. выведена авторами на основании стратиграфических наблюдений, остальные даты основаны на присутствии в амфорах монет соответствующего периода (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др. 2003–2004, с. 67–68).

н. э., Гермонассы (Коровина 2002, с. 75–77, рис. 39). В Горгиппии эти амфоры являются характерной формой тарных сосудов для IV строительного периода в истории городища (конец I/II – 238/239 гг.) (Алексеева 1997, с. 130–143, 255, 277, 506, табл. 90,9,11, 95,8,11, 112,12, 124, 16–17, 166,15,18, 171,6, 224,2).

В Танаисе амфоры типа мирмекийской зафиксированы в закрытых комплексах середины III в. — подвале ЕК, подвале ДФ (Арсеньева, Науменко 1992, с. 145, рис. 25, 1), подвале В (Арсеньева, Науменко 2001, с. 67), подвальном складе (Науменко 2008, с. 283, илл. 8, 8), подвале R2 постройки № 9 (Арсеньева, Ильяшенко, Науменко 2009, с. 45–46, рис. 23, 4,5), подвале МВ (Арсеньева, Науменко 1994, с. 66).

Сосуды присутствуют в слоях Ольвии конца II – середины III вв. (Ветштейн 1975, с. 167–168, 171–172, рис. 1, 1; Лейпунская 1984, с. 74; Крапивина 1993, с. 97, рис. 30, 1–3) и Никония II – III вв. (Бруяко, Дзиговский, Секерская 2008, с. 29–31, рис. 9, 5,7).

Амфоры встречаются на территории Добруджи в Калатисе (Preda 1980, р. 29, pl. 73, M208,1), Греци (Oraiț 1991a, pl. 24.4066) Сарикьое, Топрайкьое (Oraiț 1991, р. 213, pl. 15,1), Аэгиссусе, Муригьоле в слоях IV вв. (Oraiț 1991a, р. 141, type B-1a; 1996, р. 214; 2004, р. 27–28, pl. 17, 1,3).

На территории Болгарии они выявлены в слоях Ятруса периода А – IV в. (Böttger 1982, s. 33, 44, 95–96, taf. 21,5–9) и при подводных исследованиях в районе Созополя (Duszczek 2001, р. 231).

Уменьшенный вариант амфоры мирмекийского типа (высотой 63 см) известен по раскопкам Керамейкоса в окрестностях Афин, где он датируется концом III – началом IV вв. (Böttger 1992, s. 344, 372, abb. 3, 4, taf. 100, 2).

Исходя из опубликованных комплексов, в которых встречаются амфоры типа мирмекийской, следует, что производство амфор, по всей видимости, приходится на период III – IV вв. Конец II в. в качестве нижней хронологической границы приводится исследователями на основании стратиграфических наблюдений. На данный момент нет закрытых комплексов II в., где бы фиксировались находки амфор. Появление сосудов во II в. обычно обосновывают результатами раскопок римских терм в Истрии. Однако из слоя первой – третьей четверти II в. (Phase IB) происходит только крупный фрагмент стенки амфоры, что недостаточно для подобных заключений (Sucaveanu 1982, р. 104, pl. 8,54).

Наиболее активный период использования амфор попадает на III – середину IV вв. Именно этим временем датируются закрытые комплексы, где встречаются сосуды. Нельзя сказать, что во второй половине IV в. производство прекратилось, но отметим меньшее количество хорошо стратифицированных археологических контекстов, где зафиксированы сосуды.

Выводы о производстве амфор в V в. слабо обоснованы. А. Опайц указывает, что амфоры датируются в комплексах IV в., и, не ссылаясь на конкретные археологические контексты, говорит, что сосуды доживают до V в. (Oraiț 1996, р. 215; 2004, р. 27–28). А. В. Сазанов, указывая V в. как верхнюю хронологическую границу существования амфор, приводит в качестве аргументов их присутствие в слое разрушения «послеготского дома» в Тире второй половины IV в.⁸, могилах № 29 и № 33 Харакса первой половины V в., заполнении «цистерны в алтаре» в Херсонесе, засыпи ямы № 6 постройки № 2 участка XXV в Тиритаке середины V – второй четверти VI вв. (Сазанов 1999, с. 238, 252; 2002, с. 32–33). В последних двух контек-

⁸ Комплекс Тире Н. Н. Кравченко и В. Н. Корпусова относят ко второй половине IV в. (Кравченко, Корпусова 1975, с. 26, 31). В. М. Зубарь и Н. А. Сон связывают гибель данной постройки с последствиями гуннского вторжения в Северное Причерноморье и датируют 70-х гг. IV в. (Зубарь, Сон 2007, с. 203–204). Однако в связи с присутствием в слое разрушения амфор типа «Делакеу» и сосудов типа «Харакс 33», А. И. Айбабин относит его к первой половине V в. (Айбабин 1990, рис. 2).

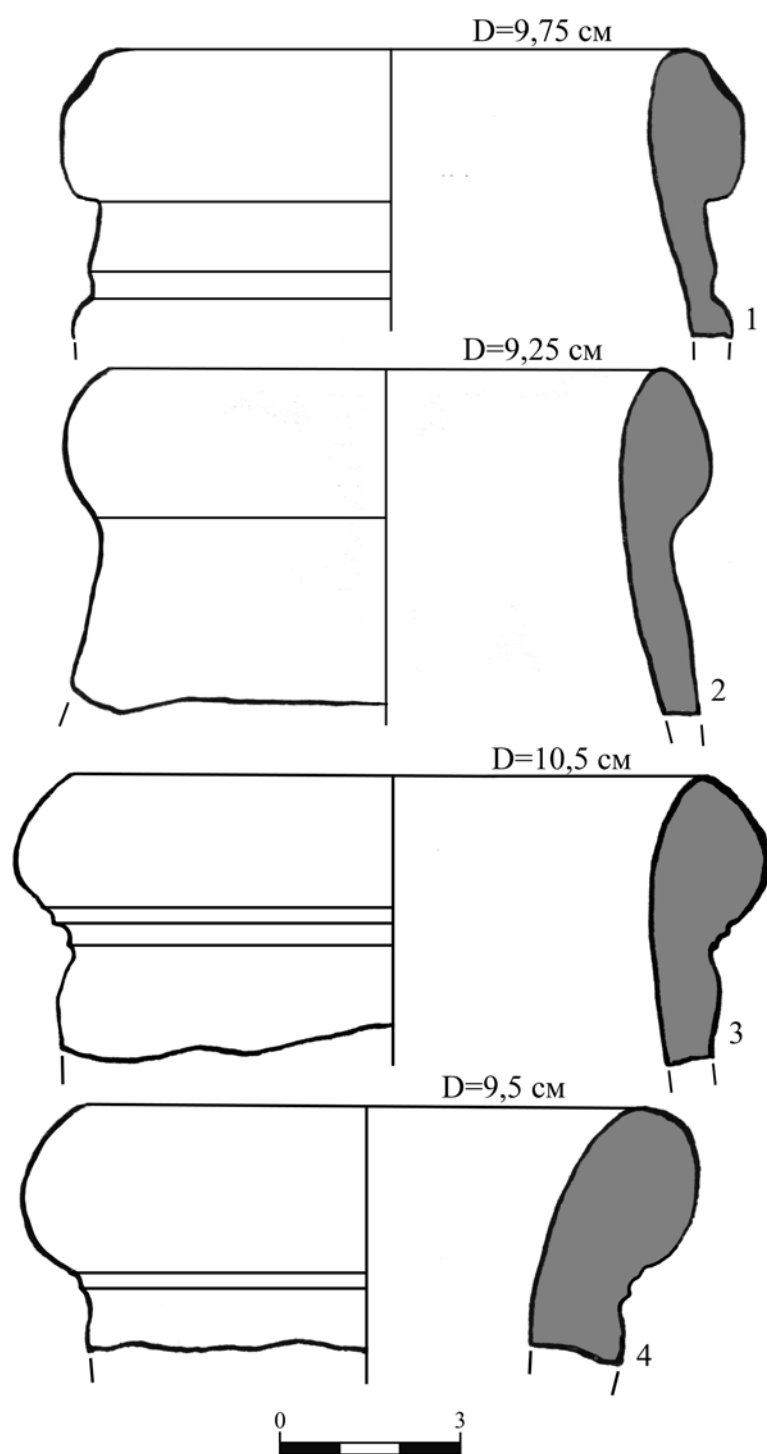

Рис. 2. Фрагменты амфор мирмекийского типа (72 по И. Б. Зеест) из раскопок Мангупа:
1, 2 — № 19; 3, 4 — № 18

Fig. 2. Fragments of amphorae of type Myrmekion (Zeyest 72) excavated in Mangup:
1, 2 — no. 19, 3, 4 — no. 18

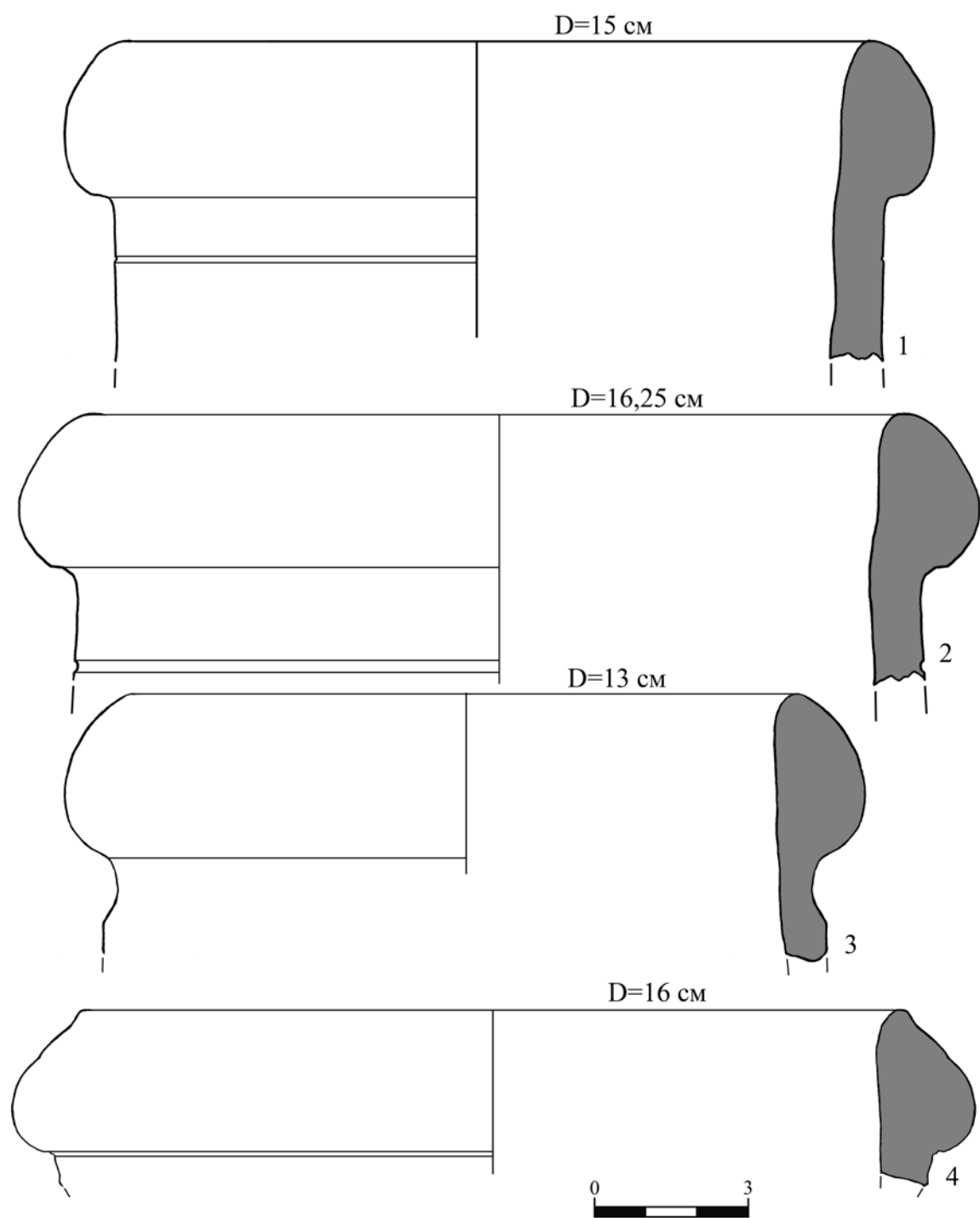

Рис. 3. Фрагменты амфор мирмекийского типа (72 по И. Б. Зеест) из раскопок Мангула:
1, 2 — № 1; 3, 4 — № 14

Fig. 3. Fragments of amphorae of type Myrmekion (Zeyest 72) excavated in Mangup:
1, 2 — no. 1; 3, 4 — no. 14

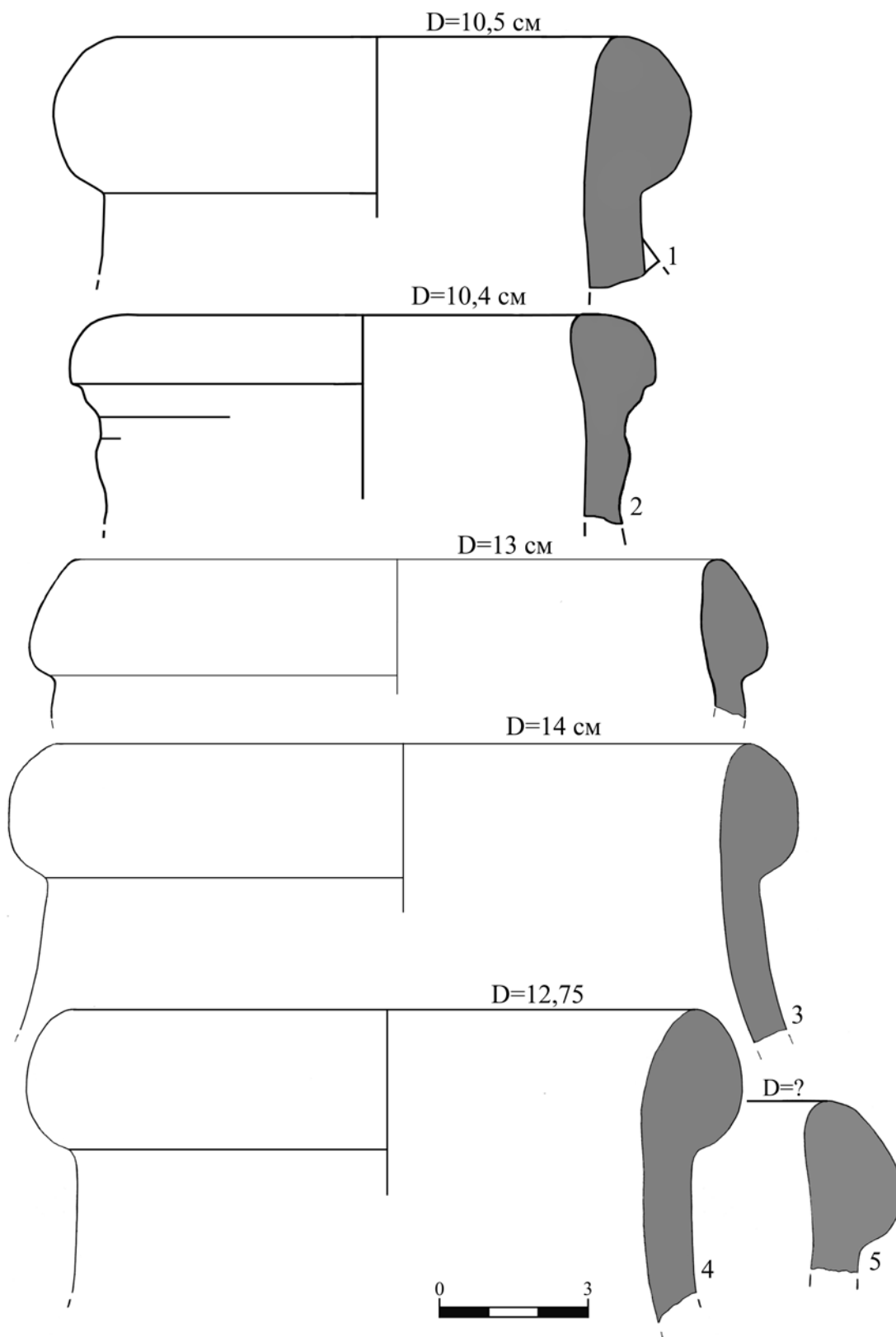

Рис. 4. Фрагменты амфор мирмекийского типа (72 по И. Б. Зеест) из раскопок Мангупа:
 1, 2 — № 3; 3 — № 25; 4, 5 — № 23; 6 — № 8

Fig. 4. Fragments of amphorae of type Myrmekion (Zeyest 72) excavated in Mangup:
 1, 2 — no. 3; 3 — no. 25; 4, 5 — no. 23; 6 — no. 8

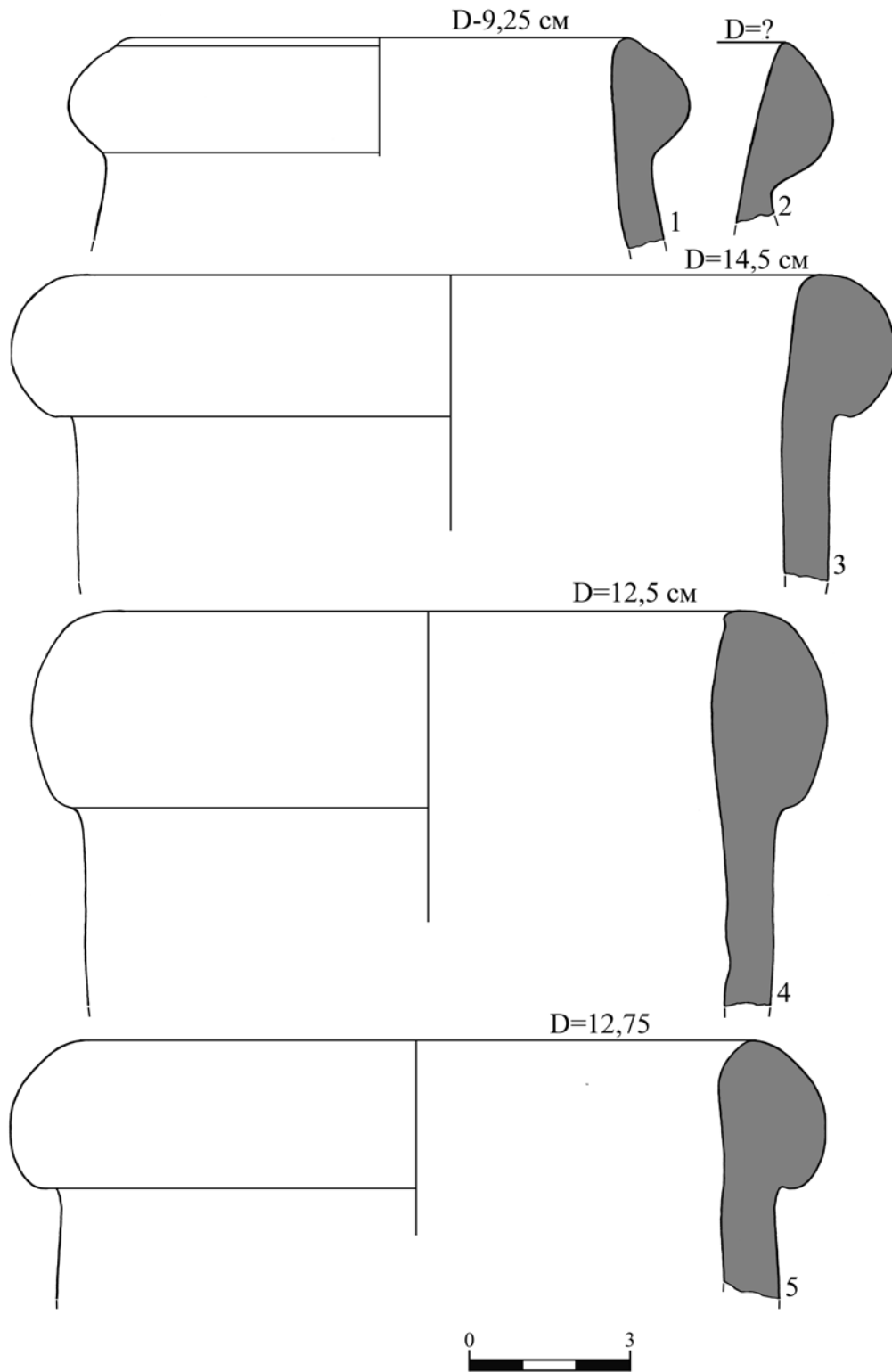

Рис. 5. Фрагменты амфор мирмекийского типа (72 по И. Б. Зеест) из раскопок Мангула:
1, 2 — № 26; 3, 5 — № 27

Fig. 5. Fragments of amphorae of type Myrmekion (Zeyest 72) excavated in Mangup:
1, 2 — no. 26; 3, 5 — no. 27

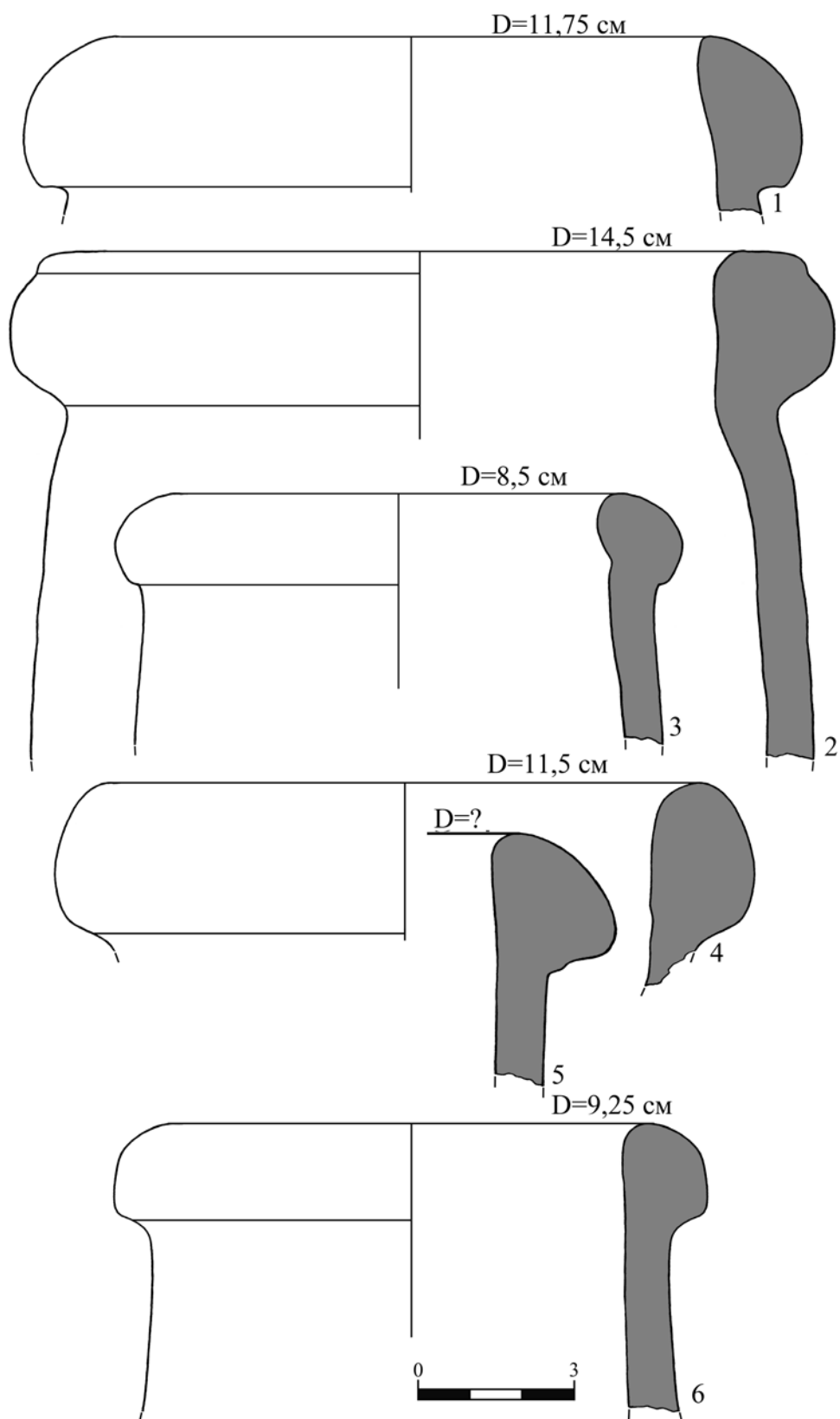

Рис. 6. Фрагменты амфор мирмекийского типа (72 по И. Б. Зеест) из раскопок Мангула:
1–3 — № 27; 4–6 — № 28

Fig. 6. Fragments of amphorae of type Myrmekion (Zeyest 72) excavated in Mangup:
1–3 — no. 27; 4–6 — no. 28

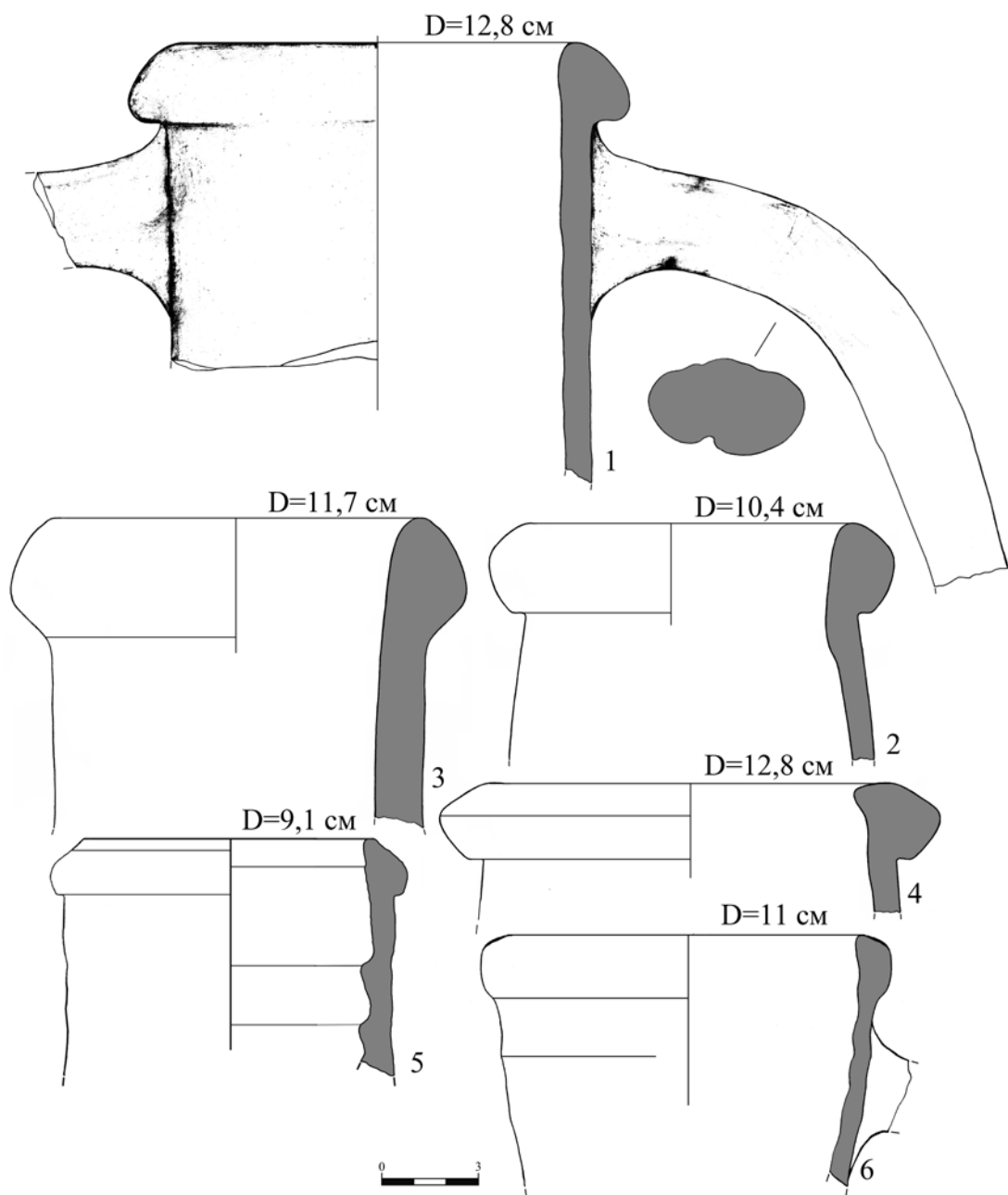

Рис. 7. Фрагменты амфор мирмекийского типа (72 по И. Б. Зеест) из раскопок Мангупа:
1 — № 27; 2–4 — № 30; 5 — № 34; 6 — № 16

Fig. 7. Fragments of amphorae of type Myrmekion (Zeyest 72) excavated in Mangup:
1 — no. 27; 2–4 — no. 30; 5 — no. 34; 6 — no. 16

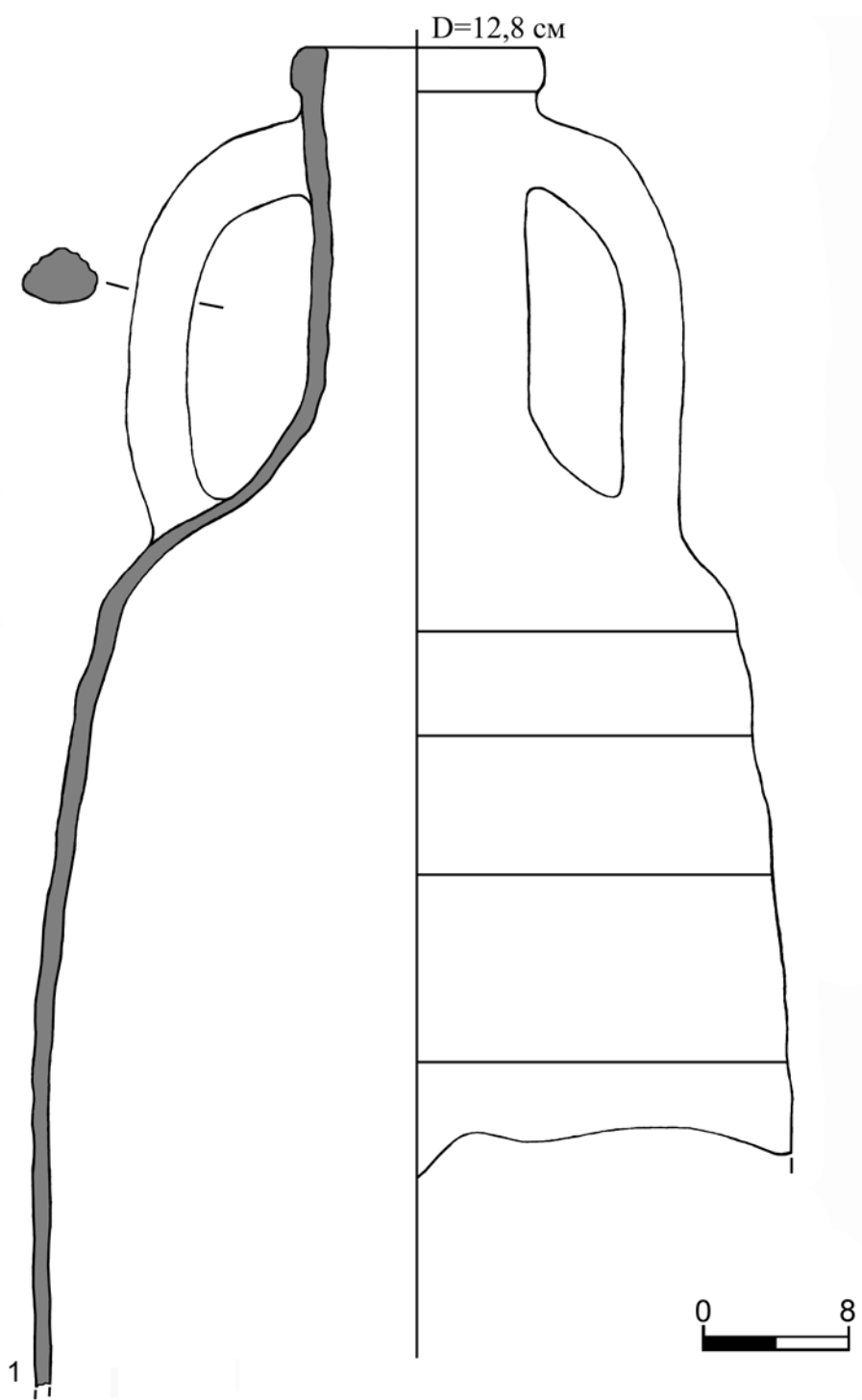

Рис. 8. Амфора мирмекийского типа (72 по И. Б. Зеест) из раскопок Мангула: 1 — № 37

Fig. 8. Amphora of type Myrmekion (Zeyest 72) excavated in Mangup: 1 — no. 37

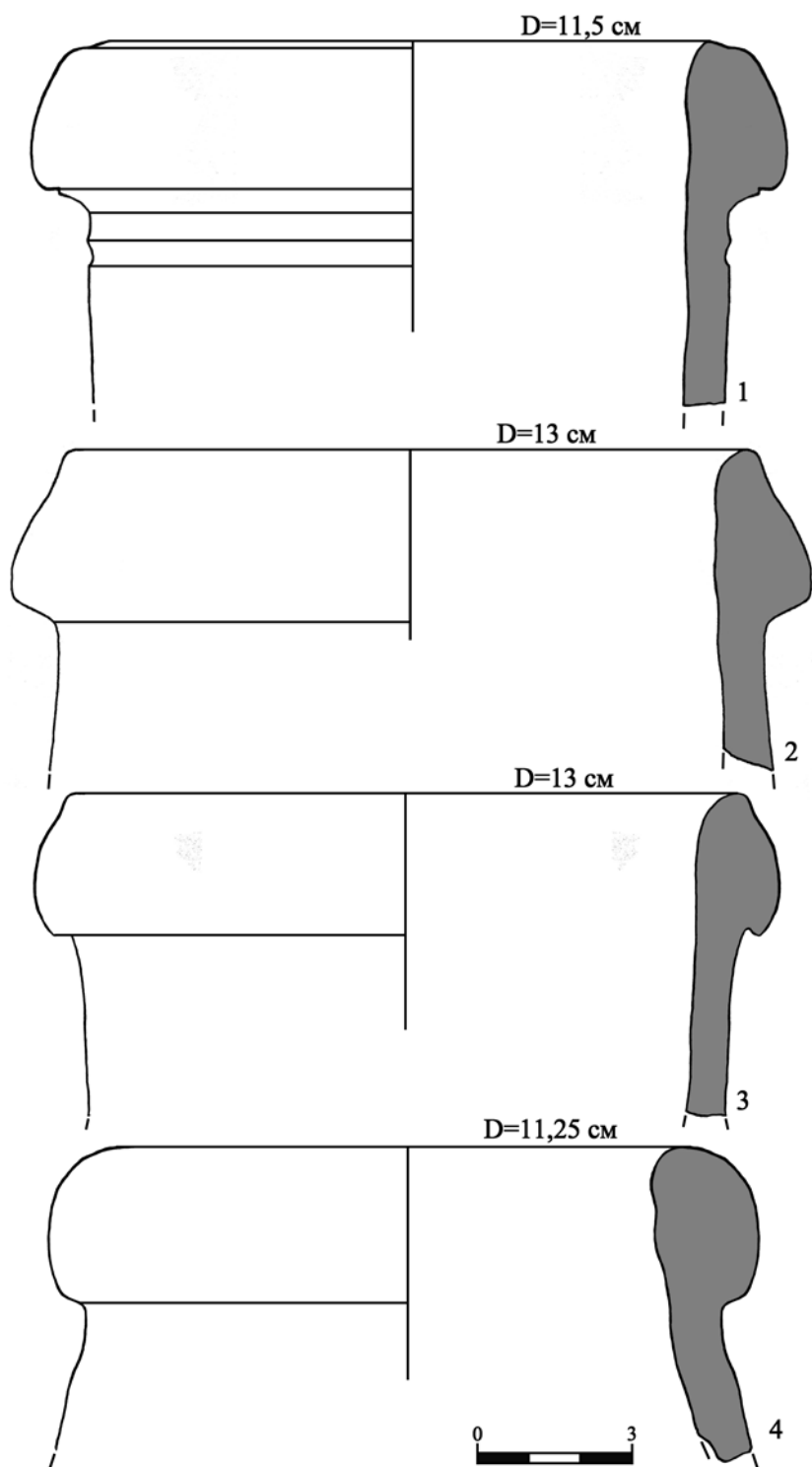

Рис. 9. Фрагменты амфор мирмекийского типа (72 по И. Б. Зеест) из раскопок Мангула:
1 — № 17; 2 — № 21; 3 — № 15; 4 — № 12

Fig. 9. Fragments of amphorae of type Myrmekion (Zeyest 72) excavated in Mangup:
1 — no. 17; 2 — no. 21; 3 — no. 15; 4 — no. 12

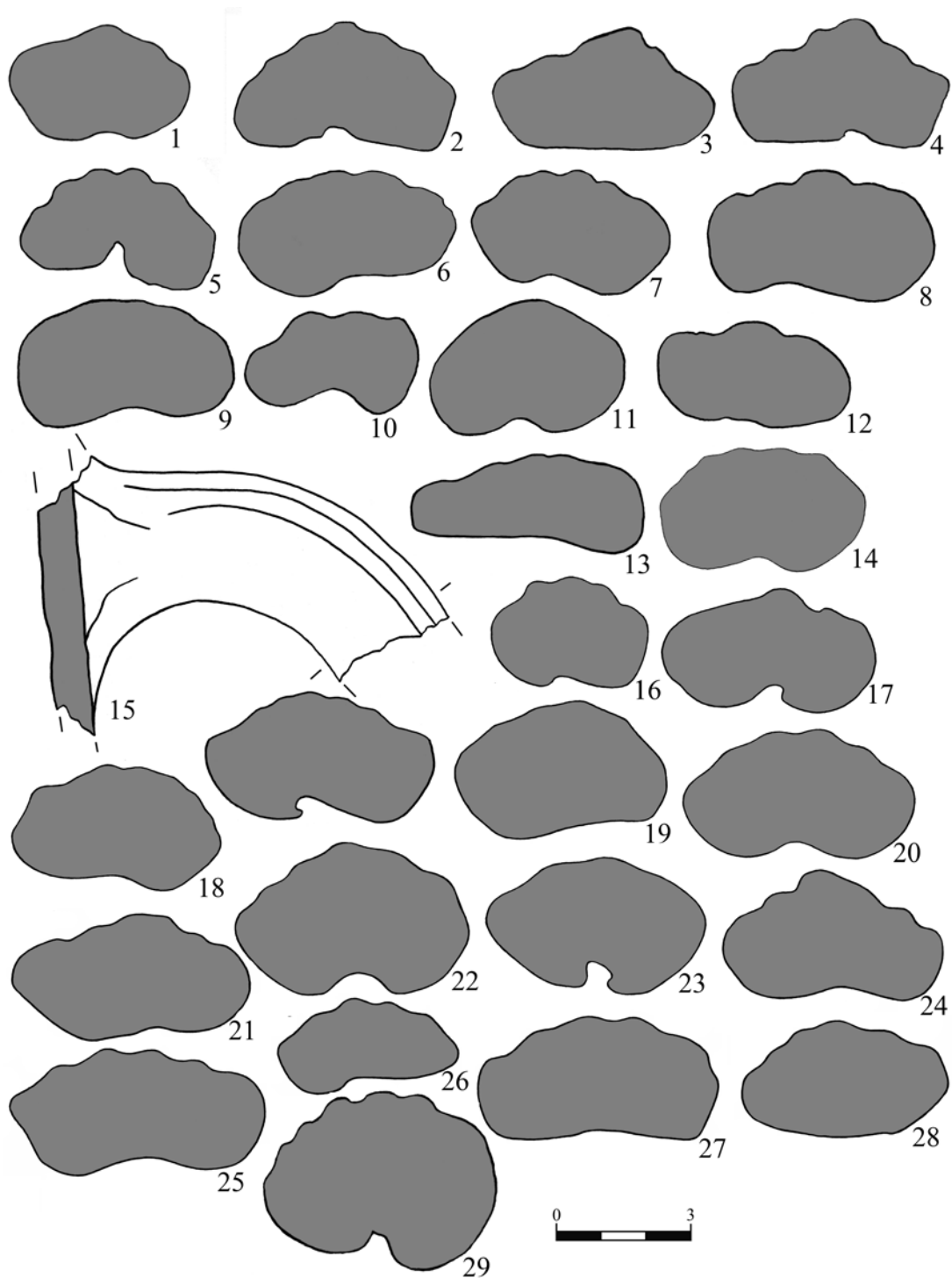

Рис. 10. Фрагменты амфор мирмекийского типа (72 по И. Б. Зеест) из раскопок Мангупа:
 1 — № 17; 2 — № 21; 3, 4 — № 20; 5, 6 — № 15; 7 — № 12; 8–10 — № 19; 11, 12 — № 18; 13 — № 22;
 14 — № 23; 15 — № 1; 16 — № 26; 17–19 — № 27; 20, 22, 23 — № 28;
 21, 24, 25 — № 29; 26–28 — № 30; 29 — № 16

Fig. 10. Fragments of amphorae of type Myrmekion (Zeyest 72) excavated in Mangup:
 1 — no. 17; 2 — no. 21; 3, 4 — no. 20; 5, 6 — no. 15; 7 — no. 12; 8–10 — no. 19; 11, 12 — no. 18;
 13 — no. 22; 14 — no. 23; 15 — no. 1; 16 — no. 26; 17–19 — no. 27; 20, 22, 23 — no. 28;
 21, 24, 25 — no. 29; 26–28 — no. 30; 29 — no. 16

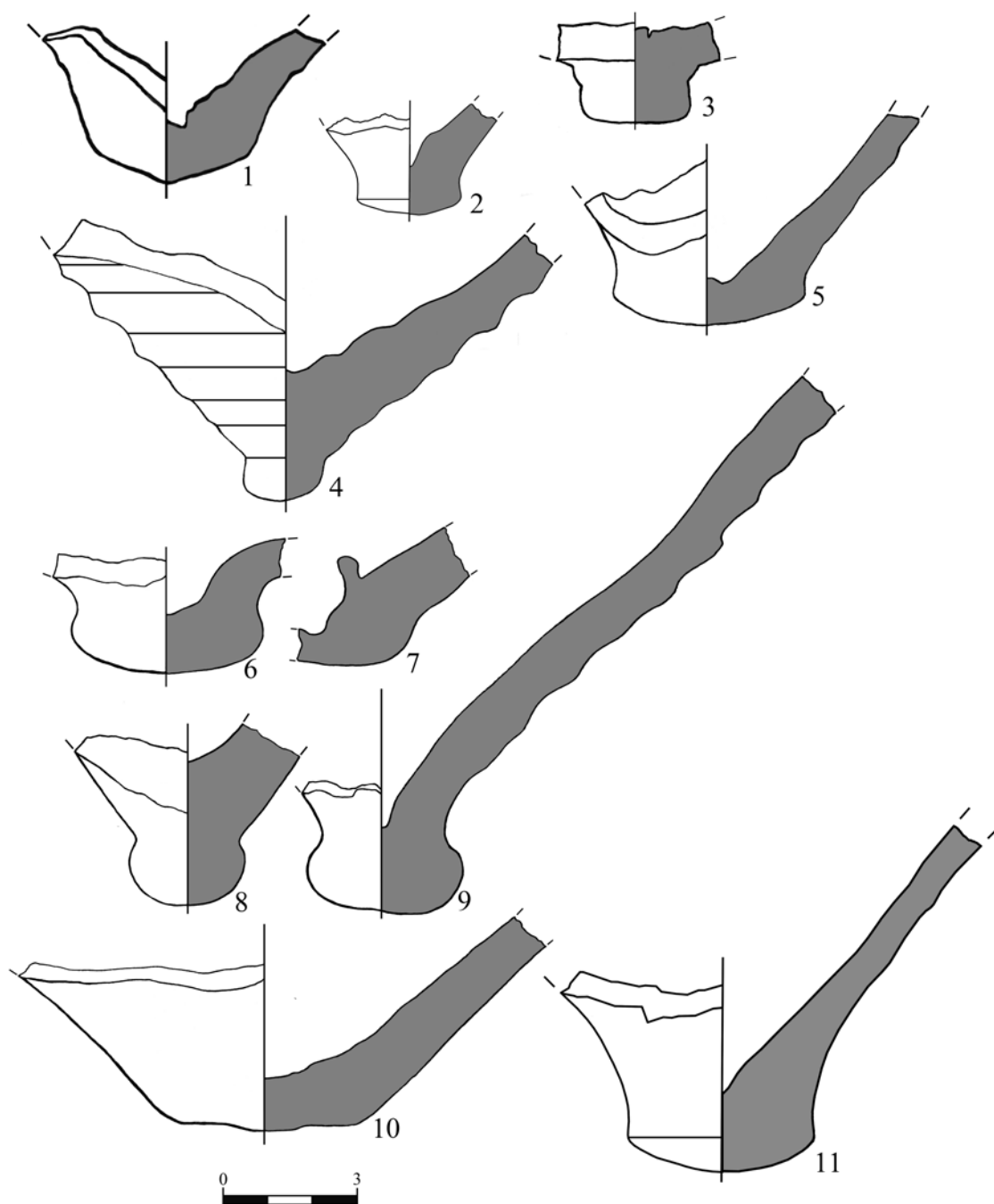

Рис. 11. Фрагменты амфор мирмекийского типа (72 по И. Б. Зеест) из раскопок Мангула:
 1 — № 20; 2 — № 4; 3 — № 18; 4 — № 15; 5 — № 12; 6 — № 28; 7 — № 27; 8 — № 26;
 9 — № 28; 10 — № 27; 11 — № 6

Fig. 11. Fragments of amphorae of type Myrmekion (Zeyest 72) excavated in Mangup:
 1 — no. 20; 2 — no. 4; 3 — no. 18; 4 — no. 15; 5 — no. 12; 6 — no. 28; 7 — no. 27; 8 — no. 26;
 9 — no. 28; 10 — no. 27; 11 — no. 6

стах действительно зафиксированы амфоры типа 72 по И. Б. Зеест, однако их дата весьма неоднозначна. Так, первоначально заполнение «цистерны в алтаре» относили к III – IV вв., концу IV – середине V в. (Рыжов 1986, с. 130; Романчук, Сазанов 1991, с. 12–13), однако позже А. В. Сазанов пересмотрел датировки и сдвинул их до последней четверти V в. (Сазанов 1999, с. 244–247, 250). Если считать засыпь цистерны единовременной, то следует учесть, что она была сделана с использованием грунта из слоев, собранных с прилегающих территорий, поэтому туда мог попасть разновременный материал, который отразил период с IV до третьей четверти V вв. Следовательно, продлевать дату использования амфор на основании присутствия в комплексе материалов V в. не вполне корректно. Та же ситуация характерна для комплекса заполнения ямы № 6 Тиритакки. Что касается указанных археологических контекстов Тире и Харакса, то в данном случае речь идет о неверно подобранных аналогиях. В комплексах были обнаружены амфоры типа «Харакс 33» конца IV – первой половины V вв., которые имеют иное оформление дна и другую структуру черепка (слоистый, темно-красный, с большим количеством слюды) (Блаватский 1951, рис. 13, 2,3; Абрамов 1993, с. 52, 134; Гей, Бажан 1997, с. 32–33, рис. 33, 3; Айбабин 1999а, рис. 3, 9; Магомедов 2001, с. 63, рис. 63, 1–2; Магомедов 2006, с. 53, рис. 3, 1–2).

Таким образом, V в. как верхнюю хронологическую границу бытования амфор нельзя считать обоснованной.

В V в. появляются другие типы амфор, которые можно считать следующими в эволюционном ряду желобчатых амфор с красного цвета черепком с визуальными различиями примесями шамота, известняка, песка, покрытые ангобом, для которых амфоры мирмекийского типа являются исходным звеном. Это сосуды типа V – VII по ХК-71, типа 2 и 5 по Якобсону, типа Беттгер III.1, типа XV по Кузманову или класса 6 по ХК-95 (Антонова, Даниленко, Ивашута и др. 1971, с. 85–86,

рис. 6–8; Якобсон 1979, с. 9, 11, рис. 1,2,5, 3,6; Böttger 1982, s. 59, 108, 121–122, 140–141, taf. 12d, 26–27; Кузманов 1985, с. 20–22, табл. 10–11; Романчук, Сазанов, Седикова 1995, с. 24–25, табл. 7,32–33, 8,34).

На территории Мангупского городища амфоры типа мирмекийской обнаружены в археологических контекстах III – начала VI вв.: № 14 (рис. 3, 3,4); III – X вв.: № 37 (рис. 8, 1); IV – V вв.: № 17 (рис. 9,1, 10,1); IV – начала VI вв.: № 15 (рис. 9,3, 10,5,6, 11,4); IV – второй половины VI вв.: № 19 (рис. 2,1,2, 10,8–10); IV – VII вв.: № 1 (рис. 3,1,2, 10,15); начала – первой половины V в.: № 21 (рис. 9,2, 10,2); V в.: №№ 16 (рис. 7,6, 10,29), 29 (рис. 10,21,24,25), 30 (рис. 7,2,3,4, 10,26–28); первой половины VI в.: № 4 (рис. 11,2); VI в.: №№ 3 (рис. 4,1,2), 6 (рис. 11,11), 8 (рис. 4,6), 20 (рис. 10,3,4, 11,1), 23 (рис. 4,4,5, 10,14), 25 (рис. 4,3), 26 (рис. 5,1,2, 10,16, 11,8), 27 (рис. 5,3,4,5, 6,1,2,3, 7,1, 10,17–19, 11,7,10), 28 (рис. 6,4,5,6, 10,20,22,23, 11,6,9); VI – VII вв.: № 22 (рис. 10,13); VI – второй половины IX вв.: № 12 (рис. 9,4, 10,7, 11,5); VI – начала IX вв.: № 18 (рис. 2,3,4, 10,11,12, 11,3). Отметим также фрагмент венчика сосуда в склепе № 119 могильника в балке Алмалык-дере (рис. 7,5).

2) Амфоры с клювообразными венчиками и ручками типа мирмекийских

Амфоры с клювообразным венчиком округленной формы, цилиндрическим, слегка расширяющимся книзу горлом, цилиндрическим желобчатым туловом, конусовидной, сужающейся книзу ножкой с уплощенной подошвой, либо с выступом. Ручки, овальные в сечении, прикреплены непосредственно под венцом. С наружной стороны они профилированы несколькими (до 5-ти) желобками, часто неглубоким широким желобком профилирована тыльная сторона (Зеест 1960, с. 112, табл. XXX, 73; Крапивина 1993, с. 97, рис. 29, 40–44; Кленина 2004, с. 22, рис. 5, 6).

Соответствуют к типам 73 по И. Б. Зеест (Зеест 1960, с. 112, табл. XXX, 73)⁹, 9(1) по Т. Л. Самойловой (Самойлова 1978, с. 260, рис. 2, 2–4), 34 по Д. Хейсу (Hayes 1983, p. 153–154, fig. 25, A78,79), 6.14 по А. П. Абрамову (Абрамов 1993, с. 47, рис. 54), 20 по В. В. Крапивинной (Крапивина 1993, с. 97, рис. 29, 40–44), 2 по Е. Ю. Клениной (Кленина 2004, с. 22–23, рис. 5, 6).

От предыдущего типа амфор этот отличается лишь формой венчика. Как правило, по форме ручки и дна довольно сложно определить к какому из типов — 72 или 73 по И. Б. Зеест — принадлежат сосуды. Некоторые авторы объединяют их в один тип, другие разделяют. Черепок и размеры сосудов типов 72 и 73 по И. Б. Зеест также не отличаются. Сформованы они из красно-коричневого (Munsell: 2 YR 6/8), красно-оранжевого (Munsell: 10R 7/8, 10R 6/8, 10R 5/8) глиняного теста, плотной структуры с визуально различимыми примесями извести, песка, шамота, железистых частиц. Внешняя и иногда внутренняя поверхность покрыта светлым ангобом (Munsell: 5 Y 8/1). Размеры амфор: высота — до 100 см, диаметр венчика — 12–16 см, диаметр тулова 35–40 см (Зеест 1960, с. 112; Крапивина 1993, с. 97; Кленина 2004, с. 22).

В Юго-Западном Крыму сосуды встречаются в комплексах Херсонеса конца II – первой половины III вв. (вилла 341) (Ковалевская 1998, с. 94–95, рис. 3, 3–4), (слой каменного завала круглой башни усадьбы «Близнецы») (Кленина 2004, с. 22–23, рис. 5, 6; Созник 2005, с. 239–240, рис. 2, 6, 7), городища Алма-Кермен — II – III вв. (Высотская 1972, с. 125, рис. 34, 12). Присутствуют в археологических контекстах II – III вв. Неаполя Скифского (Зеест 1960, с. 112) и комплексах второй половины III в., рубежа III – IV вв. могильника «Совхоз № 10» (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др. 2003–2004, с. 68, рис. V, 2, 3, 4).

На территории Боспора зафиксированы в засыпи хозяйственной ямы № 3 в Босфорском переулке второй половины VI в.¹⁰ (Смокотина 2008, с. 112, рис. 8, 1), в зольнике у подножия горы Митридат, который сформировался к середине III в. (Голофаст 2010, с. 100, 106, рис. 25, 43–48), встречаются в Фанагории (Зеест 1960, с. 112). В Горгии распространены в слоях II – первой половины III вв. (Алексеева 1997, с. 277, 506)

Амфоры обнаружены среди слоев разрушения Танаиса середины III в. (Шелов 1965, с. 70; Арсеньева, Науменко 1997, с. 160, рис. 43, 1).

Встречаются в слоях II – III вв. Ольвии (Крапивина 1993, с. 97, рис. 29, 40–44) и Тиры (Самойлова 1978, с. 260, рис. 2, 2–4).

Обнаружены в Кноссе в контекстах середины II – середины III вв. (Hayes 1983, p. 153; Sackett 1992, p. 255).

Исходя из распространения амфор типа 73 в археологических контекстах, сложно узко их датировать. Наиболее часто они встречаются в комплексах первой половины III в. Однако учитывая, что сосуды типа 73 отличаются от амфор типа 72 по И. Б. Зеест лишь формой венчика, можно предположить, что хронологические рамки бытования сосудов близки. Таким образом, амфоры типа 73 можно отнести к III – IV вв. Черепок же сосудов обоих типов фактически идентичен, что говорит о производстве в единых мастерских, по-видимому, находившихся на территории Боспора.

На Мангупском городище амфоры типа 73 по И. Б. Зеест обнаружены в археологических контекстах IV – начала VI вв.: № 15 (рис. 13, 1); IV – VI вв.: № 6 (рис. 13, 2); VI в.: №№ 23 (рис. 13, 7), 27 (рис. 13, 3, 8), 28 (рис. 13, 4–6).

Встречаются также фрагменты ручек и доньев сосудов, которые сложно отнести к определенному типу. Они описаны как

⁹ В дальнейшем для обозначения амфор мы использовали типологию И. Б. Зеест (Зеест 1960).

¹⁰ В данном случае необходимо учитывать, что для заполнения ямы был взят грунт, собранный с прилегающих территорий.

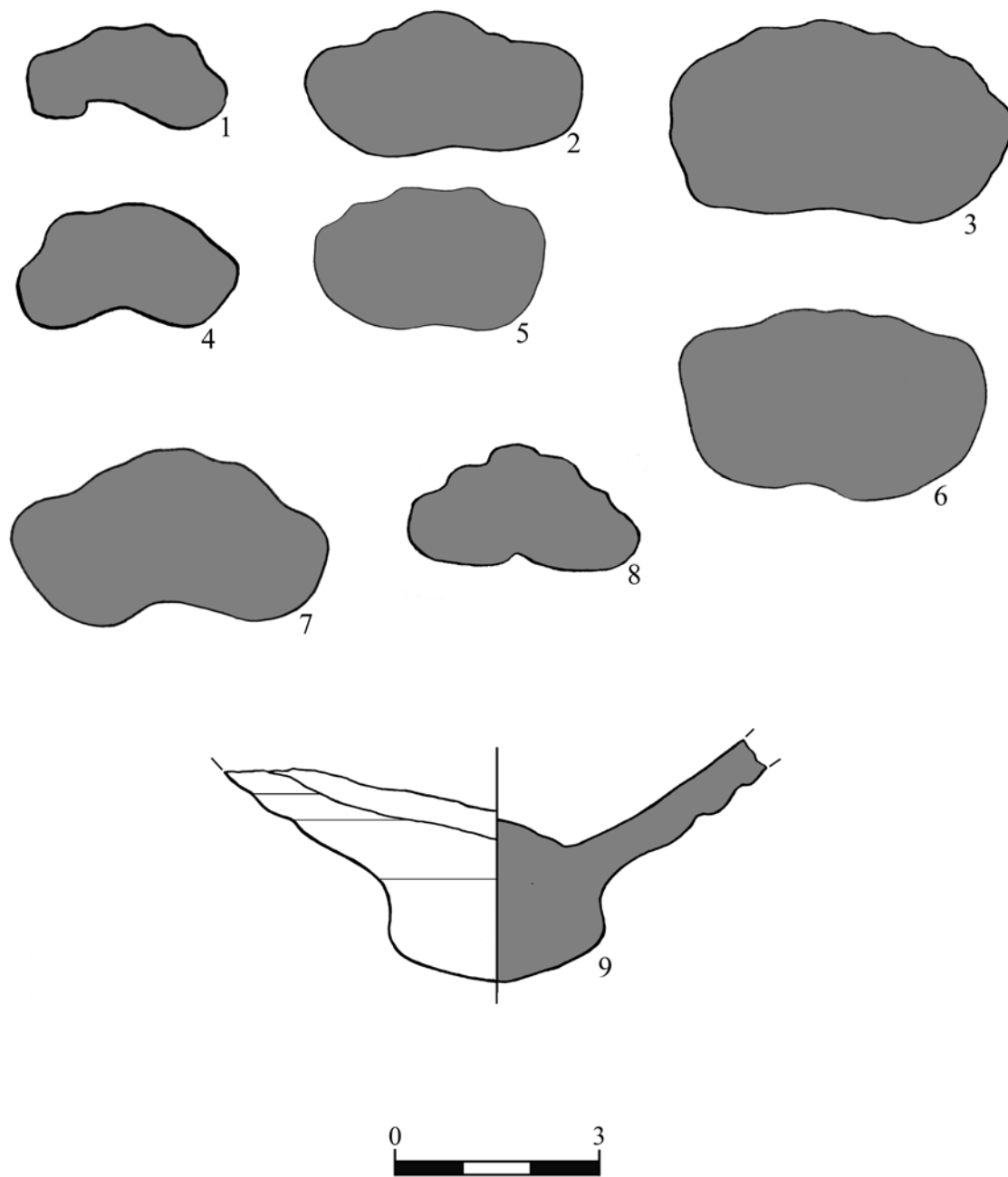

Рис. 12. Фрагменты амфор типа 72–73 по И. Б. Зеест из раскопок Мангупа:
 1, 4 — № 18; 2 — № 26; 3 — № 13; 5 — № 24; 6 — № 11; 7 — № 5; 8 — № 12; 9 — № 26

Fig. 12. Fragments of amphorae Zeyest 72–73 excavated in Mangup:
 1, 4 — no. 18; 2 — no. 26; 3 — no. 13; 5 — no. 24; 6 — no. 11; 7 — no. 5; 8 — no. 12; 9 — no. 26

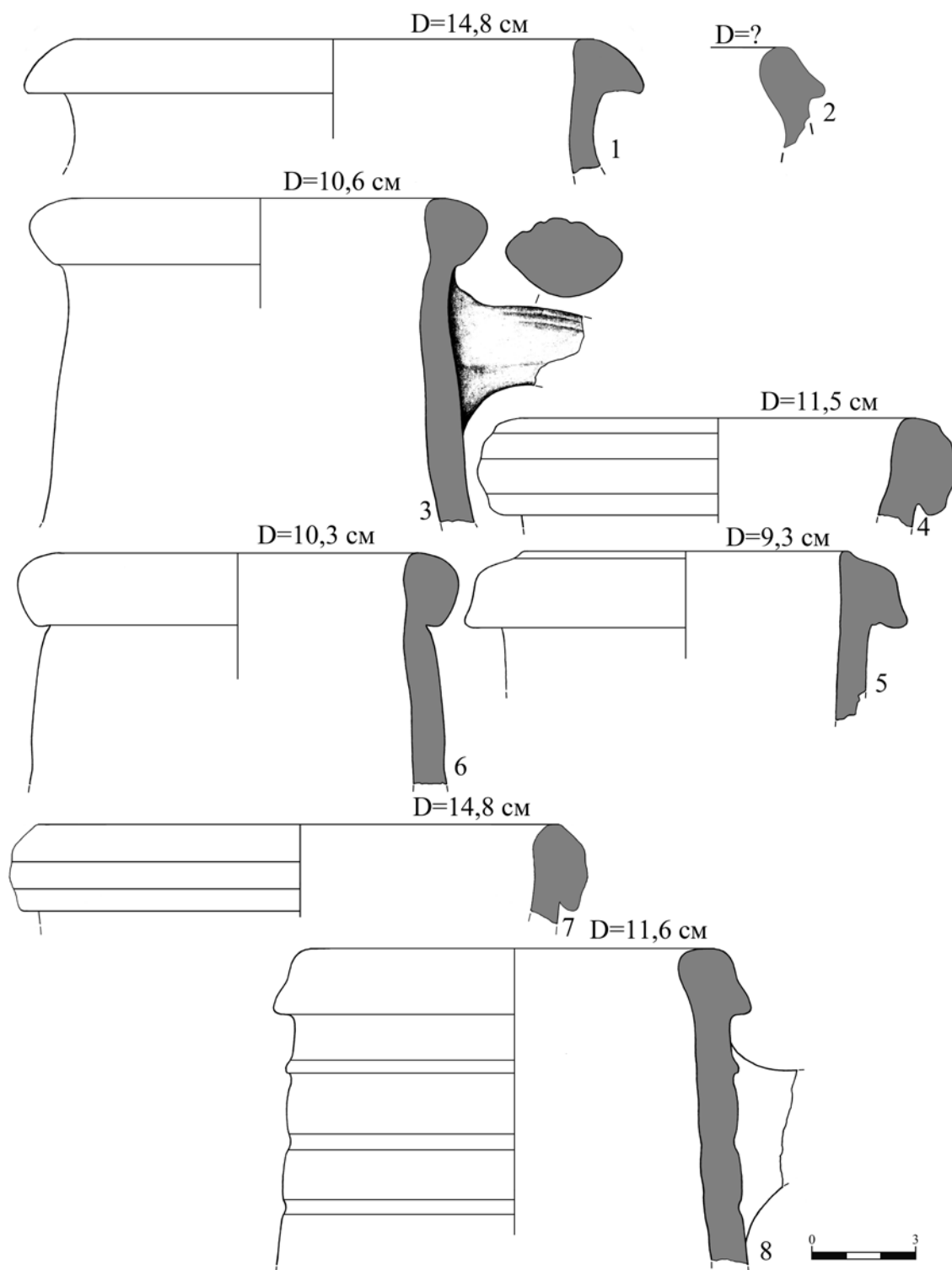

Рис. 13. Фрагменты амфор с клювообразными венчиками и ручками типа мирмекийских (типа 73 по И. Б. Зеест) из раскопок Мангупа:
 1 — № 15; 2 — № 6; 3, 8 — № 27; 7 — № 23; 4–6 — № 28

Fig. 13. Fragments of amphorae with beak-like rims and Myrmekeon-like handles (Zeyest 73) excavated in Mangup:
 1 — no. 15; 2 — no. 6; 3, 8 — no. 27; 7 — no. 23; 4–6 — no. 28

амфоры типа 72–73 по И. Б. Зеест. Такие фрагменты обнаружены в археологических контекстах III – начала VI вв.: № 13 (рис. 12, 3); VI в.: № № 5 (рис. 12, 7), 24 (рис. 12, 5), 26 (рис. 12, 2,9); VI – начала IX вв.: № 18 (рис. 12, 1,4); VI – второй половины IX вв. (рис. 12, 8); IX в.: № 11 (рис. 12, 6).

3) Красноглиняные амфоры

со сложнопрофилированными ручками

Амфоры (высотой 75–138 см) с округлым валикообразным венчиком с профилировкой с внешней стороны, либо венчиком подтреугольной формы, расширяющимся кверху, с небольшим уступом с внешней стороны (диаметром 12–28 см), широким цилиндрическим желобчатым горлом, округлым желобчатым туловом (диаметром 30–62 см), которое завершается конусовидной массивной ножкой. Ручки (размером 4,5–6,5 см) овальные в сечении, с внешней и внутренней стороны профилированы желобками, при этом наружный желобок широкий и в середине имеет гребень, а внутренний — более глубокий и имеет сложную конфигурацию. Вместимость амфор составляет 50–60 литров (Зеест 1960, с. 113, табл. XXXI, 75; Самойлова 1978, с. 258, рис. 1, 16–22; Абрамов 1993, с. 47, рис. 53; Dyczek 2001, р. 233–239, fig. 153; Кленина 2004, с. 24–25, рис. 7, 68–70; Oraït 2007, р. 109–110, fig. 13–20).

Черепок амфор красно-оранжевого или красно-коричневого цветов (Munsell: 5 YR 6/8, 2,5 YR 6/8, 5/8) с визуально различимыми примесями шамота, известняка, песка, слюды. Внешняя поверхность часто покрыта ангобом красного или светло-красного цветов. Часто сосуды имеют дипинти, реже граффити (Зеест 1960, с. 113; Самойлова 1978, с. 258; Dyczek 2001, р. 233–239; Кленина 2004, с. 24–25).

Относятся к типу 75 по И. Б. Зеест (Зеест 1960, с. 113, табл. XXXI, 75)¹¹, типу 9 по А. В. Буракову (Бураков 1976, с. 71, табл. II,

рис. 16), типу III.1 по К. Скорпану (Scorpan 1977, р. 272, fig. 5, 1), типу 7(I) по Т. Л. Самойловой (Самойлова 1978, с. 258, рис. 1, 16–22), типу 6.16–6.18 по А. П. Абрамову (Абрамов 1993, с. 47, рис. 53), типу 31 по В. В. Крапивиной (Крапивина 1993, с. 99, рис. 30, 26–33), типу 32 по П. Дычеку (Dyczek 2001, р. 233–239, fig. 153).

Место производства амфор не выяснено. Высказывались предположения о боспорском происхождении сосудов (Зеест 1960, с. 113; Крапивина 1993, с. 99; Внуков 2006, с. 88–89, 95). Некоторые предполагали, что они производились в разных центрах Причерноморья, в частности, в Ольвии (Ветштейн 1975, с. 165; Самойлова 1978, с. 258). А. Опайц предполагает, что сосуды могли изготавливаться в Балаклаве или Мирмекии (Ораïт 2007, р. 110).

Амфоры датируют II – III вв. (Зеест 1960, с. 113; Самойлова 1978, с. 258; Крапивина 1993, с. 99), концом II – первой половиной III вв. (Абрамов 1993, с. 47; Кленина 2004, с. 24–25).

Амфоры широко распространены в археологических контекстах конца II – первой половины III вв. Херсонеса, Неаполя скифского, Мирмекия, Фанагории, Горгиппии, Танаиса, Ольвии, Козырского городища, Тиры (Золотарев, Коробков, Ушаков 1997, с. 64, рис. 5, 45–46; Кленина 2004, с. 24–25, рис. 7, 68–70; Зеест 1960, с. 113; Алексеева 1997, с. 277, 507; Арсеньева, Науменко 1992, 144–145, 151, рис. 24, 2; Науменко 2008, с. 283; Крапивина 1993, с. 99; Бураков 1976, с. 71, табл. II, 16; Самойлова 1978, с. 258). Во II – III вв. они распространены на территории Нижней Мезии (Scorpan 1977, р. 272; Oraït 1980, р. 308; Dyczek 2001, р. 236). Экземпляры амфор из раскопок Афинской Агоры датируются серединой III в. (Robinson 1959, р. 69, pl. 14, K115).

Таким образом, амфоры типа 75 по И. Б. Зеест, вероятно, следует датировать II – III вв.

¹¹ В дальнейшем для обозначения амфор мы использовали типологию И. Б. Зеест (Зеест 1960).

Этот тип редко встречается на территории Мангупского городища.

Фрагменты сосудов обнаружены в засыпях грота укрепления А.ХІХ, которые содержат материал III – VI вв., и были сделаны в VI в.: №№ 26 (рис. 14,1), 27 (рис. 14,2).

4) Амфоры с черепком «пестрой окраски»

Амфоры с черепком светло-оранжевого или красноватого цвета (Munsell: 10 R 7/8; 2,5 YR 7/8) с визуально различимыми примесями шамота светлого и бурого цветов, окислов железа, которые придают ему «пеструю окраску». Внешняя поверхность покрыта темным ангобом (Зеест 1960, с. 113–114; Крапивина 1993, с. 100; Кленина 2004, с. 25).

Относятся к типам 77 по И. Б. Зеест (Зеест 1960, с. 113–114, табл. XXXII, 77)¹², 36 по В. В. Крапивиной (Крапивина 1993, с. 100, рис. 31, 7).

Форма амфор четко не реконструирована, так как отдельные фрагменты венчиков, ручек и доньев очень разнообразны, а целые экземпляры, обнаруженные в Танаисе (Науменко 2008, с. 282–283, илл. 8, 6), не являются эталонными. Тип определяется только по глиняной массе «пестрой окраски», из которой сформованы сосуды, имитирующие формы амфор II – III вв., найденные на Боспоре (Храпунов, Власов, Смокотина и др. 2009, с. 13–14, рис. 39,9–14, 40,1–10, 41,1–5). Венчики сосудов (диаметром 15–16 см) могут иметь следующие варианты: 1 — подтреугольный клювовидный; 2 — валикообразный клювовидный; 3 — вытянутый клювовидный с округлым верхним краем; 4 — утолщенный с заостренным внутренним краем и воронковидным горлом (имитация сосудов типа MRA 18 Benghazi)¹³. Ручки сосудов также различны: 1 — подтреугольные в сечении с же-

лобком на внутренней поверхности (имитация типа 76 по И. Б. Зеест); 2 — овалы с ребром и тремя-четырьмя желобками на внешней стороне; 3 — овалы в сечении с двумя ребрами на верхней и западиной на нижней стороне; 4 — овальная с ребром на внешней и внутренней поверхности, в сечении приближается к ромбу; 5 — плоская слабожелобчатая с ребром на нижней стороне; 6 — в виде двух продольных валиков с выемкой между ними (имитация амфор типа 75 по И. Б. Зеест). Донья амфор представлены вариантами: 1 — с усеченно-конической ножкой; 2 — на кольцевом поддоне (имитация сосудов типа MRA 7 Benghazi) (Зеест 1960, с. 113–114, табл. XXXII, 77; Крапивина 1993, с. 100, рис. 31, 7; Кленина 2004, с. 25–26, рис. 7, 8; Храпунов, Власов, Смокотина и др. 2009, с. 13–14, рис. 39,9–14, 40,1–10, 41,1–5).

Сосуды встречаются в археологических контекстах II – III вв. Херсонеса (Кленина 2004, с. 25–26, рис. 7, 8), III – IV вв. Барабановской балки (Храпунов, Власов, Смокотина и др. 2009, с. 13–14, рис. 39,9–14, 40,1–10, 41,1–5). Распространены на территории Европейского Боспора, Горгииппии, Ольвии, Танаиса (Зеест 1960, с. 113–114, табл. XXXII, 77; Алексеева 1997, с. 277, 507; Крапивина 1993, с. 100, рис. 31, 7; Науменко 2008, с. 282–283, илл. 8, 6).

По всей видимости, амфоры с черепком «пестрой окраски», имитирующие сосуды, бытовавшие на Боспоре, производились в этом регионе в течение II – III вв.

На Мангупском городище сосуды встречаются редко. Отдельные стенки обнаружены в археологических контекстах начала – первой половины V в. (№ 20) и VI – VII в. (№ 22). Фрагменты ручек присутствуют в заполнениях грота укрепления А.ХІХ, которые содержат материал III – VI вв.: №№ 27 (рис. 14, 3), 30 (рис. 14, 4).

¹² В дальнейшем для обозначения амфор мы использовали типологию И. Б. Зеест (Зеест 1960).

¹³ Здесь и далее MRA — Middle Roman Amphora.

5) *Красноглиняные узкогорлые амфоры с высоко поднятыми ручками*

Амфоры (высотой 57–80 см) с вертикальным, слегка отогнутым наружу венчиком (диаметром 5–9 см), профилированным глубоким желобком, цилиндрическим узким желобчатым горлом, расширяющимся книзу, усечено-коническим туловом (максимальным диаметром 18–25 см), сужающимся книзу, которое завершается ножкой на высоком кольцевом поддоне. Уплотненные широкие ручки, профилированные с внешней стороны валиками, крепятся на горле, сильно возвышаются над ним и опускаются на плечи сосудов. Вместимость сосудов около 15 л. (Зеест 1960, с. 114, табл. XXXII, 79; Riley 1979, р. 189–193; Peacock, Williams 1986, р. 193–195, fig. 112; Dyczek 2001, р. 140). Черепок амфор красно-коричневого (Munsell: 5 YR 5/4), оранжево-красного (Munsell: 2.5 YR 5/8, 6/8) цвета с визуально различимыми примесями песка, кварца, известняка, шамота, окислов железа. Поверхность покрыта ангобом в тон черепку (Riley 1979, р. 189–190; Peacock, Williams 1986, р. 195).

Относятся к типу 79 по И. Б. Зеест (Зеест 1960, с. 114, табл. XXXII, 79), типу 1(II) по Т. Л. Самойловой (Самойлова 1978, с. 261, рис. 3, 2–5), типу MRA 7 Benghazi (Riley 1979, р. 189–193)¹⁴, классу 47 по Д. Пикоку и Д. Вильямсу (Peacock, Williams 1986, р. 193–195, fig. 112), типу VII по Г. Кузманову (Кузманов 1973, с. 16–17, обр. 1, VII), типу XII по С. Киэй (Keay 1984, р. 136–140, fig. 52, 53, 1), типу 6.24–6.26 по А. П. Абрамову (Абрамов 1993, с. 48, рис. 56), типу 9 по В. В. Крапивиной (Крапивина 1993, с. 95, рис. 29, 18–20), типу XII по Л. Бьелаяц (Bjelajac 1996, р. 41–44, fig. XIII), типу 18 по П. Дычеку (Dyczek 2001, р. 137–144, fig. 70).

Анализ структуры черепка показал, что местом производства амфор является бассейн Эгейского моря (Riley 1979, р. 192; Peacock, Williams 1986, р. 193, 195; Bjelajac 1996, р. 41; Abadie-Reynal 1999, р. 263; Oraït

2004, р. 13). Возможно, они выпускались на острове Кос (Keay 1984, р. 137).

Сосуды датируют по-разному: концом II – первой половиной III вв. (Абрамов 1993, с. 48), второй половиной II – IV (Bjelajac 1996, с. 41–42; Oraït 2004, р. 13), концом II – IV вв. (Peacock, Williams 1986, р. 194–195), III в. (Зеест 1960, с. 114), III – IV вв. (Кузманов 1973, с. 16–17; Самойлова 1978, с. 261; Riley 1979, р. 191–192; Keay 1984, р. 137, 140; Крапивина 1993, с. 95).

Амфоры имеют широкое распространение.

В Херсонесе и его округе они выявлены в археологических контекстах конца II – III вв. (Ковалевская 1998, с. 94, рис. 4, 1; Кленина 2004, с. 26–27, рис. 7). На Боспоре сосуды обнаружены у подножия г. Митридат (Голофаст 2010, с. 100–101, рис. 25, 27–42), в Киммерике, Илурате, Семеновке середины III в. (Зеест 1960, с. 114), Тиритаке конца III в. (Гайдукевич 1958, с. 168, рис. 20). В Горгиппии амфоры зафиксированы в слоях II – первой половины III вв. (Алексеева 1997, с. 277, 506). Сосуды встречаются в Ольвии и Тире III – IV вв. (Мелентьева 1969, с. 24–25; Лейпунская 1984, с. 72–73; Крапивина 1993, с. 95, рис. 29, 18–20; Самойлова 1978, с. 261, рис. 3, 2–5). Небольшое количество фрагментов обнаружено в Танаисе середины III в. (Арсеньева, Науменко 1994, с. 69).

Сосуды широко представлены в слоях конца II – IV вв. на территории Верхней и Нижней Мезий, Фракии, Добруджи (Кузманов 1973, с. 16–17, обр. 1, VII; Scorpan 1977, р. 269–270, fig. 1, 3; Bjelajac 1996, р. 41–44, fig. XIII; Oraït 2004, р. 13).

В Средиземноморье обнаружены в Греции, Остии, Беренисе, Киренаике, Карфагене, Цесарии, Египте, Испании, Франции в археологических контекстах суммарно датирующихся концом II – IV вв. (Robinson 1959, р. 69, 77, 106, 110, 112, pl. 15, K113, 16, L33, 28, M237, 29, M274, 31, M303; Riley 1979, р. 190–192; Liou, Sciallano 1989, р. 155;

¹⁴ В дальнейшем для обозначения амфор мы использовали типологию Дж. Райли (Riley 1979).

Hayes 1983, p. 155; Keay 1984, p. 137, 140; Dyczek 2001, p. 141–143).

Северной границей распространения амфор является Британия (Peacock, Williams 1986, p. 193), а восточной — Ирак (Riley 1979, p. 192).

Таким образом, появившись к концу II в., амфоры наиболее активно использовались в III – IV вв.

На Мангупском городище сосуды обнаружены в археологических контекстах V в. — № 30 (рис. 14,5), VI в. — № 24 (рис. 14,6).

6) Красноглиняные амфоры с желобчатыми венцами

Амфоры (высотой 90–110 см) с широким, плоско срезанным сверху венчиком (диаметром 12–18 см), украшенным двумя-тремя глубокими желобками, расширяющимся книзу горлом, округлым желобчатым туловом (диаметром 45–50 см), заканчивающимся высокой конусовидной ножкой. Округлые, профилированные четыремя-пятью валиками ручки крепятся сразу под венчиком. Вместимость амфор составляет от 53 до 114 л (Зеест 1960, с. 114–115, табл. XXXIII, 80; Самойлова 1978, с. 257–258, рис. 1, 10–15; Riley 1979, p. 188, fig. 83, 84; Dyczek 2001, p. 156–157, fig. 80).

Черепок сосудов красного, красно-оранжевого (Munsell: 10 R 6/8) цвета с визуально различимыми примесями шамота, слюды, известняка, кварца, железистых частиц. Внешняя поверхность покрыта ангобом в тон черепку (Riley 1979, p. 188–189, fig. 83, 84; Dyczek 2001, p. 153–159, fig. 80).

Относятся к типу 80 по И. Б. Зеест (Зеест 1960, с. 114–115, табл. XXXIII, 80), типу 10 по А. В. Буракову (Бураков 1976, с. 72, рис. III, 8), типу 6(I) по Т. Л. Самойловой (Самойлова 1978, с. 257–258, рис. 1, 10–15), типу MRA 5 Benghazi (Riley 1979, p. 188–189, fig. 83, 84)¹⁵, типу 38 по Дж. Хейсу (Hayes 1983, p. 155), типу 6.21–6.23 по А. П. Абрамову (Абрамов 1993, с. 48, рис. 55, 6.21–6.23), типу 32 по

В. В. Крапивиной (Крапивина 1993, с. 99, рис. 30, 22–24), типу 21 по П. Дычке (Dyczek 2001, p. 153–159, fig. 80).

Вопрос о месте производства сосудов открыт. Ряд исследователей предполагали их греческое происхождение (Зеест 1960, с. 115; Бураков 1976, с. 72). В. В. Крапивина полагает, что они производились на Боспоре (Крапивина 1993, с. 99). Дж. Райли считал, что центры находятся в бассейнах Эгейского либо Черного морей (Riley 1979, p. 188). Анализ черепка показал, что было несколько центров производства, один из которых мог быть на Боспоре (Dyczek 2001, p. 157).

Исследователи датируют сосуды II – III вв. (Зеест 1960, с. 114–115; Самойлова 1978, с. 258; Кленаина 2004, с. 29), II – первой половиной III вв. (Крапивина 1993, с. 99) концом II – III вв. (Riley 1979, p. 188–189). А. Опайц говорит, что появившись в I в., амфоры, претерпевая некоторые изменения, продолжают производиться в VI в. Отметим, что аналогии, на которые ссылается автор, не вызывают доверия, так как сосуды либо фрагментированы, либо вообще не являются амфорами типа MRA 5 Benghazi (Орайц 2004, p. 26). Возможно, в IV в. действительно производятся амфоры, являющиеся продолжением эволюционного ряда изделий, начало которым положили сосуды типа MRA 5 Benghazi. Однако их не следует относить к описываемому нами типу амфор.

Сосуды обнаружены в археологических контекстах II – III вв. Херсонеса и его округи (Ковалевская 1998, с. 94; Кленаина 2004, с. 29, рис. 4).

Амфоры широко представлены на территории Европейского Боспора во II – III вв. (Зеест 1960, с. 114–115). На Азиатском Боспоре сосуды представлены в слоях II – III вв. Фанагории и Гермонассы (Зеест 1960, с. 115), Горгии первой половины III в. (Алексеева 1995, с. 9, 12; Алексеева 1997, с. 277). Ко II – III вв. относятся многочисленные амфоры и их фрагменты, обна-

¹⁵ В дальнейшем для обозначения амфор мы использовали типологию Дж. Райли (Riley 1979).

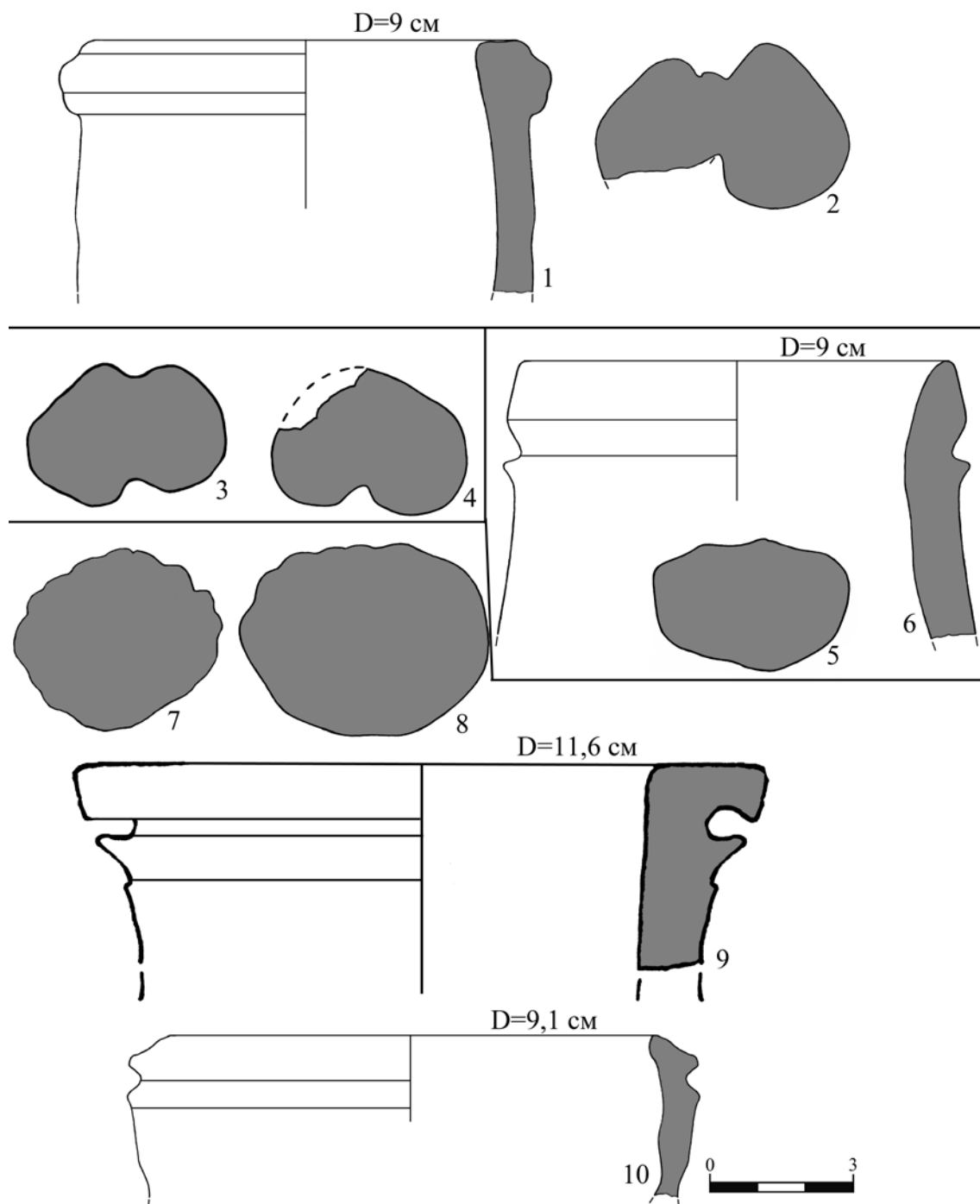

Рис. 14. Фрагменты амфор из раскопок Мангупа.
Красноглиняные амфоры со сложнопрофилированными ручками (типа 75 по И. Б. Зеест):
1 — № 26; 2 — № 27.

Амфоры с черепком «пестрой окраски»: 3 — № 27; 4 — № 30.

Красноглиняные узкогорлые амфоры с высоко поднятыми ручками (типа MRA 7 Benghazi):
5 — № 30; 6 — № 24.

Красноглиняные амфоры с желобчатыми венцами (типа MRA 5 Benghazi):
7 — № 14; 8 — № 27; 9 — № 19; 10 — № 1

Fig. 14. Fragments of amphorae excavated in Mangup.
Red-clay amphorae with complex profile handles (Zeyest 75): 1 — no. 26; 2 — no. 27.
Amphorae with "speckled" fabric: 3 — no. 27; 4 — no. 30.
Red-clay narrow-neck amphorae with high handles (MRA 7 Benghazi): 5 — no. 30; 6 — no. 24.
Red-clay amphorae with grooved rims (MRA 5 Benghazi): 7 — no. 14; 8 — no. 27; 9 — no. 19; 10 — no. 1

руженные в Ольвии и ее округе (Бураков 1976, с. 72; Крапивина 1993, с. 99), Тире (Самойлова 1978, с. 257–258). Такая же ситуация характерна для слоев разрушения Танаиса первой половины III в. (Арсеньева, Науменко 1992, с. 142–143).

Амфоры распространены на территории Нижней Мезии во II – III вв. (Ораїт 2004, р. 26). Некоторые сосуды происходят из Греции: Афин, Коринфа, Кеоса, Кипра, Крита (Robinson 1959, pl. 69, pl. 14, *K115*; Hayes 1983, р. 155, fig. 25, 85; Dyczek 2001, р. 157). Небольшое количество амфор обнаружено в Северной Африке: Бенгази, Александрии (Riley 1979, р. 188–189; Hayes 1983, р. 188).

Таким образом, амфоры типа MRA 5 Benghazi следует датировать II – III вв.

На территории Мангупского городища сосуды обнаружены в археологических контекстах III – начала VI вв.: № 14 (рис. 14, 7); IV – второй половины VI вв.: № 19 (рис. 14, 9); IV – VII вв.: № 1 (рис. 14, 10); VI в.: № 27 (рис. 14, 8).

7) Амфоры с воронковидным горлом

Амфоры (высотой до 1,1 м) с утолщенным, слегка загнутым венчиком (диаметром 11–16 см), воронковидным горлом (диаметром 10 см), яйцевидным желобчатым туловом, овальной в сечении ручкой, небольшой конусовидной ножкой (Зеест, 1960 с. 117, табл. XXXVII, 90; Riley 1979, р. 205–207; Крапивина 1993, с. 96–97, рис. 29, 30).

Черепок амфор розового (Munsell: 7,5 YR 8/2-4), светло-коричневого (Munsell: 7,5 YR 6/4), красновато-желтого (Munsell: 5 YR 7/6, 7/8) цвета с визуально различимыми примесями слюды, песка, редких вкраплений известняка. Поверхность покрыта ангобом желто-зеленого цвета. Зачастую амфоры имеют клейма либо дипинти (Riley 1979, р. 205; Dyczek 2001, р. 184–192).

Относятся к типу 90 по И. Б. Зеест (Зеест 1960, с. 117, табл. XXXVII, 90), типу VII по К. Скорпану (Scorpan 1977, р. 274–276,

fig. 10, 1,2), типу 2 (I) по Т. Л. Самойловой (Самойлова 1978, с. 255, 257, рис. 1, 2–5), типу MRA 18 Benghazi (Riley 1979, р. 205–207)¹⁶, классу 57 по Д. Пикоку и Д. Вильямсу (Peacock, Williams 1986, р. 213), типу 18 по В. В. Крапивинной (Крапивина 1993, с. 96–97, рис. 29, 30), типу XVI по Л. Бьялаяц (Bjelajac 1996, р. 53–59, fig. XVII), типу 25 по П. Дычеку (Dyczek 2001, р. 173–194, fig. 97,b), типу 7 по Е. Ю. Клевиной (Кленина 2004, с. 27–28, рис. 4).

Широкую дискуссию вызвал вопрос происхождения амфор. В качестве предполагаемых центров производства называли о. Кос (Ораїт 1980, р. 298), Понтийско-Дунайский регион (Scorpan 1977, р. 274; Bjelajac 1996, р. 54), северную часть Эгейского моря и бассейн Черного моря (Riley 1979, р. 205; Peacock, Williams 1986, р. 213). На острове Хиос были обнаружены производственные мастерские (Ораїт 2004, р. 11). Таким образом, основным продуктом, перевозимым в амфорах, по-видимому, является хиосское вино.

Исследователи предлагают датировать амфоры I – II вв. (Зеест 1960, с. 117; Самойлова, 1978, с. 257), I – серединой III вв. (Абрамов 1993, с. 49), концом I – III вв. (Riley 1979, р. 206; Peacock, Williams 1986, р. 213; Крапивина 1993, с. 96; Dyczek 2001, р. 193) III в. (Внуков 2003, с. 129), II – IV вв. (Кленина 2004, с. 28), II – началом IV вв. (Bjelajac 1996, р. 55).

На территории Крыма наиболее ранние варианты амфор обнаружены в Калос-Лимене и Евпатории (рубеж I/II – первая половина II вв.) (Уженцев, Юрочкин 1998, с. 100, 103, 105). Во II – III вв. сосуды широко распространены в Херсонесе и его округе (Кленина 2004, с. 28), Неаполе, Инкермане, Пантикапее, Илурате, Тиритаке (Гайдукевич 1958а, с. 34; Зеест 1960, с. 117; Голофаст 2010, с. 88–89, рис. 10). Они обнаружены в слоях Горгиппии первых веков н. э. (Алексеева 1997, с. 277, 504–505).

¹⁶ В дальнейшем для обозначения амфор мы использовали типологию Дж. Райли (Riley 1979).

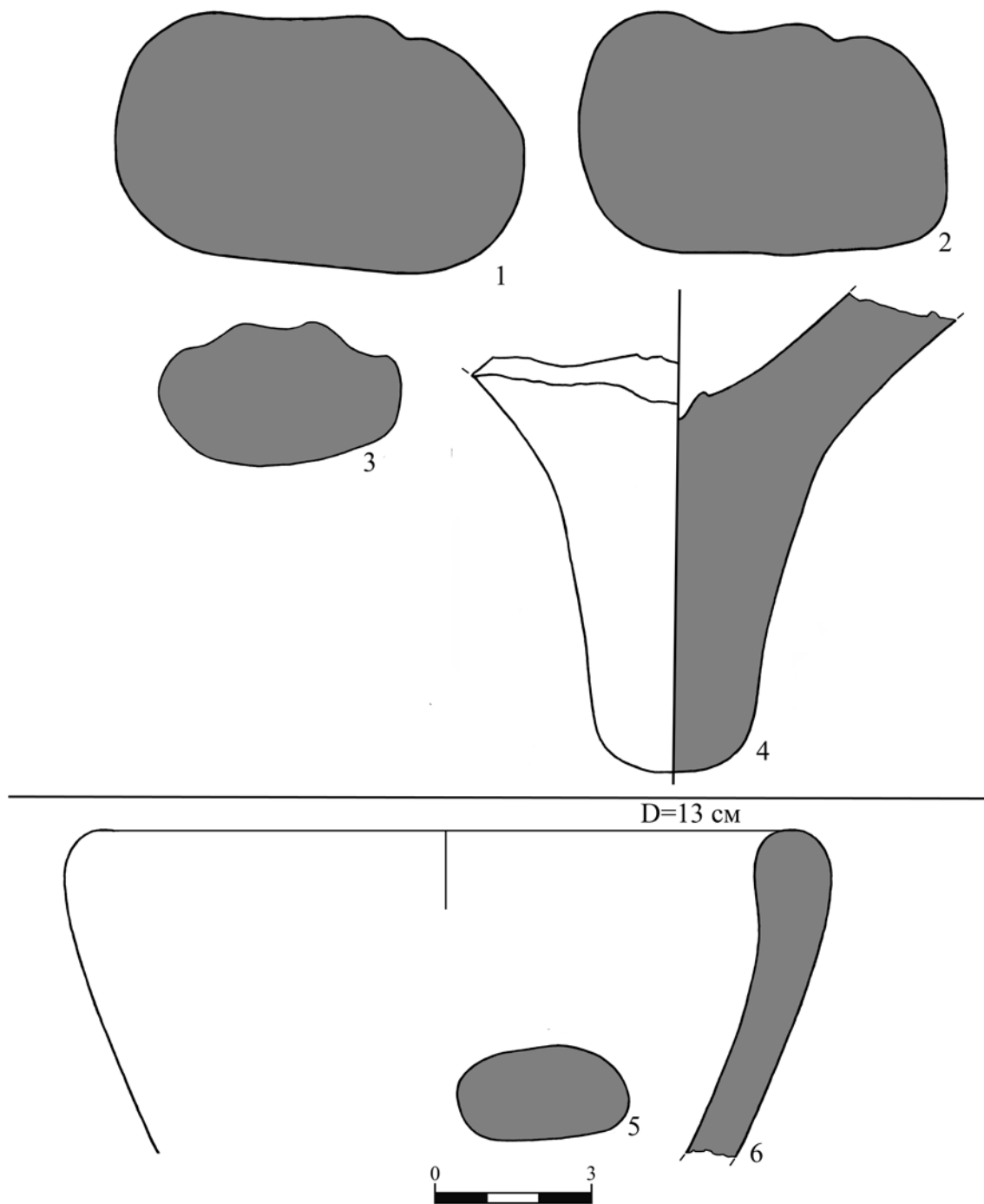

Рис. 15. Фрагменты амфор из раскопок Мангупа.
Красноглиняные пантикапейские и фанагорийские амфоры (типов 96–97 по И. Б. Зеест):
1, 2 — № 2; 3 — № 27; 4 — № 30.

Амфоры с воронковидным горлом (типа MRA 18 Benghazi): 5, 6 — № 30

Fig. 15. Fragments of amphorae excavated in Mangup. Red-clay amphorae from Pantikapaion and Phanagoreia (Zeyest 96–97):

1, 2 — no. 2; 3 — no. 27; 4 — no. 30.

Amphorae with conical neck (MRA 18 Benghazi): 5, 6 — no. 30

Сосуды встречаются в археологических контекстах Тиры II в. (Самойлова 1978, с. 255, 257, рис. 1, 2–5), слоях Ольвии конца II – III вв. (Крапивина 1993, с. 96–97, рис. 29, 30), комплексах Танаиса середины II в. (Арсеньева, Науменко 1992, с. 81, 151–154, 163, рис. 28,2,3, 29,4, 30–33, 46,3; Arsen'eva, Böttger 1997, p. 451, fig. 11, 4; Науменко 2008, с. 272, рис. 2, 7).

Амфоры также обнаружены на территории Верхней и Нижней Мезии в археологических контекстах II – III вв. (Scorpan 1977, p. 274–276; Bjelajac 1996, p. 55; Dyczek 2001, p. 173–194; Oraït 2004, p. 11).

На территории Средиземноморья обнаружены в Афинах (Robinson 1959, p. 56, 106, 109), Бенгази (Riley 1979, p. 205–207), на о. Крит (Hayes 1983, p. 147).

Вероятно, появление амфор следует отнести к концу I в., наиболее широкое распространение они получили во II – III вв. В IV в. их сменили сосуды типа LRA 2 Benghazi¹⁷ (Scorpan 1977, p. 274–276; Oraït 2004a, p. 296; 2007, p. 632; Dyczek 2001, p. 173–194).

Два фрагмента сосуда были обнаружены в засыпи грота укрепления А.XIX (№ 30) V в., которая содержала материал III – V вв. (рис. 15, 5,6).

8) Коричневоглиняные кувшины с большим содержанием слюды

Кувшины представляют собой изделия (высотой 40–55 см) с узким под треугольным венчиком (3–4 см), невысоким горлом, овалоидным рифленным туловом, сужающимся книзу, открытым полым дном. Небольшая, овальная в сечении, петлевидная ручка крепится сразу под венчиком и опускается на плечо сосуда. На поверхности встречаются граффити и дипинти (Riley 1979, p. 183–186, fig. 83; Bjelajac 1996, p. 45–46, fig. XIV).

Кувшины являются исходным звеном эволюции сосудов, которые развились в амфоры. В связи с общим происхождением и одинаковой формовочной массой, из которой изготавливались кувшины¹⁸ и амфоры,¹⁹ некоторые исследователи объединяют их в один тип сосудов, которые имеют варианты (Scorpan 1976, p. 158–159, type V-O; Scorpan 1977, p. 272–273, type V; Williams, Peacock 1986, p. 188–190, fig. 107), другие разделяют. Нам ближе вторая точка зрения.

Сосуды относятся к типу MRA 3 Benghazi (Riley 1979, p. 183–186, fig. 83)²⁰, типу XIII по Л. Бьялаяц (Bjelajac 1996, p. 45–46, fig. XIV), типу 23A по П. Дычеку (Dyczek 2001, p. 163–164, fig. 91,A).

Черепок изделий красновато-бурого цвета (Munsell: 2,5 YR 5/4; 5 YR 5/4; 7,5 YR 7/4; 7,5 YR 4/0) слоистой структуры с большой примесью слюды, кварцевых частиц (Williams 1982, p. 103–104; Williams, Peacock 1986, p. 118–119; Сазанов 1992, с. 100–101).

Происхождение сосудов длительное время вызывало дискуссии. В. Ф. Гайдукевич предложил в качестве центра производства Самос (Гайдукевич 1952, с. 94). Ряд исследователей его поддержали (Зеест 1960, с. 118–119; Scorpan 1977, p. 272; Якобсон 1979, с. 12). В. Грейс предполагала египетское происхождение (Grace 1961, fig. 67). Петрологический анализ, сделанный Д. Вильямсом, показал, что примеси, присутствующие в сосудах, происходят из района Малой Азии, ее западной части в районе р. Меандр (Williams 1982, p. 99; Peacock, Williams 1986, p. 189). Поэтому в последнее время в качестве центра производства называют Сарды (Riley 1979, p. 184; Сазанов 1992, с. 105–106; Голофаст 2007, с. 75–76).

Кувшины типа MRA 3 Benghazi имеют довольно широкую датировку — конец I – IV вв. (Scorpan 1976, p. 158–159; Riley 1979, p. 183; Peacock, Williams 1986, p. 188; Oraït 2004,

¹⁷ Здесь и далее LRA — Late Roman Amphora.

¹⁸ Сосуды с одной ручкой.

¹⁹ Сосуды с двумя ручками.

²⁰ В дальнейшем для обозначения кувшинов мы использовали типологию Дж. Райли (Riley 1979).

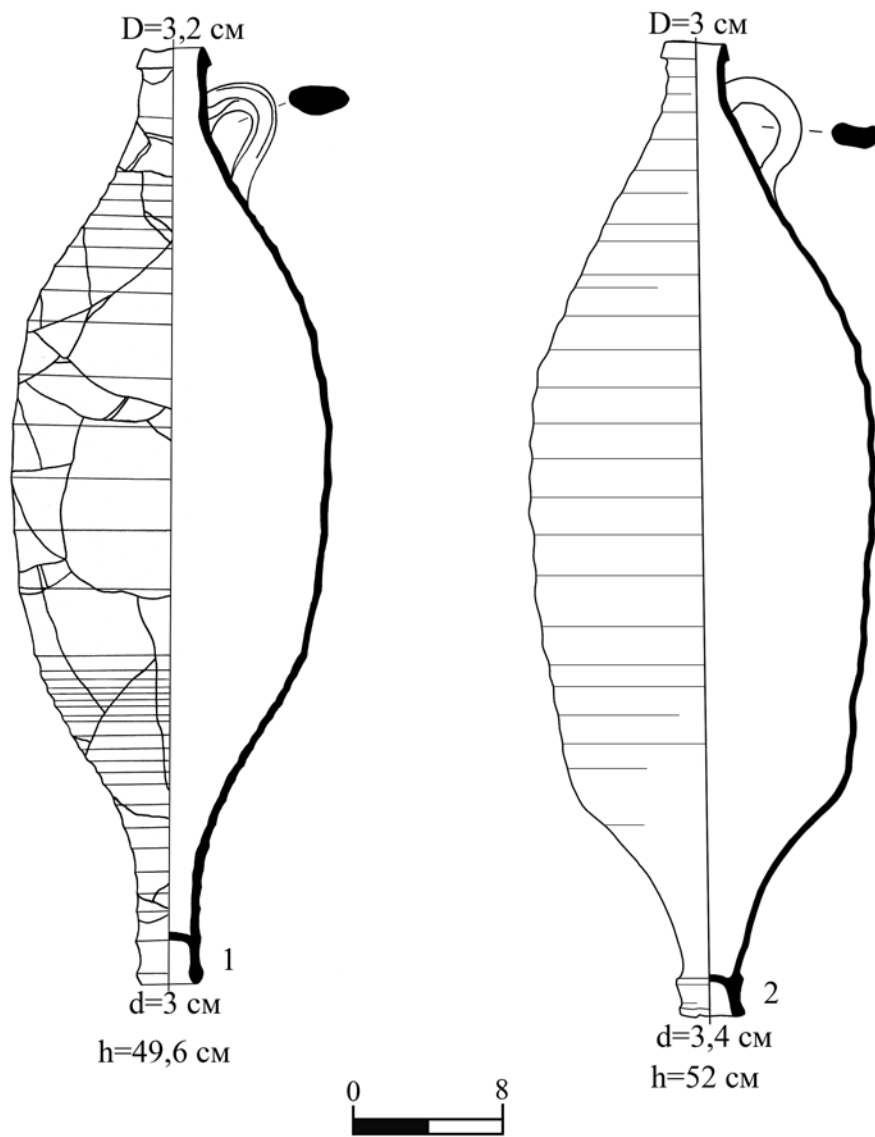

Рис. 16. Коричневоглиняные кувшины с большим содержанием слюды (типа MRA 3 Benghazi) из раскопок Мангупа: 1 — № 32; 2 — № 35

Fig. 16. Micaceous brown-clay jugs (MRA 3 Benghazi) excavated in Mangup: 1 — no. 32; 2 — no. 35

р. 13–14). Отметим, что ранние варианты изделий низкие и обладают более округлым корпусом и высокой ножкой, чем поздние. Со временем сосуды вытягиваются, а их тулово становится овалоидным. Хорошую динамику развития формы дают археологические контексты Афинской агоры (Robinson 1959, р. 55–56, 88, 106, 108, 110, pl. 11, 20, 28, 29, 41, 58, J46, J47, M45, M,46, M240, M255–257, M277, M279, M282).

В Северном Причерноморье сосуды типа MRA 3 Benghazi обнаружены в Херсонесе (башня I усадьбы «Близнецы» первой половины III в.) (Кленина 2004, с. 31–32, рис. 7; Созник 2005, с. 242, рис. 3,5) и его округе (вилла 341 — II – III вв.) (Ковалевская 1998, с. 94, рис. 3, 1). Поздние типы кувшинов найдены в склепе 48 IV в. могильника Суворово (Пуздровский, Зайцев, Неневоля 2001, с. 33, рис. 9, 8). На Боспоре сосуды найдены в археологических контекстах Горгии III в. (Алексеева 1997, табл. 156, 21). Они обнаружены в слоях разрушения Танаиса середины III в. (Арсеньева, Науменко 1992, с. 154, 157, 158, рис. 38,2,4, 34,2; Науменко 2008, с. 285, рис. 9, 17–19; Арсеньева, Науменко, Ильяшенко 2009, с. 47, рис. 24, 3,4). Кувшины присутствуют среди материалов Ольвии II – III вв. (Мелентьева 1969, с. 25–26, рис. 3, 1,2).

На территории черняховской культуры (в Каменке-Анчекрак) встречаются тонкостенные кувшины с большим содержанием слюды и их имитации с черепком низкого качества (Магомедов 2006, с. 53, рис. 3, 4, 5).

В Верхней Мезии сосуды MRA 3 Benghazi обнаружены в Виминациуме, Сингидунуме второй половины II – III вв. (Bjelajac 1996, р. 45–46, fig. XIV).

В Добрудже кувшины найдены в слоях II – IV вв. (Oraiț 2004, р. 13–14).

В Северной Африке встречаются с конца I до IV вв. (Riley 1979, р. 183–186, fig. 83).

В конце IV в. у сосудов типа MRA 3 Benghazi появляется вторая ручка и они

переходят в категорию амфор (тип LRA 10 Benghazi) (Riley 1979, р. 229–230; Williams, Peacock 1986, р. 189).

В археологических контекстах Мангупского городища сосуды с большим содержанием слюды встречаются во фрагментах, поэтому иногда сложно определить, к какой категории они относятся: кувшинам типа MRA 3 Benghazi либо амфорам типа LRA 10 Benghazi. Два археологически целых кувшина обнаружены в склепах № 65 (рис. 16, 1) — 360/70–400 г. (№ 32) и № 185 (рис. 16, 2) — конца IV – середины V вв. (№ 35) могильника в балке Алмалык-дере. Отметим, что данные кувшины по форме относятся к поздним вариантам сосудов и датируются IV в.

9) Красноглиняные пантикапейские и фанагорийские амфоры

Амфоры с высоким (5–6 см) плоским венцом, подтреугольным в сечении (диаметром 14–16 см), воронкообразным горлом (диаметром 16–30 см), округлым туловом, которое заканчивается цилиндрической или конусовидной ножкой (высотой 4–7 см). Широкие ручки (5–7 см), овальные в сечении, профилированные продолговатой выемкой посередине или четырьмя валиками, укреплены под самым венцом и опускаются на плечи сосуда почти без изгиба (Зеест 1960, с. 119–120, XXXVIII, 96,97; Сазанов 1989, с. 47, рис. 2, 9; Sazanov 1997, р. 92, fig. 2, 20; Крапивина 1993, с. 100, рис. 31, 14; Абрамов 1993, с. 51, рис. 64).

Черепок сосудов красно-оранжевого или красно-розового цвета (Munsell: 5 YR 6/8; 7,5 YR 8/2) пористой структуры с визуально различимыми примесями песка либо слюды.

Относятся к типам 96–97 по И. Б. Зеест (Зеест 1960, с. 119–120, XXXVIII, 96, 97)²¹, признаку 9 и типу 20 по А. В. Сазанову (Сазанов 1989, с. 47, рис. 2, 9; Sazanov 1997, р. 92, fig. 2, 20), типу 37 по В. В. Крапивиной (Крапивина 1993, с. 100, рис. 31, 14), типу

²¹ В дальнейшем для обозначения амфор мы использовали типологию И. Б. Зеест (Зеест 1960).

7.21–7.23 по А. П. Абрамову (Абрамов 1993, с. 51, рис. 64).

Амфоры датируют концом III – IV вв. (Зеест 1960, с. 119; Крапивина 1993, с. 100), второй половиной III/IV – VI вв. (Абрамов 1993, с. 51). А. В. Сазанов относит их ко второй половине/концу IV – третьей четверти/концу VI в. (Сазанов 1989, с. 47, рис. 2, 9; Сазанов, Иващенко 1989, с. 98; Sazanov 1997, p. 92, fig. 2, 20; Сазанов 1999, с. 251, 225; 2002, с. 38, рис. 6, 3–5).

В Херсонесе наиболее поздние амфоры этого типа присутствуют в археологических контекстах конца VI – начала/первой четверти VII вв. (Голофаст 1997, с. 316–321, 322–323; Голофаст, Рыжов 2000, с. 80, 86; Голофаст 2002, с. 137–138, 143–144, 157, 169). На территории Боспора, по исследованиям А. В. Сазанова, они не выходят за пределы второй/третьей четверти VI в. (Сазанов 1999, с. 250–251; Сазанов, Иващенко 1989, с. 91, 97, 98, 99, 100).

Местом производства считается территория городских центров Боспора на Керченском и Таманском полуостровах, где раскопаны печи для обжига (Зеест 1960, с. 119; Сазанов 1989, с. 47).

На территории Мангупского городища фрагменты амфор обнаружены в археологических контекстах IV – VI вв.: № 2 (рис. 15, 1,2); V в.: № 30 (рис. 15, 4); VI в.: № 27 (рис. 15, 3).

Следующие три типа амфор являются узкогорлыми светлоглиняными сосудами типов D, F, E по Д. Б. Шелову (Шелов 1978, с. 18–19), которые подробно опубликованы нами в отдельной работе (Иванова 2011). Поэтому здесь мы приведем лишь общие сведения о них.

Сосуды являются продукцией Гераклеи Понтийской, что доказали петрографический анализ (Внуков 2003, с. 24) и открытие керамической мастерской (Arsen'eva, Kassab Tezgör, Naumenko 1997, p. 187).

10) Узкогорлые светлоглиняные амфоры типа D

Амфоры «танаисского типа»²² представляют собой небольшие сосуды с валикообразным венчиком, узким горлом, расширяющимся книзу, коротким округлым туловом, заканчивающимся маленькой ножкой с глубокой вдавиной снизу. Поверхность тулова и нижняя часть горла бывает слегка ребристая. Ручки плоские, овальные в сечении, часто профилированы одним продольным выпуклым гребнем посередине, вверху прикреплены к горлу чуть ниже венчика, а внизу посажены на основание плечиков. Амфоры этого типа выполнены довольно грубо, однако, очевидно, изготовлены по единому стандарту, что выражено в устойчивости их габаритов: общая высота 40–42 см, высота тулова 25–27 см, максимальный диаметр тулова около 20 см, внутренний диаметр горла у венчика около 3 см, объем примерно 3–4 литра. На горлах сосудов иногда встречаются клейма, рельефные или энглифические, содержащие отдельные буквы, монограммы или сокращения имен (например, ГОРД, МАГН, ΘΕΑ, ΕΥΤΥ). Известно более 60 разновидностей этих клейм (Зеест 1960, с. 117, табл. XXXVII, 91,93; Кропоткин 1967, с. 65, табл. 12; Деопик, Карапетьянц 1970, рис. 2; Деопик, Круг 1972, с. 108–109, рис. 6, D; Шелов 1978, с. 18–19; Крапивина 1993, с. 94; Бёттгер, Шелов 1998, с. 29; Duszczek 2001, p. 221; Кленина 2004, с. 33; Гарбуз, 2008, с. 393; Бруяко, Дзиговский, Секерская 2008, с. 29).

Имеются основания предполагать, что встречается другой вариант описываемых сосудов, несколько отличающийся от классического «танаисского». Сосуды второго варианта более вытянутые, с массивными, округлыми с внешней стороны и уплощенными с внутренней ручками, прикрепленными прямо под венчиком, и плоской «сплошной» ножкой без вдавления (Деопик, Круг 1972,

²² Сосуды получили такое название из-за большого количества находок в слоях Танаиса. Иногда ошибочно считают, что наименование указывает на Танаис как на центр производства сосудов (Бёттгер, Шелов 1998, с. 29).

с. 108–109, рис. 6, D1; Никитина 1995, с. 84–86; Обломский 2003, с. 58)²³.

Ряд исследователей выделяют еще один вариант сосудов «танаисского типа», для которого характерны довольно крупные размеры и возвращение к широкому кольцевому поддону (Шелов 1978, с. 19, рис. 8; Арсеньева, Науменко 1992, с. 154–155, рис. 34, 1,4). Некоторые авторы называют их «столовыми амфорами С» (Деопик 1981, с. 158, табл. 5,2). Возможно, следует согласиться с С. Ю. Внуковым, что эти сосуды необходимо выделить в особый тип узкогорлых светлоглиняных амфор (С IV J по С. Ю. Внукову, или тип J) (Внуков 2003, с. 118).

Амфоры относятся к типам 91–93 по И. Б. Зеест (Зеест 1960, с. 117, табл. XXXVII, 91–93), 13(2) по А. В. Буракову (Бураков 1976, с. 75), D по Д. В. Деопику и А. М. Карапетьянцу (Деопик, Карапетьянц 1970, с. 103), по Д. В. Деопику и О. Ю. Круг (Деопик, Круг 1972, с. 101–102, 108, 111), по Д. Б. Шелову (Шелов 1978, с. 18–19), 4 по В. В. Крапивинной (Крапивина 1993, с. 94), 29 по П. Дычкеу (Dyszczek 2001, р. 221), 13 по Е. Ю. Клевиной (Клевина 2004, с. 33), 1.7 по В. В. Сознику (Созник 2005, с. 240), XXXI по С. Ф. Стржелецкому, Т. Н. Высотской, Л. А. Рыжовой, Г. И. Жестковой (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др. 2003–2004, с. 76). Л. Бьялаяц и А. Опайц, не выделяя варианты узкогорлых светлоглиняных амфор, относят их к одному типу (Bjelajac 1996, р. 65, tip XIX; Oraić 1996, р. 218, tip Oraić VI).

Наиболее дискуссионным является вопрос о датировке амфор типа D по Д. Б. Шелову²⁴. Диапазон их бытования определяют II – III вв. (Зеест 1960, с. 135–136; Каменецкий 1963, с. 33; Dyszczek 2001, р. 225), концом II – первой половиной III в. (Абрамов 1993, с. 8, 46), первой половиной III в. (Шелов 1972,

с. 118; Щукин 1968, с. 42–43; Шелов 1978, с. 18–19; Šelov 1986, р. 397–398; Гросу 1990, с. 133; Arsen'eva, Kassab Tesgör, Naumenko 1997, р. 189; Abadie-Reynal 1999, р. 255–256). Последняя дата длительное время поддерживалась большинством исследователей в связи с тем, что сосуды типа D определялись в основном по находкам в Танаисе, который был разгромлен в середине III в. (Шелов 1978, с. 18–19). Отметим, Д. В. Деопик и О. Ю. Круг, исходя из теоретических предположений, считали, что изделия производились и после середины III в. (Деопик, Круг 1972, с. 242). Однако впервые эта гипотеза была подтверждена В. В. Крапивинной, которая обнаружила фрагменты сосудов в комплексах Ольвии конца III в. (Крапивина 1993, с. 94). Дата III в. как время производства амфор типа D является на сегодняшний день господствующей в научной литературе (Сазанов 1993, с. 17; Кропотов 1998, с. 128; Храпунов 2002, с. 39; Обломский 2003, с. 58; Магомедов 2006, с. 52; 2001, с. 62).

Сосуды обнаружены в комплексах Херсонеса I – II вв. (Клевина 2004, с. 18), первой половины III в. (Клевина 2004, с. 18; Созник 2005, с. 250), V – VI вв.²⁵ (Ушаков, Дорошко, Кропотов и др. 2006, с. 192, рис. 5, 42,45).

Амфоры встречаются в закрытых комплексах III в. могильников Юго-Западного Крыма: Суворово (Пуздровский, Зайцев, Неневоля 2001, с. 33, 46, рис. 8, 8), Танковое (Вдовиченко, Колтухов, 1994 с. 84–85, рис. 4, 1), «Совхоз 10» (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др. 2003–2004, с. 76, табл. IV, 9), Чернореченский (Бабенчиков 1963, с. 97–100).

В центральной части крымских предгорий сосуды обнаружены в комплексах поселения в Барабановской балке, датирующего-

²³ Это вариант описываемых амфор встречается реже и считается поздним (Обломский 2003, с. 58; Магомедов 2006, с. 52; 2001, с. 62). О его хронологических особенностях речь пойдет ниже.

²⁴ В дальнейшем используется термин «амфоры типа D» без указания автора.

²⁵ В данном случае речь идет о заполнение цистерны в квартале XCVII, которое содержало материал позднеантичного времени, и образовано из смешанных слоев прилегающих территорий. В этой связи комплекс не является показательным для датировки описываемых сосудов.

ся III – IV вв. (Храпунов, Власов, Смокотина и др. 2009, с. 13, рис. 25,5–8, 26, 27, 28,1–7), в погребениях III в. могильника Нейзац и второй половины III – IV вв. могильника Дружное (Храпунов 2011, с. 23, рис. 9, 2; 2002, с. 68, рис. 93,5, 99,4).

Сосуды присутствуют в слоях второй половины/конца II – первой половины III вв. поселений Куру-Баш (Виноградное) близ Феодосии (Гаврилов 2002, с. 167–168, рис. 2, 2,3) и Таракташ (Гарбуз 2008, с. 393, рис. 3, 4).

На территории Европейского Боспора амфоры типа D встречаются в комплексах Пантикапея конца II – первой половины III вв. (Журавлев, Ломтадзе 2005, с. 289, 290, 293, рис. 6, 1–4), слое первого разрушения помещения № 7 городища Белинское, сформировавшегося к середине III в. (Зубарев 2002, с. 122).

На территории Азиатского Боспора сосуды характерны для открытых и закрытых комплексов Горгиппии II – первой половины III вв. (Алексеева 1995, с. 9,11,20, рис. 12, 1–3; 2003, с. 25–26, рис. 14, 1,2; 1997, с. 173, рис. 105,8, 106,2, 111,3,4,5,6, 120,1, 124,1–5, 131,14, 145,28,29, 152,1, 156,5,6, 157,6, 167,2,3,4, 169,15,21,22, 172,1) и Илурата (Гайдукевич 1958а, рис. 20, 2, с. 125–126).

Как уже упоминалось, амфоры встречаются в слоях Ольвии в течение всего III в. (Бураков 1976, с. 75; Крапивина 1993, с. 94, рис. 29, 5–7) и Никония первых веков н. э. (Бруяко, Дзиговский, Секерская 2008, с. 29, рис. 10, 3–5). Ошибочно полагают, что сосуды встречаются в Тире в слое II – середины III вв. (Самойлова 1978, с. 260, рис. 3, 1) и в комплексе IV в., опубликованном Н. М. Кравченко и В. Н. Корпусовой (Кравченко, Корпусова 1975, с. 23–31)²⁶.

Амфоры хорошо представлены в слоях Танаиса, в том числе в засыпи подвалов, по-

лах помещений, которые датируются первой половиной III в., а также в слоях разрушения середины III в. обнаружено более 600 амфор типа D, часть из которых с монограммами (Книпович 1949, с. 72–74, рис. 28,а; Наливкина 1965, с. 139, 143, 153; Шелов 1965, с. 67; Коровина, Шелов 1965, с. 47–50; Арсеньева, Шелов 1974, с. 131, 133, 141–143, 149, 150, 158, 165; Шелов 1978, с. 18–19; Šelov 1986, p. 397–398; Бёттгер, Шелов 1998, с. 28, 30; Arsen'eva, Kassab Tesgör, Naumenko 1997, p. 189, fig. 15,16; Арсеньева, Науменко 2001, с. 61–62, 64–65, 67–68, рис. 20,2, 18,1, 19,1,2; Арсеньева, Ильяшенко, Науменко 2009, с. 46–48, рис. 24,7–9, 25)

Сосуды типа D широко распространены на территории черняховской культуры (Дидык 2011, с. 139–147).

Дискуссию вызвали амфоры из погребений №№ 16 и 86 могильника Оселивка на правом берегу Днепра. Сосуды были обнаружены совместно с фибулами VII группы Альмгрена²⁷ и стеклянным сосудом первой четверти IV в. (Никитина 1995, с. 86, рис. 48, 2–5). Б. В. Магомедов считает, что эти изделия необоснованно причисляют к типу D, так как они имеют другое оформление деталей, в частности сплошную ножку без вдавления (Магомедов 2006, с. 52; 2001, с. 62). А. В. Сазанов видит в оселивских сосудах возможность продлить датировку амфор типа D (Сазанов 1993, с. 17). Отметим, что изделия из указанных захоронений действительно отличаются от классических амфор «танаисского типа» и, по всей видимости, представляют собой поздний вариант амфор типа D (Обломский 1999, с. 28; 2003, с. 58), появившийся во второй половине III в. (Магомедов 2006, с. 52). Совместные находки сосудов типа D второго варианта и фибул с высоким приемником VII группы также обнаружены в черняховских комплексах поселений Родной край (жилище № 2, пол — вме-

²⁶ В обоих случаях авторы приняли за тип D по Д. Б. Шелову другие варианты узкогорлых светлоглиняных амфор.

²⁷ Бытование фибул О. А. Гей и И. А. Бажан относят к третьей фазе черняховской культуры (230/240 – 310/320 гг.) (Гей, Бажан 1997, с. 40).

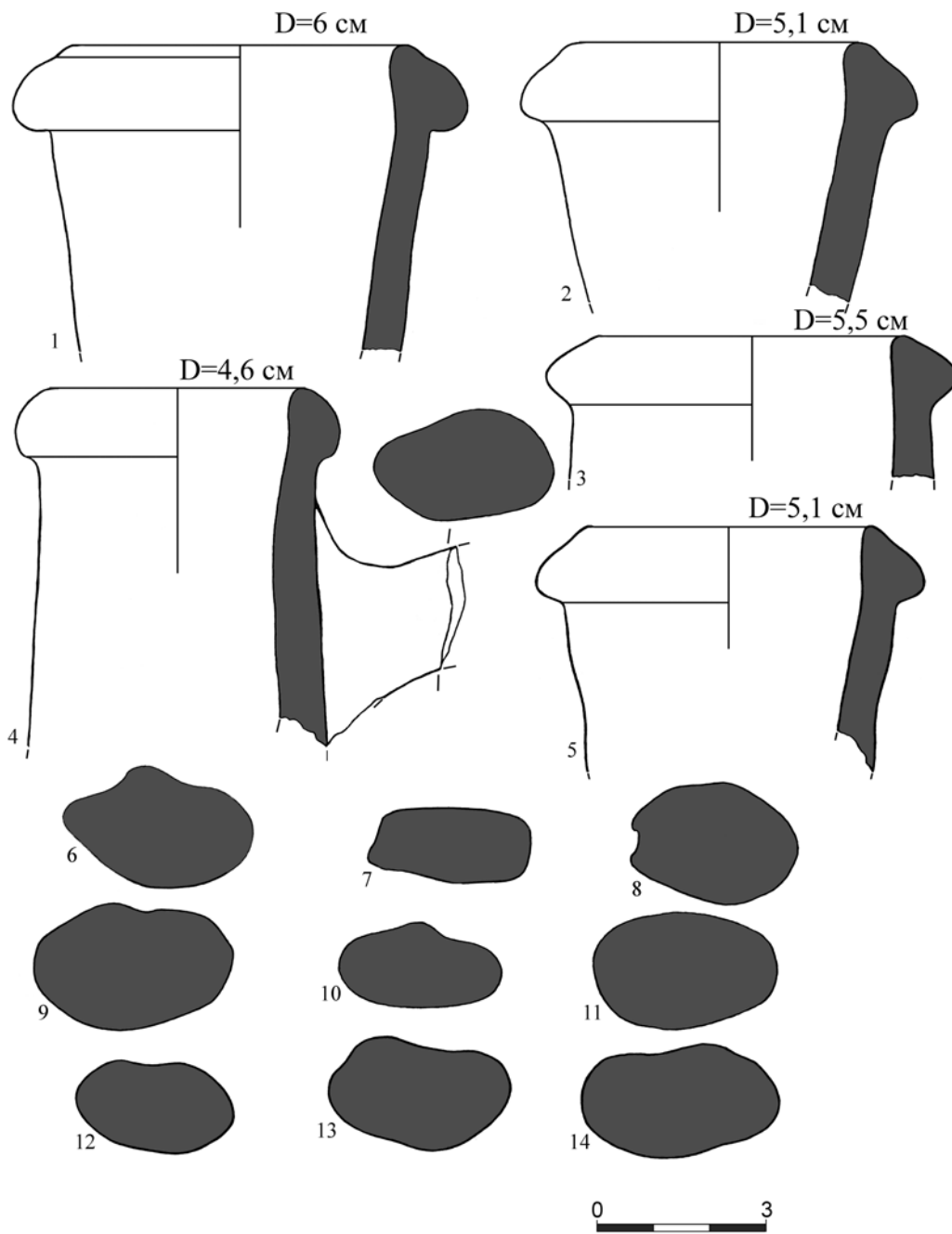

Рис. 17. Узкогорлые светлоглиняные фрагменты амфор типа D из раскопок Мангула:
 1, 2, 4, 8–11 — № 27; 3, 5, 12–14 — № 30; 6 — № 4; 7 — № 14

Fig. 17. Narrow-neck light-clay fragments of amphorae of type D excavated in Mangup:
 1, 2, 4, 8–11 — no. 27; 3, 5, 12–14 — no. 30; 6 — no. 4; 7 — no. 14

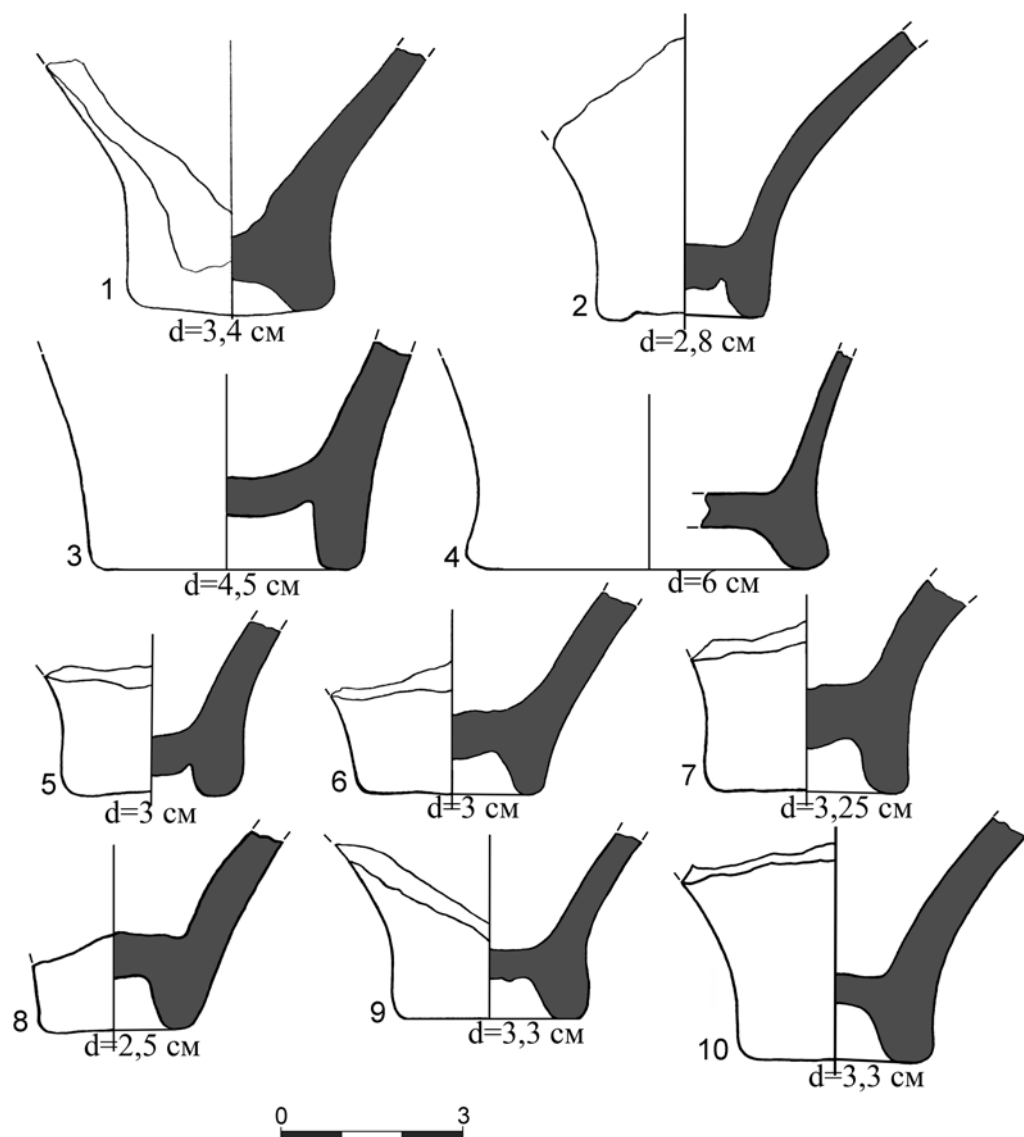

Рис. 18. Узкогорлые светлоглиняные фрагменты амфор типа D из раскопок Мангупа:
 1 — № 4; 2 — № 14; 3, 4 — № 26; 5–8 — № 27; 9 — № 29; 10 — № 30

Fig. 18. Narrow-neck light-clay fragments of amphorae of type D excavated in Mangup:
 1 — no. 4; 2 — no. 14; 3, 4 — no. 26; 5–8 — no. 27; 9 — no. 29; 10 — no. 30

сте с амфорами типа F и железным ключом римского типа II – III вв.), Боромля 2 (постройка раннего горизонта — вместе с многочастным гребнем типа 1/1a — второй половины III в.) (Обломский 2003, с. 36, рис. 32, 12; Терпиловский 2004, с. 44, рис. 83, 1–4), Черепин (жилище № 4 — с таким же гребнем, как в Боромле) (Белов 1969, табл. XXXVIII, 1, 16, XLIV, 10, 11), Песчаное (жилище № 5) (Обломский 2003, рис. 48, 1–6), Беседовка (киевский слой) (Махно 1955, рис. 5, 9; Терпиловский, Абашина 1992, с. 172–173; Магомедов 2001, с. 62, рис. 61, 1).

Амфоры типа D хорошо известны в слоях II – III вв. на территории Нижнего Дуная (Орловка, Новосельское, Урсоая, Барбоши, Мэтэсару, Пэнгэрати, Пятра Нянт, Валя Капаклия, Николово, Новае, Новьюдунум, Одессос, Сексаджинта Приста, Телица, Тропеум Траяни) (Barnea, Barnea, Cataniciu, Margineanu-Carstoiu, Parus 1979, p. 179, pls. 151, 3, 7, 152, 3, 8; Дзиговский, Субботин 1986, с. 150–157, рис. 1, 5; Гросу 1990, с. 89–91, 197, рис. 27, A1; Bjelajac 1996, p. 65; Dyczek 1999, s. 191, fig. 197; Sârbu, Vărcă 2000, p. 41, fig. 16, 1–3, 5–17, 19), Добруджи (Oraț 1996, p. 75, 76, 218, fig. 21, 1, 4; 2004, p. 31–32)²⁸.

Амфоры встречаются в Прикубанье, памятниках Северного Кавказа, Закавказья, Поволжья, Западного Казахстана (Arzhantseva, Deorik, Malashev 2000, fig. 18; Малашев 2000, с. 211; Кропоткин, Кропоткин 1988, с. 180; Лордкипанидзе 1985, с. 57).

Таким образом, амфоры типа D производятся в течение III в. Отметим отсутствие твердо датированных комплексов второй половины/конца II в., где бы эти сосуды присутствовали. Классические танаисские амфоры появились в начале III в., с середины III в., вероятно, начинают производиться изделия второго варианта — со сплошной ножкой без вдавления. Сосуды варианта 1, по всей видимости, продолжали выпускаться.

Совместные находки амфор типа D с изделиями типа F и стеклянными сосудами первой половины IV в. в закрытых комплексах на черняховских поселениях днепровского левобережья не могут служить доказательствами производства амфор типа D в IV в. Эти частные случаи могут свидетельствовать о небольшом количестве амфор, которые поступали в отдаленные регионы, где они долго использовались (Кропотов 1998, с. 128; Храпунов 2008, с. 377).

На Мангупе классические амфоры типа D обнаружены в археологических контекстах №№ 4 (рис. 17, 6, 18, 1), 14 (рис. 17, 7, 18, 2), 27 (рис. 17, 1, 2, 4, 8–11, 18, 5, 6, 7, 8), 29 (рис. 18, 9), 30 (рис. 17, 3, 5, 12–14, 18, 10), сосуды с широким кольцевым поддоном в комплексе № 26 (рис. 18, 3, 4). Контексты в основном сформировались в первой половине VI/VI вв. и амфоры типа D являются примесью более раннего материала. Отметим целую амфору позднего типа D со сплошной ножкой без вдавления из комплекса № 38 (XV в.), попавшую в него с территории позднеантичного некрополя (рис. 19, 1) (Герцен 1991, с. 114).

11) Узкогорлые светлоглиняные амфоры типа F

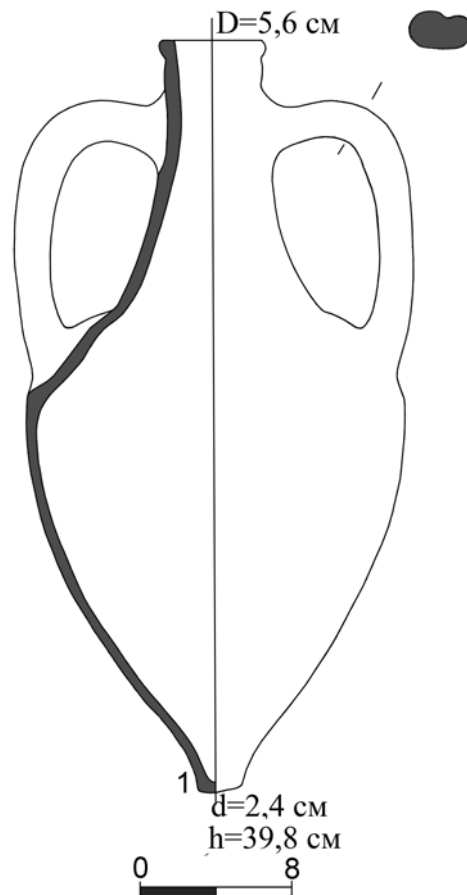
Амфоры с венчиком в виде заостренного валика, округлыми или овальными в сечении ручками, иногда с внешней стороны профилированными одним или двумя асимметричными валиками, вытянутым корпусом и ножкой на кольцевом поддоне (Абрамов 1993, с. 49–50). Часто на амфорах встречаются дипинти, выполненные красной краской (Кленина 2004, с. 33).

Относятся к «инкерманскому типу» по М. Б. Щукину (Щукин 1968, с. 41), типу 105а, б по И. Б. Зеест (Зеест 1960, с. 122), типу E или типу 1 по К. Скорпану (Scorpan, 1976 p. 156–157, pl. 1, 3, tip E; 1977, p. 269, 270), типу F по Д. Б. Шелову (Шелов 1978,

²⁸ К сожалению, на указанных территориях авторы не выделяют типы узкогорлых светлоглиняных амфор и относят их к одному типу, который датируют широко — I – IV вв. (Bjelajac 1996, p. 65; Oraț 1996, p. 75, 76, 218; 2004, p. 31–32). Поэтому эти комплексы ценны лишь для определения ареала сосудов, но не для их хронологии.

Рис. 19. Узкогорлая светлоглиняная амфора типа D из раскопок Мангупа: 1 — № 38

Fig. 19. Narrow-neck light-clay amphora of type D excavated in Mangup: 1 — no. 38

с. 19–20; Šelov 1986, p. 398–399, fig. 1F), признаку 7 по А. В. Сазанову (Сазанов 1989, с. 45, рис. 1, 7), типу 6 по В. В. Крапивинной (Крапивина 1993, с. 94–95, рис. 29, 9–11), типу XXXII по С. Ф. Стржелецкому, Т. Н. Высотской, Л. А. Рыжовой, Г. И. Жестковой (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др. 2003–2004, с. 76).

Специальные работы, посвященные поздним типам узкогорлых светлоглиняных амфор, написали А. В. Сазанов (Сазанов 1993, с. 19) и В. В. Кропотов (Кропотов 1998, с. 128–134). Оба исследователя разработали детальную типологию сосудов типа F, однако классификация последнего автора, на наш взгляд, является более обоснованной. Исследователь выделяет три варианта сосудов, описание которых мы приводим дословно.

Вариант 1. Амфоры с максимальным расширением корпуса, выше средней высо-

ты, тулово переходит в прямую ножку или ножку, расширенную под прямым углом. Ручки в профиле, как правило, приплюснуты. Автор относит этот вариант к первой половине – середине IV в.

Вариант 2. Амфоры со стройным корпусом, максимально расширенным в середине или немного выше середины, тулово плавно переходит в ножку, которая расширяется книзу. Ручки в профиле, как правило, округлые. Время бытования амфор варианта 2 — вторая половина IV в. (Кропотов 1998, с. 129).

Вариант 3. Для амфор характерна прямая широкая полая ножка, отделенная от корпуса врезной линией. По форме тулова амфоры напоминают изделия варианта 1, но в последних плечи более покатые. В. В. Кропотов датирует амфоры варианта 3 концом IV – первой половиной V вв. (Кропотов, 1998, с. 129–131). Автор от-

мечает немногочисленность находок амфор третьего варианта, ссылаясь на их присутствие в слоях Тиры и комплексе «цистерны в алтаре». Отметим, что дата указанных комплексов вызывает сомнения, о чем будет сказано ниже.

Морфологические различия первых двух вариантов очевидны. Амфоры варианта 3 больше похожи на переходные формы, сочетающие черты вариантов 1 и 2.

Датировка вариантов амфор типа F разработана В. В. Кропотковым, в основном, на материалах Инкерманского могильника (Веймарн 1963, с. 15–88). Публикуя результаты раскопок этого памятника, Е. В. Веймарн нарисовал не все найденные им амфоры. Описывая амфору из той или иной могилы, он зачастую ссылается на рисунок сосуда, найденного в другом комплексе. Невозможно проверить, насколько точно при этом он учитывал морфологические различия между их вариантами.

Попытки отнести опубликованные амфоры типа F к одному из вариантов по В. В. Кропоткову не всегда успешны из-за фрагментарности материала или из-за того, что исследователи публикуют не все рисунки найденных в комплексах сосудов. В связи с этим нельзя с уверенностью сказать, что в контексте присутствует лишь один вариант амфор.

Хронологические рамки бытования описываемых амфор вызвали дискуссию среди исследователей. Их датируют по-разному: III – IV вв. (Гей 1986, с. 80–81), второй половиной III – IV вв. (Щукин 1968, с. 42; Гросу 1990, с. 91, табл. 4, А6; Абрамов 1993, с. 49–50), концом III – IV вв. (Шелов 1978, с. 19; Šelov 1986, р. 400; Abadie-Reynal 1999, р. 256, fig. 1f.), IV в. (Зеест 1960, с. 122; Rădulescu 1976, s. 106, таб. VII, 1, Ia; Айбабин 1990, с. 14; 1996, рис. 5, 4; 1999, с. 259, таб. XII.3, XXVII, 51; Амброс 1966, с. 33, рис. 2, 22; Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др. 2003–2004, с. 76),

первой половиной (скорее всего вторая четверть) IV – последней четвертью IV вв. (Юрочкин, Зубарев 2001, с. 465; Юрочкин, Труфанов 2003, с. 217), второй половиной IV в. (Кравченко, Корпусова 1975, с. 31), рубежом III/IV – началом V вв. (Кропотов 1998, с. 128), IV – началом V вв., (Крапивина 1993, с. 94–95), IV – V вв. (Scorpan 1976, р. 156–157, pl. 1, 3, tip E; Scorpan 1977, р. 269, 270), IV – серединой V вв. (Сазанов 1989, с. 45), второй половиной III – последней четвертью V вв. (Сазанов 1993, с. 16–18; 1999, с. 238; 2002, с. 30–32).

Для того чтобы определить хронологию амфор типа F рассмотрим, как они представлены в комплексах.

Амфоры «инкерманского типа» были обнаружены в комплексах Херсонеса, которые датируются со второй – третьей четверти IV в. до рубежа V/VI вв.²⁹ (Белов 1969, с. 83–84; Стржелецкий 1947, с. 294; 109, с. 227–230, 244–247, 250, рис. 3, 36; Рыжов 1986, с. 136, рис. 8; Ушаков, Дорошко, Кропотов и др. 2006, с. 192, рис. 5, 6, 7, 15, 16, 23, 32, 52).

На территории Юго-Западного Крыма сосуды обнаружены в комплексах IV в. могильников «Совхоз 10» (Сокольский 1963, с. 76), Инкерманский (Веймарн 1963, рис. 15, 12, 20, 1, 3, 15, 13; Созник 2005, рис. 7), Озерное-III (Лобода 1977, с. 243, рис. 1, 7, 5, 6, 6, 3; Кропотов 1998, с. 130), Суворово (Юрочкин, Труфанов 2003, с. 212, 218, рис. 1, А, 4, 56–58, 5, 59; Пуздровский, Зайцев, Неневоля 2001, с. 47, рис. 9, 7), Тас-Тепе (Кутайсов 1983, с. 147, рис. 4; Пуздровский, Зайцев, Неневоля 2001, с. 44, рис. 6, 2), Чернореченский (Амброс 1994, рис. 2, 12; Айбабин 1984, рис. 3, 28).

Амфоры типа F найдены в могиле № 1 Чатырдагского некрополя с инвентарем первой половины IV в. и монетами от Диоклетиана (284–305 гг.) до Лициния (307–323 гг.) (Мыц 1987, с. 148–149, рис. 5, 1).

²⁹ Отметим, что в археологических контекстах V – VI вв. сосуды являются примесью раннего материала, поэтому они не являются показательными для датировки амфор типа F.

В Центральном Крыму амфоры «инкерманского типа» встречаются в комплексах IV в.: некрополей Дружное (Айбабин 1994, рис. 20; Khrapunov, Mould 1997, p. 64; Khrapunov 1995, p. 181; Храпунов 2002, с. 39, 71, рис. 70, 11, 12, 194, 2, 204, 2), Нейзац (Храпунов 2008, с. 377, 385, рис. 10, 1–3, 12, 1, 15, 2; 2006, с. 42, рис. 3, 2; Khrapunov 2008, p. 203, fig. 8, 12), склепах у с. Перевальное (Сазанов 1993, с. 17; Айбабин 1994, рис. 20), а также в слоях и хозяйственных ямах поселения в Барбановской балке, датирующегося III – IV вв. (Храпунов, Власов, Смокотина и др. 2009, с. 13, рис. 28, 8, 29, 1–8).

Показательными в отношении находок амфор типа F являются комплексы Боспора. Сосуды обнаружены в слоях Фанагории и Пантикапея IV в. (Щукин 1968, с. 42) и второй половины IV – первой половины V в. (Верхне-Эспланадный, слои VIII и IX, 1953 г.) (Сазанов 1999, с. 227, 230, рис. 1, 8), слое пожара дома IV у хутора Батарейка второй четверти IV в.³⁰ (Сокольский 1963, с. 186–189, рис. 6, 6; Сазанов 1999, с. 225, рис. 1, 2; Юрочкин, Зубарев 2001, с. 457), слое Китея конца V – третьей четверти VI в. обнаружены с амфорами типа E по Д. Б. Шелову (Молев, Сазанов 1998, с. 63), закрытых слоях Белинского городища, датирующихся IV в. (засыпь ямы и слой гибели помещения 7) (Юрочкин, Зубарев 2001, с. 456–458; Зубарев 2002, с. 123, рис. 3, 8) и первой четвертью V в. (золистый слой мусора) (Зубарев 2002, с. 125, рис. 5, 1, 6, 14).

Описываемые сосуды встречаются в слоях IV – V вв. Ольвии (Крапивина 1993, с. 94–95) и Тиры (Кравченко, Корпусова 1975, с. 23; Сазанов 1999, с. 224–225, рис. 1, 8), а также в комплексах Танаиса IV в. (Шелов 1978, с. 19; Šelov 1986, p. 400).

Амфоры типа F широко распространены на территории черняховской культуры: в Нижнем Поднепровье (могильники Гавриловка и Каменка) (Сымонович 1955, с. 289, рис. 8, 2, 3; Гей 1986, с. 78) — с бронзовыми прогнутыми подвязными фибулами варианта 2 по Амброзу IV в. (Амброз 1966, с. 64); в комплексах второй половины III – IV вв. Днестровско-Прутского междуречья (Гросу 1990, табл. 4, A6); на правом берегу Днепра — могильник у с. Оселивка (конец III – IV вв.) (Никитина 1995, с. 86, рис. 48, 6, 7); на Левобережье Днепра — поселение Родной Край (Обломский, 1999, с. 29; 2003, с. 58; Терпиловский, 2004, с. 44, рис. 83, 5); в Николаевской области — городище Козырка 1 (в слоях второй половины/конца III – третьей четверти IV вв.) (Щульце, Магомедов, Буйських 2009, с. 106–107, рис. 5, 1–4), поселение Викторовка II (II – IV вв.) (Сымонович, Яровой 1968, с. 180–181, рис. 6, 18, 8, 13), могильник Викторовка (IV в.) (Гей 1986, с. 80–81, рис. 4, 6; Магомедов 2006, с. 52, рис. 1, 7–11; 2001, с. 62, рис. 61, 4–9); в Одесской области — на поселениях Коблево (в слоях III – IV вв.) (Сымонович 1979, с. 93, рис. 14, 6, 15) и Утконосовка (с монетами Константина I) (Магомедов 1983, с. 85, рис. 3, 5).

Амфоры «инкерманского типа» широко распространены на территории Румынии III – IV вв.: в Извоаре (Щукин 1968, с. 42), Телице-Амзе, Славе Руса-Косари, Каугаджи, Михай Браву, Топрайкье (Oraïț 1991, p. 221, pl. 27, 3; 1996, p. 218, pl. 21, 1, 2; 2004, p. 31–32, pl. 19, 1, 2), Берое (Oraïț 1996, p. 218, pl. 21, 2; 2004, p. 31–32, pl. 19, 2), Халмирисе (Toroleanu 2000, p. 157, pl. LII, 412), Томисе, Тиргшоре (Scorpan 1977, p. 269, 270). Сосуды встречаются в комплексах конца

³⁰ Отметим, что дата слоя пожара дома IV у хутора Батарейка является спорной. Автор раскопок Н. И. Сокольский связал горизонт разрушения с гуннским вторжением (Сокольский 1963, с. 189). На этом основании А. В. Сазанов, первоначально раскритиковав теорию гуннского погрома на Боспоре (Сазанов, Иващенко 1989), в последующих работах, вернувшись к ней, продлил время бытования амфор типа F. На основании находки под слоем пожара монеты Рискупорида VI 324 г. В. В. Зубарев и В. В. Юрочин относят пожар ко второй четверти IV в. и предлагают считать его следствием напряженной обстановки, сложившейся в период херсонесско-боспорских конфликтов, о чем свидетельствует ряд монетных кладов, зарытых около 328 г. (Юрочкин, Зубарев 2001, с. 457). Данные выводы представляются весьма аргументированными.

III – IV вв. Понтеса (Костол), Трансидиэрны (Текия) (Южная Сербия) (Bjelajac 1996, p. 66, fig. XXII).

Из описания ареала амфор «инкерманского типа» следует, что они встречаются довольно широко в контекстах, датирующихся суммарно III – VI вв. Однако далеко не все эти комплексы закрытые.

Отметим, что единственным закрытым комплексом, позволяющим отнести амфоры типа F к третьей четверти III в. является захоронение у станицы Воронежской (Анфимов 1952, с. 209, рис. 7), однако, как убедительно показал А. В. Сазанов, автор публикации комплекса датировал сосуд по неверно подобраным аналогиям (Сазанов 1993, с. 17). Сам А. В. Сазанов предлагает использовать в качестве доказательств бытования амфор во второй половине III в. разрушенные погребения Чубовки (западное побережье Бугского лимана) и склеп № 2 могильника у с. Перевальное (Сазанов 1993, с. 17). Однако, комплексы Чубовки не являются закрытыми, а набор инвентаря в склепе № 2 у с. Перевального указывает на IV в. (Юрочкин, Труфанов 2003, с. 212; 139, с. 457). Отметим наблюдение И. Н. Храпунова о том, что узкогорлые светлоглиняные амфоры типов D и F в закрытых комплексах на основной территории распространения совместно не встречаются, что говорит о смене в их производстве (Храпунов 2002, с. 39; 2008, с. 377). Исключением являются лишь совместные находки амфор типов D и F в закрытых комплексах поселений Левобережья Днепра (Обломский 1999, с. 29; Обломский 2003, с. 58; Терпиловский 2004, с. 44, рис. 83, 5). Однако в данном случае речь скорее идет о необходимости продлить дату распространения амфор типа D³¹, нежели о том, чтобы удревнить дату возникновения сосудов типа F.

Таким образом, в основном светлоглиняные узкогорлые амфоры типа F встречаются в закрытых комплексах, начиная с IV в., который и следует считать временем их появления и распространения (Юрочкин, Труфанов 2003, с. 212; Юрочкин, Зубарев 2001, с. 457).

Что касается верхней границы бытования сосудов, то авторы, которые выносят ее в V в. опираются, на наш взгляд, на не совсем репрезентативные комплексы.

А. В. Сазанов основывает дату на присутствии фрагментов сосудов в херсонском комплексе «цистерна в алтаре», датированном автором последней четвертью V в. и яме № 6 постройки № 2 участка XXV в Тиритаке, где обнаружен фрагмент ручки амфоры, принадлежность которой типу F не обоснована (Сазанов 1999, с. 238; 2002, с. 30–32). Как было сказано выше, правильность датировки А. В. Сазановым комплекса «цистерны в алтаре» уже давно вызывает сомнения (Юрочкин, Зубарев 2001, с. 456).

Середина V в. как время прекращения производства амфор типа F, поддерживается В. В. Кропотковым. Основанием для этого послужили находки амфор в слое разрушения «послеготского дома» в Тире и все той же «цистерны в алтаре», засыпь которой автор, на основании находки краснолакового блюда формы ARSW-62B³², предлагает отнести ко второй половине IV – первой четверти V вв. (Кропотов 1998, с. 131). Отметим, что блюдо «формы ARSW-62B», на самом деле, является формой PRS-1³³ по К. Домжальскому и относится к середине IV – середине V вв. (Arsen'eva, Domzalski 2002, p. 426)

Однако его присутствие, также как находки других материалов V в. в засыпи «цистерны в алтаре», как уже отмечалось, не является аргументом в пользу предположения об их единовременном использовании. Комплекс

³¹ Оговорим, что тут имеется в виду именно распространение амфор типа D, а не их производство. По всей видимости, в отдаленном регионе они продолжали использоваться и в начале IV в., хотя их производство на тот момент уже прекратилось.

³² Здесь и далее ARSW — African Red Slip Ware.

³³ Здесь и далее PRS — Pontic Red Slip Ware.

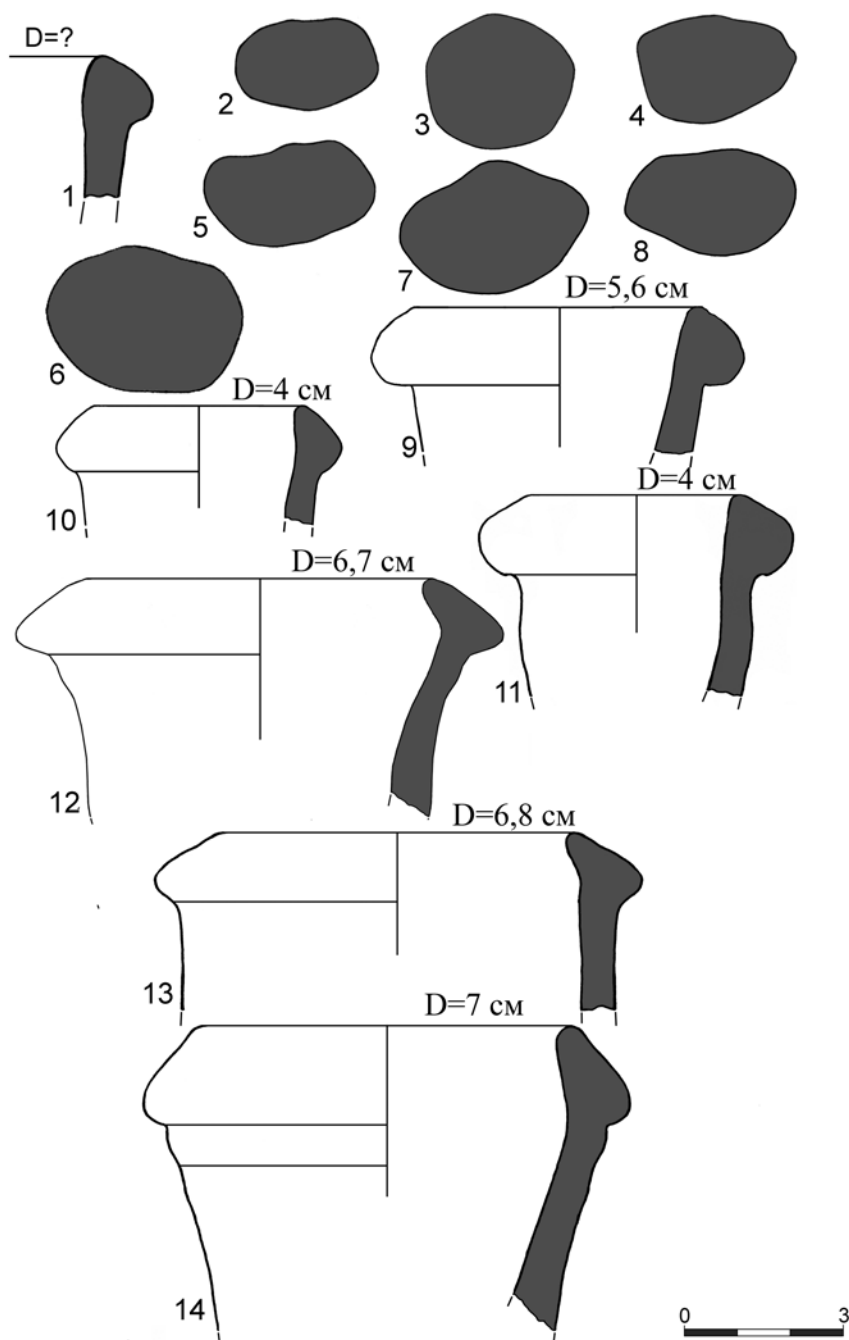

Рис. 20. Узкогорлые светлоглиняные фрагменты амфор из раскопок Мангула.

Тип D/F: 1 — № 22; 2 — № 7; 3, 4 — № 9; 5 — № 10; 7, 8 — № 21.

Тип F/E: 6 — № 2. Тип F: 9, 10 — № 15; 11, 13, 14 — № 26; 12 — № 23

Fig. 20. Narrow-neck light-clay fragments of amphorae excavated in Mangup.

Type D/F: 1 — no. 22; 2 — no. 7; 3, 4 — no. 9; 5 — no. 10; 7, 8 — no. 21.

Type F/E: 6 — no. 2. Type F: 9, 10 — no. 15; 11, 13, 14 — no. 26; 12 — no. 23

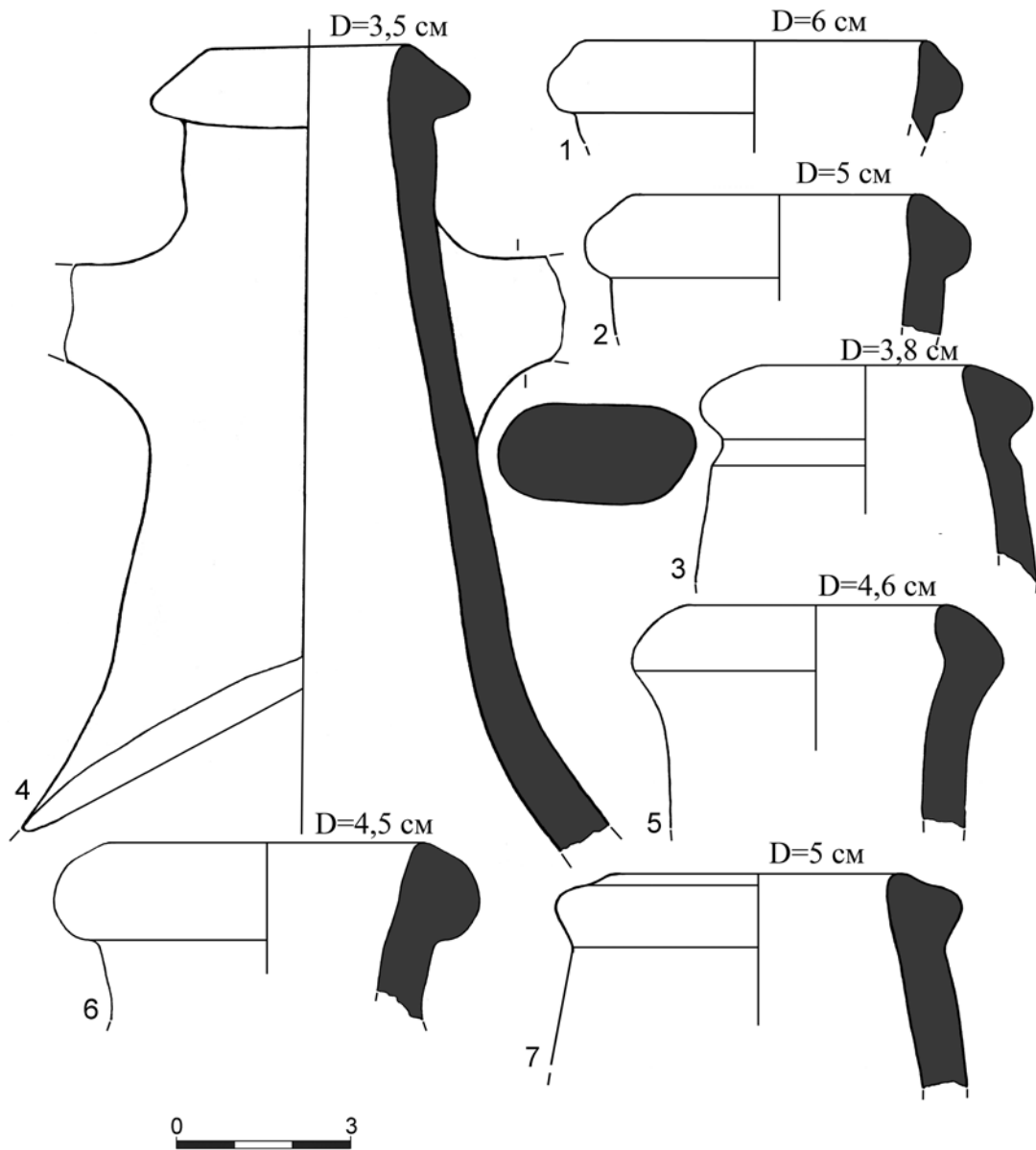

Рис. 21. Узкогорлые светлоглиняные фрагменты амфор типа F из раскопок Мангупа:
 1 — № 13; 2, 3, 5 — № 27; 4 — № 25; 5 — № 27; 6 — № 28; 7 — № 30

Fig. 21. Narrow-neck light-clay fragments of amphorae of type F excavated in Mangup:
 1 — no. 13; 2, 3, 5 — no. 27; 4 — no. 25; 5 — no. 27; 6 — no. 28; 7 — no. 30

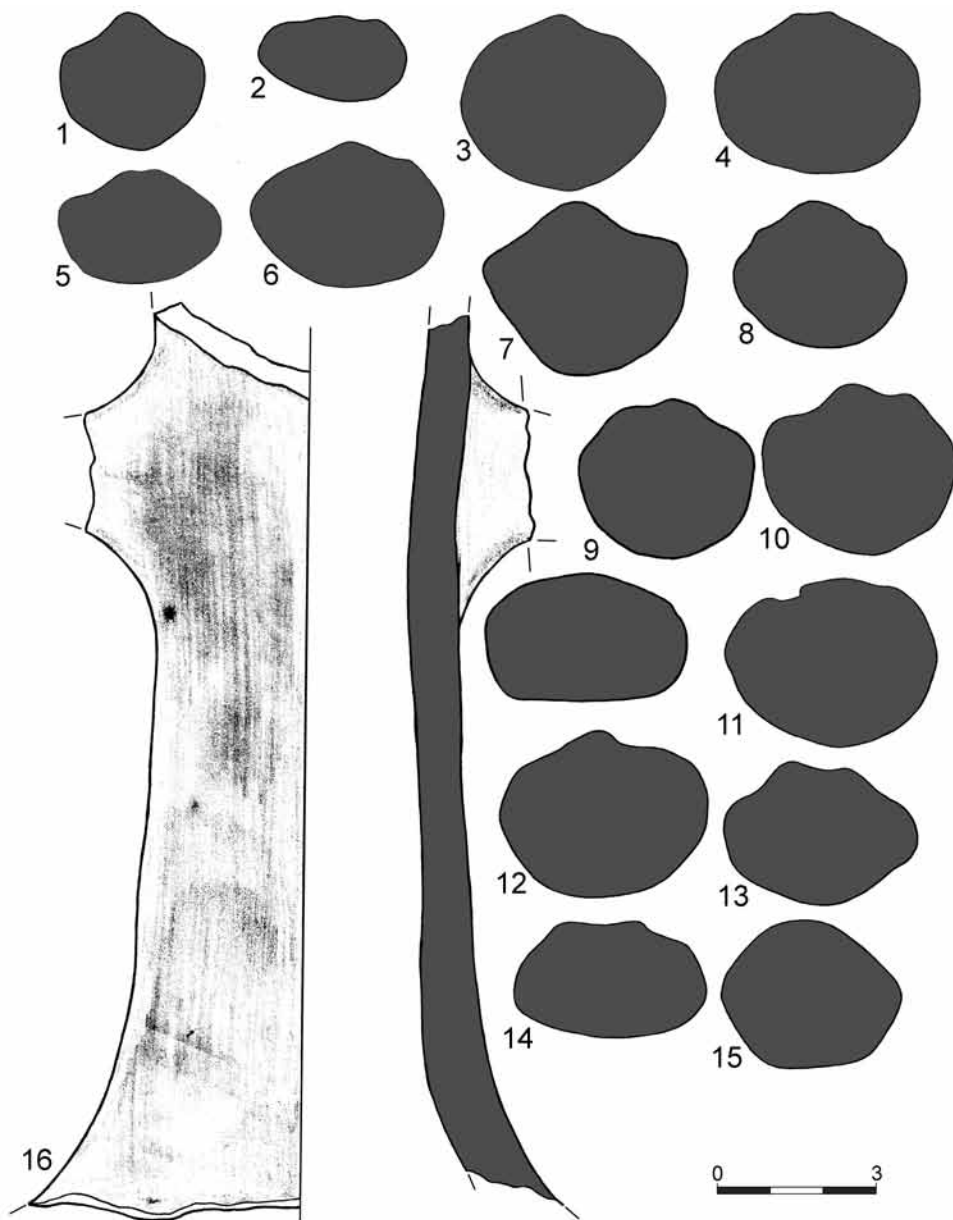

Рис. 22. Узкогорлые светлоглиняные фрагменты амфор типа F из раскопок Мангупа:
 1 — № 17; 2 — № 15; 3, 4 — № 23; 5, 6 — № 24; 7 — № 25; 8, 9, 16 — № 26;
 10–14 — № 27; 15 — № 28

Fig. 22. Narrow-neck light-clay fragments of amphorae of type F excavated in Mangup:
 1 — no. 17; 2 — no. 15; 3, 4 — no. 23; 5, 6 — no. 24; 7 — no. 25; 8, 9, 16 — no. 26;
 10–14 — no. 27; 15 — no. 28

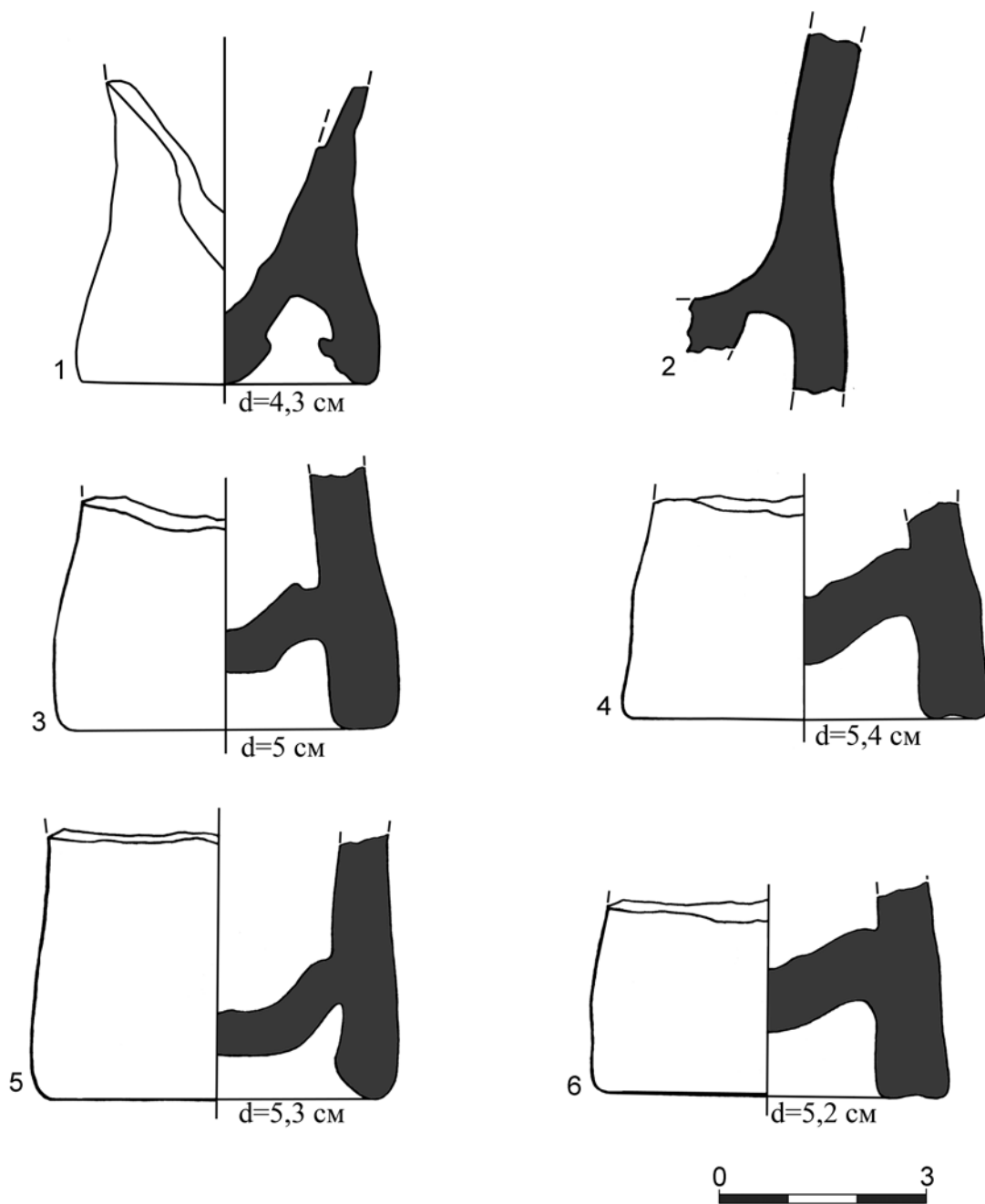

Рис. 23. Узкогорлые светлоглиняные фрагменты амфор типа F из раскопок Мангула:
1 — № 13; 2 — № 26; 3–6 — № 27

Fig. 23. Narrow-neck light-clay fragments of amphorae of type F excavated in Mangup:
1 — no. 13; 2 — no. 26; 3–6 — no. 27

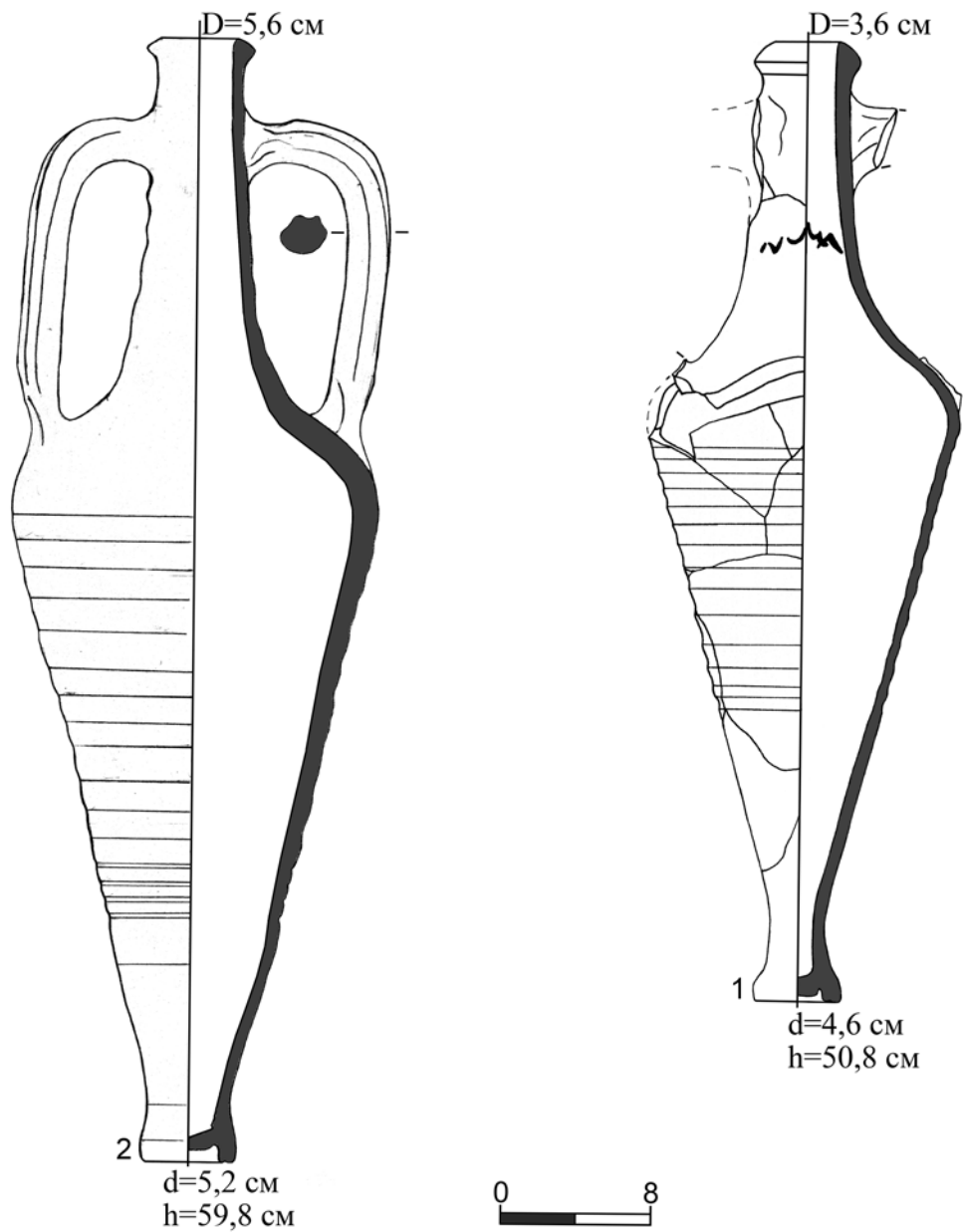

Рис. 24. Узкогорлые светлоглиняные амфоры типа F из раскопок Мангупа:
1 — № 31; 2 — № 33

Fig. 24. Narrow-neck light-clay amphorae of type F excavated in Mangup:
1 — no. 31; 2 — no. 33

Рис. 25. Узкогорлые светлоглиняные фрагменты амфор типа F из раскопок Мангуца: 1, 2 — № 36

Fig. 25. Narrow-neck light-clay fragments of amphorae of type E excavated in Mangup: 1, 2 — no. 36

Тиры Н. Н. Кравченко и В. Н. Корпусова относят ко второй половине IV в. (Кравченко, Корпусова 1975, с. 26, 31), однако в связи с присутствием в слое разрушения амфор типа «Делакеу» и сосудов типа «Харакс 33» А. И. Айбабин датирует его первой половиной V в. (Айбабин 1990, рис. 2). Отметим, что находки амфор типа F в комплексе Тиры являются единственным аргументом для перенесения верхней границы бытования амфор в V в. Однако их немногочисленность не позволяет доводить верхнюю границу до середины V в. Скорее всего, амфоры прекратили выпускать к началу V в.

Амфоры типа F обнаружены в мангупских археологических контекстах №№ 17 (рис. 22, 1), 15 (рис. 20, 9, 10, 22, 2), 13 (рис. 21, 1, 23, 1 — вариант 1 по Кропотову), 23 (рис. 20, 12, 22, 3, 4), 24 (рис. 22, 5, 6), 25 (рис. 21, 4, 22, 7), 26 (рис. 20, 11, 13, 14, 22, 9, 16, 23, 2 — вариант 1 по Кропотову), 27 (рис. 21, 2, 3, 5, 22, 10–14, 23, 3, 4, 5, 6 — вариант 1 по Кропотову), 28 (рис. 21, 6, 22, 15), 29, 30 (рис. 21, 7), 31 (рис. 24, 1 — вариант 2 по Кропотову), 33 (рис. 24, 2 — вариант 1 по Кропотову), 36 (рис. 25, 1, 2 — вариант 2 по Кропотову). Материал из большинства комплексов, где обнаружены описываемые амфоры, датируется широко в пределах III – VI вв. (№№ 13, 15, 23–28), а их формирование относится к началу VI либо к VI в. В них сосуды являются так называемой «примесью снизу». Для некоторых контекстов (№№ 29, 30, 31, 33, 36) амфоры являются датирующим материалом.

На Мангупе обнаружены также фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор, которые сложно отнести к какому-либо из типов узкогорлых светлоглиняных амфор. Мы определили их как тип D/F. Они встречаются в археологических контекстах №№ 7 (рис. 20, 2), 9 (рис. 20, 3, 4), 10 (рис. 20, 5), 21 (рис. 20, 7, 8).

12) Узкогорлые светлоглиняные амфоры типа E

Амфоры, высотой до 0,6 м, с массивным подтреугольным или четырехуголь-

ным в сечении венчиком с гребнем сверху, овальным, сужающимся книзу туловом, округлыми в сечении профилированными ручками и округлым дном с выступом, либо без него. Округлое дно амфор заставило А. В. Сазанова видеть в изделиях исходное звено большого класса светлоглиняных амфор с рифлением типа «набегающей волны» и не ставить их в один эволюционный ряд с узкогорлыми амфорами типов A-F (Сазанов 1993, с. 20). Однако специальные морфологические и петрографические исследования доказывают их преемственность от типов A-F (Деопик, Круг 1972, с. 115; Шелов 1978, с. 19; Внуков 2003, с. 117).

Они относятся к типам 104 по И. Б. Зеест (Зеест 1960, с. 121, 122, табл. XII, 104), E по Д. В. Деопику и О. Ю. Круг (Деопик, Круг 1972, с. 101–102, 108–109, 111), E по Д. Б. Шелову (Шелов 1978, с. 19, рис. 9), признаку 4 по А. В. Сазанову (Сазанов 1989, с. 43–44, табл. 2, 4, 3, 4, рис. 1, 4). Л. Бьялаяц и А. Опайц, не выделяя варианты узкогорлых светлоглиняных амфор, относят их к одному типу (Bjelajac 1996, p. 65, tip XIX; Oraić 1996, p. 218, tip Oraić VI).

Исследователи датировали эти сосуды по-разному: концом III – IV вв. (Зеест 1960, с. 121, 122, табл. XII, 104), второй половиной IV – началом V вв. (Деопик, Круг 1972, с. 102), концом IV – началом V вв. (Шелов 1978, с. 19; Šelov 1986, p. 398; Abadie-Reynal 1999, p. 256), концом IV – первой половиной V вв. (Абрамов 1993, с. 50), концом IV – второй четвертью VI вв. (Сазанов 1989, с. 43–44, рис. 1, 4; 1993, с. 20).

Сосуды типа E обнаружены в Херсонесе — в заполнении «цистерны в алтаре», которая содержала материалы позднеантичного времени и была засыпана в последней четверти V в. (Сазанов 1999, рис. 8, 34–38; 2002, с. 34, рис. 3, 34–38) и нижнем слое помещения № 16 в квартале XVIII с монетами IV – VI вв. (Белов, Стржелецкий, Якобсон 1953, с. 213–214, рис. 63).

Сосуды известны в культурном слое IV в., перекрывавшем погребения могиль-

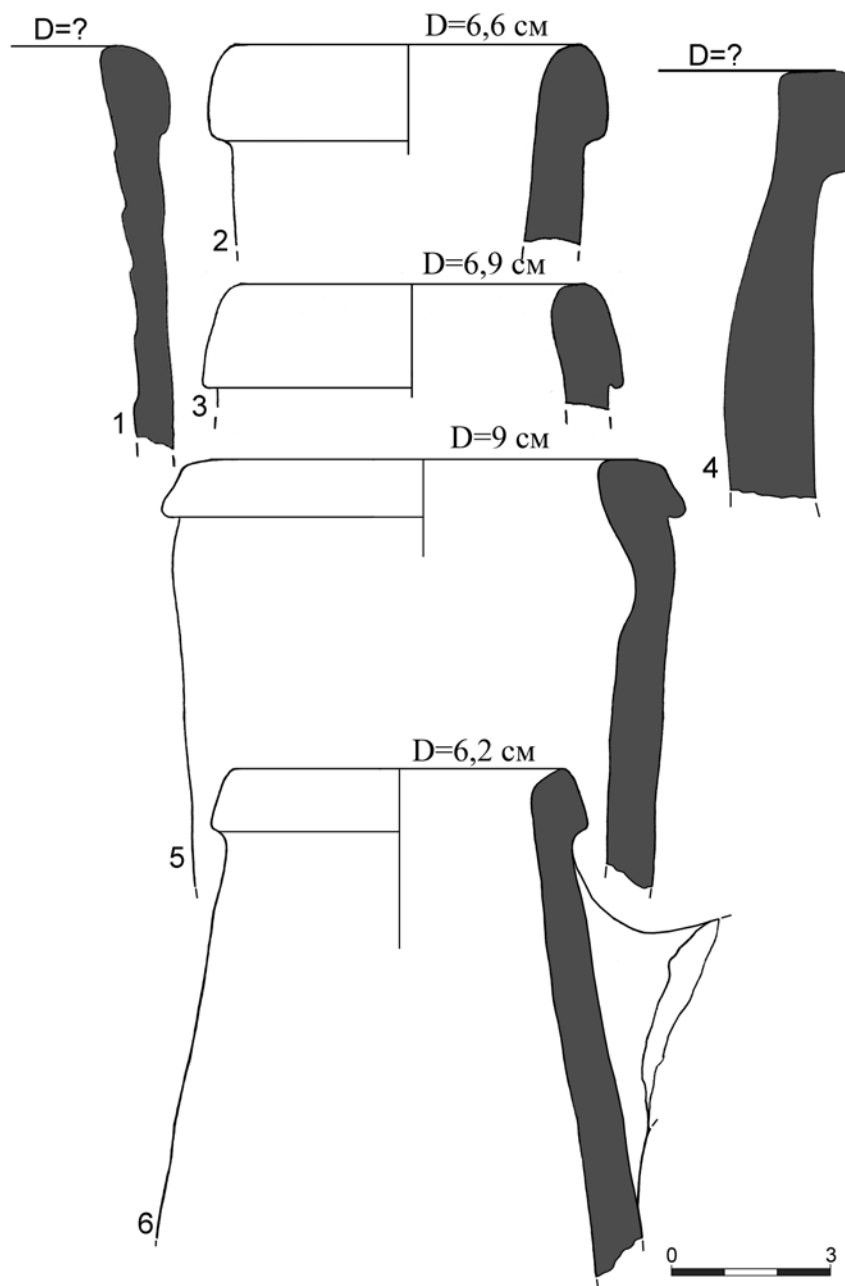

Рис. 26. Узкогорлые светлоглиняные фрагменты амфор типа Е из раскопок Мангула:
 1 — № 1; 2 — № 2; 3 — № 21; 4 — № 23; 5, 6 — № 27

Fig. 26. Narrow-neck light-clay fragments of amphorae of type E excavated in Mangup:
 1 — no. 1; 2 — no. 2; 3 — no. 21; 4 — no. 23; 5, 6 — no. 27

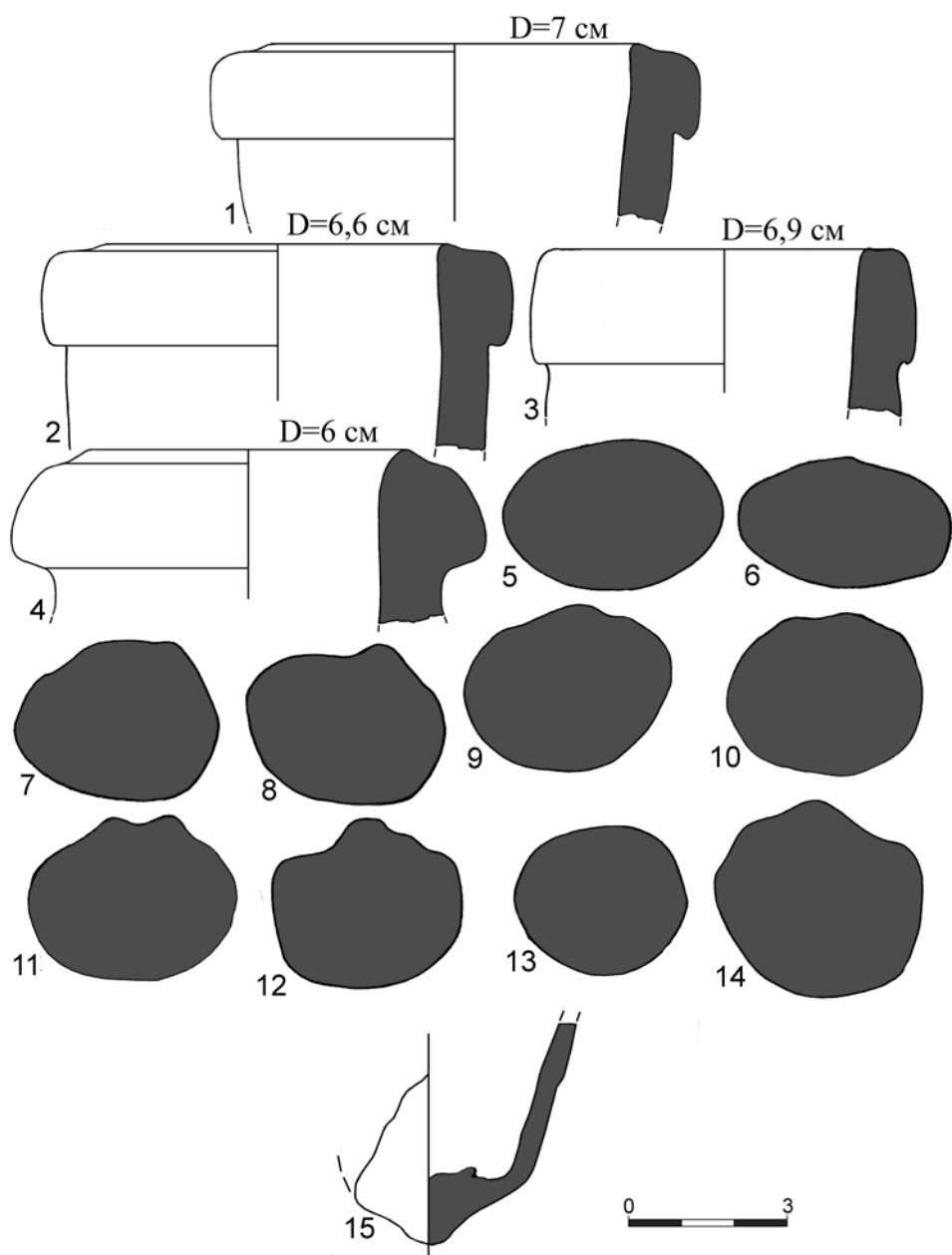

Рис. 27. Узкогорлые светлоглиняные фрагменты амфор типа Е из раскопок Мангупа:
 1, 2, 4 — № 28; 3 — № 29; 5–7 — № 1; 8 — № 22; 9, 15 — № 15; 10, 11 — № 23;
 12 — № 25; 13 — № 26; 14 — № 27

Fig. 27. Narrow-neck light-clay fragments of amphorae of type E excavated in Mangup:
 1, 2, 4 — no. 28; 3 — no. 29; 5–7 — no. 1; 8 — no. 22; 9, 15 — no. 15; 10, 11 — no. 23;
 12 — no. 25; 13 — no. 26; 14 — no. 27

ника Нейзац (Власов, Смокотина, Храпунов 2011, с. 185, рис. 17), а также в слое конца IV – V вв. производственного объекта, расположенного в непосредственной близости от него (Храпунов, Смекалова, Власов 2010, с. 12).

На территории Европейского Боспора амфоры обнаружены в слоях Пантикапея и Фанагории IV в. (Зеест 1960, с. 121, 122, табл. XII, 104), на городище Белинское первой четверти V в., в комплексах Тиритаки V – второй четверти VI вв. (Сазанов, Иващенко 1989, с. 90, рис. 4, 2).

Сосуды так же характерны для комплексов Танаиса IV – V вв. (Арсеньева, Науменко 2001, с. 70–73, рис. 46, 1,3; Арсеньева, Науменко 1995, с. 46, рис. 2, 1; Арсеньева, Шелов 1974, с. 42, рис. 1, 2).

На территории черняховской культуры изделия известны в слоях Каменки-Анчекрак, Александровки, Лугового, Басовки, Викторовки-2, Ранжевого, Коблева (Сазанов 1989, рис. 1, 4; Сазанов, Иващенко 1989, рис. 9, 6; Кропоткин 1970, рис. 31, 6, № 33; Сымонович, Яровой 1968, рис. 8, 14; Магомедов 1987, рис. 35, 4; 2006, с. 62). Амфора типа Е вместе с овальными пряжками, набором конской упряжи из 5-ти серебряных лунниц и 3-х колец была обнаружена в слое конца IV – первой половины V в. городища Роище киевской культуры (Терпиловский 1984, табл. 22, 12; Обломский 2003, с. 68, рис. 76, 22; Терпиловский 2004, с. 44, рис. 83, 6). В Добрудже сосуды зафиксированы в комплексе начала V в. Томиса и слоях V – VI вв. Муригьола (Oraiț 1991, р. 149, pl. 149.121–122; 1996, р. 218; 2004, р. 32, pl. 19, 4,5).

Отметим, что на сегодняшний день очень мало закрытых комплексов, содержащих амфоры типа Е, которые могут четко определить границы бытования сосудов. Нельзя сказать, что амфоры типа Е начали выпускаться после того как прекратили произ-

водство сосудов типа F. Появившись к концу IV в., амфоры типа Е наиболее активно используются в конце IV – начале V вв. и прекращают выпускаться в середине V в.

В мангупских контекстах №№ 1 (рис. 26,1,2, 27,5–7), 15 (рис. 27, 9,15), 23 (рис. 26,4, 27,10,11), 25 (рис. 27, 12), 26 (рис. 27, 13), 27 (рис. 26,5,6, 27,4), 28 (рис. 27,1,2,4) амфоры типа Е в основном являются примесью более раннего материала. Для некоторых контекстов сосуды являются датирующим материалом: №№ 21 (рис. 26, 3), 29 (рис. 27, 3).

* * *

Описанные амфоры позднеримского времени в отобранных археологических контекстах составляют 10,86 % (1639 целых форм и фрагментов) от общего количества тарной керамики (15087 целых форм и фрагментов). Из них мирмекийские амфоры (типа 72–73 по И. Б. Зеест) составляют 5,04 %, сосуды со сложно профилированными ручками (типа 75 по И. Б. Зеест) — 0,02 %, с черепком «пестрой окраски» (типа 77 по И. Б. Зеест) — 0,07 %, с высоко поднятыми ручками (типа MRA 7 Benghazi) — 0,09 %, с желобчатым венчиком (типа MRA 5 Benghazi) — 0,03 %, с воронковидным горлом (типа MRA 18 Benghazi) — 0,01 %, коричневоглиняные кувшины с большим содержанием слюды (типа MRA 3 Benghazi) — 0,01 %, фанагорийские и пантикапейские амфоры (типов 96–97 по И. Б. Зеест) — 0,02 %, узкогорлые светлоглиняные сосуды (типов D, F, E по Д. Б. Шелову) — 5,51 %³⁴.

Такое небольшое количество объясняется тем, что в период III – IV вв. Мангуп только начинает заселяться. Освоение территории происходит не повсеместно, а на участках в верховьях и низовьях Лагерной балки и Гамам-дере, а также на южном склоне. Отметим, что на городище нет твердо датированных комплексов III – IV вв., а захоронения IV в. присутствуют лишь на

³⁴ Фрагменты и целые формы амфор типа D составляют 0,88 %, D/F — 0,21 %, F — 3,19 %, E — 1,23 %.

могильнике в балке Алмалык-дере. Однако материал III – IV вв. часто встречается в археологических контекстах Мангупа более позднего времени.

В частности, сосуды, которые производились в течение II – III вв. (типов 75, 77 по И. Б. Зеест, MRA 5, 18 Benghazi, D по Д. Б. Шелову), встречаются либо в слоях которые постепенно формировались в течение III – VII вв., либо в единовременных засыпях V – VI вв., грунт для которых был собран с окружающих территорий, где накопился слой раннего времени. Их небольшой процент (0,34 %) подтверждает, что начало жизни на Мангупе приходится на III в.

Амфоры типа MRA 7 Benghazi (II – IV вв.) также были обнаружены в археологических контекстах городища V – VI вв. как примесь раннего материала.

Сосуды, которые производились либо продолжали выпускаться в IV и V вв.: амфоры типов 72–73, 96–97 по И. Б. Зеест, F-E по Д. Б. Шелову, кувшины типа MRA 3 Benghazi³⁵ составляют большой процент (9,49 %). Сосуды обнаружены не только в археологических контекстах в VI – IX вв., где они являются «примесью снизу», но и в комплексах IV – V вв., где выступают в качестве датирующего материала. Наибольшее количество фрагментов и целых форм на участках Мангупского плато и его округи составляют амфоры типов 72–73 по И. Б. Зеест (5,04 %) и узкогорлые светлоглиняные сосуды типа F по Д. Б. Шелову (3,19 %). Оба типа амфор получили широкое распространение в IV в. Их присутствие свидетельствует об активизации хозяйственной и торговой деятельности населения Мангупа в этот период.

Отметим, что большинство амфор поздне-римского времени, обнаруженные на территории плато, являются продукцией городов Боспора либо островов Эгейского моря (типы 72–73, 75, 77, 96–97 по И. Б. Зеест, MRA 5 Benghazi, MRA 7 Benghazi, MRA 18 Benghazi). Некоторые типы амфор производились в Малой Азии: Гераклея Понтийской (узкогорлые светлоглиняные сосуды типов D, F, E по Д. Б. Шелову), Сардах (сосуды типа MRA 5 Benghazi). Это говорит о возможных экономических контактах населения Мангупа с этими регионами. С городами Боспора торговля, вероятно, шла напрямую с начала жизни на плато, так как продукция этих центров представлена в наибольшем количестве. Основным содержимым амфор, по-видимому, было вино. Примерно такой же процент составляют сосуды, поступающие на Мангуп из бассейна Эгейского моря и Малой Азии. В данном случае торговые контакты осуществлялись, вероятно, не напрямую, а через посредников. В качестве посредников могли выступать боспорские города, с которыми товарообмен был уже налажен. Что перевозилось в этих сосудах — боспорские товары, либо продукция регионов, в которых производились амфоры, — сказать трудно. Жители боспорских городов вполне могли использовать более удобную импортную тару для поставки своих товаров в другие регионы, в том числе на Мангуп.

Учитывая территориальную близость, роль посредника в торговле мог осуществлять Херсонес. Возможно, он поставлял на Мангуп свои товары и был перевалочным пунктом, откуда хиосское, косское, гераклеиское вино поступало местному населению.

³⁵ Отметим, что кувшины, обнаруженные на могильнике в балке Алмалык-дере, являются поздними вариантами сосудов MRA 3 Benghazi и датируются IV в.

Литература

- Абрамов А. П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. Вып. 3. — М., 1993.
- Айбабин А. И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеимперского периода // СА. 1984. № 1.
- Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеимперского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. — Симферополь, 1990.
- Айбабин А. И. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // МАИЭТ. Вып. III. — Симферополь, 1994.
- Айбабин А. И. Население Крыма в середине III – IV вв. // МАИЭТ. Вып. V. — Симферополь, 1996.
- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь, 1999.
- Айбабин А. И. О дате вторжения германцев в Крым // Сто лет черняховской культуре. — Киев, 1999а.
- Алексеева Е. М. Виноделие Горгиипии // Боспорский сборник. Вып. 6. — М., 1995.
- Алексеева Е. М. Античный город Горгиипия. — М., 1997.
- Алексеева Е. М. Анапа. Динамика развития центральной части античного города (VI в. до н. э. – III в. н. э.) // Древности Боспора. Т. 6. — М., 2003.
- Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Вып. Д1–30. — М., 1966.
- Амброз А. К. Юго-Западный Крым. Могильники IV – VII вв. // МАИЭТ. Вып. IV. — Симферополь, 1994.
- Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Вып. 7. — Свердловск, 1971.
- Анфимов Н. Б. Позднесарматское поселение из Прикубанья // Археология и история Боспора. — Симферополь, 1952.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А. Усадьбы Танаиса. — М., 1992.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А. Комплекс находок из подвала МБ II – III вв. н. э. // Вестник Танаиса. Вып. 1. — Ростов-на-Дону, 1994.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А. Танаис IV – V вв. н. э. (по материалам раскопок 1989–1992 гг.) // Боспорский сборник. Вып. 6. — М., 1995.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А. Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // Древности Боспора. Т. 4. — М., 2001.
- Арсеньева Т. М., Ильяшенко С. М., Науменко С. А. Новые закрытые комплексы Танаиса II – III вв. н. э. // Древности Боспора. Т. 13. — М., 2009.
- Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964–1972) // Археологические памятники Нижнего Подонья. — М., 1974.
- Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII. — Київ, 1963.
- Белов Г. Д. Стеклоделательная мастерская в Херсонесе // КСИА. 1969. Вып. 116.
- Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л. Квартал XVIII. (Раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.) // МИА. 1953. Вып. 53.

- Бёттгер Б., Шелов Д. Б. Дипинти на амфорах из Танаиса // *Pontus Septentrionalis I. Танаис I.* — М., 1998.
- Блаватский В. Д. Харакс // *МИА.* 1951. Вып. 19.
- Бруяко И. В., Дзиговский А. Н., Секерская Н. М. Никоний римской эпохи // *Материалы по археологии Северного Причерноморья (Монографическая серия № 1).* Вып. 10. — Одесса, 2008.
- Бураков А. В. Козырское городище рубежа и первых столетий н. э. — Киев, 1976.
- Вдовиченко И. И., Колтухов С. Г. Могильник римского времени у с. Танковое // *Проблемы истории и археологии Крыма.* — Симферополь, 1994.
- Веймарн Є. В. Археологічні роботи в районі Інкерману // *Археологічні пам'ятки УРСР.* Т. XIII. — Київ, 1963.
- Ветштейн Р. И. Местная керамика Ольвии первых веков н. э. // *Ольвия.* — Киев, 1975.
- Власов В. П., Смокотина А. В., Храпунов И. Н. Культурный слой на могильнике Нейзац // *Исследования могильника Нейзац.* — Симферополь, 2011.
- Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. — II в. н. э. (морфология). — М., 2003.
- Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. — II в. н. э. Часть II: Петрография, хронология, проблемы торговли. — СПб., 2006.
- Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. — Киев, 1972.
- Гаврилов А. В. Укрепленные памятники античной эпохи в ближних окрестностях Феодосии // *Боспорские исследования.* Вып. II. — Симферополь, 2002.
- Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия и Тиритаки // *ВДИ.* 1940. № 3–4.
- Гайдукевич В. Ф. Боспорский город Илурат // *СА.* 1950. № XIII.
- Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // *МИА.* 1952. № 25.
- Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // *МИА.* 1952а. № 25.
- Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // *МИА.* 1958. № 85.
- Гайдукевич В. Ф. Илурат. Итоги археологических исследований 1948–53 гг. // *МИА.* 1958а. № 85.
- Гарбуз И. А. Керамический комплекс поселения римского времени Таракташ в Юго-Восточном Крыму // *Сугдейский сборник.* Вып. III. — Киев-Судак, 2008.
- Гей О. А. О времени появления черняховской культуры в Северном Причерноморье // *СА.* 1986. № 1.
- Гей О. А., Бажан И. А. Хронология «готских» походов (на территории Восточной Европы и Кавказа). — Москва, 1997.
- Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // *МАИЭТ.* Вып. I. — Симферополь, 1991.
- Герцен А. Г. К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // *АДСВ. Византия и средневековый Крым.* Вып. 27. — Симферополь, 1995.
- Герцен А. Г. Археологические исследования караимских памятников в Крыму // *МАИЭТ.* Вып. VI. — Симферополь, 1998.
- Герцен А. Г. Хазары в Доросе-Мангупе // *Хазарский альманах.* Т. 1. — Харьков, 2002.
- Герцен А. Г. У истоков иудейской общины Мангупа // *Боспорские чтения.* Вып. IV. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. — Керчь, 2003.

- Герцен А. Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. Вып. 34. — Екатеринбург, 2003а.
- Герцен А. Г., Манаев А. Ю. Демир-Капу (Укрепление А-ХІХ) в системе оборонительных сооружений Мангупа // МАИЭТ. Вып. ХІ. — Симферополь, 2005.
- Герцен А. Г., Землякова А. Ю., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (к вопросу периодизации Мангупской цитадели) // МАИЭТ. Вып. ХІІ. Ч. 2. — Симферополь, 2006.
- Герцен А. Г., Иванова О. С., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (ХVI – ХVIII вв.) // МАИЭТ. Вып. ХІІІ. — Симферополь, 2007.
- Герцен А. Г. Иванова О. С., Науменко В. Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало X вв.) // МАИЭТ. Вып. ХVI. — Симферополь, 2010
- Герцен А. Г., Науменко В. Е., Негуляев Е. А., Черныш С. А. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 1994 году // Крымский филиал НА ИА НАН Украины, инв. 366. — Симферополь, 1995.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е., Карлов С. В., Черныш С. А. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 1995 году // Крымский филиал НА ИА НАН Украины, инв. 306. — Симферополь, 1996.
- Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 1996 году // Крымский филиал НА ИА НАН Украины, инв. 490. — Симферополь, 1997.
- Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 1997 году // Крымский филиал НА ИА НАН Украины, инв. 491. — Симферополь, 1998а.
- Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 1998 году // Крымский филиал НА ИА НАН Украины, инв. 599 — Симферополь, 1999.
- Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 1999 году // Крымский филиал НА ИА НАН Украины, инв. 560. — Симферополь, 2000.
- Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2000 году // Крымский филиал НА ИА НАН Украины, инв. 495. — Симферополь, 2001.
- Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2001 году // НА ИА НАН Украины, инв. 2001/112. — Симферополь, 2002а.
- Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2002 году // НА ИА НАН Украины, инв. 2002/151. — Симферополь, 2003б.
- Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2003 году // НА ИА НАН Украины, инв. 2003/161. — Симферополь, 2004.
- Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2004 году // НА ИА НАН Украины, инв. 2004/57. — Симферополь, 2005.
- Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2005 году // НА ИА НАН Украины, инв. 2005/54. — Симферополь, 2006.
- Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2006 году // НА ИА НАН Украины, инв. 2006/164. — Симферополь, 2007.
- Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2007 году // НА ИА НАН Украины, инв. 2007/54. — Симферополь, 2008.
- Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2008 году // НА ИА НАН Украины, инв. 2008/187. — Симферополь, 2009.

- Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2010 году // НА ИА НАН Украины, инв. 2010/53. — Симферополь, 2011.
- Голофаст Л. А. К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе // МАИЭТ. Вып. VI. — Симферополь, 1997
- Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. Вып. VIII. — Симферополь, 2001.
- Голофаст Л. А. Штампы V – VII вв. на посуде группы «фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. Вып. IX. — Симферополь, 2002.
- Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала X-Б в Северном районе Херсонеса // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. IX. — М.–Магнитогорск, 2000.
- Голофаст Л. А. Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // МАИЭТ. Вып. XIII. — Симферополь, 2007.
- Голофаст Л. А. Амфорная тара из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи // МАИЭТ. Вып. XVI. — Симферополь, 2010.
- Гросу В. И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. — Кишинев, 1990.
- Деопик Д. В. Керамический комплекс и культурный слой // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. — М., 1981.
- Деопик Д. Б., Карапетьянц А. М. Некоторые принципы описания применительно к возможностям сравнительного анализа // Статистико-комбинаторские методы в археологии. — М., 1970.
- Деопик Д. В., Круг О. Ю. Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками // СА. 1972. № 3.
- Дзиговский А. Н., Субботин Л. В. О верхней дате сарматских памятников понизовья Дуная // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1986.
- Дідик В. В. Танаїські амфори лісостепового межиріччя Дніпра та Сіверського Дінця: проблеми довозу та датування // Древности. Вып. 10. — Харьков, 2011.
- Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А. Новые комплексы римского времени из Пантикапея // Боспорские исследования. Вып. VIII. — Симферополь-Керчь, 2005.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., Неневоля И. И., Фирсов К. Б., Радочин В. Ю. Позднескифский могильник Балта-Чокрак у с. Скалистого Бахчисарайского района АРК // Херсонесский сборник. Вып. XIV. — Севастополь, 2005.
- Зеест И. Б. Киммерикская мукомольная мастерская // КСИИМК. 1951. № XXXVII.
- Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
- Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В. О принципах изучения античных водосборных цистерн. — Севастополь, 1997.
- Зубарев В. Г. Некоторые вопросы позднеантичной истории Европейского Боспора по результатам раскопок городища у с. «Белинское» // Древности Боспора. Т. 5. — М., 2002.
- Зубарь В. М., Сон Н. А. Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. Основные тенденции социально-экономического развития. — Симферополь, 2007
- Иванова О. С. Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-дере (Мангуп) // МАИЭТ. Вып. XV. — Симферополь, 2009.

- Иванова О. С. Узкогорлые светлоглиняные амфоры из раскопок Мангупа // МАИЭТ. Вып. XVII. — Симферополь, 2011.
- Каменецкий И. С. Светлоглиняные амфоры из Нижнее-Гниловского городища // КСИА. 1963. Вып. 94.
- Карасев А. Н. Раскопки Неаполя Скифского // КСИИМК. 1951. № XXXVII.
- Кленина Е. Ю. Керамические сосуды II – III вв. н. э. из усадьбы «Близнецы» (Хора Херсонеса Таврического). — Poznań, 2004.
- Книпович Т. Н. Танаис. — М.–Л., 1949.
- Ковалевская Л. А. Керамический комплекс конца II – первой половины III вв. н. э. из раскопок виллы 341 // Херсонесский сборник. Вып. IX. — Севастополь, 1998.
- Коровина А. К. Гермонасса: античный город на Таманском полуострове. — М., 2002.
- Коровина А. К., Шелов Д. Б. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1956–1957) // МИА. 1965. № 127.
- Кравченко Н. М., Корпусова В. М. Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри // Археологія. 1975. № 18.
- Крапивина В. В. Ольвия. Материальная культура I – IV вв. н. э. — Киев, 1993.
- Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э. — М., 1967.
- Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе // САИ. Вып. Д.1–27. — М., 1970.
- Кропоткин А. В., Кропоткин В. В. Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе // Могильники черняховской культуры. — М., 1988.
- Кропотов В. В. Світлоглиняні вузькогорлі амфори «інкерманського» типу // Археологія. 1998. № 4.
- Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время (очерки экономической истории). — М., 1966.
- Кузманов Г. Типология и хронология на ранновизантийские амфоры (IV – VI в.) // Археологія. Книга 1. — София, 1973.
- Кузманов Г. Ранновизантийска керамика от Тракия и Дакия (IV – началото на VII век) // Разкопки и проучвания. Книга XIII. — София, 1985.
- Кутайсов В. А. Городище первых веков н. э. на горе Тас-Тепе в Крыму // Население и культура Крыма в первые века н. э. — Киев, 1983.
- Лейпунская Н. А. Керамика из затопленной части Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья. — Киев, 1984.
- Лобода И. И. Раскопки могильника Озерное III 1963–1965 гг. // СА. 1977. № 4.
- Лордкипанидзе О. Д. Западное Закавказье. Колхида // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археологія СССР. — М., 1985.
- Магомедов Б. В. Напівземлянки черняхівських поселень Причерномор'я // Археологія. Вып. 44. — Киев, 1983.
- Магомедов Б. В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1987.
- Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема этноса. — Lublin, 2001.
- Магомедов Б. В. Римские амфоры в черняховской культуре // Готы и Рим. — Киев, 2006.
- Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. — Ростов-на-Дону, 2000.

- Махно Є. В. Розкопки на поселеннях першої половини першого тисячоліття н. е. в верхній течії Сули // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. V. — Київ, 1955.
- Мелентьева Г. М. Ольвийский керамический комплекс первых веков н. э. // КСИА. 1969. Вып. 116.
- Молев Е. А., Сазанов А. В. Позднеантичные материалы из раскопок Китея // Вопросы археологии и истории Боспора. — Воронеж-Белгород, 1990.
- Мыц В. Л. Могильник III – V вв. н. э. на склоне Чатырдага // Материалы к этнической истории Крыма. — Киев, 1987.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В. Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму. — СПб., 2006.
- Наливкина М. А. Раскопки юго-восточного участка Танаиса (1960–1961) // МИА. 1965. № 127.
- Науменко С. А. Амфоры из закрытых комплексов Танаиса римского времен // Novensia. 2008. Vol. 18–19.
- Никитина Г. Ф. Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у села Оселивка. — М., 1995.
- Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. Новые памятники III – IV вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. Вып. VIII. — Симферополь, 2001.
- Обломский А. М. О времени появления черняховского населения на территории Днепроовского Левобережья // Сто лет черняховской культуре. — Киев, 1999.
- Обломский А. М. Днепроовское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н. э.). — М., 2003.
- Романчук А. И., Сазанов А. В. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Часть I. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. — Свердловск, 1991.
- Романчук А. И. Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. — Екатеринбург, 1995.
- Рыжов С. Г. Керамический комплекс III – IV вв. н. э. из северо-восточного района Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. — Киев, 1986.
- Сазанов А. В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4.
- Сазанов А. В. Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И. Б. Зеест: типология и хронология // Петербургский археологический вестник. № 2. — СПб., 1992.
- Сазанов А. В. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. Вып. III. — Симферополь, 1993.
- Сазанов А. В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV – V вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VII. — М. – Магнитогорск, 1999.
- Сазанов А. В. О хронологии амфор IV – V вв. из Северного Причерноморья // Археологія. 2002. № 4.
- Сазанов А. В., Иващенко Ю. Ф. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1989. № 1.
- Самойлова Т. Л. Основные типы амфор I – IV вв. н. э. из Тиры // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1978.
- Смокотина А. В. Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. Вып. XIV. — Симферополь, 2008.

- Созник В. В. Круглая башня на усадьбе «Близнецы» на хоре Херсонеса Таврического (керамические комплексы) // Боспорские исследования. Вып. VIII. — Симферополь-Керчь, 2005.
- Сокольский Н. И. Крепость у хутора Батарейка I // СА. 1963. № 1.
- Стржелецкий С. Ф. Раскопки в Инкермане в 1940 г. // СА. 1947. № 9.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10») // Stratum plus. 2003–2004. № 4.
- Сымонович Э. А. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья // СА. 1955. Т. XXIV.
- Сымонович Э. А. Коблевский и Ранжевский могильник около г. Одессы // Могильники черняховской культуры. — М., 1979.
- Сымонович Э. А., Яровой А. З. Поселение Викторовка-II в устье Сосицко-Березанского лимана (по материалам раскопок М. Ф. Болтенко) // СА. 1968. № 2.
- Терпиловский Р. В. Ранние славяне Подесенья III – V вв. — Киев, 1984.
- Терпиловский Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. — Lublin, 2004.
- Терпиловский Р. В., Абашина Н. С. Памятники киевской культуры — Киев, 1992.
- Уженцев В. Б., Юрочкин В. Ю. Амфоры с воронковидным горлом из Причерноморья // Херсонесский сборник. Вып. IX. — Севастополь, 1998.
- Ушаков С. В., Дорошко В. В., Кропотов С. И., Макаев И. И., Струкова Е. В. Керамический комплекс засыпи цистерны V – VI вв. в ХСVII квартале Херсонеса (предварительная информация) // Херсонесский сборник. Вып. XV. — Севастополь, 2006.
- Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III – IV вв. нашей эры). — Lublin, 2002.
- Храпунов И. Н. Погребение воина IV в. н. э. из могильника Нейзац // Готы и Рим. — Киев, 2006.
- Храпунов И. Н. Склеп IV в. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI. — М. – Магнитогорск–Новосибирск, 2008.
- Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследования могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. — Симферополь, 2011.
- Храпунов И. Н., Власов В. П., Смокотина А. В., Шапцев М. С. Поселение в Барабановской балке (по результатам раскопок 2007 и 2008 гг.). — Симферополь, 2009.
- Храпунов И. Н., Смекалова Т. Н., Власов В. П. Археологические разведки в предгорном Крыму между долинами рек Биук-Карасу и Бельбек. — Симферополь, 2010.
- Шелов Д. Б. Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1955–1957) // МИА. 1965. № 127.
- Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в I – III вв. н. э. — М., 1972.
- Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н. э. Классификация и хронология // КСИА. 1978. № 156.
- Щукин М. Б. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор // СА. 1968. № 2.
- Щульце Е., Магомедов Б. В., Буйських С. Б. Сіроглиняний посуд римського часу з поселень Ольвійської хори // Ostrogothica. Археологія Центральної і Східної Європи пізнеримського часу і епохи Великого переселення народів. — Харків, 2009.

- Юрочкин В. Ю., Зубарев В. Г. Комплекс с монетами IV века из раскопок городища Белинское // Древности Боспора. Т. 4. — М., 2001.
- Юрочкин В. Ю., Труфанов А. А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // Херсонесский сборник. Вып. XII. — Севастополь, 2003.
- Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. — Л., 1979.
- Abadie-Reynal C. Les Amphores Romaines en Mer Noire (Ier – Ives s.) // Production et Commerce des Amphores Anciennes en Mer Noire. — Cedex, 1999.
- Arsen'eva T. M., Böttger B. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1996 // Eurasia Antiqua. 1997. Band 3.
- Arsen'eva T., Kassab Tezgör D., Naumenko S. Un Depotoir D'Atelier D'Amphores a pate Claire. Commerce entre Heraclee du Pont et Tanaïs a l'epoque romaine // Anatolia Antiqua. Vol. V. — Paris, 1997.
- Arsen'eva T. M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. 2002. Band 8.
- Arzhantseva I. A., Deopik D. V., Malashev V. Y. Zilgi: an early Alan proto-city of the first millennium A. D. on the boundary between steppe and hill country // Les sites archeologiques en Crimee et au Caucase durant l'Antiquite tardive et le haut Moyen-Age. Colloquia Pontica. Vol. 5. — Leiden-Boston-Köln, 2000.
- Barnea A., Barnea I., Cataniciu I. B., Margineanu-Carstoiu M., Papuc G. Tropeum Traiani I // Biblioteca de archeologie. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România. 1979. T. 35. Vol. 1, 2.
- Bjelajac L. Amfore gornjo mezijskog Podunavlja. — Beograd, 1996.
- Böttger B. Die Gefäßkeramik aus dem Kastel Jatrus // Jatrus-Krivina. Bd. 2. — Berlin, 1982.
- Böttger B. Die Keiserzeitlichen und Spätantiken Amphoren aus dem Kerameikos // Sonderdruck aus den Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts Athenische Abteilung. Band. 107. — Berlin, 1992.
- Chrapunov I. N. Necropoli di Druznoe, distretto di Simferopoli // Dal mille al mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. — Milano, 1995.
- Dyczek P. Amfory rzymskie z obszaru dolnego Dunaju. — Warszawa, 1999.
- Dyczek P. Roman Amphorae of the 1st – 3rd centuries AD found on the Lower Danube. Typology. — Warszawa, 2001.
- Grace V. Amphoras and the Ancient Wine Trade. — Princeton, 1961.
- Hayes J. W. The villa Dionysos excavations, Knossos: The pottery // The Annual of the British School at Athens. 1983. Vol. 78.
- Keay S. J. Late Roman Amphorae in the Western Mediterranean. A typology and economic study: the Catalan evidence. BAR International Series 196. Part i, ii. — Oxford, 1984.
- Khrapunov I. N. The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea // Turbuleni Epoch. New materials from the Late Roman Period and Migration Period I. — Lublin, 2008.
- Khrapounov J., Mould S. La necropole de Droujnoe // Archeologie de la Mer Noire. La Crimee a l'epoque des Grandes Invasions. IVE – VIIIe siecles. — Caen, 1997.
- Liou B., Sciallano M. Le trafic du port de Fos dans l'antiquite essai d'evaluation a partir des amphores // Societe Française d'Etude de la Ceramique Antiqua en Gaule. Actes du Congres de Lezoux 4–7 Mai 1989. — 1989.

- Munsell Soil Color Charts. — New-York, 2000.
- Opaiț A. Considerații preliminare asupra amforelor romane și romano-byzantine din Dobrugea // Peuce. 1980. Vol. 8.
- Opaiț A. Ceramica / Opaiț A., Zahariade M., Poenaru-Bordea Ch., Opaiț C. Fortificația și așezarea romană târzie de la Babadag-Toprachioi // Peuce. 1991. Vol.10.
- Opaiț A. Ceramica din așezarea și cetatea de la Independența (Muighiol), sec. V î. e. n. – VII e. n. // Peuce. 1991a. Vol. 10.
- Opaiț A. Aspecte ale Vieții Economice din Provincia Scythia (secole IV – VI p. Ch.). Producția ceramicii locale și de import // Biblioteca Tracologica. XVI. — București, 1996.
- Opaiț A. Local and Imported Ceramics in the Roman Provinces of Scythia (4th – 6th centuries AD). Aspects of economic life in the Province of Scythia. BAR International Series 1274. — Oxford, 2004.
- Opaiț A. The Eastern Mediterranean Amphorae in the Province of Scythia // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Acts of International Colloquium at the Danish Institute at Athens, September 26–29, 2002. — Oxford, 2004a.
- Opaiț A. From Dr 24 to LR 2? // LRSW 2. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archeology and Archaeometry. Vol. 2. BAR International Series 1662. — Oxford, 2007.
- Peacock D. P. S., Williams D. F. Amphorae and Roman economy. — London – New-York, 1986.
- Preda C. Callatis. Necropola romano-bizantină. — București, 1980.
- Riley J. A. The Coarse Pottery from // Excavations at Sidi Khrebish Benghazi (Berenice). Vol. II. — Tripoli, 1979.
- Robinson H. S. Pottery of the Roman period // The Athenian Agora. 1959. Vol. V.
- Sackett L. H. Roman Pottery // Knossos. From Greek City to Roman Colony. Excavations at the Unexplored Mansion II. — Oxford, 1992.
- Sârbu V., Bărcă V. Daci și Romani în sudul Buceagului (sec. I – III d. Chr.) // Daci și Romani la începutul secolului al II-lea d. Hr. la Nordul Dunării. — Timișoara, 2000.
- Sazanov A. Les amphores de l'antiquité tardive et du Moyen Age: continuité ou rupture ? le cas de la mer Noire // La ceramique medievale en Mediterranee actes du VIe Congres de L'AIECM 2 Aix-en-Provence 13–18 novembre 1995. — Aix-en-Provence, 1997.
- Scorpan C. Origini și linii evolutive in ceramica romano-byzantina (sec. IV – VII) din Spațiul Mediteranean și Pontic // Pontica. 1976. Vol. IX.
- Scorpan C. Contribution à la Connaissance de certains types céramiques Romano-Byzantins (IVe – VIIe siècles) dans l'espace Istro-Pontique // Dacia. T. 21. — Bucurest, 1977.
- Sucaveanu A. Les thermes romains // Histria. Vol. VI. — Bucurest, 1982
- Topoleanu F. Ceramica romană și romano-bizantină de la Halmyris (sec. I – VII d. Ch.). — Tulcea, 2000.
- Williams D. F. The Petrology of Certain Byzantine Amphorae: Some Suggestions as to Origins // Actes de Colloque sur la ceramique antique. Carthage 23–24 June 1980 Dossier 1 Cedac. — Tunis, 1982
- Šelov D. B. Les Amphores d'Argile Claire des Premiers Siecles de Notre Ere en Mer Noire // Bulletin de Correspondance Hellenique. Supplement XIII. Recherches sur les amphores Grecques. — Athenes, 1986.

Ol'ga IVANOVA

The Amphorae from the Late Roman Period Excavated in Mangup

Abstract

Many years of excavations in Mangup discovered that the settlement in this area started in the third century AD. It is confirmed by the amphorae found in archaeological contexts of Mangup site of ancient town and in its vicinity. I have selected 38 archaeological contexts from ca. 300–500, 400–600, 500–700, 500–900, and 1400–1475 AD with the most representative amphorae from the Late Roman period: Myrmekeion type (Iraida Zeyest's type 72, from ca. 300–500 AD); amphorae with beak-like rim and Myrmekion-like handles (Zeyest 73, from ca. 300–500 AD); red-clay amphorae with complex profile handles (Zeyest 75, from ca. 100–300 AD); amphorae with "speckled" fabric (Zeyest 77, from ca. 100–300 AD); red-clay narrow-neck amphorae with high handles (MRA 7 Benghazi, from the late second century to ca. 500 AD); red-clay amphorae with grooved rims (MRA 5 Benghazi, from ca. 100–300 AD); amphorae with conical neck (MRA 18 Benghazi, from the late first century to ca. 300 AD); micaceous brown-clay jugs (MRA 3 Benghazi, from the late first century to ca. 400 AD); red-clay amphorae from Pantikapaion and Phanagoreia (Zeyest 96–97, from ca. 250–575 AD); narrow-neck light-clay amphorae of Dmitriy Shelov's types D (200–300 AD), F (300–400 AD), E (late fourth century — ca. 450 AD).

The listed amphorae from the Late Roman period compose 10.86% in the archaeological contexts selected. An explanation of such a small number could be that the population of Mangup was small in ca. 200–400 AD. The settlement has no complex with a reliable dating to this period, though the fourth century graves are recorded in the cemetery in Almalyk-Dere ravine only. However, the materials from ca. 200–400 AD often appeared in archaeological contexts of Mangup from a later period.

Vessels from the Late Roman period discovered in the territory of Mangup were produced in the cities of the Bosporan kingdom, Aegean islands, and Asia Minor. It is argument for possible economic contacts of the Mangup population with these regions. There probably was direct trade with the Bosporan cities since the top of Mangup plateau was populated, because the products of these centres are most numerous. Almost the same percentage is of the vessels that came to Mangup from the Aegean and Asia Minor. It was probably a case of indirect contacts, so Bosporan cities and Chersonesos with their established trade exchange with Mangup could be the mediators. We can hardly be sure what was transported in those vessels — local commodities or the products from the regions where these amphorae were manufactured. The residents of Bosporos and Chersonesos could use more convenient imported transport amphorae to deliver their own commodities to other regions including Mangup.

С. Б. Шабанов

Стеклянные сосуды из раскопок Инкерманского и Чернореченского могильников (из коллекции Бахчисарайского заповедника)

Инкерманский могильник был открыт в 1940 г. во время проведения земляных работ на правом берегу р. Черной в окрестностях г. Инкерман. Могильник занимал площадь около 75 тыс. м². Тогда же сотрудники Государственного Херсонесского музея и Бахчисарайского историко-археологического музея исследовали два погребальных сооружения (склеп и ямная могила). В 1941 г. земляные работы на территории могильника продолжались и были зафиксированы разрушенные два склепа и шесть подбойных могил, но материал из них не описан должным образом, а данные о самих проведенных охранных изысканиях отрывисты и неполны. В 1948 г. открыты и изучены еще 50 могил (Веймарн 1963, с. 15–16).

Чернореченский могильник открыт и исследован в 1950 г. экспедицией Бахчисарайского историко-археологического музея во главе с В. П. Бабенчиковым. Могильник, по его расчетам, занимает площадь около 4,5 тыс. м². В 1950 г. было изучено 87 погребальных сооружений (Бабенчиков 1963, с. 90).

Публикации результатов раскопок этих двух, без сомнения, интереснейших памятников не дают даже общего представления о найденных здесь стеклянных сосудах¹. Согласно публикациям, всего в обоих памятниках было найдено 39 стеклянных сосудов, целых и фрагментированных. Их рисунки выполнены некачественно, а описания неполны. Отсутствует какой-либо анализ стеклянных сосудов. Однако во многих публикациях,

¹ Результаты раскопок Инкерманского и Чернореченского могильника отражены в работах Е. В. Веймарна (Веймарн 1955; Веймарн 1957; Веймарн 1963), В. П. Бабенчикова (Бабенчиков 1963), С. Ф. Стржелецкого (Стржелецкий 1947).

посвященных населению позднеримского времени крымских предгорий, присутствуют ссылки на опубликованные сосуды из этих могильников.

Ситуация осложняется тем, что согласно инвентарным книгам Бахчисарайского историко-культурного заповедника (далее — БИКЗ), куда поступали вещи из раскопок Инкерманского и Чернореченского могильников, стеклянные сосуды не оформлялись должным образом и часть из них превратилась в депаспортизированные. На сосудах оставались бирки с полевыми номерами, которые не совпадали с коллекционными. Номера сосудов сопровождалась приписками «И-48» и «И-50», что связывало их с раскопками Инкерманского и Чернореченского могильников соответственно.

Из найденных нами в фондах 27 стеклянных сосудов удалось соотнести с определенными могилами только 18. Остальные сосуды, по нашему мнению, можно связывать с раскопками этих двух могильников, но точно определить место их находки невозможно.

1. *Стакан (рис. 1, 1) (КП-6612/180) (h — 7,5 см; d дна — 3 см; d венч. — 5,9 см) из тонкого прозрачного с оливковым оттенком стекла, с овоидной формой тулова, на утолщенном выделенном дне. Найден в подбойной могиле № 9 (35) Чернореченского могильника. Вместе с ним также найдены²: одна прогнутая двучленная подвязная фибула группы 16 подгруппы 2 серии I варианта 1 по классификации А. К. Амброза, находки которых в Крыму он датирует второй половиной III в. н. э. (Амброс 1966, с. 62); двучленная лучковая подвязная фибула с расширенной ножкой группы 15 серии III по А. К. Амброзу, дата которой II – III вв. (Амброс 1966, с. 53), но последние исследования позволили уточнить, что такие застежки получили распространение не ранее середины III в. н. э. (Храпунов 2002, с. 54); крупная лучковая одночлен-*

ная фибула с нижней тетивой, проволочной спинкой и длинной пружиной группы 15 серии II по А. К. Амброзу, которые он датирует II – III вв. н. э. (Амброс 1966, с. 52), но наибольшее распространение они получили во второй четверти – середине III в. н. э. (Храпунов 2002, с. 52–54; 2011, с. 27); две серебряные монеты императоров Гордиана III (238–244 гг.) и Каракаллы (211–217 гг.). Подбойную могилу № 9 (35), по-видимому, стоит датировать серединой – второй половиной III в. н. э.

Донца подобных сосудов из светло-зеленого стекла найдены в засыпи второй половины IV в. н. э. мусорной ямы, заполненной отходами стеклоделательного производства мастерской в Джаламе (Weinberg 1988, р. 18–19, 59, fig. 4–22, 158). Находки фрагментов таких стаканов (донца) в Иордании (Джераш, Jé rash) датируются V – VI вв. н. э. При этом О. Дюссарт замечает, что производить их начали в первые века нашей эры и различные варианты подобных сосудов доживают до средневековья (Dussart 1998, р. 98, pl. 21, 41.). Один целый стакан найден в Херсонесе в 1891 году в детской могиле у южной городской стены (ОАК 1893, с. 144, № 172).

Донца стаканов с утолщенным выделенным дном найдены в засыпи III – IV вв. цистерны в северо-восточном районе Херсонеса (Рыжов 1986, рис. 9), и в слоях конца IV – начала VII вв. на городище (Голофаст 2001, с. 151–152, рис. 1,3, 7,22, 16,2–3, 21,9, 52,6а).

Всего в предгорном Крыму известно 11 подобных целых сосудов. Три стакана происходят из могильника «Совхоз № 10», где они найдены в комплексах второй половины III – IV вв. н. э. (м. 47 и 145) (Стржепецкий, Высотская, Жесткова и др. 2003–2004, табл. 19,51, 7,20, 7,17). Два стакана с утолщенным дном найдены в могильнике Дружное в склепах № 9 и № 21, совершать погребения в которых начали во второй половине III в. н. э. и продолжили в IV в. н. э. (Храпунов 2002,

² В описаниях комплексов дается перечень найденных в них предметов и, где это возможно, предложена их датировка (по публикациям материалов 1963 г.).

рис. 99:10, 79, 12). Во время проведения охранных раскопок на могильнике Красная Заря был найден стеклянный стакан с утолщенным дном в комплексе середины – второй половины III в. н. э. (м. 36) (Пуздровский, Зайцев, Неневоля 2001, с. 32, рис. 2, 20). Еще один стакан, датирующийся концом III – началом IV в. н. э., происходит из некрополя Курское (Труфанов, Колтухов 2001–2002, с. 286, рис. 12, 1). Четыре стакана найдены в комплексах IV в. н. э. могильника Нейзац (Шабанов 2011, с. 421–422, рис. 1, 4; 2011а, с. 145–146, рис. 4, 25–28).

2. Стакан (рис. 1, 2) (КП-6112/374) (h — 7,5 см; d дна — 5 см; d венч. — 3,5 см) из тонкого прозрачного с желтоватым оттенком стекла, с биконическим туловом. Край сосуда обрезан, загнут и образует оплавленный и отогнутый венчик. Дно стакана слегка вогнуто и находится на полумесяцеобразном поддоне. На дне имеется след от прикрепления понтии в виде круглого скола. Под венчиком на тулово сосуда наплавлены две горизонтальные полоски из того же стекла, что и сам сосуд. Найден стакан в подбойной могиле № 36 (86) Чернореченского могильника. За головой погребенного вместе со стаканом были поставлены стеклянное блюдо, красноглиняный кувшин и чашка. На груди погребенного найдены фрагменты бронзовой т. н. «инкерманской» крупной лучковой одночленной фибулы с нижней тетивой группы 15 серии II варианта 2 по классификации А. К. Амброза (Амброс 1966, с. 52), которые обычно датируются второй половиной II – III вв. н. э. (Амброс 1966, с. 52), но после середины III в. н. э. находки таких фибул немногочисленны (Кропотов 2010, с. 136); бронзовая круглая фибула-брошь в форме колеса, покрытая синей, желтой и белой эмалью, датирующаяся второй половиной II – III вв. н. э. (Кропотов 2010, с. 313); три бронзовые одночленные «смычковые» фибулы, относящиеся к группе 14 по классификации А. К. Амброза и датирующиеся II – III вв. н. э. (Амброс 1966, с. 47).

Н. З. Кунина датирует такие стаканы II – III вв. н. э. и указывает на их восточно-средиземноморское (возможно, о. Кипр) происхождение (Кунина 1997, кат. 320).

3. Кувшин (рис. 1, 4) (КП-6112/1137) (h — 17,5 см; d дна — 8 см; d венчика — 6 см) из тонкого прозрачного с зеленым оттенком стекла, со сферическим туловом, цилиндрическим горлом, заканчивающимся воронковидным венчиком. Ручка плоская в сечении, одним концом крепится к тулову, другим — к венчику кувшина. Дно слегка вогнуто и находится на кольцевом поддоне. Край венчика, горло и поддон орнаментирован зигзагообразной стеклянной нитью из того же стекла, что и сам сосуд. Найден в склепе № 2 (7) Чернореченского могильника, в котором совершенно, по-видимому, пять погребений (включая остатки сожженных человеческих костей в амфоре). Вместе со стеклянным кувшином найдены: амфора, датирующаяся В. П. Бабенчиковым III в. н. э. (Бабенчиков 1963, с. 116); краснолаковое блюдо на невысоком кольцевом поддоне с сужающимися книзу стенками и вертикальным краем, близкие аналогии которому датируются в широких рамках середины IV – первой четверти VII вв. (Иванова 2009, с. 34), что позволяет сделать предположение об использовании погребального сооружения в III – IV вв. н. э.

Аналогичный кувшин хранится в музее и галерее искусств города Бристоль (коллекция Джеймса Бомфорда). В каталоге отмечается восточно-средиземноморское происхождение кувшина, датируется он IV в. н. э. (The Bomford Collection 1982, cat. 134). Близкий по форме и декору кувшин был найден на Боспоре (хранится в Эрмитаже; из коллекции А. А. Бобринского). Н. З. Кунина датирует его III – IV вв. н. э. и относит к продукции сирийских мастеров (Кунина 1997, кат. 396). Два похожих кувшина происходят из некрополя античного Одессоса (современный г. Варна, Болгария) и датируются рубежом III – IV вв. н. э. (Минчев 1989, с. 23–24, обр. 3.11, 12).

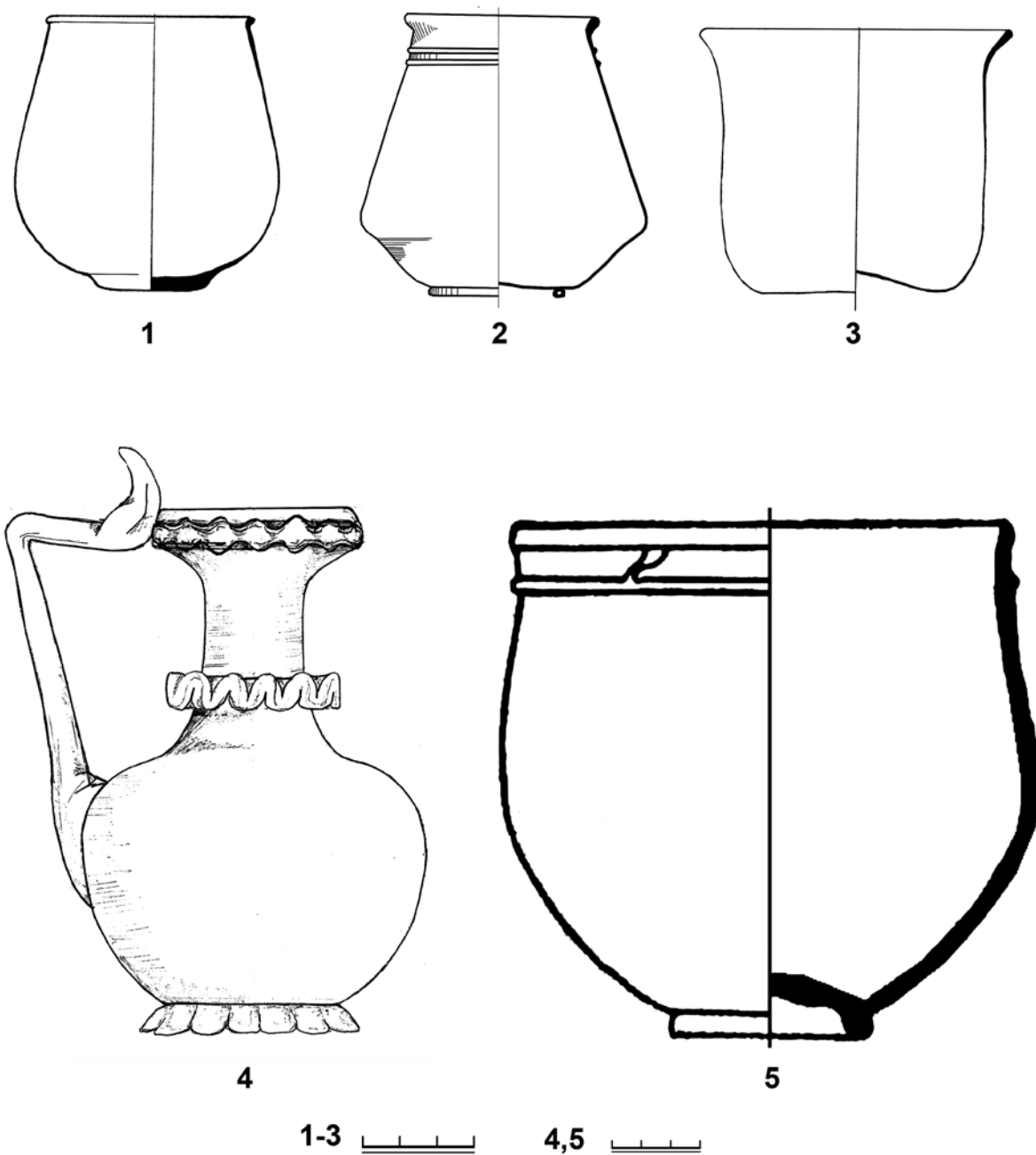

Рис. 1. Стекланные сосуды.

1 — Черная речка, мог. 9 (35); 2 — Черная речка, мог. 36 (86); 3 — место находки неизвестно;
4 — Черная речка, мог. 2 (7); 5 — Инкерман (склеп 2)

Fig. 1. Glass vessels.

1 — Chyornaya River, grave 9 (35); 2 — Chyornaya River, grave 36 (86); 3 — unknown findspot;
4 — Chyornaya River, grave 2 (7); 5 — Inkerman (vault 2)

4. Бальзамарий (рис. 2, 1) (КП-6112/40) (h — 15 см; d дна — 5,5 см; d венчика — 3 см) из тонкого бесцветного прозрачного стекла с вытянутым туловом усечено-конической формы и высоким цилиндрическим горлом. Край сосуда загнут, образованный венчик оплавлен и с наружной стороны образует валик. Дно бальзамария вогнуто. Согласно инвентарным книгам БИКЗ, происходит из погребения № 6 (18) Чернореченского могильника, однако в публикации раскопок некрополя дано описание другого бальзамария.

Бликий по форме бальзамарий найден в Ольвии (тип II группа 1 вариант Б по классификации Ю. И. Козуб) и датируется II – началом III вв. н. э. (Козуб 1986, с. 46–47). Из Бригецио (Brigetio, Венгрия) происходит похожий бальзамарий (только с более коротким горлом) и датируется II в. н. э. (Вагкоци 1988, kat. 243).

5. Бальзамарий (рис. 2, 2) (КП-6112/602) (h — 13,2 см; d дна — 3 см; d венчика — 2 см) из тонкого бесцветного прозрачного стекла с туловом усечено-конической формы и высоким цилиндрическим горлом. Край сосуда загнут, образованный венчик отогнут и оплавлен. Дно бальзамария вогнуто. Найден в подбойной могиле № 32 (71) Чернореченского могильника. Вместе с ним найдены: височное кольцо со скрученными концами; бронзовая серьга с крючком и надетой на него петлей; бронзовый и серебряный перстень с сердоликовой геммой, серебряное кольцо; две бронзовые антропоморфные подвески, одна из которых сделана из пластины³; биконическое пряслице; янтарные бусы; две лучковые фибулы; фибула-брошь с шарниром из двух стоек

с плоским шестигранным щитком, покрытым разноцветной эмалью, с прямоугольной прорезью в центре группы 16 формы 50 по классификации В. В. Кропотова, датирующаяся второй половиной II – началом III вв. н. э. (Кропотов 2010, с. 311)⁴.

6. Бальзамарий (рис. 2, 3) (КП-6112/27) (h — 12 см; d дна — 4 см; d венчика — 2,3 см) из тонкого бесцветного прозрачного стекла с туловом усечено-конической формы и высоким цилиндрическим горлом. Край сосуда загнут, образованный венчик отогнут и оплавлен. Дно бальзамария вогнуто. Найден в подбойной могиле № 4 Чернореченского могильника. Вместе с ним найдены: краснолаковый кувшин; фрагмент бронзовой фибулы с широкой спинкой и сужающейся ножкой; кольцо со вставленным синим стеклом; стеклянные бусы; железный нож.

В Западном и Восточном Причерноморье подобные бальзамарии известны в I – II вв. н. э. (Рога 2006, abb. 2, 1; Аспургяне 2008, рис. 110, 50). По классификации стеклянных бальзамариев, разработанной Н. З. Куниной и Н. П. Сорокиной, соответствует типу I 2 Г. На Боспоре бальзамарии этого типа появляются в середине I в. н. э., а получают широкое распространение в последней четверти I в. н. э. и в начале II в. н. э. (Кунина, Сорокина 1973, с. 161). Первыми веками нашей эры датируются бальзамарии с конусовидным корпусом из некрополя Херсонеса Таврического (Зубарь 1982, рис. 56, 11) и Горгиппии (Алексеева, Сорокина 2007, табл. № 44, 2, 3, 4, 5). К I – II вв. н. э. относятся находки таких бальзамариев, зафиксированных в могильниках «Совхоз № 10» (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др. 2003–2004, табл. XXIX, 4),

³ Бронзовые подвески в виде человечков встречаются во многих античных и варварских памятниках Северного Причерноморья в комплексах I – III вв. н. э. (Алексеева 1982, с. 24–25), хотя в крымских предгорьях такие украшения не встречаются позднее II в. н. э. (Храпунов 2011, с. 40). Они представляют собой обычные объемные литые изделия, подвергнутые последующей обработке. Тем не менее, в рассматриваемом нами комплексе найдена подвеска, изготовленная из пластины. В Крыму известно еще несколько таких изделий (Труфанов 2011, с. 231).

⁴ В Крыму известна еще одна аналогичная фибула-брошь в могиле № 43 могильника Заветное (Богданова 1963, с. 104, рис. 4, 8) и датируется она второй половиной II – первой половиной III вв. н. э. (Масякин 2007, с. 129, рис. 2, 3).

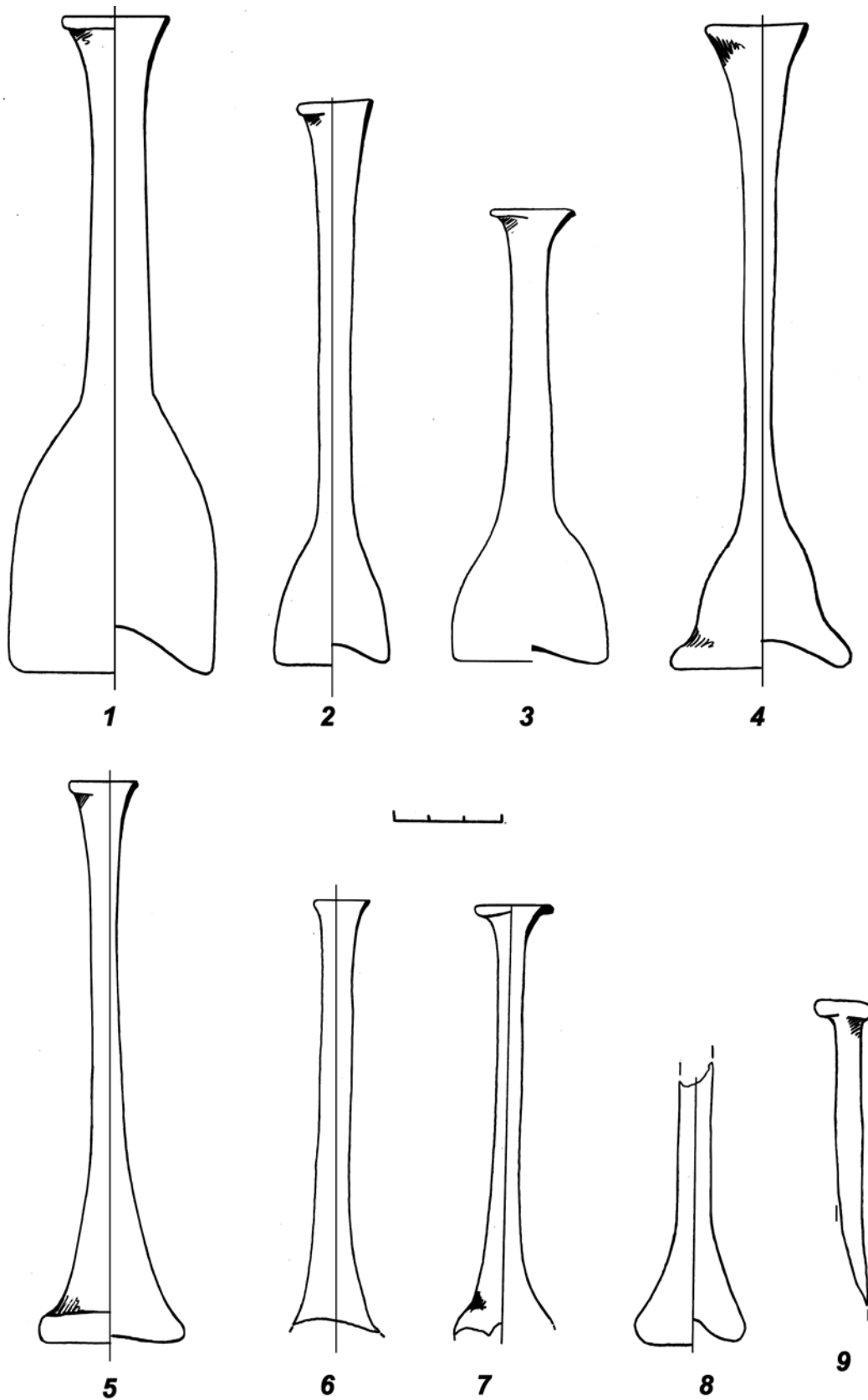

Рис. 2 Стекланные бальзамарии.

1 — Черная речка, мог. 6 (18); 2 — Черная речка, мог. 32 (71); 3 — Черная речка, мог. 4;
4 — Инкерман (?); 5 — Черная речка, мог. 34 (78); 6–9 — место находки неизвестно

Fig. 2. Glass balsamarii.

1 — Chyornaya River, grave 6 (18); 2 — Chyornaya River, grave 32 (71); 3 — Chyornaya River, grave 4;
4 — Inkerman (?); 5 — Chyornaya River, grave 34 (78); 6–9 — unknown findspot

Бельбек IV (Гущина 1973, рис. 34, 13, 14; Журавлев, Фирсов 2007, с. 238, рис. 6. 1), Усть-Альма (Высотская 1994, табл. 27, 1; Пуздровский 2007, рис. 191, 11, 12, 13, 193, 2.), Нейзац (Шабанов 2010, рис. 3, 3; 2011а, с. 162, рис. 11, 70).

7. *Бальзамарий (рис. 2, 5) (КП-6269/699) (h — 12,2 см; d дна — 4 см; d венчика — 1,8 см) из тонкого бесцветного прозрачного стекла с туловом усечено-конической формы, плавно переходящим в высокое цилиндрическое горло. Край сосуда загнут, образованный венчик отогнут и оплавлен. Дно бальзамария слегка вогнуто. Найден в подбойной могиле № 34 (78) Чернореченского могильника. Вместе с ним найдены: краснолаковый кувшин; железный нож; две бронзовые лучковые фибулы; серебряный перстень со стеклянной вставкой.*

8. *Фрагмент горла и тулова бальзамария (рис. 2, 8) (КП-6112/321) из тонкого бесцветного прозрачного стекла. Найден в подбойной могиле № 24 (58) Чернореченского могильника. Вместе с ним обнаружены: краснолаковый кувшин; краснолаковая миска с вертикальным бортиком; железный нож; шарнирная фибула-брошь с ромбическим щитком, покрытая эмалью, датированная А. И. Айбабиным второй половиной III в. н. э. (Айбабин 1999, табл. XXVII, 9); фрагменты лучковой фибулы.*

Такие бальзамарии известны в Усть-Альминском некрополе. Один бальзамарий найден в склепе № 43 вместе с бронзовой подвязной фибулой с овально расширенной спинкой и узкой ножкой группы 15 серии VI варианта 2 (Амброз 1966, с. 56, табл. 10, 4) и маленькой бронзовой фибулой с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника группы 13 по классификации А. К. Амброза (Амброз 1966, с. 45). Датируются они I – началом II вв. н. э. К этому же времени относятся два бальзамария из склепа № 88 (Высотская 1994, с. 85, табл. 25,1, 26,26)

и один сосуд из склепа № 120 (Высотская 1994, с. 85, табл. 37,18). Второй половиной I – II вв. н. э. датируются бальзамарии из склепа № 316 и могилы № 520 (Пуздровский 2007, рис. 191,11,12,13).⁵

Один бальзамарий найден в могиле № 1 Восточного некрополя Неаполя скифского (Сымонович 1983, с. 84, Таб. XII, 6). Из могильника Бельбек IV происходит аналогичный бальзамарий (Сорокина, Гущина 1980, рис. 1, 7). Один сосуд из тонкого прозрачного голубоватого стекла найден в могиле № 294 некрополя близ с. Заветное (Бахчисарайский р-н) и датируется I – началом II вв. н. э. (Богданова 1989, с. 55, табл. XIX, 4).

Одиннадцать бальзамариев происходят из могильника «Совхоз № 10». Найдены они в грунтовых могилах I – II вв. № 86 и № 123, подбойных могилах II – III вв. № 116, № 48, подбойной могиле III в. № 96 и II в. № 49, могиле № 328 (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др. 2004, табл. 13,1, 17,72, 16,91, 7,46, 7,62, 13,74, 51,4). В урне № 20 один бальзамарий найден вместе с редкой провинциальной коленчатой фибулой II – III вв. группы 6 по классификации А. К. Амброза (Амброз 1966, с. 28, табл. 6,18), в урне № 63 вместе с краснолаковой чашкой II в., в урнах № 69 и № 196 с бальзамариями найдены амфоры с воронковидным горлом I – II вв., близкие типу 90 по классификации И. Б. Зеест (Зеест 1960, табл. XXXVII, 90), и краснолаковые чашки II в. (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др. 2003–2004, табл. 38,12, 41,8, 41,21, 47,28).

9. *Колба (рис. 3, 1) (КП-6112/123) (d дна — 3, 5 см; d венчика — 2 см) фрагментированная из тонкого прозрачного бесцветного стекла, со сферическим туловом, плавно переходящим в короткое цилиндрическое горло. Край сосуда загнут внутрь, образовавшийся венчик оплавлен и слегка отогнут. Дно вогнуто. Найдена в подбойной могиле № 6 (18) Чернореченского могильника. Вместе с ней найдены: краснолаковая мис-*

⁵ А. Е. Пуздровский упоминает еще один бальзамарий из комплекса II – первой половины III вв. н. э. Усть-Альминского некрополя (Пуздровский 2007, рис. 192, 8). Но нет указаний о том, где он был найден.

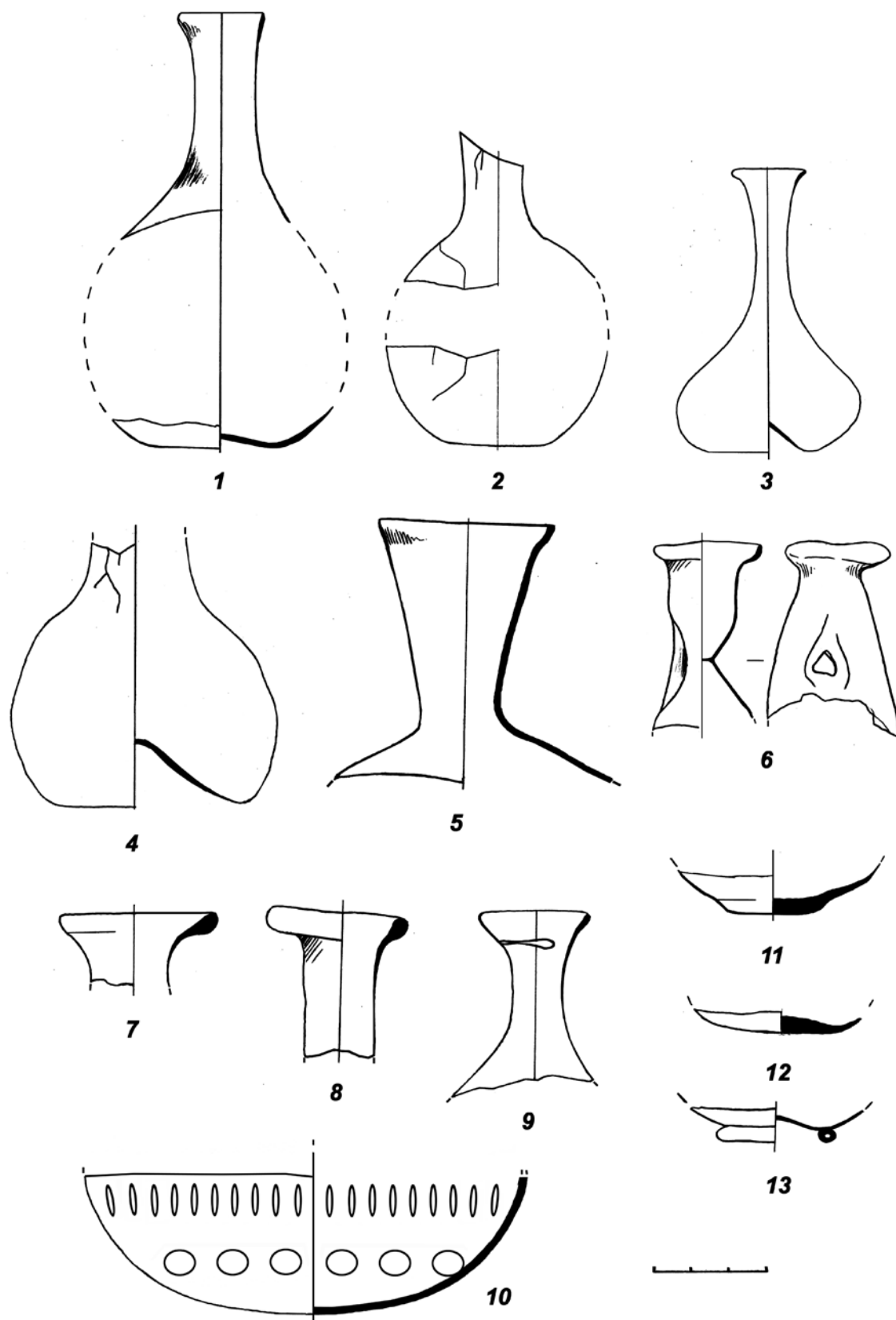

Рис. 3. Фрагменты стеклянных сосудов.

1, 11, 12 — Черная речка, мог. 6 (18); 3 — Черная речка, мог. 38 (89); 6 — Черная речка, мог. 3 (40); 10 — Черная речка, мог. 22 (56); 7, 13 — Инкерман (?); 2, 4, 5, 8, 9 — место находки неизвестно

Fig. 3. Fragments of glass vessels.

1, 11, 12 — Chyornaya River, grave 6 (18); 3 — Chyornaya River, grave 38 (89); 6 — Chyornaya River, grave 3 (40); 10 — Chyornaya River, grave 22 (56); 7, 13 — Inkerman (?); 2, 4, 5, 8, 9 — unknown findspot

ка с косыми стенками и загнутым внутрь краем; красноглиняный кувшин; серебряный перстень; бронзовый перстень; железный нож; фрагменты бронзовой фибулы.

Рассматриваемые сосуды можно отнести к форме 101 по К. Айсингс, датирующейся III – IV вв. н. э. (Isings 1957, p. 119–120). Стеклянная колба из Umm Qeis (Иордания) датируется IV в. н. э. (Dussart 1998, p. 151, pl. 43, 12). Колба из светло-зеленого стекла с коротким горлом найдена в античном некрополе близ г. Свилош (Sviloš, Сербия) и датируется концом III – серединой IV в. н. э. (Ružić 1994, s. 14, t. V/3). Два близких по форме, но с различным строением верхней части горла и венчика стеклянных сосуда происходят из римского укрепления Бригецио в Паннонии и датируются второй половиной IV в. н. э. (Barkoczi 1988, s. 138, taf. XXIII. 288, 289). К одной из поздних находок подобных сосудов стоит отнести колбу эпохи Меровингов, обнаруженную на севере Франции, вокруг горла которой обвиты нити из эмали (Feuеux 1995, s. 113, pl. 7). Одна колба (без напаянных нитей) найдена в склепе № 18 могильника Дружное, погребения в котором совершались на протяжении IV в. (Храпунов 2002, с. 57, рис. 89, 2) Из комплекса IV в. н. э. могильника Тас-Тепе на берегу р. Качи в Юго-Западном Крыму происходит стеклянная колба с высоким цилиндрическим горлом (Пуздровский, Зайцев, Неневоля 2001, с. 33). Фрагменты колбы без верхней части горла найдены в подбойной могиле № 28 Суворовского могильника, датирующейся первой половиной – серединой IV в. н. э. (Зайцев 1997, с. 110, рис. 63). Из подбойной могилы № 226 некрополя «Совхоз № 10» происходит близкая по форме колба и датируется IV в. н. э. (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др. 2003–2004, табл. 28, 31). В склепе 78/1907 Боспорского некрополя найден близкий по форме сосуд, датирующийся концом V – серединой VI вв. (Засецкая 2005, с. 96, 110, кат. 28).

10. Бальзамарий (рис. 3, 3) (КП-6112/432) (*h* — 10 см; *d* дна — 3 см; *d* венчика — 2 см) из тонкого прозрачного бесцветного стек-

ла, с уплощенным сверху эллипсоидным туловом, плавно переходящим в невысокое гиперболоидное горло. Край сосуда загнут внутрь, образовавшийся венчик оплавлен и слегка отогнут. Дно бальзамария конически вогнуто. Найден в подбойной могиле № 38 (89) Чернореченского могильника. Вместе с ним найдены: краснолаковый кувшин; бронзовое зеркало; бронзовое височное кольцо; бусы.

Рассматриваемый сосуд близок к т. н. «бальзамариям с каплевидным туловом», у которых округлое тулово плавно переходит в короткое горло. Такие бальзамарии из некрополя Самофракии датируются первой половиной I в. н. э. (Dusenbery 1967, fig. 18, 19, 20). Два похожих сосуда из частной коллекции Августа Кестнера датируются I в. н. э. (Liermann 1982, kat. 39, 40). В это время, судя по всему, они и начинают производиться.

Стеклянные бальзамарии «каплевидной» формы в Северном Причерноморье появляются уже в I в. н. э. Они известны в комплексах раннеримского времени Горгиипии (Алексеева, Сорокина 2007, табл. № 44, 3, 4, 5;), Ольвии (Козуб 1986, с. 43), могильника «Совхоз № 10» (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др. 2003–2004, с. 125, табл. XXIX, 1). На городище Пантикапея подобные бальзамарии найдены в слоях II – IV вв. н. э. (Сорокина 1962, рис. 12, 10). В некрополе Херсонеса Таврического такие бальзамарии найдены в раннесредневековом комплексе (Зубарь 1982, с. 88, рис. 56, 24).

11. Бальзамария (рис. 3, 6) (КП-6112/370) (*d* венчика — 2,8 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла горла фрагмент. Край сосуда загнут внутрь, образовавшийся венчик оплавлен и слегка отогнут. Горло в средней части сдавлено и было раздвоено во время т. н. горячей обработки сосуда. Найден в склепе № 3 (40) Чернореченского могильника. Вместе с ним найдены краснолаковые блюдо, миска, кувшин.

Аналогий рассматриваемому бальзамарию не удалось найти ни в Крыму, ни за его пределами.

12. Чаши или стакана (рис. 3, 10) (КП-6112/295) стенки со шлифованными овалами и насечками фрагмент из толстого стекла оливкового цвета. Согласно инвентарным книгам БИКЗ, он найден в подбойной могиле № 22 (56) Чернореченского могильника, но в публикации упоминаются только два разбитых бальзамария.

Такой прием орнаментации из двух и более рядов шлифованных больших и малых овалов, вертикальных насечек был распространен в римское время. Так, полусферические чаши и стаканы со сферическим туловом и шлифованным орнаментом найдены в римской Британии в комплексах второй половины II – III вв. н. э. (Allen 1998, fig. 28, 5), а также при раскопках Танаиса (Сорокина 1965, рис. 4,1, рис. 5, рис. 6), где их производили (Шелов 1972, с. 101). Близкие по принципу орнаментации сосуды известны в Альма-Кермене при исследовании стеклоделательной мастерской (Висотська 1964, рис. 9). В некрополе Пантикапея найдены аналогичные сосуды, по мнению Н. З. Куниной западно-римского производства, датирующиеся II – III вв. н. э. (Кунина 1997, кат. 332, 333). Часто кроме овалов и насечек на сосуд наносили и сложный геометрический орнамент, как на стаканах из могильников Нейзац (м. 4) (Шабанов 2011, рис. 1, 7) и Суворово (м. 38) (Юрочкин, Труфанов 2003, рис. 5, 7).

13. Стакана (рис. 3, 11) (КП-6112/39) (*d* дна — 2,5 см) нижней части на утолщенном выделенном дне фрагмент из тонкого прозрачного с голубым оттенком стекла. Согласно инвентарным книгам БИКЗ, он найден в подбойной могиле № 6 (18) Чернореченского могильника, но в публикации упоминается только бальзамарий.

Из-за фрагментарности сложно говорить о форме сосуда, но, скорее всего, его можно соотнести со стаканом № 1.

14. Донца сосуда фрагмент (рис. 3, 12) (КП-6112/38) (*d* дна — 3,8 см) из прозрачного

бесцветного стекла. Согласно инвентарным книгам БИКЗ, он найден в подбойной могиле № 6 (18) Чернореченского могильника, но в публикации упоминаются только бальзамарий.

Плохая сохранность сосуда затрудняет его интерпретацию.

15. Сосуд (рис. 1, 5) (КП-6171/22) (*h* — 20 см; *d* венчика — 24,8 см) из толстого матового зеленого стекла, со сферическим туловом, неравномерно выпуклыми стенками, на невысоком кольцевом поддоне, вертикальный край зашлифован под углом, дно сосуда слегка вогнуто. На тулово под венчиком наплавлен горизонтальный валик из того же стекла, что и сам сосуд. Найден в склепе № 2 Инкерманского могильника. Вместе с ним найдены: бронзовая пряжка с язычком, загнутым за овальную утолщенную в передней части рамку, наиболее ранние экземпляры которых известны в крымских предгорьях в конце III в. н. э., поздние — в V в. (Храпунов 2002, с. 48–49); краснолаковое блюдо на невысоком кольцевом поддоне с прямыми, сужающимися книзу стенками и слегка загнутым краем, близкие аналогии которому датируются серединой IV – первой четвертью VII вв. (Иванова 2009, с. 34); краснолаковая миска на невысоком кольцевом поддоне, усечено-коническими стенками, с вертикальным краем⁶; краснолаковый кувшин со сферическим туловом и воронковидным горлом, аналогичные ему кувшины, только на невысоком кольцевом поддоне, найдены в комплексах IV в. н. э. в могильниках Дружное (м. 85) (Храпунов 2002, рис. 202, 5) и Суворово (м. 38) (Юрочкин, Труфанов 2003, рис. 3, 41), в склепе № 3 (1968 г.) некрополя Килен-Балка, датирующиеся не ранее IV – началом V вв. (Нессель 2003, рис. 5, 2,3, с. 120); амфора узкогорлая светлоглиняная.

Точных аналогий инкерманскому экземпляру найти не удалось. Близкий по форме

⁶ Такие миски известны в комплексах первой половины IV – начала V вв. в могильниках Суворово (Зайцев 1997, с. 110–114), Дружное (Храпунов 2002, с. 58), в балке Алмалык-Дере (Иванова 2009, с. 43).

и размерам сосуд (только из голубого стекла, и на более высоком кольцевом поддоне) хранится в музее и галерее искусств города Бристоль (коллекция Джеймса Бомфорда). В каталоге отмечается его восточно-средиземноморское происхождение и датируется он II в. н. э. (The Bomford Collection 1982, cat. 97).

16. *Кувшина венчика и горла фрагмент (рис. 3, 7) (КП-6171/270) (d венчика — 5 см) из тонкого прозрачного с оливковым оттенком стекла. Край сосуда загнут внутрь, образовавшийся венчик оплавлен и слегка отогнут. По данным инвентарной книги БИКЗ, найден в могильнике Инкерман в 1948 г.*

Из-за фрагментарности сосуд сложно интерпретировать.

17. *Стакана на полом кольцевом поддоне (рис. 3, 13) (КП-6171/265) (d дна — 3,3 см) нижней части фрагмент из тонкого прозрачного с желтоватым оттенком стекла. Согласно инвентарным книгам БИКЗ, он найден в могильнике Инкерман в 1948 г.*

Рассматриваемое донце, по-видимому, стоит относить к стаканам на полом кольцевом поддоне. Такие сосуды имели, как правило, расширяющееся книзу округлое тулово. Целые и фрагментированные стаканы на полом кольцевом поддоне известны во многих комплексах римского времени предгорного Крыма. Наиболее ранней можно назвать находку из некрополя Бельбек IV (Сорокина, Гущина 1980, с. 93), датирующуюся до середины III в. Первой половиной III – IV в. датируются 19 стаканов из могильника Нейзац (Шабанов 2011, с. 421; 2011а, с. 142–144). 12 таких стаканов найдено в комплексах IV в. н. э. могильника Дружное (Храпунов 2002, рис. 71,13,16,17, 72,6, 99,9, 149,21, 150,2, 155,17, 163,5, 164,1,2. 199,12). 13 стаканов известно в могильнике «Совхоз № 10» в комплексах конца IV – V вв. н. э. (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др. 2003–2004, табл. 25,20, 26,22, 22,3, 8,30, 12,5, 21,39, 23,10, 29,6, 31,33, 34,1, 8,69, 8,74, 29,6.). Четыре стакана, также датирующихся IV в. н. э., найдены в могильнике Суворово (Зайцев 1997,

с. 110, рис. 63; Зайцев, Мордвинцева 2003, с. 59, рис. 5, 10.). Два сосуда происходят из могильника Озерное-III (Лобода 1977, рис. 3, е,ж), еще один найден в некрополе Ай-Тодор (Харакс) (Сорокина 1973, с. 185–186, рис. 2, 6). Стаканы с округлым туловом на кольцевом поддоне являлись продукцией восточно-средиземноморских стеклоделательных мастерских (The Bomford Collection 1982, kat. 136; Liepmann 1982, kat. 115).

18. *Бальзамарий (рис. 2, 4) (КП-6269/1066) (h — 16,4 см; d дна — 4,5 см; d венчика — 2,5 см) из тонкого бесцветного прозрачного стекла с уплощенным туловом усечено-конической формы и высоким цилиндрическим горлом, слегка расширяющимся кверху. Край сосуда загнут, образованный венчик отогнут и оплавлен. Дно бальзамария вогнуто. Судя по инвентарным книгам БИКЗ, найден в Инкерманском могильнике в 1948 г., однако в публикации 1963 г. ни в одной из могил бальзамарии среди находок не упоминаются.*

К. Айсингс относит такие бальзамарии к форме 82А(1) и датирует I – II вв. н. э. (Isings 1957, p. 97–98). Подобные сосуды из Паннонии датируются концом I в. н. э. (Реццио, Rettio), первой половиной II в. н. э. (Бригетцио, Brigetio) (Barkoczy 1988, taf. XVII. 204; Šaranović-Svetek 1986, tab. XV. 3).

Из некрополя Горгиппии происходят 11 экземпляров, датирующиеся II – III вв. н. э. (Алексеева, Сорокина 2007, табл. № 46). Именно на это время приходится наибольшее их распространение в Римской империи. II – III вв. н. э. датируются находки таких бальзамариев в некрополе «Совхоз № 10» (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др. 2003–2004, с. 126, табл. XXIX,3), Усть-Альминском могильнике (Пуздровский 2007, рис. 191, 14; Труфанов 2010, рис. 25, 2, 29, 14) и Бельбек IV (Сорокина, Гущина 1980, рис. 1, 10; Гущина, Сорокина 1984, рис. 1, 6,7) в крымских предгорьях.

19. *Стакан (рис. 1, 3) (КП-6269/1067) (h — 7,4 см; d дна — 5 см; d венчика — 8,5 см) из тонкого прозрачного с желтоватым от-*

тенком стекла, с туловом подцилиндрической формы, слегка расширяющимся книзу, край сосуда обрезан, загнут внутрь и образует венчик, оплавленный и отогнутый наружу. Дно стакана вогнуто. На дне след от прикрепления понтии в виде округлого скола. Место находки неизвестно.

Н. З. Кунина один экземпляр, найденный в некрополе Пантикапея, датирует II – III вв. н. э. и относит к продукции местных боспорских мастерских (Кунина 1997, кат. 326). Еще один стакан находится в собрании Государственного исторического музея в Москве, датируется II – III вв. н. э. и имеет северопричерноморское происхождение (Сорокина 1962, с. 226. рис. 7, 2). Три сосуда похожей формы, но со слегка вогнутым дном, происходят из комплексов II – III вв. н. э. могильника «Совхоз № 10» (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др. 2003–2004, с. 122, табл. XXVIII, 10).

20. *Фрагмент горла и тулова бальзамария (рис. 2, 6) (КП-6269/1065) из тонкого бесцветного прозрачного стекла. Место находки неизвестно.*

Фрагментарность сосуда затрудняет его интерпретацию.

21. *Фрагмент горла и тулова бальзамария (рис. 2, 7) (КП-6269/1069) из тонкого бесцветного прозрачного стекла. Место находки неизвестно.*

Фрагментарность сосуда затрудняет его интерпретацию.

22. *Фрагмент горла бальзамария (рис. 2, 9) (КП-6112/359) из тонкого бесцветного прозрачного стекла. Место находки неизвестно.*

Фрагментарность сосуда затрудняет его интерпретацию.

23. *Колба (рис. 3, 2) (КП-6269/1063) (d дна — 3 см) фрагментированная из тонкого бесцветного прозрачного стекла, со сферическим туловом, переходящим в цилиндрическое горло. Дно колбы плоское. Место находки неизвестно.*

Рассматриваемый сосуд близок по форме колбе на рис. 3, 1.

24. *Колба (рис. 3, 4) (КП-6269/1068) (d дна — 5 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла, со сферическим туловом, плавно переходящим в цилиндрическое горло. Дно колбы конически вогнуто. Место находки неизвестно.*

Фрагментарность сосуда затрудняет его интерпретацию.

25. *Колбы (рис. 3, 5) (И-V/336.48) (d венчика — 4 см) со сферическим туловом и усечено-коническим горлом из тонкого прозрачного бесцветного стекла фрагмент. Край сосуда обрезан и отогнут. Место находки неизвестно.*

Фрагмент такой колбы найден в Западном некрополе Херсонеса в склепе № 1 (раскопан в 1982 г.), датирующемся II – IV вв. н. э. (Зубарь, Сорочан 1986, рис. 8., 6). К. Айсингс подобные сосуды-колбы с широким воронковидным горлом выделяет в формы 92 и 104. Она проследила их эволюцию со II в. н. э. по IV в. н. э. (Isings 1957, pp. 110, 122–125). Находки колб с воронковидным горлом на территории Сербии датируются III – IV вв. н. э. (Ružić 1994, s. 15–16).

26. *Бальзамария или колбы венчика и горла фрагмент (рис. 3, 8) (КП-6269/?) (d венчика — 3,5 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла. Край сосуда загнут внутрь, образовавшийся венчик оплавлен и слегка отогнут. Место находки неизвестно.*

Фрагментарность сосуда затрудняет его интерпретацию.

27. *Колбы верхней части фрагмент (рис. 3, 9) (КП-6269/1070) (d венчика — 3 см) из тонкого прозрачного бесцветного стекла. Край сосуда загнут внутрь, образовавшийся венчик оплавлен и слегка отогнут. Короткое цилиндрическое горло плавно переходит в сферической (?) формы тулово. Горло опоясывает нить из того же стекла, что и сам сосуд. Место находки неизвестно.*

Из-за фрагментарности сосуда сложно его интерпретировать.

* * *

Нами рассмотрено 27 целых и фрагментированных сосудов, из которых только 18 удалось идентифицировать по инвентарным книгам Бахчисарайского историко-культурного заповедника. Остальная часть фрагментов оказалась депаспортизированной и данные, которыми они сопровождались (подписи «И-48» и «И-50»), позволили предполагать их связь с исследованиями Инкерманского и Чернореченского могильников.

К наиболее ранним стеклянным сосудам стоит отнести бальзамарии, найденные в Чернореченском могильнике. Датировать их можно II – III вв. н. э., но III в. н. э. предпочтительней, поскольку почти все они имеют вытянутое горло, что характерно для бальзамариев III – IV вв. н. э. Согласно инвентарным книгам БИКЗ, один бальзамарий (рис. 2, 4) найден также и в могильнике Инкерман, но в публикации 1963 г. о нем нет упоминания. Его аналогии из погребальных памятников предгорного Крыма (могильники «Совхоз № 10», Усть-Альма, Бельбек-IV) датируются II – III вв. н. э.

Серединой – второй половиной III в. н. э. датируется стакан с утолщенным дном из подбойной могилы № 9 (35) Чернореченского могильника (рис. 1, 1). За пределами Крыма не удалось найти ни одного такого целого сосуда. В крымских предгорьях они известны в комплексах середины III – IV вв. н. э. Причем наиболее ранние экземпляры происходят из некрополей в окрестностях Херсонеса, откуда они, возможно, и попадали к варварскому населению. находка такого стакана вместе с фибулами середины – второй половины III в. н. э. в Чернореченском могильнике подтверждает эту точку зрения. Интерес вызывает кувшин IV в. н. э. (рис. 1, 4), найденный в склепе № 2 (47) Чернореченского могильни-

ка. В Северном Причерноморье близкий по форме и декору кувшин найден на Боспоре, а за его пределами несколько экземпляров найдено в других причерноморских регионах и восточно-средиземноморских провинциях Римской империи. Стеклянные сосуды со шлифованными овалами и насечками (рис. 3, 24) из подбойной могилы № 22 (56) Чернореченского могильника известны в крымских предгорьях (могильники Суворово, Нейзац) в комплексах III – IV вв. и связываются исследователями со стеклоделательными центрами, расположенными на Рейне (Юрочкин, Труфанов 2003, с. 206). Нельзя исключать и возможность их местного производства, поскольку такие сосуды со шлифованным орнаментом изготавливали и ремесленники, работавшие в римском лагере на Альма-Кермене (Висотська 1964, с. 20), и стеклоделы в Танаисе (Алексеева, Арсеньева 1966, с. 188).

К продукции местных (возможно херсонесских) стеклоделов можно отнести сосуд IV в. н. э. (рис. 1, 5) из склепа № 2 Инкерманского могильника, поскольку он не имеет аналогий среди стеклянных сосудов, найденных на территории Римской империи и за ее пределами.

Стеклянные сосуды из Инкерманского и Чернореченского могильников позволяют расширить наши представления о связях сармато-аланского населения Юго-Западного Крыма с античными центрами и, прежде всего, с Херсонесом. Близость такого крупного полиса как Херсонес позволяет предположить, что именно он был источником поступления стеклянных сосудов в его окрестности, населенные варварами. К сожалению, из-за неполной публикации стеклянной посуды, найденной в античных центрах полуострова, сложно судить о том, какие именно сосуды могли поступать из этих центров.

Литература

- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь, 1999.
- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. — М., 1982.
- Алексеева Е. М., Арсеньева Т. М. Стеклоделие Танаиса // СА. 1966. № 2.
- Алексеева Е. М., Сорокина Н. П. Коллекция стекла античной Горгии (I – III вв.). — М., 2007.
- Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Вып. Д1–30. — М., 1966.
- Аспургиане на Юго-Востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя. — М., 2008.
- Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Вип. XIII. — Київ, 1963.
- Богданова Н. О. Могильник I ст. до н. е – III ст. н. е. біля с. Завітне Бахчисарайского району // Археологія. 1963. Т. XV.
- Богданова Н. А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. — М., 1989.
- Вейрман Е. В. О работе Инкерманской экспедиции // КСИА. 1955. Вып. 4.
- Веймарн Е. В. Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г. // История и археология древнего Крыма. — Киев, 1957.
- Веймарн Е. В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. Вип. XIII. — Київ, 1963.
- Висотська Т. М. Про виробництво скла в пізньоантичному Криму // Археологія. 1964. Т. XVI.
- Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. — Киев, 1994.
- Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. Вып. VIII. — Симферополь, 2001.
- Гущина И. И. О результатах исследования нового могильника I – II вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // КСИА. 1973. Вып. 133.
- Гущина И. И., Сорокина Н. П. Новые находки стеклянных сосудов в могильнике Бельбек IV в юго-западном Крыму // Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М., 1984.
- Журавлев Д. В., Фирсов К. Б. Новые раскопки могильника Бельбек IV // Древняя Таврика. — Симферополь, 2007.
- Зайцев Ю. П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. — Симферополь, 1997.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Исследования могильника у с. Суворово в 2001 г. // МАИЭТ. Вып. X. — Симферополь, 2003.
- Засецкая И. П. Хронология стеклянных колбообразных сосудов из Боспорского некрополя позднеантичного и раннесредневекового периодов // Боспорские исследования. Вып. X. — Симферополь-Керчь, 2005.
- Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. Вып. 83.
- Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I – IV вв. н. э. — Киев, 1982.
- Зубарь В. М., Сорочан С. Б. Новый погребальный комплекс II – IV вв. н. э. и экономическое развитие Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. — Киев, 1986.

- Иванова О. С. Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-дере // МАИЭТ. Вып. XV. — Симферополь, 2009.
- Козуб Ю. И. Стекланные бальзамарии из некрополя Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. — Киев, 1986.
- Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. — Киев, 2010.
- Кунина Н. З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. — СПб., 1997.
- Лобода И. И. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // СА. 1977. № 4.
- Масякин В. В. Римские фибулы и детали ремной гарнитуры из некрополя Заветное // Древняя Таврика. — Симферополь, 2007.
- Минчев А. Антично стъкло от Западното Черноморие (I – IV в.). III. Кани // Известия на Народния музей Варна. 1989. № 25 (40).
- Нессель В. А. Краснолаковая керамика из могильника Килен-Балка // Херсонесский сборник. Вып. XII. — Севастополь, 2003.
- ОАК за 1891 г. — СПб., 1893.
- Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. — Симферополь, 2007.
- Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. Новые памятники III – IV вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. Вып. VIII. — Симферополь, 2001.
- Рыжов С. Г. Керамический комплекс III – IV вв. н. э. из северо-восточного района Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. — Киев, 1986.
- Сорокина Н. П. Стекло из раскопок Пантикапея 1945–1959 гг. // МИА. 1962. № 103.
- Сорокина Н. П. Стекланные сосуды из могильника Харакс // Кавказ и Восточная Европа в древности. — М., 1973.
- Сорокина Н. П., Гущина И. И. Стекланные изделия из могильников первых веков н. э. Юго-Западного Крыма // История и культура Евразии по археологическим данным. — М., 1980.
- Стржелецкий С. Ф. Раскопки в Инкермане в 1940 г. // СА. 1947. IX.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10») // Stratum plus. 2003–2004. № 4.
- Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского государства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). — Киев, 1983.
- Труфанов А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum plus. 2005–2009. № 4.
- Труфанов А. А. Погребения III в. н. э. на юго-западной окраине Усть-Альминского некрополя // Stratum plus. 2010. № 4.
- Труфанов А. А. Металлические амулеты-подвески Северного Причерноморья первых веков н. э. // Stratum plus. 2011. № 4.
- Труфанов А. А., Колтухов С. Г. Исследования позднеантичного некрополя у с. Курское в Юго-Восточном Крыму // Stratum plus. 2001–2002. № 4.
- Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III – IV вв. н. э.). — Lublin, 2002.
- Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследования могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. — Симферополь, 2011.

- Шабанов С. Б. Детское погребение с бальзамариями из могильника Нейзац // Боспорские исследования. Вып. XXIV. — Симферополь-Керчь, 2010.
- Шабанов С. Б. Стеклянные сосуды из могильника Нейзац (1996–2010 гг.) // Боспорские чтения Вып. XII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. — Керчь, 2011.
- Шабанов С. Б. Стеклянные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2011 гг.) // МАИЭТ. Вып. XVII. — Симферополь-Керчь, 2011а.
- Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. — М., 1972.
- Юрочкин В. Ю., Труфанов А. А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // Херсонесский сборник. Вып. XII. — Севастополь, 2003.
- Allen D. Roman Glass in Britain. — Shire Archaeology, 1998.
- Barkoczi L. Pannonische Glassfunde in Ungarn // Acta Archaeologica. IX. — Budapest, 1988.
- Dusenbery E. Ancient Glass from the Cemeteries of Samothrace // JGS. 1967. Vol. IX.
- Dussart O. Le verre en Jordanie et en Syrie du Sud. — Beyrouth, 1998.
- Feyeux J. La typologie de la verrerie mérovinienne du nord de la France // Verre de l'antiquité tardive et du haut Moyen Age. — Guiry-En-Vexin, 1995.
- Isings C. Roman Glass from Dated Finds. — Groningen; Djakarta, 1957.
- Liepmann U. Gläs der Antike. — Hannover, 1982.
- Popa A. Frähkaiserzeitliches Toilettgeschirr aus Glas aus dem Gebiet Jenseits der Dakisch-Moesischen Reichsgrenze // Miscellanea Romano-Barbarica. In honorem septagenarii magistri Ion Ioniță oblata. — București, 2006.
- Ružić M. Rimsko staklo u Srbiji. — Beograd, 1994.
- Šaranović-Svetek V. Antičko staklo u jugoslovenskom delu provincije Donje Panonije. — Novi Sad, 1986.
- The Bomford Collection of Pre-Roman & Roman Glass on loan to the City of Bristol Museum & Art Gallery. — Bristol, 1976.
- Weinberg G. D., Goldstein S. M. Excavations at Jalame Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine. — Columbia, 1988.

Stanislav SHABANOV

**Glass Vessels Excavated in Inkerman and Chyornaya River cemeteries
(now in the collection of the Bakhchisaray preserve)**

Abstract

The paper analyses glass vessels excavated in the cemeteries of Inkerman and Chyornaya River and stored in the collection of the Bakhchisaray Historical and Cultural Preserve, which date from the second to the fourth century AD. Although a part of these vessels appeared to be undocumented, the account of the museum registration books in possession allow me to suppose that they were related with the investigations of Chyornaya River and Inkerman cemeteries. Glass vessels published herein enlarge our knowledge of the connections between the Sarmatian and Alanic population in the south-western Crimea and Greco-Roman centres, particularly Chersonesos, in the Late Roman period.

М. Е. Левада

О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы

Одним из наиболее впечатляющих открытий в археологии Крыма конца XX в. стало выделение материальной культуры алан. Памятники, исследования которых позволили заговорить о крымских аланах, сегодня представлены могильниками; поселения же, наверное, всё ещё ждут своего часа.

Отдельные погребения и даже целые могильники этой группы древностей были известны уже давно, но исследовались они нерегулярно. Да и уровень, как полевой фиксации, так и публикаций в то время был далёк от совершенства. Только благодаря многолетним раскопкам и прекрасно изданным И. Н. Храпуновым материалов двух крупных некрополей — Дружное и Нейзац — мы получили возможность принципиально расширить и углубить свои представления об этой самобытной материальной культуре (Храпунов 2002; 2004; 2010; Исследования... 2011).

Подобные памятники теперь принято называть по этим двум могильникам — типом Дружное-Нейзац, а датировать материальную культуру крымских алан, исходя из наших нынешних знаний, принято в промежутке от середины III до конца IV вв., или возможно до самого начала V в.

Вывод о связи между памятниками типа Дружное-Нейзац и погребениями алан на Северном Кавказе впервые сформулирован А. И. Айбабиным (Айбабин 1996, с. 295). Но вскоре М. Г. Мошкова и В. Ю. Малашев поставили его идею под сомнение (Мошкова, Малашев 1999, с. 195–197).

После раскопок последнего десятилетия, публикаций и анализа новых материалов (наиболее полную библиографию по отдельным комплексам или категориям погребального инвентаря см. в работах И. Н. Храпунова), аргументы сторонников такой связи явно укрепились (Власов 2003,

Храпунов 2004, с. 137–140, 153). По крайней мере, новые возражения их оппонентами пока не высказывались.

Общим выразительным элементом материальной культуры, как памятников Северного Кавказа, так и Крыма, являются мечи и кинжалы с вырезами у основания клинка. Такие своеобразные вырезы (по одному с каждой стороны, гораздо реже — по два) объясняют по-разному. Наиболее удачной представляется идея, что они служили фиксатором для крепления деревянных пластин рукояти на черенке клинка (Левада 2006, с. 192–193, рис. 2; Контны, Савеля 2006, с. 145–147; Симоненко 2010, с. 51–52).

Массовость и своеобразие этих клинков наверняка предполагали какие-то особые, нам неизвестные, приёмы рукопашного боя. История клинкового оружия, например разнообразных модификаций позднесредневековых сабаль, рапир, палашей и т. д., подтверждает, что любая особенность модификации холодного оружия появляется не случайно, а всегда связана с какой-нибудь специфической манерой фехтования.

Эти клинки в погребениях на Северном Кавказе и в Крыму располагаются на головах или плечах покойников, иногда вдоль рук. Исключение составляют редкие случаи, когда у погребённого более двух клинков — тогда пара мечей лежит у пояса вдоль ног, а один или пара кинжалов — на плечах. Обративший внимание на такую странную закономерность расположения в могилах сразу двух регионов такого оружия И. Н. Храпунов справедливо заметил, что этот факт является прямым подтверждением единства населения (Храпунов 2004, с. 150).

Сложно представить себе как именно фехтовали такими мечами и кинжалами. Военное дело алан мы представляем себе, главным образом, по работам Флавия Арриана (Перевалов 1997). Из других авторов нам известно только, что аланские воины были знамениты именно как наездники (см. источники, например, в: Габуев 1999). По Арриану же это было войско, состоящее

из тяжёлой панцирной конницы, вооружённой пиками — «контосами» (Перевалов 1997, с. 130). Таких аланских всадников принято называть либо контофорами (по названию пик), либо катафрактариями (от «катафрактос» — покрытый бронёй). Сила аланского войска заключалась в лобовом ударе в центр вражеского строя. При такой атаке аланы применяли особый способ ведения боя, который заключался в штурмовом ударе контосом со скачущего коня. Это, по мнению А. В. Симоненко, и было исключительно аланским новшеством, делавшим атаку катафрактариев чрезвычайно эффективной (Симоненко 2008, с. 276). В описании событий, близких по времени к интересующему нас периоду — битве 435 г. на р. Недао, аланы по-прежнему называются тяжеловооружёнными воинами (Гетика, 261).

Надо заметить, что в сведениях Арриана нет места клинкам с вырезами. Правда, уже делались попытки интерпретировать такие клинки именно как своеобразные наконечники каких-то особых копий (Схатум 2004; Мяскин 2010, с. 283). Но такие выводы представляются сугубо умозрительными, ведь на некоторых клинках сохранились деревянные накладки рукоятей. А они тонкие и узкие, поэтому никак не могут быть остатками тяжёлых контосов; для другого же древкового оружия сами «наконечники» слишком массивны и тяжелы. К тому же, длина контосов неплохо определяется по изображениям атакующих катафрактариев (Lebedynski 2001, р. 42, 46). Их размеры таковы, что поместиться даже в крупный склеп они никак не могут. Тем более, если рассчитывать длину древка от клинка, найденного *in situ* в голове костяка. При этом сторонниками «древковой» гипотезы почему-то не учитывается, что Арриан описывает события, свидетелем которых он был в 135 г., тогда как самые ранние клинки с вырезами появились на рубеже III – IV вв. или, возможно, во второй половине III в. К тому же, сторонники «древковой» гипотезы принимают во внимание то, что в склепе

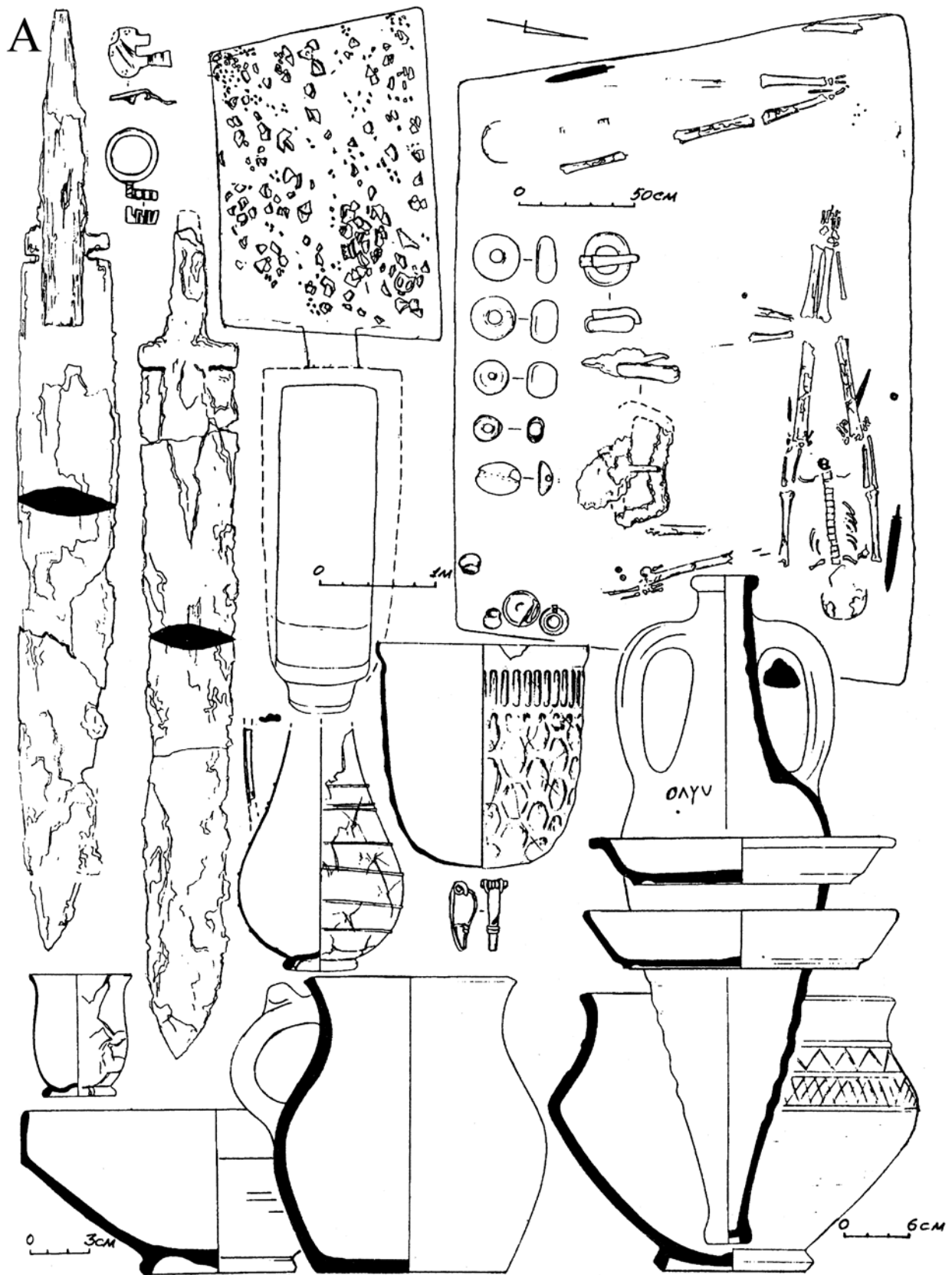

Рис. 1. Кинжал с целой рукоятью (А) из склепа № 30 могильника Суворово (по: Зайцев 1997, рис. 64)

Fig. 1. A dagger with entire handle (A) from vault no. 30 in the cemetery of Suvorovo (based on: Зайцев 1997, рис. 64)

№ 30 могильника Суворово (Зайцев 1994, рис. 64) найден клинок с полностью целой деревянной накладкой рукояти (рис. 1).

По наиболее полной, хотя уже и несколько устаревшей, сводке В. Супо, хорошо различим основной ареал этого типа оружия — Северный Кавказ и Крым, в меньшей степени — Подонье, Поволжье, Молдавия, Мунтения и Валахия (Soupault 1996). Сегодня количество мест, где сделаны подобные находки, можно увеличить уже вдвое¹, а их количество настолько велико, что собрание полного каталога находок выглядит, пожалуй, даже проблематичным (рис. 2–4). Похоже, что это вооружение появились в Западном Прикаспии где-то, как уже было сказано, на рубеже III – IV вв. На Северном Кавказе такие клинки существовали почти до начала VII в. А в Крыму их хронология не выходит за рамки IV в., или, возможно, самого начала V в.

В двух случаях — Николаевка и Совхоз-10 — вырезы на клинке не зафиксированы. Но тут речь идёт о клинках очень сильно корродированных, поэтому такие вырезы могут быть не видны. В погребениях они расположены точно так же, как кинжалы этого типа, на что первым обратил внимание И. Н. Храпунов. Подобного расположения других типов оружия в могилах Причерноморья неизвестно. Погребение из Николаевки (рис. 5) некоторые исследователи относят к черняховским, вероятно из-за наличия в нём гребня. Но такие гребни попадают и в крымских могилах. В то же время, в черняховских ингумациях удила и наконечники нагаек неизвестны, а в крымских, напротив, встречаются.

За границами этого основного ареала выделяются три своеобразные территориальные группы — Среднее Приднепровье, Карпатский бассейн и находки во Франции (Левада 2006; Иштванович, Кульчар 2009; Barat, Soulat, Gauduchon 2009).

Группу в среднем течении Днепра можно сопоставить с народом «сармат-аланов», упомянутых в Перипле Внешнего моря Маркиана Гераклеяского. Об их земле он пишет, что «там находится исток реки Борисфена, которая впадает в Понт» (Алемань 2003, с. 145; Левада 2006, с. 195). Все находки этого региона сделаны вне комплексов. Но на время их появления косвенно может указывать лепной кувшин, найденный тоже в Среднем Приднепровье в с. Омельник на Полтавщине (Луговий, Ткаченко 2003, рис. 1:8). У него Х-видная ручка (рис. 6), характерная исключительно для керамики памятников типа Дружное-Нейзац (см: Власов 1999). Поскольку хронология крымских памятников не выходит за рамки середины III – конца IV, или самого начала V в., это может указывать и на наиболее вероятное время появления выходцев из Крыма в Среднем Приднепровье. Интересно, что эти лесостепные находки клинков сделаны, кроме одного случая, без строгой привязки к памятникам черняховской культуры, которая существовала синхронно с памятниками типа Дружное-Нейзац. Возможно, клинки попадают на эту территорию уже во время угасания этой культуры, когда значительная часть черняховского ареала обезлюдела. А отсутствие их здесь в период ее расцвета может быть показателем сложных отношений в позднее римское время между крымскими аланами и причерноморскими готами, с которыми и соотносят черняховскую культуру (см.: Левада 2006а, с. 64–65).

В Карпатском бассейне, по мнению Э. Иштванович и В. Кульчар, концентрация таких клинков — 8 экземпляров — «указывает на присутствие там алан» (Иштванович, Кульчар 2009, с. 147). Три из них сделаны на памятниках, для которых принята хронология в промежутке конца IV – V вв., т. е. как раз того времени, когда в Крыму такое

¹ Спасибо моим коллегам и друзьям — А. А. Васильеву, Я. В. Володарцу-Урбановичу, И. О. Гавритухину, А. В. Дедюлькину, М. М. Казанскому, В. В. Масыкину, О. А. Радюшу, А. В. Симоненко, А. В. Супруненко, И. Н. Храпунову за консультации и помощь в подготовке карт.

Здесь рис. 2
Размер стр. 405 x 297 мм.
Цветность 4 +0

Оборот рис. 2
Чистый лист

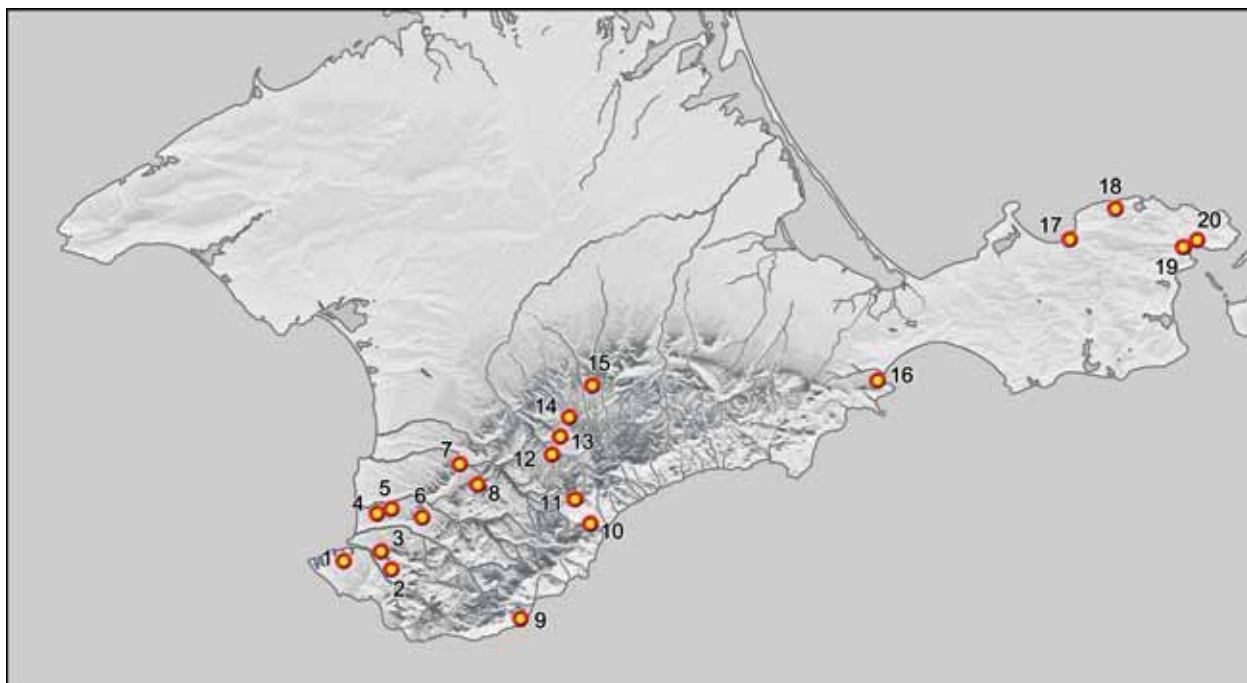

Рис. 3. Карта распространения мечей/кинжалов с вырезами в Крыму
 (по: Sourpault 1996, Магомедов/Левада 1996, Левада 2006, Иштванович, Кульчар 2009, Lebedynsky 2011, с дополнениями и исправлениями):
 1 — Килен-Балка, 2 — Совхоз-10 (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др. 2003–2004), 3 — Инкерман,
 4 — Вишнёвое (Пуздровский, Зайцев, Неневоля 2001),
 5 — Суворово (Зайцев 1997, Зайцев, Мордвинцева 2003),
 6 — Сувлу-Кая (раскопки и сообщение В. В. Масыкина),
 7 — Алма-Кермен (сообщение В. В. Масыкина), 8 — Озёрное, 9 — Ай-Тодор, 10 — Лучистое,
 11 — Чатыр-Даг, 12 — Заречье (Масыкин 2010), 13 — Дружное,
 14 — Опушки (раскопки и сообщение И. Н. Храпунова), 15 — Нейзац (Храпунов 2010),
 16 — Феодосия, музей, 17 — Заморское, 18 — Сиреневая Бухта (Масленников 1997),
 19 — Керчь-Глинище, 20 — Керчь

Fig. 3. Distribution map for swords/daggers with notches in the Crimea
 (based on: Sourpault 1996, Магомедов, Левада 1996, Левада 2006, Иштванович, Кульчар 2009, Lebedynsky 2011, with amendments and corrections):
 1 — Kilen-Balka, 2 — Sovkhoz-10 (Стржелецкий, Высотская, Рыжова et al. 2003–2004), 3 — Inkerman,
 4 — Vishnyovoeye (Пуздровский, Зайцев, Неневоля 2001),
 5 — Suvorovo (Зайцев 1997, Зайцев, Мордвинцева 2003),
 6 — Suvlu-Kaya (excavations and information by Vyacheslav Masyakin),
 7 — Al'ma-Kermen (information by Masyakin), 8 — Ozyornoye, 9 — Ay-Todor, 10 — Luchistoye,
 11 — Chatyr-Dag, 12 — Zarech'ye (Масыкин 2010), 13 — Druzhnoye,
 14 — Opushki (excavations and information by Igor' Khrapunov), 15 — Neyzats (Храпунов 2010),
 16 — Feodosiya (museum), 17 — Zamorskoye, 18 — Sirenevaya Bukhta (Масленников 1997),
 19 — Kerch-Glinishche, 20 — Kerch

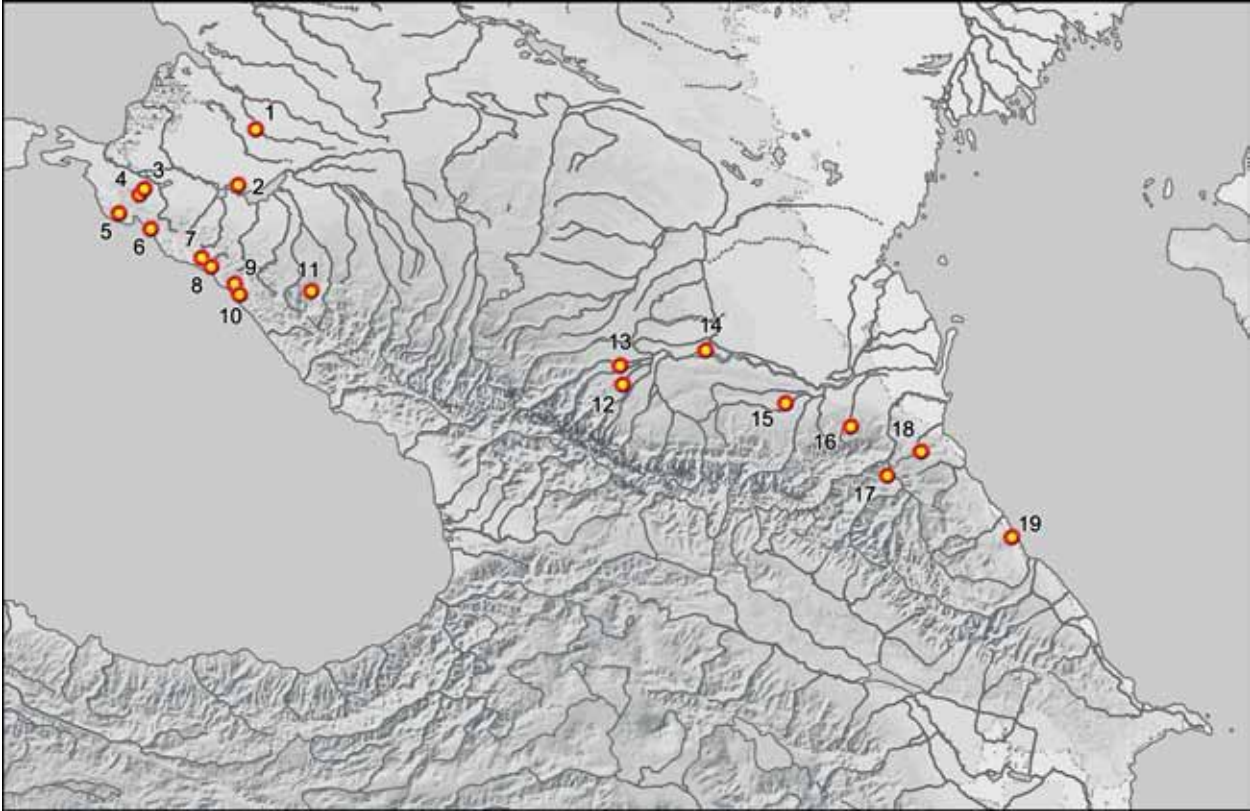

Рис. 4. Карта распространения мечей/кинжалов с вырезами на Кавказе
(по: Soupault 1996, Магомедов, Левада 1996, Левада 2006, Иштванович, Кульчар 2009,
Lebedynsky 2011, с дополнениями и исправлениями):

1 — Новокорсунская, 2 — Пашковский, 3 — Сопка Героев (раскопки Ю. В. Абояна, сообщение А. В. Дедюлькина), 4 — Молдавановское (Схатум 2004), 5 — Дюрсо, 6 — Борисово, 7 — Бжид (Порох, Пьянков 1999), 8 — Сопино, 9 — Агой-Карповка, 10 — Туапсе, 11 — Курджипский (Схатум 2004), 12 — Вольный Аул, 13 — Кишпек, 14 — Моздок, 15 — Черноечье 1, 16 — Лехч-Корт, 17 — Харачой, 18 — Большой Буйнакский, 19 — Дербент (Кудрявцев, Гаджиев 1991)

Fig. 4. Distribution map for swords/daggers with notches in Caucasus
(based on: Soupault 1996, Магомедов, Левада 1996, Левада 2006, Иштванович, Кульчар 2009,
Lebedynsky 2011, with amendments and corrections):

1 — Novokorsunskaya, 2 — Pashkovskiy, 3 — Sopka Geroyev (excavation by Yuriy Aboyan, information by Anton Dedyul'kin), 4 — Moldavanskoeye (Схатум 2004); 5 — Dyrso, 6 — Borisovo, 7 — Vzhid (Порох, Пьянков 1999), 8 — Sopino, 9 — Agoy-Karpovka, 10 — Tuapse, 11 — Kurdzhipskiy (Схатум 2004), 12 — Volnyy Aul, 13 — Kishpek, 14 — Mozdok, 15 — Chernoyech'ye, 16 — Lekhch-Kort, 17 — Kharachoy, 18 — Bol'shoy Buynakskiy, 19 — Derbent (Кудрявцев, Гаджиев 1991)

оружие начинает исчезать (Иштванович, Кульчар 2009, с. 143).

Во Франции 2 клинка найдено в реке Лот возле Сент-Ливарад-сюр-Ло (Аквитания) и ещё один на севере — в Флан-сюр-Сен (Ильде-Франс). находку из реки Я. Лебедински связывает с «Великим вторжением» 407–409 гг., а по поводу северной приводит мнение И. Бара, Ж. Сула, С. Годушо, считающих, что она укрепляет гипотезу о присутствии групп «алано-сармат» в Парижском Бассейне (Barat, Soulat, Gauduchon 2009; Lebedynsky 2011, p. 87–89). Это присутствие подтверждает находка в знаменитом погребении Эран/Мульт в Нормандии типичной крымской серьги с фигурным щитком типа 3 по Э. Хайрединовой, который принято датировать первой половиной V в. (Pilet 1995, p. 333, fig. 3; Хайрединова 2002, с. 61, рис. 4:16–19).

Таким образом, от основной территории своего распространения клинки с вырезами «уходят» как в причерноморскую лесостепь, так и вдоль Дуная в Венгрию, а дальше — до Юго-Западной Франции. Путь, намеченный из Крыма на запад, можно сопоставить с известной вандало-аланской миграцией. *«Вандалы прежде жили около Меотиды. Страдая от голода, они направились к германцам, называемым теперь франками, и к реке Рейну, присоединив к себе готское племя аланов»*, — пишет Прокопий Кесарийский (BV 1:III:1). Далее их передвижение продолжилось через Францию и Испанию в Северную Африку, где и было создано вандалское государство. Его короли-вандалы носили титул rex Vandalorum et Alanorum.

Может возникнуть справедливое сомнение — ведь ареал этих клинков, на первый взгляд, не включает традиционные, известные по более ранним источникам аланские земли. Их не видно в Центральном Предкавказье, единична находка на Нижнем Дону, нет их и на Нижней Волге или в Северном Прикаспии. По этому поводу хочу подчеркнуть, что воспринимать народы, известные по письменным источникам для позднего римского времени и эпохи Великого

переселения народов, как нечто единое целое неверно. Повторюсь — исходя из наших знаний, наиболее ранние мечи и кинжалы с вырезами найдены в Западном Прикаспии. И датируется их появление, возможно, второй половиной III в., но скорее всего — рубежом III – IV вв. Здесь уместно обратить внимание на наблюдение Т. А. Габуева о том, что и племя олондов, которое в этом регионе помещает Клавдий Птолемей ещё во II в., и упомянутую им же в этом регионе реку Алонта, можно отождествить с аланами. Вероятно, это была самостоятельная аланская группировка, а «некоторое несоответствие в написании этнонимов «аланы» и «олонды», а также отсутствие каких-либо сведений о политической жизни племени олондов позволяет предположить, что оно не было достаточно известно древним авторам и его название дошло до Птолемея от кого-либо в искажённом виде» (Габуев 1999, с. 53).

Период наибольшего распространения клинков с вырезами приходится на IV в., что можно объяснить начавшимися ещё с III в. аланскими экспансиями. Первоначальным направлением этого процесса была Иберия, т. е. юг. Но к концу IV в. какие-то аланы уже выступают как союзники гуннов в Северном Причерноморье, значит, они двигаются в сторону северо-запада (Амм. Мар. XXXI-3:1). Аммиан Марцеллин, описывая аланов непосредственно перед событиями, связанными с появлением в Северном Причерноморье гуннов, говорит, что они: *«раздроблены на множество племён»*, и что *«с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами»* (Амм. Мар. XXXI-2:17).

Возвращаясь к вопросу о населении, оставившем памятники типа Дружное-Нейзац, необходимо обратить внимание на анализ Т. А. Габуевым географических представлений Аммиана Марцеллина и локализации европейских алан. Северное Причерноморье имеет в представлении источника форму скифского лука со *«сведёнными с обеих сторон внутрь широ-*

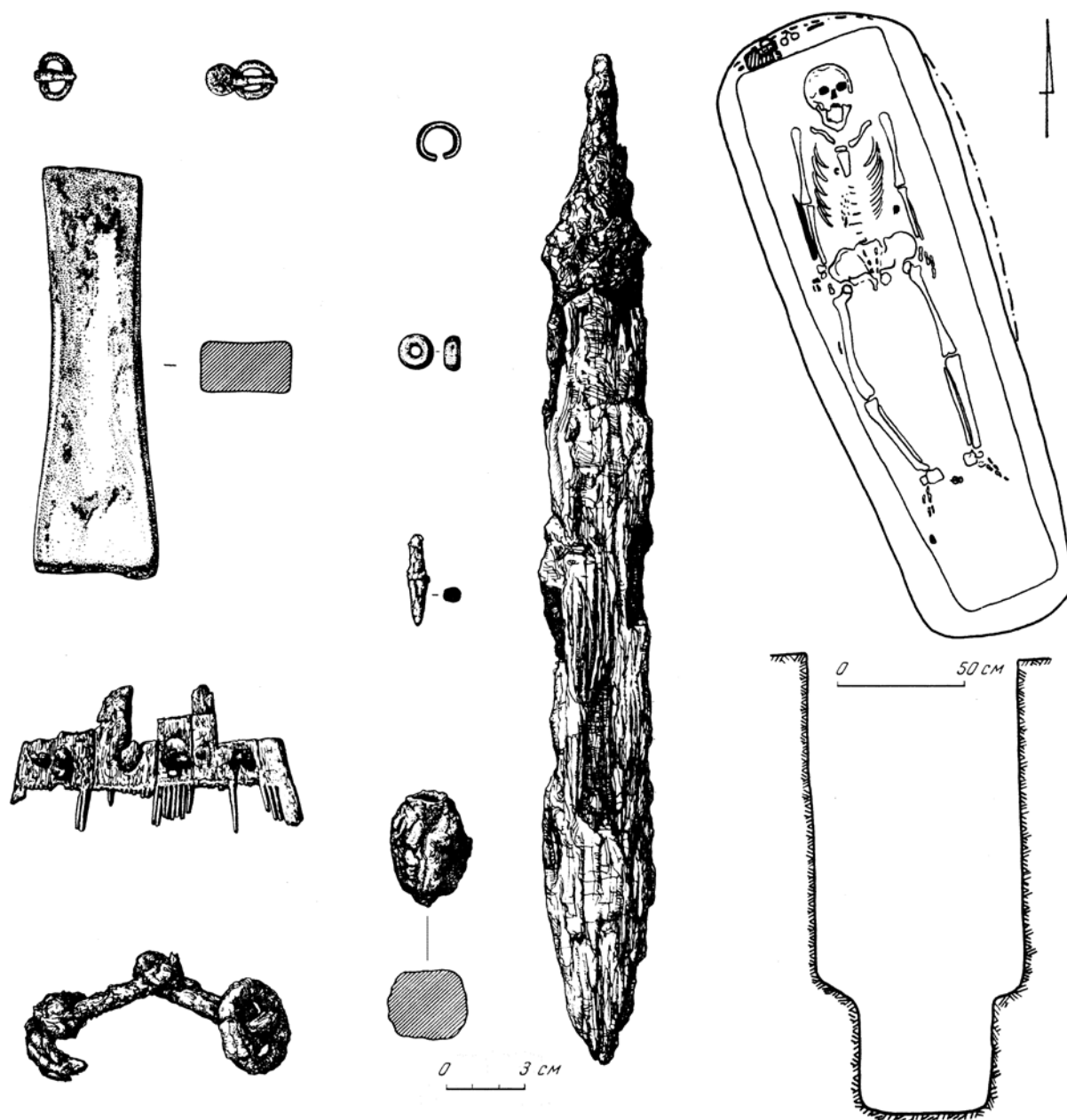

Рис. 5 Погребение могильника Николаевка (по отчёту Э. А. Сымоновича)

Fig. 5. A grave in the cemetery of Nikolayevka (based on Erast Symonovich's report)

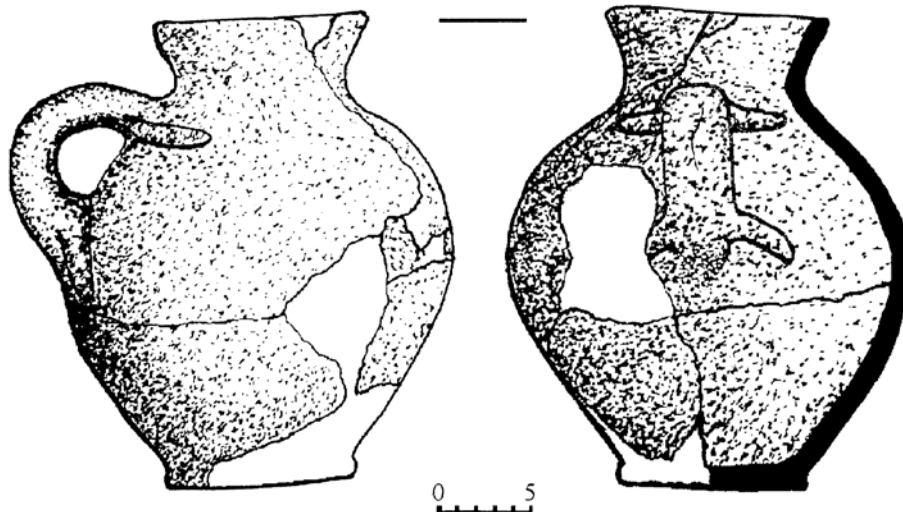

Рис. 6. Лепной кувшин из с. Омельник (по: Луговий, Ткаченко 2003)

Fig. 6. Hand-made jug from the village of Omel'nik (based on: Луговий, Ткаченко 2003)

кими кривыми рогами» и с окончаниями на Фракийском и Киммерийском Боспорах (Амм. Мар. XXII-8:37). Аланы помещены в «среднем пространстве лука» (Амм. Мар. XXII-8:42,). На основании этого Т. А. Габуев считает возможным предположить, что речь идёт о пространстве «к востоку от Борисфена (р. Днепр), включая и западное побережье Крымского полуострова» (Габуев 1999, с. 73).

У населения, оставившего могильники типа Дружное-Нейзац, была развита всадническая культура. На это указывают многочисленные находки в могилах деталей конской упряжи. А о высоком статусе лошади в этом обществе свидетельствуют погребения лошадей. Причём речь идёт не о захоронениях, сопровождающих человеческие могилы, а о самостоятельных конских погребениях (Храпунов 2002, с. 74–75; 2011, с. 22; Мульд 2009).

Ещё одной любопытной особенностью могильников типа Дружное-Нейзац является то, что на них неизвестны детали луков и очень редко встречены наконечники стрел. Так, в Дружном найдено всего 4 наконечника в двух могилах, в Нейзаце тоже 4 — так-

же в двух могилах (Храпунов 2002, с. 46, рис. 75:46, 182:12–14; 2010, с. 547–548, рис. 9:5,6,8,9). Вместе с тем, тех же клинков с вырезами в Дружном и Нейзаце найдено по 15 экземпляров на каждом памятнике (Храпунов 2002, с. 43, рис. 72:7,8, 90:1–3, 101:3, 164:3,10, 170:29, 199:6, 212:6,7; 2010, с. 538–544, рис. 4–6, 7:1). Хорошо представлены там и другие типы вооружения. Создаётся впечатление, что люди, похороненные на этих могильниках, с луком «не дружили».

Схожая картина для этого периода наблюдается и на Северном Кавказе. М. П. Абрамова приводит всего 6 железных и 7 костяных наконечников стрел из трёх погребений (Абрамова 1997, с. 115).

Такая «безлуковость» алан позволяет рассмотреть в качестве косвенной иллюстрации к аланской истории несколько эпизодов, напрямую с аланами не связанных. Точнее, она связана с историей тех алан, которые в эпоху Великого переселения народов оказались вне крымско-кавказской территории. Их судьба настолько тесно сплелась с восточногерманскими племенами, что они иногда даже воспринимались как их часть — «ски-

ры, аланы и другие готские племена», пишет Прокопий Кесарийский (ВГ I:1).

В Северной Африке, где вандал Гейзерик, rex Vandalorum et Alanorum, в 439 г. создал своё государство, местный народ маврусии вандалами полностью не были покорены. Война вандалского короля Трасамунда против маврусиев, которая произошла незадолго до его смерти в 523 г., в описании Прокопия Кесарийского содержит одно подтверждение, что алано-вандалское войско луком не владело. Правитель маврусиев Каваон, ожидая нападения вандалского войска, готовился к обороне. *«Очертив в поле круг, где он собирался возвести вал с палисадом, он в качестве укрепления поставил по кругу наискось верблюдов, сделав глубину фронта приблизительно в двенадцать верблюдов. (26) Детей, женщин и всех, кто был небоеспособен, вместе с ценностями он поместил в середине, а всему боеспособному люду он приказал находиться между ногами животных, прикрывшись щитами. (27) При виде этой фаланги маврусиев вандалы оказались в недоумении, не зная, что им предпринять в данном случае: они не могли точно метать ни дротики, ни стрелы, не умели они идти в бой пешим строем, но были лишь всадниками, в бою пользовались копьями и мечами и потому были не в состоянии нанести врагам урон издали, а их кони, приходя в волнение от вида верблюдов, никак не шли против врагов. (28) Маврусии же, находившиеся в безопасном положении, посылали против них тучи стрел, и дротиков, без труда убивая их; коней и их самих, и, так как их было великое множество и шли они густой толпой, вандалы обратились в бегство»* (ВВ 1:VIII:25–28).

Ещё один эпизод, связанный с неумением использовать лук, относится уже к истории другого восточногерманского племени — готы. Готы в эпоху Великого переселения были известны своей конницей. Считается, что этот род войск появился у

них в Северном Причерноморье именно под влиянием алан.

Первое появление устрашающей готской конницы связано с событиями 376 г. — битвой при Адрианополе. Перелом в этом сражении был достигнут благодаря кавалерийскому удару. *«А готская конница между тем вернулась с Алафеем и Сафраком во главе вместе с отрядом аланов. Как молния появилась она с крутых гор и пронеслась в стремительной атаке, сметая всё на своём пути»* — пишет Аммиан Марцеллин (Амм. Мар. XXXI-12:17). Эта атака с господствующей высоты и решила исход битвы.

Здесь следует обратить внимание на мнение А. В. Симоненко, что готы, появившиеся во второй половине III в. в Северном Причерноморье, существенно повлияли на алан в военном отношении, что привело к образованию у алан своеобразного гото-аланского комплекса вооружения. «Длинные и узкие мечи 2-го типа сменились такими же длинными, но более широкими и тяжёлыми мечами 3-го типа, готскими по происхождению. В IV в. н. э. с Северного Кавказа попадают в Крым и широко распространяются там кинжалы 5-го типа с вырезами у пяты клинка. Используются готские щиты с железными умбонами и северокавказские наконечники копий. Вместе с тем аланы остаются всадниками: в воинских могилах часты металлические гарнитуры сбруйных наборов сарматского облика, хотя встречаются и готские шпоры» (Симоненко 2010, с. 244). Таким образом, можно говорить о взаимном влиянии военного искусства, что вполне правдоподобно для соседствующих, тем более — воинствующих, народов.

Правда, по поводу участия аланского отряда в сражении при Адрианополе может возникнуть справедливый вопрос — когда появилось это объединение, если на протяжении IV в. отношения этих двух народов, возможно, были далеки от идеала? И действительно, Иордан, перечисляя всех реальных и мнимых соседей, покорённых готами Германариха, аланов не упомина-

ет. У него их не существует вообще вплоть до момента появления гуннов в Северном Причерноморье (Гетика, 126). Причём, как мы знаем из Аммиана Марцеллина, аланы появляются на страницах готской истории в качестве союзников гуннов, а вскоре разгорается даже отдельная алано-готская война (Амм. Мар. XXXI-3:1).

Скорее всего, отряд Алатея и Сафрака примкнул к готам непосредственно перед самой битвой, поскольку Аммиан Марцеллин вначале говорит, что часть готских сил во главе с ними перед битвой находилась далеко и была вызвана Фритигерном. Позже он пишет об их возвращении уже *«вместе с отрядом аланов»* (Амм. Мар. XXXI-12:12, 12:17).

Участие алан в битве, таким образом, сомнений не вызывает, а вот по поводу часто упоминаемого аланского происхождения самого Сафрака хочется сделать одно осторожное замечание. Обычно исходят из того, что Сафрак — это имя не германское, а скорее иранское. Так, например, Х. Вольфрам даже называет Сафрака «аланским союзником» Алафея/Алатея (Вольфрам 2003, с. 169). Но ни Аммиан Марцеллин, ни Иордан не называют его аланом, а только одним из вождей и регентов гревтунгов-остроготов. Для эпохи Великого переселения народов, когда воинские элиты разных народов были настолько плотно связаны, что создали своеобразную субкультуру, имя не всегда являлось этническим признаком. Мы знаем, что у родного старшего брата Атиллы было германское имя Бледа, но это не мешало именно ему, согласно Галльской хронике 452 года, быть наследником гуннского престола: *«Умирает царь гуннов Ругила, с которым был утверждён мир. Ему наследует Бледа»* (Козлов 2004, с. 78).

Как бы то ни было, главной силой готского войска в Европе стала тяжёлая кавалерия. Иордан, описывая упомянутую битву 435 г. на Недао, говорит, что готы сражались именно контосами («contii» у Иордана: Гетика, 261). И похоже готы, также как и аланы, пренебрегали луками, что позже в Италии при-

вело к трагическим последствиям для всей истории остроготов.

Во время войны, которую император Юстиниан вёл против готов в Италии, его полководец Велизарий воспользовался явной слабостью готской армии. Получив при обороне Рима подкрепление в виде 600 всадников, большинство из которых были *«гунны, славяне и анты»*, он приказал своему офицеру по имени Траян с частью этих всадников провоцировать готов. Но вместе с тем, как пишет Прокопий, *«не давать им вступать в рукопашный бой или браться за мечи или дротики, а пользоваться только луками; когда же он увидит, что их колчаны опустели, то без всякого стыда обратиться в бегство и из всех сил бегом вернуться в укрепления»*. И действительно, *«воины, бывшие с Траяном, взойдя на холм, который им указал Велизарий, отражали оттуда варваров, поражая их стрелами»* (ВГ I:27). По словам Прокопия, готы потеряли *«не меньше тысячи»*.

Несколько дней спустя другой отряд Велизария повторил этот успех, уничтожив *«не меньше, если не больше, чем в первом деле»*. Удивительно, но готы и в третий раз попались на эту уловку. Прокопий пишет: *«В этих трёх, как мною сказано, вылазках он убил приблизительно четыре тысячи человек»* (ВГ I:27).

Готы Витигиса, видя эффективность римских вылазок, решили позаимствовать их тактику. *«Витигис не понимал различия вооружения, так и в отношении опытности в военном деле»* — пишет Прокопий. Именно поэтому они дважды потерпели сокрушительное поражение. Вышедшие навстречу Воины Велизария *«окружив неприятеля и всё время поражая их с тыла, они многих убили, а остальных принудили спуститься в равнину. Когда здесь завязалась рукопашная битва, не равная по силам, то многие готы были убиты, и лишь очень немногие с трудом бежали и вернулись в свой лагерь»* (ВГ I:27).

Через три дня готы решили повторить стычку. *«В произошедшей тотчас же конной битве римляне, намного превосходя их численностью, безо всякого труда обратили их в бегство и перебили почти всех»* (ВГ I:27).

О причинах успехов римлян и поражений готов Прокопий говорит словами самого Велизария: *«он сказал, что в самом начале, вступив в сражение с небольшим отрядом, он заметил, какая разница между тем и другим войском, так что если вступить в сражение, сохраняя пропорциональное соотношение сил, то многочисленность врагов не может причинить вреда его малочисленному войску. Разница в том, что почти все римляне и их союзники гунны являются хорошими стрелками из луков верхом, а из готов с этим делом никто не знаком, но их всадники пользуются только дротиками и мечами; их же стрелки сражаются пешими и вступают в бой, прикрытые рядами тяжёлых воинов. Поэтому их всадники, если идёт не рукопашный бой, не имея чем защищаться против врагов, пользующихся луками, легко ими поражаемые (стрелами) гибнут, а пехотинцы никогда не могут произвести нападения на всадников»* (ВГ I:27).

То, что готы не сделали никаких выводов из этих своих неудач, очевидно. История их королевства в Италии закончилась именно из-за недооценки эффективности луков. В последней битве этой войны, битве при Буста-Галлорум, Нарсес, новый римский главнокомандующий, применил против тяжёлой готской конницы очень эффективную тактику. Римская армия была построена в виде вогнутого полумесяца, а её фланги усилены восьмью тысячами лучников (ВГ IV:31).

Готы начали битву с традиционной фронтальной атаки кавалерии: *«... оставив позади себя всю пехоту, полагаясь только на свои копья, устремились в слепом порыве храбрости, но, попав в битву, жестоко заплатили за своё неразумие. Устремившись на центр врагов, они не заметили, что оказались в середине восьми тысяч пехоты;*

они быстро пали духом, поражаемые стрелами справа и слева, так как стрелки, как я только что сказал, стоявшие по флангам фронта, сильно загнули края боевой линии, как крутой серп луны. В этой схватке готы потеряли много людей и коней, ещё не успев вступить в бой с неприятелем, и понеся много непоправимых потерь, они с запозданием и большим трудом подошли к неприятельской линии» (ВГ IV:32).

Надо помнить, что тяжёлая кавалерия в случае неудачной атаки становится очень уязвимой. Расстроенный залпами лучников порядок восстановить без прикрытия пехоты, оставшейся далеко позади, готы не могли. Римляне начали встречную атаку, опрокинули готскую конницу и погнали её на отставшую собственную пехоту. А та, не успев расступиться, сама оказалась смятой. Повальное бегство закончилось всеобщей резнёй, и остrogотское королевство прекратило своё существование.

* * *

Подведём итоги. На рубеже IV в. в Крым приходит новое население. По ряду признаков можно с высокой степенью уверенности утверждать, что это были аланы, уже известные по более ранним источникам. Судя по материалам погребений, у крымских аланов, также как и у их сородичей за пределами Крыма, была развита воинская всадническая культура, но при этом лук большого значения не имел.

В конце IV в. это аланское население Крыма, вероятно в результате прихода гуннов, резко сокращается, часть его, без сомнения, уходит на Запад.

Бегство причерноморских народов от гуннского вторжения приводит к появлению в приделах Римской Империи двух восточногерманских племён — вандалов и готов, которые там, как и аланы, стали известны своей тяжёлой кавалерией. Судьба вандалов оказалась напрямую связанной с частью алан на всём протяжении их истории, что подтверждают письменные источники. Для готов такая связь известна только в самом

начале их пути (аланский отряд в битве при Адрианополе), но косвенные признаки (наличие этой самой тяжёлой конницы, умение сражаться пикой-контосом, пренебрежение луком) говорят о сильном аланском влиянии на готское военное искусство.

Гунны принесли в Европу новую эффективную манеру ведения боя — стрельбу из седла. Мощные рефлекторные луки в сочетании с искусством верховой езды давали им значительные преимущества над соперниками. *«Нынешние лучники идут в сражение, одетые в панцирь, с поножами до колен. С правой стороны у них свешиваются стрелы с левой — меч. (13) Есть среди них и такие, у которых имеется копье, а [на ремне] за плечами — короткий без рукояти щит, которым они могут за-*

крывать лицо и шею. (14) Они прекрасные наездники и могут без труда на полном скаку натягивать лук и, пускать стрелы в обе стороны, как в бегущего от них, так и преследующего их неприятеля. (15) Лук они поднимают до лба, а тетиву натягивают до правого уха, отчего стрела пускается с такой мощью, что всегда поражает того, в кого попадает, и ни щит, ни панцирь не может отворотить её стремительного удара» (ВП 1:1:12–15).

То, что ни аланы, ни вандалы, ни готы не владели навыками стрельбы из седла, вероятно и сделало их такими уязвимыми перед гуннами, и в какой-то мере подстегнуло те процессы, которые привели к явлению, известному как Великое переселение народов.

Литература

- Аммиан Марцеллин. Римская История. Перевод Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. — СПб., 1996.
- Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Перевод Е. Ч. Скржинской. — СПб., 1997.
- Прокопий Кесарийский. Война с готами. Перевод С. П. Кондратьева. — М., 1996.
- Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Перевод А. А. Чекаловой. — СПб., 1998.
- Абрамова М. П. Ранние аланы Северного Кавказа III – V вв. н. э. — М., 1997.
- Алемань А. Аланы в древних и средневековых источниках. — М., 2003.
- Айбабин А. И. Население Крыма в середине III – IV вв. // МАИЭТ. Вып. V. — Симферополь, 1996.
- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь, 1999.
- Власов В. П. Лепная керамика из некрополя III – IV вв. н. э. Дружное в Крыму // Сто лет черняховской культуре. — Киев, 1999.
- Власов В. П. Северокавказские параллели в лепной керамике Крыма римского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. X. — Симферополь, 2003.
- Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). — СПб., 2003.
- Габуев Т. А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). — Владикавказ, 1999.
- Зайцев Ю. П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. — Симферополь, 1997.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Исследование могильника у с. Суворово в 2001 г. // МАИЭТ. Вып. X. — Симферополь, 2003.
- Исследования могильника Нейзац. — Симферополь, 2011.
- Иштванович Э., Кульчар В. Мечи/кинжалы с боковыми вырезами в Карпатском бассейне // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. — СПб., 2009.
- Козлов А. С. О тенденциозности «Галльской хроники 452 года» // АДСВ. Вып. 35. — Екатеринбург, 2004.

- Контны Б., Савеля Д. Ю. Вооружение из могильника в Килен-Балке // МАИЭТ. Вып. XII. Ч. I. — Симферополь, 2006.
- Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С. Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. — Махачкала, 1991.
- Левада М. Е. Кинжалы типа Хазанов-V в Среднем Поднепровье // Боспорские чтения. Вып. VII. Боспор Киммерийский и варварский мир в античности и средневековье. Окож. — Керчь, 2006.
- Левада М. Е. Миф о городищах черняховской культуры // Готы и Рим. — Киев, 2006а.
- Луговий Р. С., Ткаченко О. М. Археологічні знахідки з Кременчуччини у збірці Полтавського краєзнавчого музею // Археологічний літопис Лівобережної України № 2 (14). — Полтава, 2003.
- Магомедов Б. В., Левада М. Е. Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. Вып. V. — Симферополь, 1996.
- Масленников А. А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. — М., 1997.
- Масякин В. В. Склеп позднеримского времени у с. Заречное в Центральном Крыму // Древняя и средневековая Таврика. — Донецк, 2010.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Научные школы Волгоградского государственного университета. — Волгоград, 1999.
- Мульд С. А. Конские погребения из могильников варварского населения Крыма первых веков нашей эры // Боспорские чтения. Вып. X. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. — Керчь, 2009.
- Перевалов С. М. Военное дело у аланов II в. н. э. (по трактатам Флавия Арриана «Диспозиция против аланов» и «Тактика») // Историко-археологический альманах. № 3. — Армавир — М., 1997.
- Порох А. Н., Пьянков А. В. Кинжалы с вырезами у рукояти из могильника Бжид-1 (хронологический и технологический аспекты изучения) // Донская археология. № 3–4. — Ростов-на-Дону, 1999.
- Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. Новые памятники III – IV вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. Вып. VIII. — Симферополь, 2001.
- Симоненко А. В. Тридцать пять лет спустя. Послесловие-комментарий // Хазанов А. М. Избранные труды: очерки военного дела сарматов. — СПб., 2008.
- Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. — СПб., 2010.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. 2003–2004. № 4.
- Схатум Р. Б. О назначении вырезов у рукояти на кинжалах V – VII вв. // Магистериум. Вып. 2. — Краснодар, 2004.
- Сымонович Э. А. Отчёт о работах Николаевского отряда ИА АН СССР и института археологии при Московском государственном университете в 1966 г. // Научный архив ИА НАН Украины, 1966/68.
- Сымонович Э. А. Раскопки Николаевского могильника на Нижнем Днепре // КСИА. 1969. Вып. 119.
- Хайрединова Э. А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI вв. // МАИЭТ. Вып. IX. — Симферополь, 2002.
- Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III – IV вв. нашей эры). — Lublin, 2002.

- Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. Вып. VI. — Керчь, 2004.
- Храпунов И. Н. Оружие из могильника Нейзац // Terra Barbarica. — Łódź – Warszawa, 2010.
- Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследования могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. — Симферополь, 2011.
- Barat Y., Soulat J., Gauduchon S. La présence d'un établissement germanique au début du Ve siècle à Flins-sur-Seine (Yvelines) // Antiquités Nationales. 2009. 40.
- Lebedynsky I. Armes et guerriers barbares au temps des Grandes Invasions (IVe au VIe siècle après J.-C.). — Paris, 2001.
- Lebedynsky I. Sur les traces des alains et sarmates en Gaule. Du Caucase à la Gaule (IVe – Ve siècle). — Paris, 2011.
- Pilet Ch. Un centre de pouvoir : le domaine d'Airan, Calvados (IVe – IXe siècles). // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIIe siècle. — Saint-Germain-en-Laye, 1995.
- Soupault V. A propos de l'origine et de la diffusion des poignards et épées à encoches (IVe – VIIe s.) // МАИЭТ. Вып. V. — Симферополь, 1996.

Maxim LEVADA

On the Influence of the Alans' Tradition of War on the East Germanic Peoples

Abstract

It was the late twentieth century when archaeologists attributed a special archaeological culture in the Crimea inherent to the Alans in the Late Roman period. These antiquities were called the monuments of Druzhnoye-Nezats type. According to a set of features, they are comparable with Alanic antiquities in the North Caucasus.

Among such features are specific daggers/swords with notches in the blade where the handle begins. These weapons are absolutely the same in these two regions. It is demonstrative that the way of placement of these weapons is also the same: at the head of the deceased or along his hands.

The new distribution map of these finds allows us to see the migration routes of a part of the Alans from the Crimea in the Great Migration period (figs. 2–4). These migrations are well known historically, similarly to the fact that they happened within the general East Germanic current from the northern Black Sea area.

Another typical feature of graves in the Crimea and in North Caucasus from the Late Roman period is the absence of details of bows and arrowheads. This feature of the Alans known with their heavy cavalry could be borrowed by their Germanic neighbours, the Goths and Vandals, because it is considered that these two peoples borrowed the skill of cavalry in the northern Black Sea area namely from the Alans.

The account of written sources allows us to confirm that the Goths and Vandals were bad archers. Such lack of skill is mentioned by Procopius in *Bello Vandalico* (1. 8. 25–28). The Goths paid for their underestimation of bows two times: first during the siege of Rome (Procop. *BG* 1. 27), and then in the end of their history, in the battle of Busta Gallorum (Procop. *BG* 4. 31).

The Huns brought to Europe a new effective way of battling with mounted archery. Their strong reflective bows combined with skill of horse-riding gave them a great advantage over the enemy. The Alans', Vandals', and Goths' absence of skill in mounted archery made them so vulnerable by the Huns and, to some degree, promoted the process which resulted in the phenomenon known as the Great Migration.

И. Н. Храпунов

Особенности могильника Нейзац

В крымских предгорьях открыты могильники Курское (Труфанов, Колтухов 2001–2002; Труфанов 2004), Нейзац (Храпунов 2011а), Дружное (Храпунов 2002), Заречное (Масякин 2010), Перевальное (Пуздровский 1994), Озерное III (Лобода 1977), Красная Заря (Белый, Неневоля 1994, с. 254, 255; Пуздровский, Зайцев, Неневоля 2001, с. 32; Неневоля, Волошинов 2001), Тас-Тепе (Пуздровский, Зайцев, Неневоля 2001, с. 32,33), Вишневое (Пуздровский, Зайцев, Неневоля 2001, с. 33, 34), Суворово (Зайцев 1997; Зайцев, Мордвинцева 2003; Юрочкин, Труфанов 2003), Инкерманский (Веймарн 1963), Чернореченский (Бабенчиков 1963), Килен-Балка (Савеля, Савеля 1994; Нессель 2003; Контны, Савеля 2006). Они состоят из грунтовых могил, подбойных могил и выкопанных в земле склепов особой конструкции, датируются в пределах II – IV вв. н. э. (Чернореченский и Инкерманский могильники использовались и позднее). Ни один из этих некрополей не связан с поселением. Все они принадлежат одной археологической культуре.

Последнее утверждение представляется бесспорным, но оно сугубо интуитивно.

Никто еще не предпринял серьезной попытки определить территориальные и хронологические границы, выделить особенности погребальных сооружений, обрядов и инвентаря, которые, с одной стороны, позволят констатировать культурное сходство группы некрополей, а с другой — отличают их от всех других известных памятников. Несмотря на то, что работу по выделению особой археологической культуры предгорий позднеримского времени еще только предстоит сделать, сходство по основным культурным показателям перечисленных выше памятников очевидно и не вызывает сомнения ни у кого из исследователей (Храпунов 2004, с. 134–137).

Современное состояние изученности памятников, о которых идет речь, позволяет выделить не только бросающиеся в глаза общие для них элементы материальной культуры, но и гораздо менее заметные особенности, отличающие один могильник от другого внутри культурной общности. Их удобней всего проследить по результатам раскопок могильника Нейзац. Он расположен примерно в 20 км к востоку от Симферополя, вблизи с. Баланово, в долине

реки Зуя. На площади более 0,5 га раскопано 492 погребальных сооружений, в том числе 78 склепов, 167 подбойных могил и 247 грунтовых могил. Несмотря на то, что могильник раскопан далеко не полностью, по степени изученности он далеко превосходит все остальные однокультурные памятники.¹ Это позволяет выявить значительное число его индивидуальных особенностей, но, в то же время, затрудняет сравнение с другими могильниками. Всегда можно предположить, что то или иное отличие могильника Нейзац мнимое и объясняется лишь фрагментарной изученностью сравниваемых с ним памятников. Тем не менее, не забывая об этом обстоятельстве, имеет смысл предпринять первую попытку выделить особенности культуры, присущие относительно небольшой группе населения, оставившей могильник.

Прежде всего, следует обратить внимание на наличие в могильнике Нейзац участка с погребениями II в. н. э. В остальных однотипных могильниках ранние погребения датируются концом II – первой половиной III в. н. э. По основным признакам погребальных сооружений, обряда и инвентаря они соответствуют позднесарматской археологической культуре. Небольшой участок на северной окраине могильника Нейзац занимают несколько десятков грунтовых и подбойных могил, которые датируются второй – третьей четвертями II в. н. э. и относятся к среднесарматской археологической культуре. Эти могилы свидетельствуют о более раннем, чем принято было думать, проникновении некоторых сарматских группировок из степи в предгорья и их седентаризации. Возможно, долина Зуи была первым в Крыму местом оседания сармат, но, всего скорее, ранние участки найдутся и на других могильниках, если они будут исследоваться систематически, большими площадями.

Еще одной особенностью могильника Нейзац, которая, может быть, только кажет-

ся таковой из-за недостаточной изученности других некрополей, является наличие склепов с погребениями первой половины III в. н. э. (Храпунов, Мульд 2004; Храпунов 2006; 2011б). Склепы с короткими дромосами, не имеющие прототипов в Крыму, давно обсуждаются исследователями в связи с реконструируемой по археологическим данным миграцией предков кавказских алан в Крым. До открытия нейзацких склепов казалось, что подобные погребальные сооружения появились в Крыму во второй половине III в. н. э., после зафиксированного письменными источниками вторжения германцев в Северное Причерноморье. Теперь выяснилось, что такие склепы, пусть единичные, использовались в Крыму раньше, чем принято было думать и, следовательно, какие-то небольшие группы северокавказского населения пришли в предгорный Крым еще до так называемых готских походов.

Отличие могильника Нейзац от всех других известных памятников заключается в том, что над значительной частью могил накопился культурный слой. Он подробно охарактеризован в специальной статье (Власов, Смокотина, Храпунов 2011). Здесь кратко отметим следующее. Культурный слой ничем принципиально не отличается от тех напластований, которые обычно накапливаются на местах поселений. Его мощность местами превышает 1,0 м. Он насыщен обломками керамических сосудов и костями животных, встречаются также пряслица, ножи и другие вещи. В материке были выкопаны многочисленные хозяйственные ямы, специальные неглубокие ямы с углублениями в дне для установки в них сосудов, ямы для столбовых конструкций. Встречено погребение младенца. Все находки, сделанные в культурном слое, датируются IV в. н. э. Слой перекрывает погребения III в. н. э. Краснолаковые и лепные сосуды, фрагменты которых найдены в культурном слое, относятся к тем же ти-

¹ В могильниках Дружное и Инкерманский исследованы все сохранившиеся погребальные сооружения. Однако значительная часть этих некрополей, причем самая ранняя, была уничтожена еще до начала археологических раскопок.

пам, что и использовавшиеся в качестве погребального инвентаря в погребениях IV в. н. э. Граница культурного слоя проходит не более чем в 10 м от ближайших могил IV в. н. э. Следует еще отметить, что культурный слой занимает хоть и значительную, но все же меньшую часть могильника, отдельные обломки керамических сосудов и другие находки встречаются на всей территории памятника. Последнее обстоятельство тоже не характерно для некрополей типа нейзацкого.

Таким образом, получается, что какая-то группа людей на протяжении большей части IV в. н. э. жила в полном смысле слова на могилах и хоронила своих соплеменников буквально в нескольких метрах. Причины, которые заставили этих людей жить в столь необычных условиях, их образ жизни и род занятий остаются не выясненными.

При раскопках могильника Нейзац, кажется, впервые, зафиксирован обряд, который можно назвать опустошением склепов. Речь идет о том, что погребальные камеры склепов очищались от погребений и погребального инвентаря, а затем в них совершались новые захоронения. Следы подобных действий отмечены в нескольких случаях, но особенно наглядно в склепе № 473 (рис. 1). Этот склеп конструктивно ничем не отличается от многих других погребальных сооружений, раскопанных как в могильнике Нейзац, так и в других однотипных могильниках. В его погребальной камере не сохранилось никаких следов инвентаря, не было ни одной кости. Погребение совершено в частично заполненной землей входной яме. Поверхность, на которой лежал погребенный, имела вид склона, понижавшегося по направлению к дромосу. Захоронение было совершено в вытянутом положении на спине так, что голова находилась в дромосе, а ноги во входной яме. При этом голова располагалась на 0,6 м ниже ног. В районе шеи погребенного обнаружены бронзовая топовидная подвеска (рис. 1, 3) и стеклянная бусина (рис. 1, 5), у кисти левой руки лежал обломок костяного предмета (рис. 1, 3).

Такая ситуация может быть истолкована двояко. Либо в погребальной камере никого не хоронили, а, выкопав склеп, частично засыпали входную яму и положили туда умершего, либо сначала совершили обычные для такого рода погребальных сооружений захоронения, через некоторое время очистили от них погребальную камеру и совершили не имеющее аналогий погребение во входной яме.

Второй вариант представляется гораздо более вероятным. Он подтверждается, в частности, тем, что следы подобных обрядов зафиксированы еще в нескольких склепах. Там, правда, погребальные камеры очищались не столь тщательно, в них сохранялись отдельные кости от первоначально погребенных и остатки погребального инвентаря. Поверх всего этого в погребальной камере совершались вторичные захоронения. Подвеска и бусина, сопровождавшие погребенного в склепе № 473, не оставляют сомнения в его принадлежности той же культуре, что и остальные захоронения могильника Нейзац. Войти в погребальную камеру, не разрушив погребение во входной яме, было невозможно. Смысл описанного выше обряда не ясен, аналогий в других могильниках, судя по публикациям, он не имеет.

В могильнике Нейзац все время его существования хоронили коней. Для их погребения использовались отдельные могилы, входные ямы подбойных могил и склепов, подбои, выкопанные в стенах входных ям склепов. В склепе № 4 лошадь похоронили в погребальной камере. Предварительно, чтобы пронести через узкий дромос, ее пришлось разрубить на куски, а затем сложить в относительном анатомическом порядке (Храпунов 2008а, с. 360, 385). Схожая ситуация зафиксирована при раскопках склепа № 78 могильника Дружное (Храпунов 2002, с. 33). Склеп III в. н. э. № 104 был ограблен в древности. Грабительский лаз на высоте 1,3 м от его дна перекрывало погребение лошади. Оно было совершено в древности,

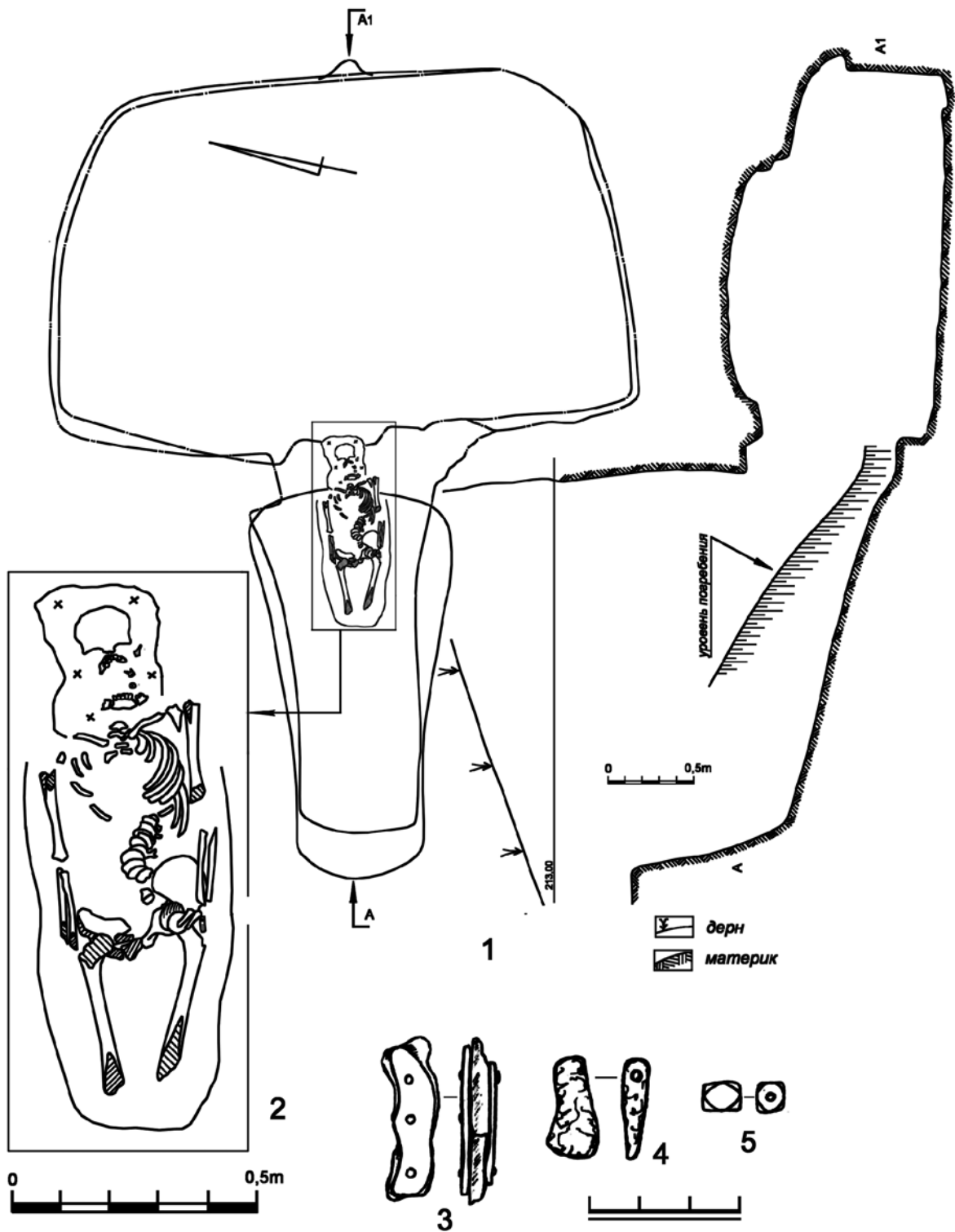

Рис. 1. 1 — план и разрез склепа № 473; 2 — погребение во входной яме;
 3 — обломок костяного предмета; 4 — бронзовая подвеска; 5 — стеклянная бусина

Fig. 1. 1 — plans and section of burial vault no. 473; 2 — burial in the entrance pit;
 3 — fragment of bone artefact; 4 — bronze pendant; 5 — glass bead

но после того, как склеп ограбили (Храпунов, Мульд 2004, с. 309).

В некоторых случаях вместе с лошадьми хоронили собак. В могиле № 454 вместе с лошастью обнаружили погребения двух собак, причем на одну из них был надет бронзовый ошейник (рис. 2). Известны парные не одновременные захоронения лошадей. Кости ранее похороненного животного сдвигались при подзахоронении. В заполнении входных ям некоторых склепов и подбойных могил находились многочисленные кости лошадей, включая черепа, но не полные скелеты и не в анатомическом порядке. Как правило, лошадей хоронили на боку с подогнутыми ногами, втискивая их в узкие могильные ямы или подбои, но известны и гораздо менее многочисленные погребения, совершенные на животе. В некоторых могилах лошадей поместили вертикально, вырезав при этом в стене ступеньку-подставку для головы. Такой обряд имеет аналогии в других могильниках (Мульд 1999, с. 188–189; Пуздровский 2001, с. 123). Специально следует отметить, что погребения лошадей не сопровождалось инвентарем. В то же время, многочисленные и разнообразные детали конской сбруи находились во многих захоронениях людей.

Погребения лошадей обнаружены и в других крымских некрополях, но их многочисленность и разнообразие, безусловно, являются специфической особенностью могильника Нейзац.

В публикациях о раскопках могильников позднеримского времени в предгорном Крыму не содержится данных о погребениях собак. В могильнике Нейзац они встречались неоднократно. О том, что собак хоронили в одних могилах с лошадьми, уже говорилось. Кроме того, их погребения обнаружены во входных ямах некоторых склепов (Храпунов, Мульд 2004, с. 309).

Специально для погребения собаки была предназначена единственная могила № 482 (рис. 3). Прямоугольная в плане могила ориентирована с юго-запада на северо-восток.

Ее размеры 0,9 x 0,45 м, глубина от уровня материка — 0,35 м, от современной дневной поверхности — 0,8 м. Собаку положили на правый бок, головой на восток. По определению ведущего специалиста кафедры зоологии Таврического национального университета Д. Б. Старцева, это было животное 5–7 летнего возраста, размерного класса спаниеля. К северной стене могилы примыкал вырубленный в материке желоб. Его ширина составляла 0,3 м, глубина — 0,15 м. Желоб тянулся на протяжении 1,1 м, постепенно сходя «на нет». Небольшие размеры могилы указывают на то, что ее делали специально для погребения собаки. Ничего похожего на желоб рядом ни с одной из нейзацких могил не обнаружено.

Между могилами выкапывали ямы и заполняли их сосудами. Обнаружено 16 ям, выкопанных в материке, и 19 так называемых скоплений сосудов. Последние расчищены в надматериковом слое и, по всей вероятности, представляли собой те же ямы, но стенки их проследить не удалось. В ямы диаметром около 1,0 м и глубиной в материке до 0,8 м ставили от 5 до 35 лепных, краснолаковых и стеклянных сосудов, располагая их вплотную друг к другу или друг в друге. Во многих сосудах сохранились кости животных и птиц, а также куриные яйца. Сосуды разнообразны по размерам и форме, среди них есть миски, горшки, кружки, кувшины, блюда, стаканы и один фигурный сосуд в виде барана. Следует отметить, что многие из них опускали в ямы пустыми, иначе было бы невозможно ставить их один в другой. Все сосуды из ям датируются IV в. н. э. Обычай выкапывать между могилами ямы и заполнять их сосудами не имеет аналогий ни в одном другом из исследованных могильников.

Некоторые погребальные сооружения Нейзацкого могильника отличаются необычными конструктивными деталями. Так, обнаружено несколько десятков прямоугольных в плане могил, в двух длинных или во всех четырех стенах которых сделаны пазы. Пазы располагались на высоте 0,5–0,7 м от

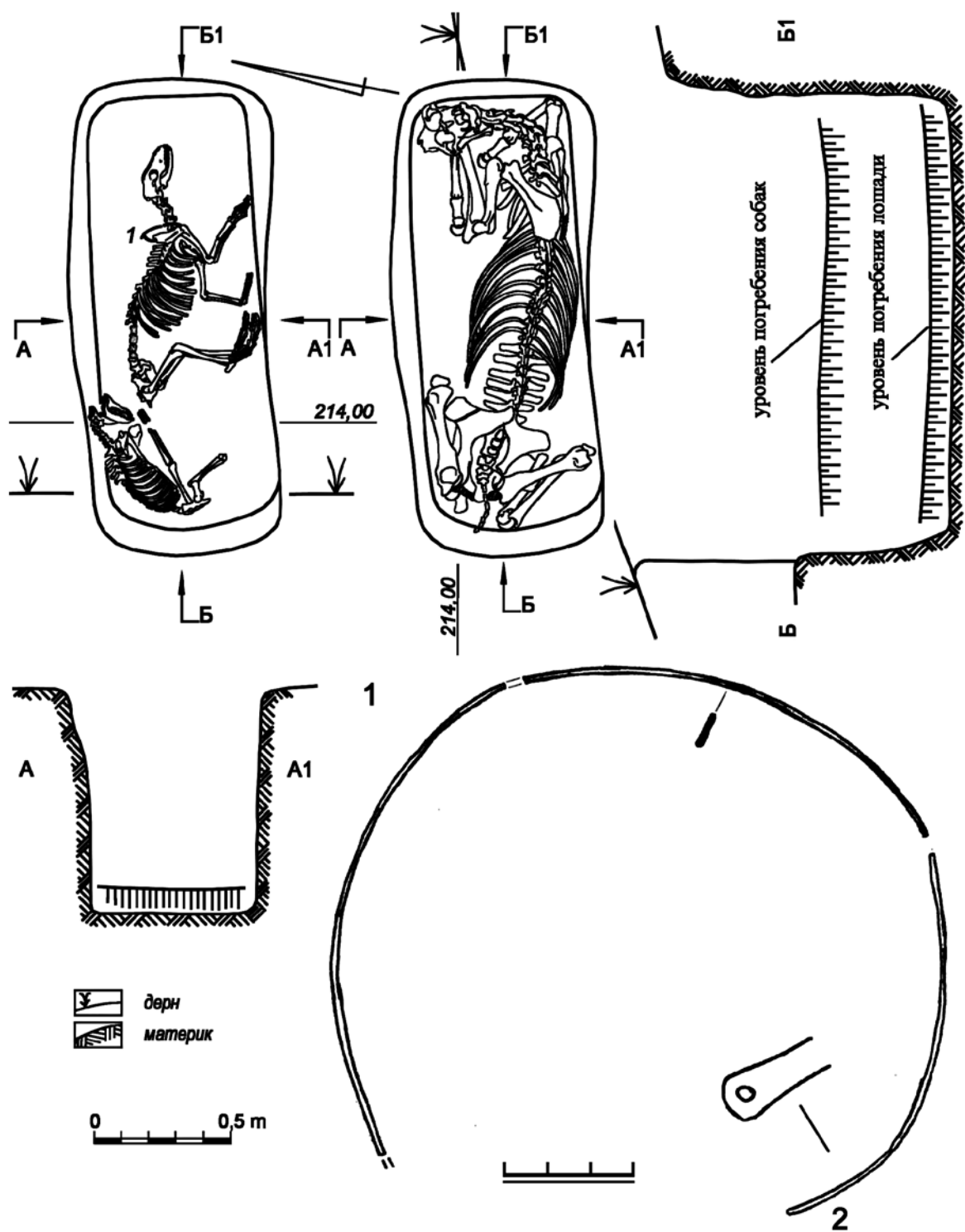

Рис. 2. 1 — планы и разрезы могилы № 454; 2 — бронзовый ошейник

Fig. 2. 1 — plans and sections of grave no. 454; 2 — bronze dog collar

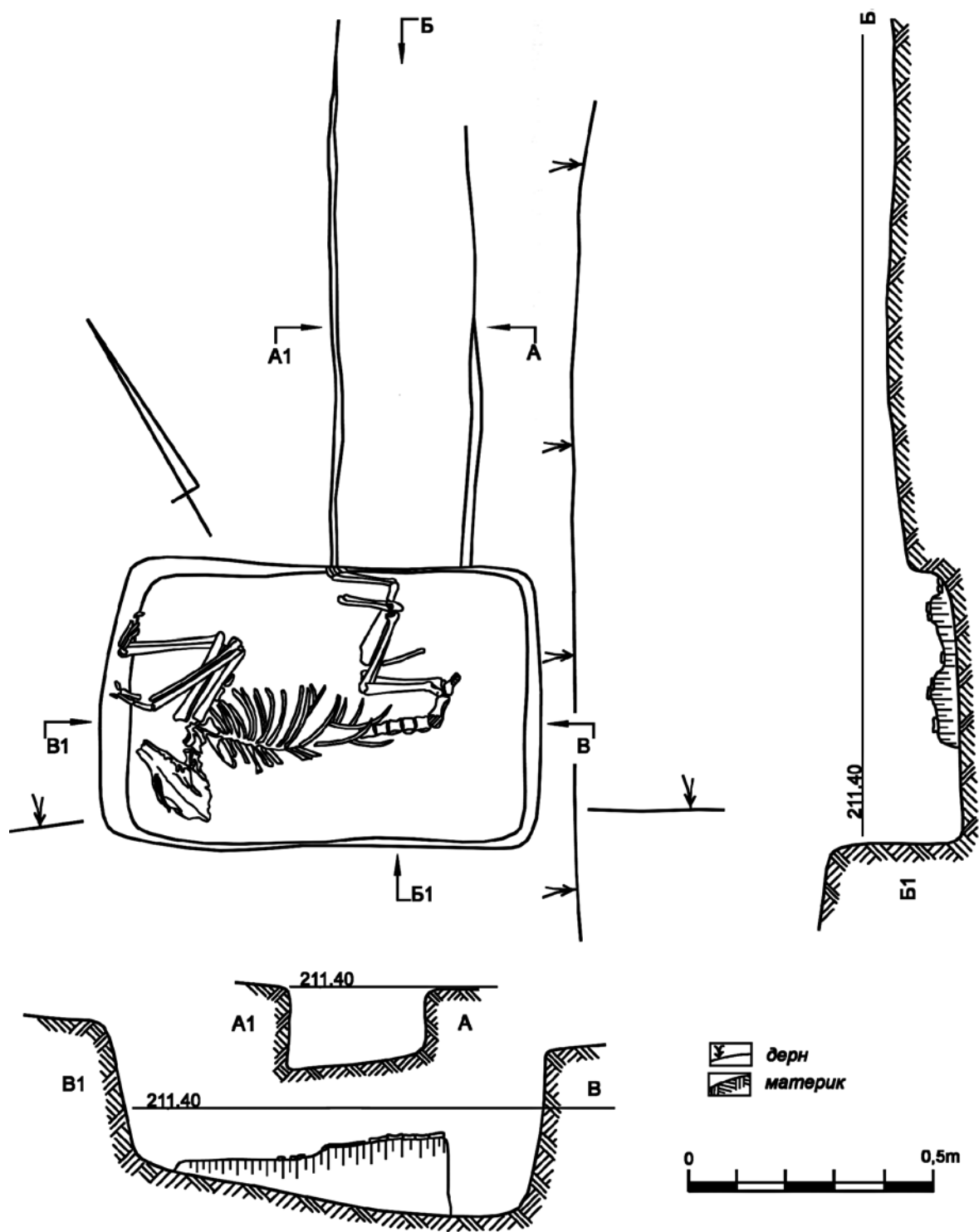

Рис. 3. План и разрезы могилы № 482

Fig. 3. Plan and sections of grave no. 482

дна могилы, их глубина и высота составляли 0,15–0,2 м. В двух могилах в пазы были вставлены концы плит перекрытия (рис. 4). В остальных случаях можно предполагать наличие в древности деревянного перекрытия, правда, никаких следов дерева в пазухах не обнаружено. Все могилы с пазухами датируются в пределах конца II – первой половины III в. н. э.

В самых ранних подбойных могилах, датирующихся II в. н. э., подбой отделялись от входных ям не закладами из плит, как в подавляющем большинстве могил, а кладкой из мелких камней (рис. 5).

Большинство склепов Нейзацкого могильника было сооружено в IV в. н. э. В них дно входной ямы и пол дромоса находились на одном уровне, а пол погребальной камеры располагался ниже и отделялся от пола дромоса ступенькой высотой 0,15–0,4 м. Несколько склепов выкопали гораздо раньше остальных, еще в первой половине III в. н. э. В некоторых из них дно входной ямы и пол погребальной камеры расположены на одном уровне, а пол дромоса возвышается над ними на 0,15–0,2 м (рис. 6).

Все отмеченные выше конструктивные особенности погребальных сооружений характерны только для могильника Нейзац.

Среди множества вещей, найденных при раскопках памятника, есть такие, что отражают культурную специфику группы людей, оставивших могильник. В частности, речь идет о находках четырех фигурных керамических сосудов в виде баранов (рис. 7; 8, 1). Каждый из этих сосудов индивидуален по форме и орнаментации, но, тем не менее, очевидно, что все они сделаны в одном стиле (Храпунов 2007). По сопровождающему инвентарю они датируются IV в. н. э. В почти 500 погребальных сооружениях и в 35 ямах с сосудами, раскопанных к настоящему времени в могильнике Нейзац, найдено более тысячи лепных сосудов и среди них только четыре в виде баранов. Такая ситуация наталкивает на мысль о том, что они изготавливались очень непродолжительное

время и, вполне возможно, руками одного человека.

В процессе раскопок могильника Дружное был найден своеобразный нож, по-видимому, культового назначения (рис. 9, 1,2). Он очень небольших размеров (ширина около 1 см) и потому не пригоден для утилитарного применения. Нож целиком, включая рукоять, был помещен в деревянный, обтянутый красной кожей футляр. Его рукоять имела серебряное декоративное навершие, футляр был окован серебряными декоративными обоями, крепившимися к серебряной полосе, с помощью которой нож подвешивался к поясу (Храпунов 2002, с. 46). Детали нескольких подобных ножей найдены в могильнике Нейзац (рис. 9, 3–5). Их отличие от друженского экземпляра заключается в том, что металлические детали рукоятей и футляров были сделаны из бронзы, а не из серебра. Все находки из Дружного и из Нейзаца датируются в пределах III в. н. э. Могильники Дружное и Нейзац находятся по прямой приблизительно в 10 км друг от друга. За их пределами подобные ножи не находили (Храпунов 2011а, с. 41).

В могиле № 194 найден нож, состоящий из железного серповидного лезвия и костяной рукояти, на конце которой вырезано изображение головы лошади (рис. 10, 2). На рукояти тонкими линиями процарапаны сарматский знак и два прямоугольника. Обломки подобных ножей найдены еще в двух могилах, датирующихся II и III вв. н. э. (рис. 10, 1,3). Нигде более подобные предметы не находили (Храпунов 2011а, с. 41).

Кольца и браслеты с концами в виде змеиных головок получили широчайшее распространение в Крыму в римское время (Труфанов 2001), во множестве они найдены и в могильнике Нейзац. В связи с темой данной статьи обращают на себя внимание несколько находок. Вместо обычной в таких случаях более или менее сложной гравировки, их раскованные концы украшены всего лишь парой кружков, имитирующих глаза (рис. 11, 1–3). Подобная орнаментация брас-

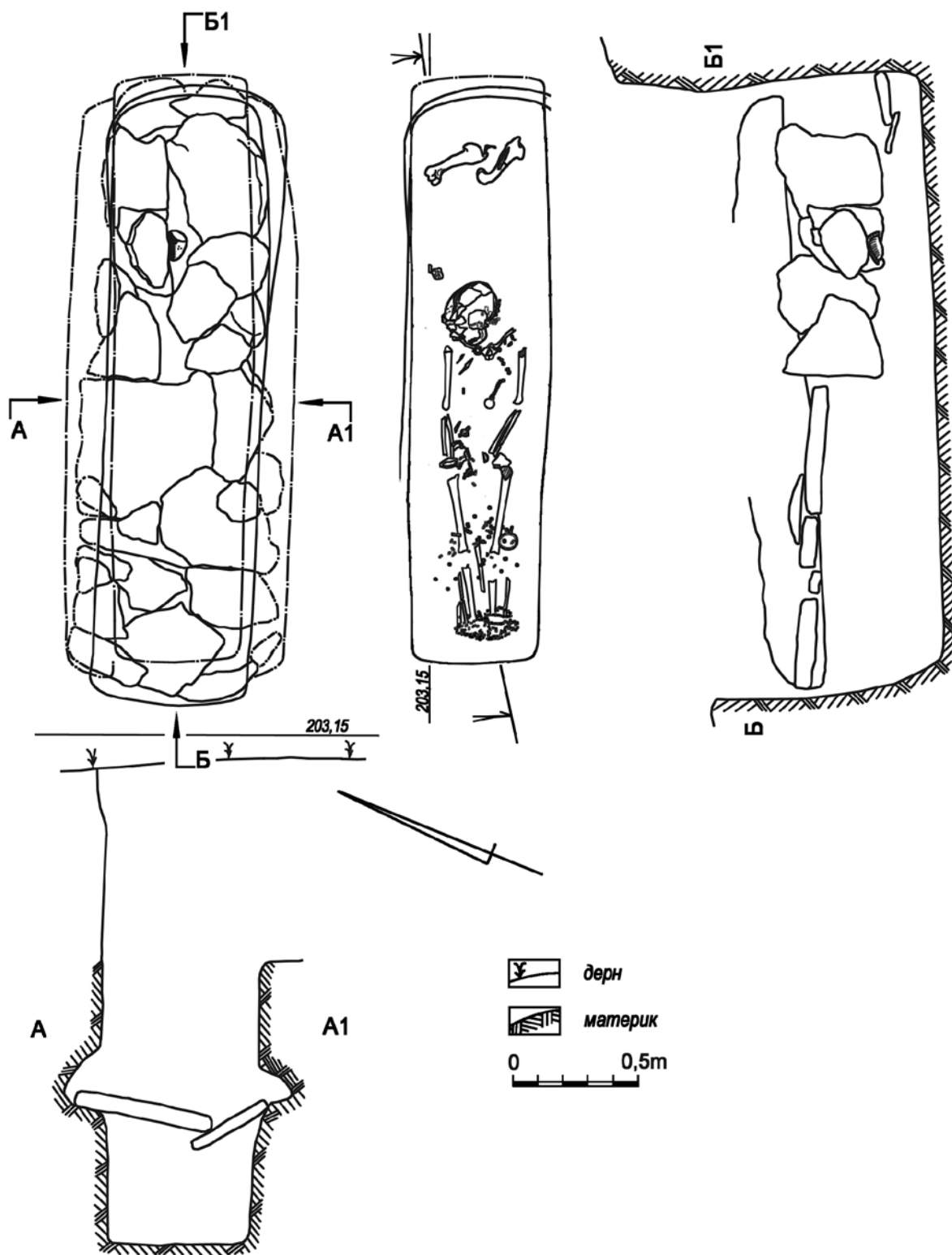

Рис. 4. Планы и разрезы могилы № 289

Fig. 4. Plans and sections of grave no. 289

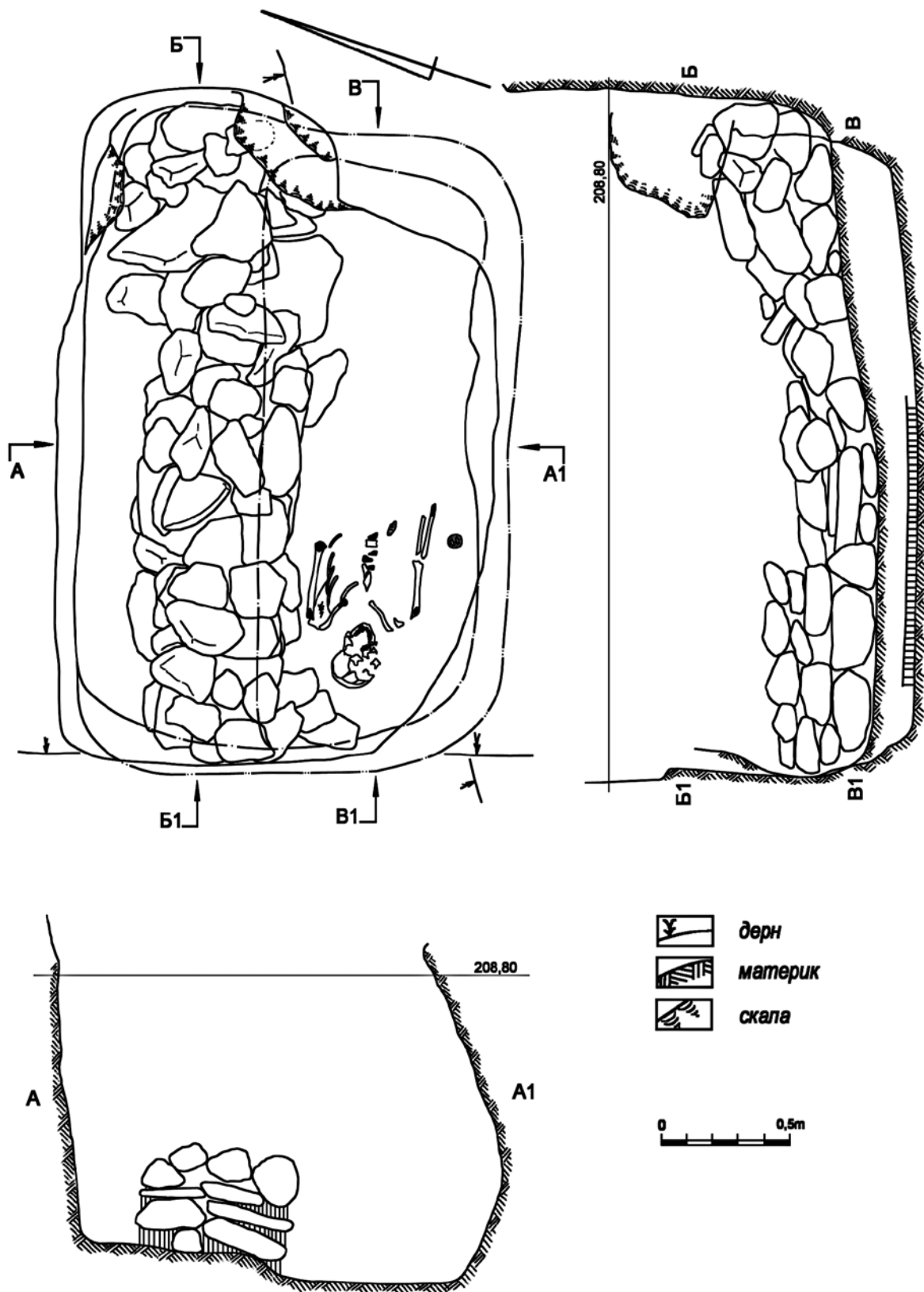

Рис. 5. План и разрезы могилы № 388

Fig. 5. Plan and sections of grave no. 388

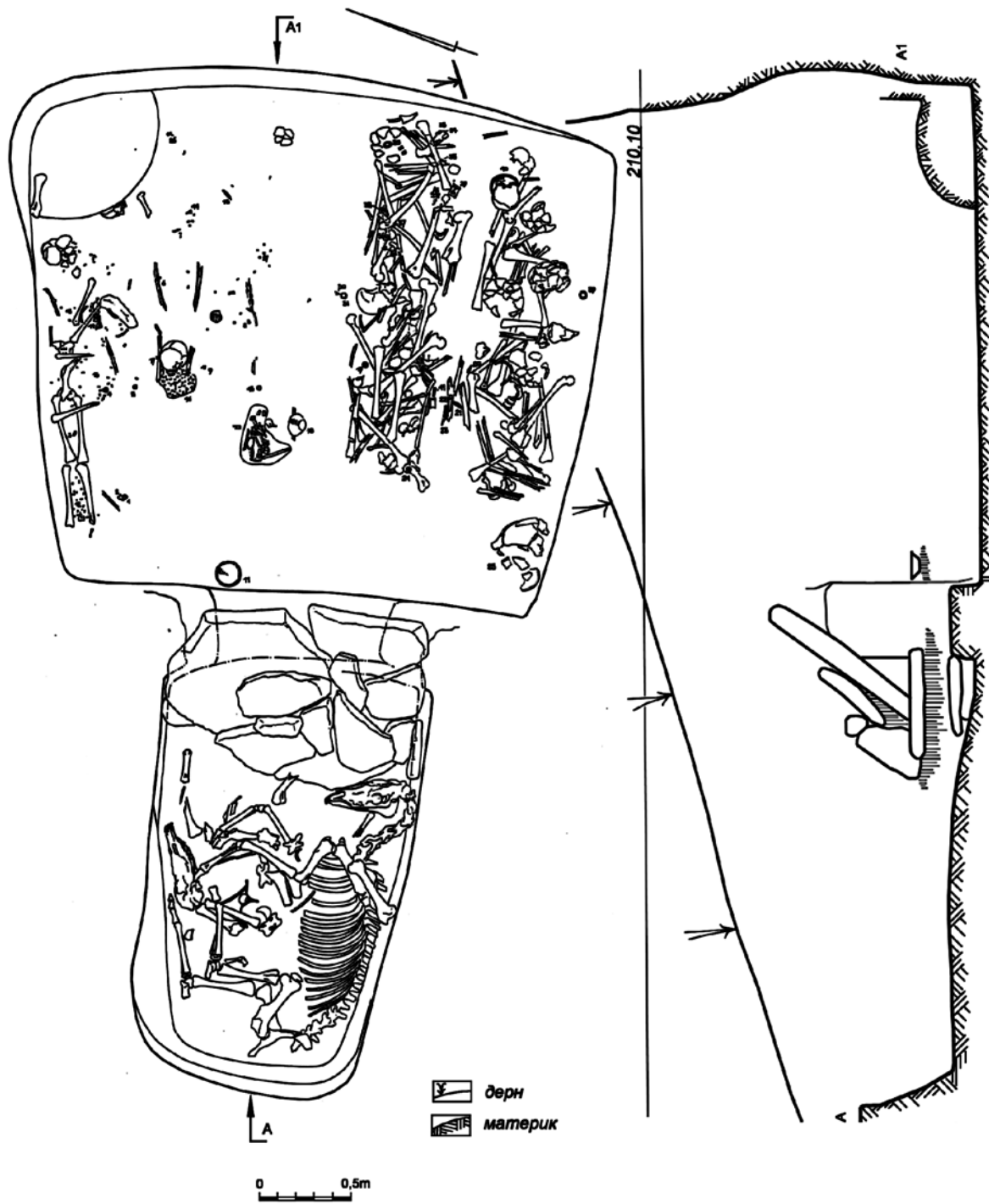

Рис. 6. План и разрез склепа № 17

Fig. 6. Plan and section of burial vault no. 17

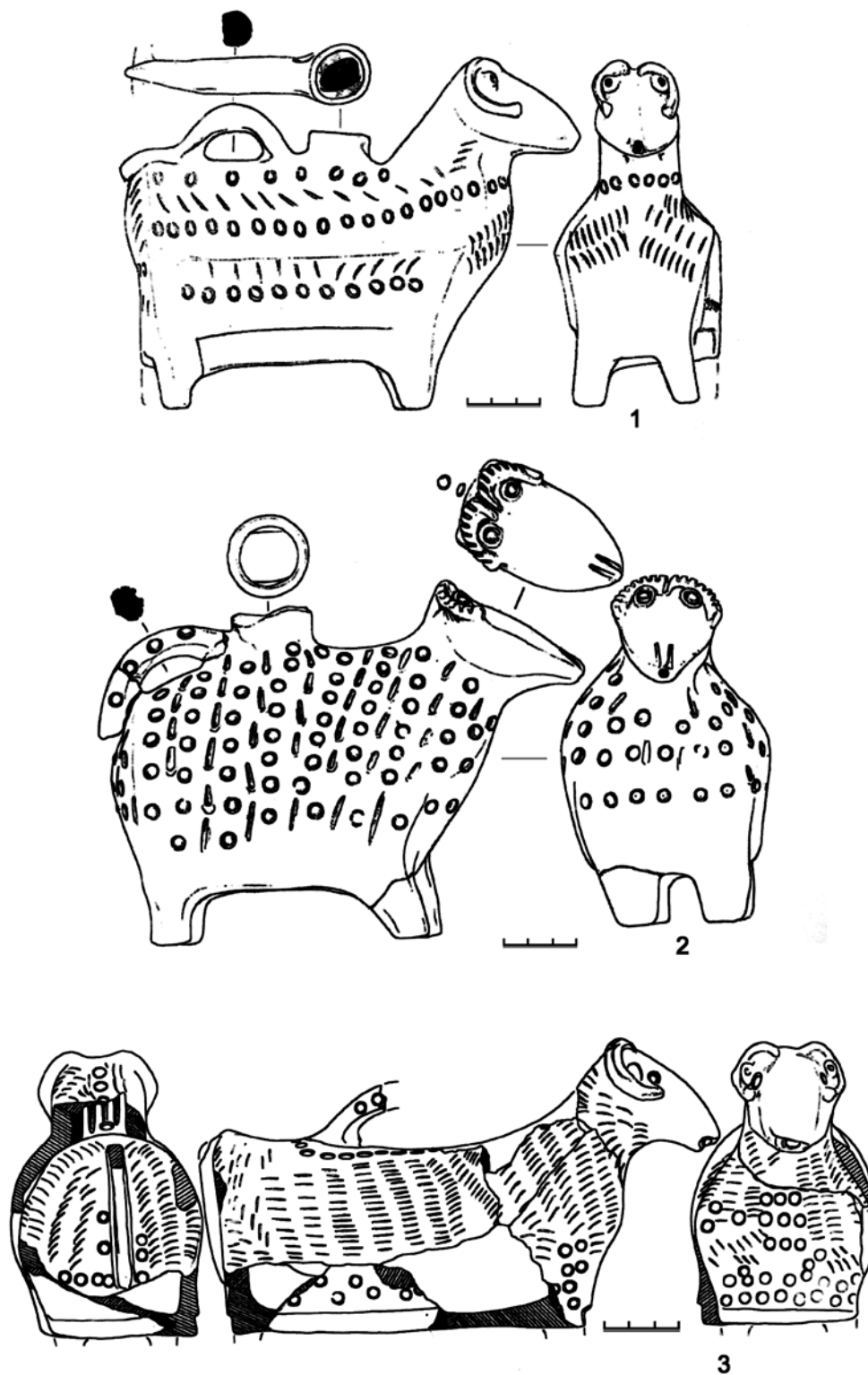

Рис. 7. 1 — сосуд в виде барана из могилы № 238; 2 — сосуд в виде барана из ямы с сосудами № 2;
3 — сосуд в виде барана из могилы № 19

Fig. 7. 1 — ram-shaped vessel from grave no. 238; 2 — ram-shaped vessel from vessel pit no. 2;
3 — ram-shaped vessel from grave no. 19

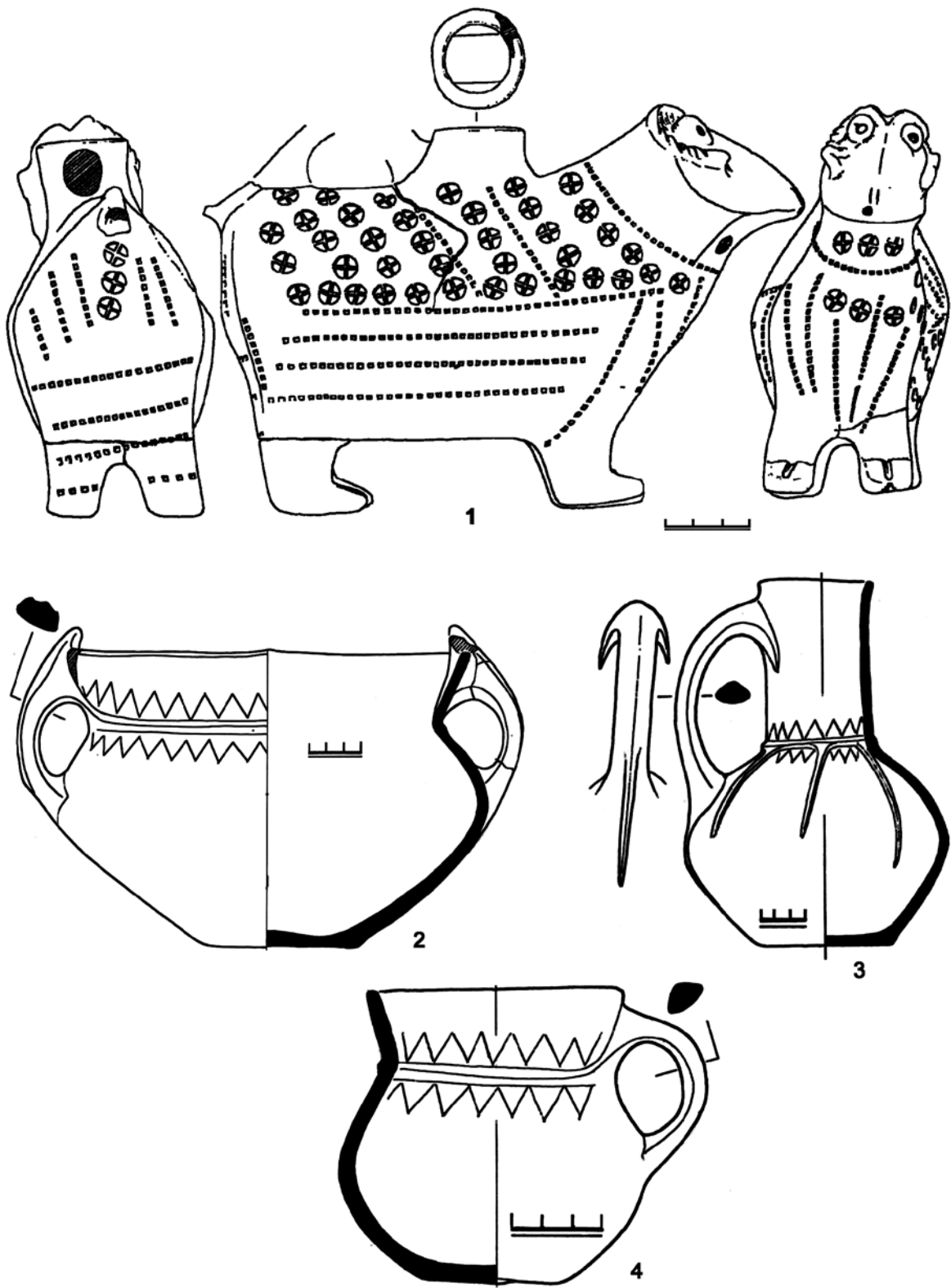

Рис. 8. 1 — сосуд в виде барана из могилы № 2; 2 — лепной сосуд из могилы № 6;
3, 4 — лепные сосуды из ямы с сосудами № 1

Fig. 8. 1 — ram-shaped vessel from grave no. 2; 2 — hand-made vessel from grave no. 6;
3, 4 — hand-made vessels from vessel pit no. 1

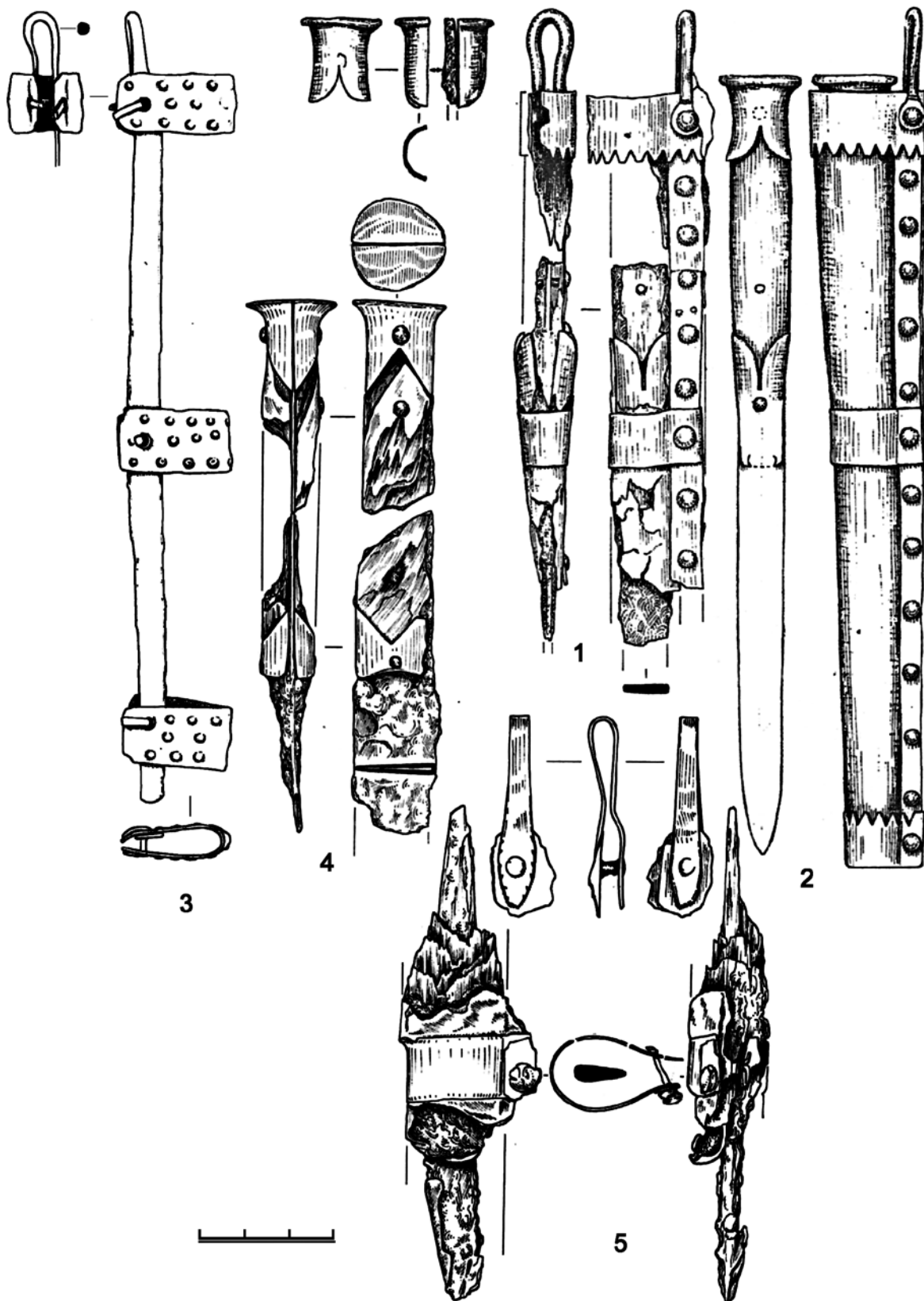

Рис. 9. 1 — фрагмент ножа из могилы № 24 могильника Дружное; 2 — то же, реконструкция; 3 — фрагмент ножа из могилы № 350 могильника Нейзац; 4 — фрагмент ножа из могилы № 200 могильника Нейзац; 5 — фрагмент ножа из могилы № 195 могильника Нейзац

Fig. 9. 1 — fragment of knife from grave no. 24 in the cemetery of Druzhnoye; 2 — the same, graphic reconstruction; 3 — fragment of knife from grave no. 350 in the cemetery of Neyzats; 4 — fragment of knife from grave no. 200 in the cemetery of Neyzats; 5 — fragment of knife from grave no. 195 in the cemetery of Neyzats

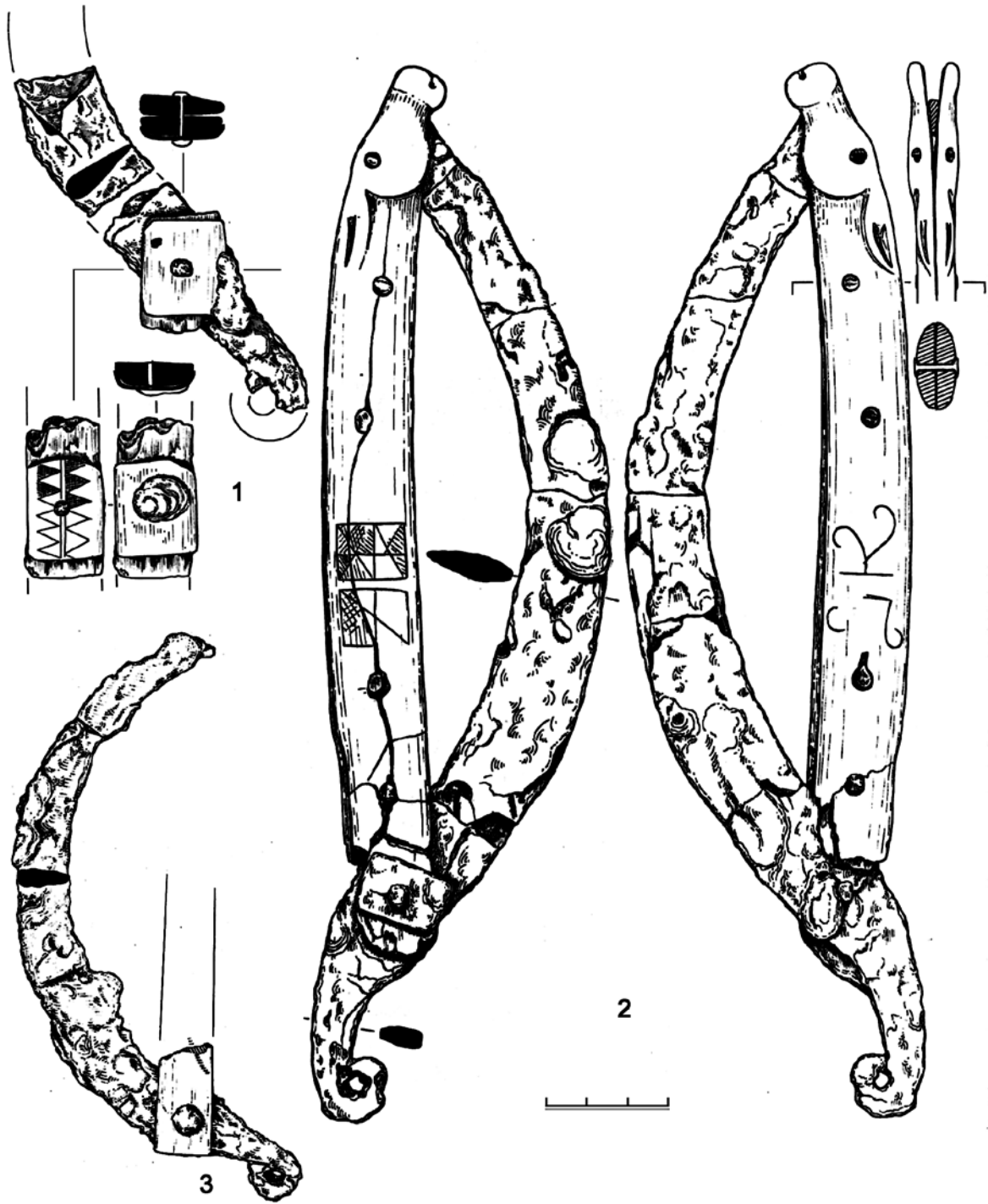

Рис. 10. 1 — фрагмент ножа из могилы № 200; 2 — нож из могилы № 194;
3 — фрагмент ножа из могилы № 355

Fig. 10. 1 — fragment of knife from grave no. 200; 2 — knife from grave no. 194;
3 — fragment of knife from grave no. 355

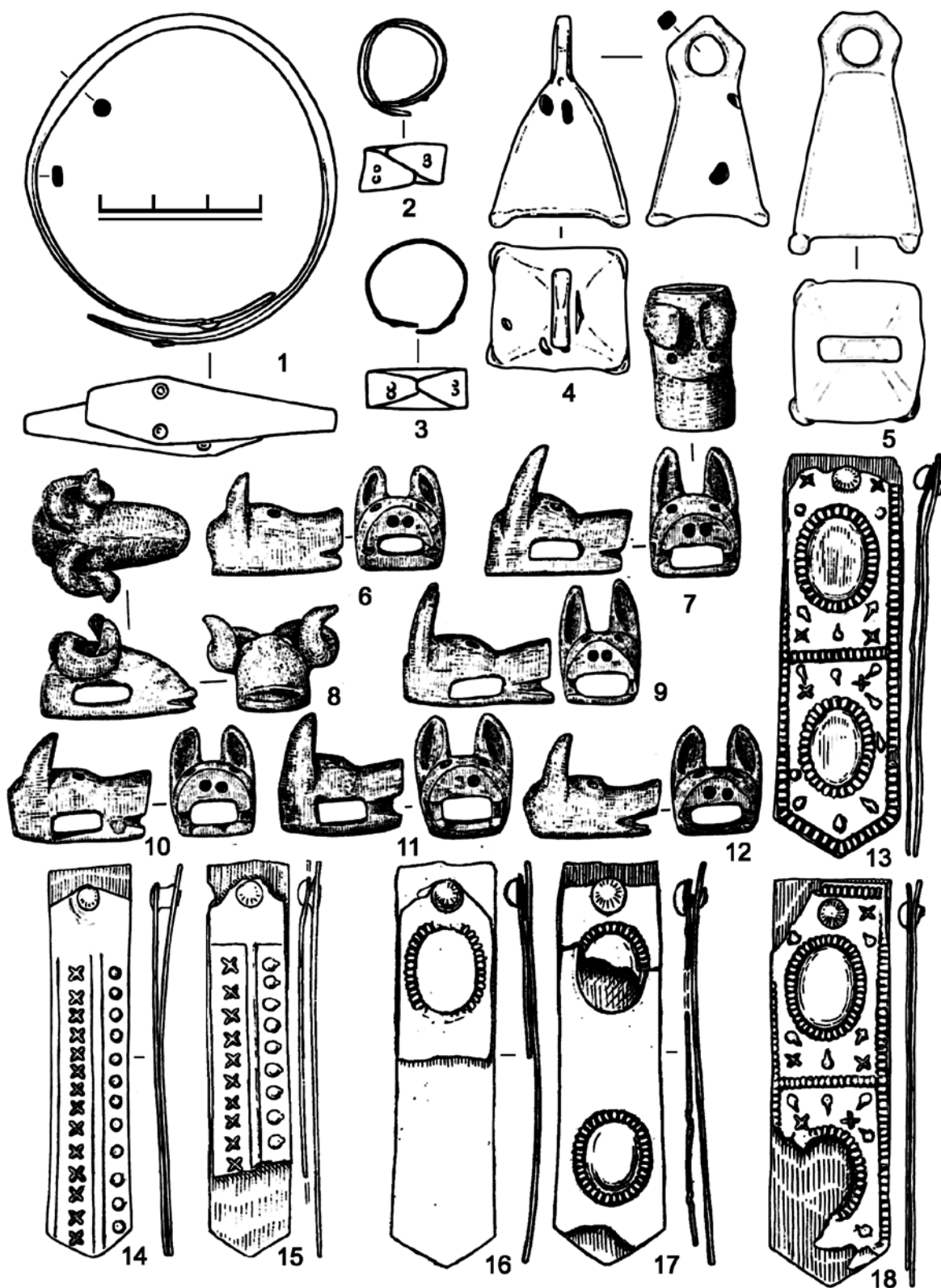

Рис. 11. 1 — бронзовый браслет из могилы № 300; 2, 3 — бронзовые кольца из могилы № 20; 4, 5 — бронзовые подвески из могилы № 95; 6–12 — бронзовые детали конской сбруи из могилы № 17; 13–18 — наконечники ремней из серебра и бронзы из склепа № 306

Fig. 11. 1 — bronze bracelet from grave no. 300; 2, 3 — bronze rings from grave no. 20; 4, 5 — bronze pendants from grave no. 95; 6–12 — bronze fragments of horse tack from grave no. 17; 13–18 — silver and bronze strap-ends from burial vault no. 306

летов и колец более нигде не зафиксирована (Храпунов 2006, с. 166).

Лепные сосуды, найденные при раскопках могильника Нейзац, составляют комплекс, в целом по морфологическим и визуально различимым технологическим признакам схожий с комплексами сосудов позднеримского времени, полученными при исследовании других могильников, расположенных в предгорной зоне. У всех этих комплексов имеются индивидуальные особенности, выраженные, как правило, в наличии сосудов особых форм или их серий. Лепная керамика могильника Нейзац отличается особым орнаментом, украшавшим сосуды разных типов. Он представляет собой парные зигзагообразные линии, процарапанные на горле и верхней части тулова сосуда (рис. 8, 2–4). Керамика, орнаментированная подобным образом, при раскопках других памятников не встречена.

При раскопках склепа III в. н. э. № 306 найдены три пары наконечников ремней (рис. 11, 13–18). Их массивные тыльные пластины сделаны из бронзы, а тонкие лицевые — из серебра. Внешняя поверхность наконечников украшена рельефным орнаментом. Они сделаны в стиле, распространившемся на юге Восточной Европы во второй половине III – IV вв. н. э., но имеют существенные индивидуальные отличия. Изготовленные в этом стиле различные украшения, пряжки, детали конской сбруи и вооружения обычно покрывались золотой или позолоченной фольгой, на которую в технике тиснения наносился орнамент. В гнездах укреплялись крупные сердолики или, гораздо реже, стекла (Яценко, Малашев 2000). На наконечниках ремней из Нейзаца сердолики заменены рельефными овалами, фольга отсутствует, а весь орнамент оттиснут непосредственно на серебряной пластине (Храпунов 2008б, с. 66–67; 2011а, с. 29; 2011б, с. 12). Аналогий данные изделия не имеют.

В склепе № 17 рядом с погребением первой половины III в. н. э. найдены остатки кожаной сумки со сложенным в нее на-

бором бронзовых деталей конской сбруи. Все они имеют точные аналогии во многих позднесарматских комплексах. Исключение составляют семь литых пронизей в виде голов животных (рис. 11, 6–12). Одна из них изображает голову барана, остальные, вероятно, собак. Четыре головки имеют по два перпендикулярных канала отверстий, два — по одному продольному, баранья голова — поперечный. Эти изделия уникальны. Функционально они, вероятно, использовались так же, как и литые массивные бочковидные пронизи, которые часто встречаются в позднесарматских уздечных наборах в количестве от шести до восьми экземпляров (Храпунов, Мульд 2004, с. 302).

Подвески из могилы № 95 внешне ничем не отличаются от пирамидальных колокольчиков с многоугольными ушками, во множестве найденными при раскопках разных памятников, в том числе и могильника Нейзац (рис. 11, 4,5). Однако у них нет язычков и конструкция изделия не предполагает их наличия. Кроме того, они сделаны не из обычной бронзы, как все остальные колокольчики, а из металла белого цвета. Его анализ не производился, но на вид он точно такой же, как металл, из которого делали зеркала-подвески, то есть из бронзы с добавлением большого количества олова, «белой бронзы».

Таким образом, выясняется, что могильник Нейзац по некоторым особенностям погребальных сооружений, обряда и инвентаря отличается от других памятников, сходных с ним по большинству характеристик. Наверное, подобные выводы можно будет сделать, если тщательно исследовать материалы других могильников, принадлежащих той же культуре. В самом общем виде эти наблюдения можно объяснить следующим образом. Общность происхождения, одинаковые природные условия и образ жизни, постоянные внутренние контакты, единые источники импортных вещей привели к тому, что население римского времени крымских предгорий оставило единую

археологическую культуру. Однако внутри относительно небольших коллективов, каждый из которых использовал для погребений отдельный могильник, формировались свои собственные, локальные особенности духовной и материальной культуры. Некоторые из них могли быть обусловлены творчеством мастеров-членов этого коллектива. Так, возможно, появились сосуды в виде баранов; маленькие церемониальные, окованные серебром или бронзой ножи и большие складные ножи с костяными ручками, заканчивающимися зооморфными изображениями; кольца и браслеты с концами в виде змеиных головок, украшенных особым образом; зигзагообразные линии на лепных сосудах; наконечники ремней, представляющих собой особую реплику полихромного стиля догуннского времени; детали конской сбруи в виде литых головок животных, заменившие собой обычные бочковидные пронизи; подвески, имитирующие колокольчики.

Конструктивные особенности могил, вроде кладок из мелких камней между входными ямами и подбоями, пазов в стенах или «порогов» между входными ямами и погребальными камерами ранних склепов, вряд ли имеют идеологическое обоснование. Такова была практика, сложившаяся в этом

коллективе. Она позволяла реализовывать идеи, обусловившие строительство могил разных типов, несколько иначе, чем было принято у людей, принадлежавших той же культуре, но живших отдельно и имевших иные некрополи. Любопытно, что все перечисленные конструктивные особенности зафиксированы в могилах, относящихся к раннему культурно-хронологическому горизонту некрополя. К IV в. н. э. могилы Нейзацкого некрополя стали во всем подобны погребальным сооружениям соседних могильников. Объяснить такую эволюцию не просто. Априорно можно предположить, что она отчасти зависела от контактов между членами разных коллективов, участием в похоронах соседей, сделанными там наблюдениями над техникой строительства погребальных сооружений.

Такие особенности как обряд «опустошения могил», наличие ям с сосудами, многочисленные и разнообразные конские захоронения, погребения собак свидетельствуют, вероятно, о более глубоких, идеологических отличиях людей, живших в долине р. Зуя, от сходных с ними по образу жизни, большинству показателей материальной и духовной культуры коллективов, обитавших в крымских предгорьях.

Литература

- Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII. — Київ, 1963.
- Белый О. Б., Неневоля И. И. Охранные работы на территории Бахчисарайского района в 1993 г. // Проблемы истории и археологии Крыма. — Симферополь, 1994.
- Веймарн Е. В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII. — Київ, 1963.
- Зайцев Ю. П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. — Симферополь, 1997.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Исследование могильника у с. Суворово в 2001 г. // МАИЭТ. Вып. X. — Симферополь, 2003.
- Контны Б., Савеля Д. Ю. Вооружение из могильника в Килен-Балке // МАИЭТ. Вып. XII. Ч. 1. — Симферополь, 2006.
- Лобода И. И. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // СА. 1977. № 4.

- Масякин В. В. Склеп позднееримского времени у с. Заречное в центральном Крыму // Древняя и средневековая Таврика. — Донецк, 2010.
- Мульд С. А. Необычные конструкции и детали погребальных сооружений могильников первых веков нашей эры в центральном Крыму // Херсонесский сборник. Вып. X. — Севастополь, 1999.
- Неневоля И. И., Волошинов А. А. Два комплекса IV в. н. э. на могильнике Краснозорье // Поздние скифы Крыма. — М., 2001.
- Нессель В. А. Краснолаковая керамика из могильника Килен-Балка // Херсонесский сборник. Вып. XII. — Севастополь, 2003.
- Пуздровский А. Е. Могильник III – IV вв. н. э. у с. Перевальное в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV – IX вв.). Тез. междунар. конф. — Симферополь, 1994.
- Пуздровский А. Е. Погребения Битакского могильника первых веков н. э. с оружием и конской уздой // Поздние скифы Крыма. — М., 2001.
- Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. Новые памятники III – IV вв. н. э. в юго-западном Крыму // МАИЭТ. Вып. VIII. — Симферополь, 2001.
- Савеля О. Я., Савеля Д. Ю. Могильники позднеантичной – раннесредневековой поры на Гераклейском полуострове (по материалам раскопок могильника в Килен-балке в 1991–1992 гг.) // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV – IX вв.). Тез. междунар. конф. — Симферополь, 1994.
- Труфанов А. А. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями // Поздние скифы Крыма. — М., 2001.
- Труфанов А. А. Подбойные могилы III в. н. э. некрополя у с. Курское (по материалам раскопок 2001 г.) // Сугдейский сборник. — Киев – Судак, 2004.
- Труфанов А. А., Колтухов С. Г. Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в юго-восточном Крыму // Stratum plus. 2001–2002. № 4.
- Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III – IV вв. нашей эры). — Lublin, 2002.
- Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. Вып. VI. — Симферополь-Керчь, 2004.
- Храпунов И. Н. Склеп III в. н. э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. XVI/1. — М.–Магнитогорск, 2006.
- Храпунов И. Н. Керамические сосуды в виде баранов из могильника Нейзац // РА. 2007. № 1.
- Храпунов И. Н. Склеп IV в. н. э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI. — М. – Магнитогорск – Новосибирск, 2008а.
- Храпунов И. Н. Наконечники ремней из могильника Нейзац // МАИЭТ. Вып. XIV. — Симферополь, 2008б.
- Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. — Симферополь, 2011а.
- Храпунов И. Н. Склеп с погребениями III – IV вв. н. э. из могильника Нейзац. — Симферополь, 2011б.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А. Склепы с погребениями III в. н. э. из могильника Нейзац // Боспорские исследования. Вып. VII. — Симферополь-Керчь, 2004.
- Юрочкин В. Ю., Труфанов А. А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // Херсонесский сборник. Вып. XII. — Севастополь, 2003.
- Яценко С. А., Малашев В. Ю. О полихромном стиле позднееримского времени на территории Сарматии // Stratum plus. 2000. № 4.

Igor' KHRAPUNOV

Aspects of the Cemetery of Neyzats

Abstract

The modern state of research of the cemeteries from the Late Roman period located in the Crimean foothill area allow me to attribute both strikingly common elements of their material culture and much less pronounced features separating one cemetery from another within a cultural unity. The easiest way to show the latter is with the results of the excavations in the cemetery of Neyzats.

Some of these features could be developed by the creativity of artisans within this collective. This was possibly the way of ram-shaped vessels; as small ceremonial knives with handles fit in silver or bronze and big folded knives with bone handles terminating with zoomorphic images; rings and bracelets with snake's heads on ends decorated in specific way; zigzag lines on hand-made vessels; strap-ends as a specific replica of pre-Hunnic polychrome style; details of horse tack in the form of cast animal's heads that replaced common barrel-shaped beads; and pendants imitating bells.

Particulars of grave constructions like fine stones between entrance pit and undercut, grooves in walls, and doorsteps between entrance pits and burial chambers of earlier vaults could hardly have an ideological explanation. It was simply a practice developed in this collective. It allowed them to realise some ideas, which resulted in building on different kinds of graves in a bit different way when it was common to the people of the same culture, who lived separately and made other cemeteries. It is interesting that all the listed features of construction are recorded in graves that belong to the early cultural and chronological horizon of the cemetery. In the fourth century AD, the graves in the cemetery of Neyzats became absolutely the same as burial constructions in neighbouring cemeteries. Such an evolution is not easily explainable. I can suppose *a priori* that it partly depended on contacts between members of different collectives, their participations in funerals of neighbours, and observations on technologies applied to building of graves made on such occasions.

Such specificities as "devastation of graves," pits with vessels, numerous and varied burials of horses, graves of dogs probably supply information of more profound, ideological differences between the population of the Zuya river valley and the collectives who resided in the Crimean foothill area and still had many common with them mode of life, most features of material and spiritual culture.

Список сокращений

АДСВ —	Античная древность и средние века
АСГЭ —	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВВ —	Прокопий Кесарийский. Война с вандалами
ВГ —	Прокопий Кесарийский. Война с готами
ВДИ —	Вестник древней истории
ВП —	Прокопий Кесарийский. Война с персами
ГИМ —	Государственный Исторический музей
ЗООИД —	Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК —	Известия Императорской археологической комиссии
ИИМК АН СССР —	Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИТУАК —	Известия Таврической ученой архивной комиссии
КБН —	Корпус Боспорских надписей
КРУ БИКЗ —	Крыское республиканское учреждение «Бахчисарайский историко-культурный заповедник»
КСИА АН СССР —	Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК АН СССР —	Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МАИЭТ —	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики
МИА —	Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИА НАН Украины —	Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины
НЗ ІІМК УАН —	Наукові записки Інституту історії матеріальної культури Української Академії наук
ОАК —	Отчеты археологической комиссии
ПАВ —	Петербургский археологический вестник
РА —	Российская археология
СА —	Советская археология
САИ —	Свод археологических источников
СЭ —	Советская этнография
BAR —	British Archaeological Reports
ESA —	Eurasia Septrionalis Antiqua
IOSPEI ² —	Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionales Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. I. Ed. 2
JGS —	Journal of Glass Studies
RE —	Paulys Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft

Сведения об авторах

ВОЛОШИНОВ Алексей Александрович (Бахчисарай), старший научный сотрудник отдела охраны памятников Крымского республиканского учреждения «Бахчисарайский историко-культурный заповедник». E-mail: voloshinov-alexs@yandex.ua

ЗАЙЦЕВ Юрий Павлович (Симферополь), кандидат исторических наук, директор Крымского республиканского учреждения «Историко-археологический заповедник Неаполь Скифский», старший научный сотрудник Крымского филиала Института археологии НАН Украины. E-mail: skilur46@mail.ru

ИВАНОВА Ольга Сергеевна (Симферополь), ведущий специалист археологического музея Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: iolga11@yandex.ua

ЛЕВАДА Максим Евгеньевич (Киев), старший научный сотрудник Украинского центра культурных исследований Министерства культуры Украины. E-mail: maxim.levada@gmail.com

МОЛЕВ Евгений Александрович (Нижний Новгород), доктор исторических наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. E-mail: molev.eugeny@yandex.ru

МОРДВИНЦЕВА Валентина Ивановна (Симферополь), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Крымского филиала Института археологии НАН Украины. E-mail: v_mordvintseva@mail.ru

НЕНЕВОЛЯ Иван Иванович (Бахчисарай), старший научный сотрудник отдела охраны памятников Крымского республиканского учреждения «Бахчисарайский историко-культурный заповедник». E-mail: Bach-monuments@yandex.ru

ПУЗДРОВСКИЙ Александр Евгеньевич (Симферополь), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Крымского филиала Института археологии НАН Украины. E-mail: archaeo@ukrpost.net

СТОЯНОВА Анастасия Анзоровна (Симферополь), кандидат исторических наук, директор Историко-археологического благотворительного фонда «Наследие тысячелетий». E-mail: ancient2008@mail.ru

ХРАПУНОВ Игорь Николаевич (Симферополь), доктор исторических наук, профессор Таврического национального университета им. В. И. Вернадского и университета им. М. Кюри-Складовской. E-mail: khrapunovigor@gmail.com

ШАБАНОВ Станислав Борисович (Симферополь), руководитель проектов и программ Историко-археологического благотворительного фонда «Наследие тысячелетий». E-mail: neizats2004@mail.ru

HELLSTRÖM Kirsten (Berlin), Institut für Prähistorische Archäologie (Ur- und Frühgeschichte). E-mail: k_hellstroem@web.de

Содержание Contents

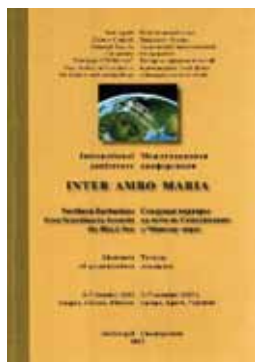
От научного редактора Scholarly Editor's Foreword	7
<i>Е. А. Молев. Савмак — кто же все-таки он?</i> <i>Yevgeniy Molev. Saumakos: Who Was He Actually?</i>	8
<i>В. И. Мордвинцева. Исторические сарматы и сарматская археологическая культура в Северном Причерноморье</i> <i>Valentina Mordvintseva. Historical Sarmatians and the Sarmatian Archaeological Culture in the Northern Black Sea Area</i>	14
<i>Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева, К. Хеллстрём</i> Радиоуглеродное датирование женского элитного погребения Ногайчинского кургана (Крым) в культурно-историческом контексте <i>Yuriy Zaytsev, Valentina Mordvintseva, Kirsten Hellström.</i> Radiocarbon Dating of the Elite Female Burial in Nogaychi Barrow (Crimea) and Its Cultural-Historical Context	44
<i>А. Е. Пуздровский. Детское погребение с граффити-посвящением на краснолаковой тарелке из Усть-Альминского некрополя</i> <i>Aleksandr Puzdrovskiy. A Child's Grave with Dedicative Graffiti on a Red Slip Plate in the Cemetery of Ust'-Al'ma</i>	60
<i>И. И. Неневоля, А. А. Волошинов. Раскопки могильника Долинное</i> <i>Ivan Nenevolya, Aleksey Voloshinov. The Excavation of the Cemetery of Dolinnoye</i>	70
<i>А. А. Стоянова. Плитовые могилы из некрополя Нейзац</i> <i>Anastasiya Stoyanova. Slabbed Graves in the Cemetery of Neyzats</i>	77
<i>О. С. Иванова. Амфоры позднеримского времени из раскопок Мангупа</i> <i>Ol'ga Ivanova. The Amphorae from the Late Roman Period Excavated in Mangup</i>	93
<i>С. Б. Шабанов. Стекланные сосуды из раскопок Инкерманского и Чернореченского могильников (из коллекции Бахчисарайского заповедника)</i> <i>Stanislav Shabanov. Glass Vessels Excavated in Inkerman and Chyornaya River cemeteries (now in the collection of the Bakhchisaray preserve)</i>	155
<i>М. Е. Левада. О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы</i> <i>Maxim Levada. On the Influence of the Alans' Tradition of War on the East Germanic Peoples</i>	171
<i>И. Н. Храпунов. Особенности могильника Нейзац</i> <i>Igor' Khrapunov. Aspects of the Cemetery of Neyzats</i>	188
Список сокращений. Abbreviations	208
Сведения об авторах Contributors	209

Новые издания фонда «Наследие тысячелетий»

Two volumes within the series of «Black Sea Archaeology in Translation». The first one, **Khrapunov Igor' "The Crimea in the Early Iron Age: an ethnic history" (Simferopol – Kristiansand, 2011)**, presents a current view of the ethnic history of the Crimea in the Early Iron Age. The analysis of archaeological sources with attraction of written accounts allows the author to describe material culture of different tribes that populated the Crimea from the eighth century BC to the fifth century AD.

The second one, **"Exploring the Cemetery of Neyzats: Collected Papers" (Simferopol – Kristiansand, 2013)**, publishes the results of the researches of the cemetery of Neyzats located in the central area of the foothills in the Crimean peninsula, Ukraine. Excavations uncovered hundreds of graves from the second to fourth century AD, made by the Sarmatians and Alans. The papers presented in this volume analyse grave goods and anthropological material from this cemetery, as well as the finds from the cultural layer covering the graves.

Inter Ambo Maria: Северные варвары на пути из Скандинавии к Черному морю. Тезисы докладов. — Симферополь, 2012.

Тезисы докладов, прозвучавших на международной конференции, состоявшейся в октябре 2012 г. в Гаспре (Украина) и посвященной взаимовлияниям культур европейского Барбарикума в римское время и в эпоху Великого переселения народов. На русском и английском языках.

Стоянова А. А. Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003 – 2009 гг.). — Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2012.

Книга посвящена публикации детских погребений из могильника Опушки, расположенного в центральной части крымских предгорий. В научный оборот вводятся материалы из 37 погребальных сооружений, содержащих захоронения детей I в. до н. э. – III в. н. э. Подробно рассмотрены элементы погребального обряда и сопровождавший погребения инвентарь.

Бертье-Делагард А. Л. Избранные труды в трех томах / под ред. И. Н. Храпунова и А. А. Стояновой. — Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2009, 2011, 2012.

Три тома избранных трудов известного исследователя крымских древностей конца XIX – начала XX в. Александра Львовича Бертье-Делагарда содержат работы ученого по нумизматике, истории христианства и средневековой истории Крыма. Кроме того, в трехтомник вошли автобиография А. Л. Бертье-Делагарда, его завещание и библиография опубликованных трудов исследователя.

Исследования могильника Нейзац. — Сб. научных статей / под ред. И. Н. Храпунова. — Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2011.

В сборнике публикуются результаты исследований могильника Нейзац, расположенного в центральной части крымских предгорий. Открытые в ходе раскопок погребения, оставленные сарматами и аланами, датируются II – IV вв. н. э. В статьях сборника проанализирован найденный в могильнике погребальный инвентарь, антропологический материал, а также находки из культурного слоя, перекрывающего погребения.

Подробную информацию об изданиях фонда «Наследие тысячелетий» и возможности их приобретения можно найти на сайтах **www.heritage1000.com** и **www.crimeanbook.com**, а также по телефонам **(0652) 66-52-63** и **067-650-30-08**

Научное издание

КРЫМ
В САРМАТСКУЮ ЭПОХУ
(II в. до н. э. – IV в. н. э.)
I

Сборник научных статей

Научный редактор
доктор исторических наук, профессор **И. Н. Храпунов**

Оригинал-макет Б. Т. Прокопенко

Подписано в печать 18.02.2013.
Формат 60x84/8. 12,7 уч. изд. л. Гарнитура Arial.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз. Заказ №

Историко-археологический благотворительный фонд «Наследие тысячелетий»
95051, Украина, АР Крым, г. Симферополь, ул. Чернышевского, 10а, оф. 6.
Тел.: +38 (0652) 66-52-63, <http://www.heritage1000.com>
e-mail: ancient2008@mail.ru

Крымское республиканское учреждение «Бахчисарайский историко-культурный заповедник»
98405, Украина, АР Крым, г. Бахчисарай, ул. Речная, 133.
Тел: (06554)5-08-05, <http://bigz.org>
e-mail: krubikz@gmail.com

Отпечатано в ЧП «Предприятие Феникс»
96500, г. Саки, ул. Тимирязева, 30